ГЕРОИ 1863

Сборник

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

Жизнь замечательных людей

Серия биографий

ОСНОВАНА
В 1933 ГОДУ
М. ГОРЬКИМ

ВЫПУСК 22
(396)

МОСКВА
1964

ЗА НАШУ И ВАШУ СВОБОДУ

ГЕРОИ 1863 ГОДА

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЦК ВЛКСМ
«МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»

9(И)31
З-12

Сто лет назад, январской ночью 1863 года, в угнетенной Польше вспыхнуло национально-освободительное восстание. Вскоре оно перекинулось в Белоруссию, Литву, на Украину. Вооруженные охотничьими ружьями и превращенными в пики косами, отряды крестьян и ремесленников, студентов и мелких шляхтичей вступили в неравный бой с царскими войсками Мощный голос герценовского «Колокола» призывал к поддержке поляков Русская тайная революционная организация «Земля и Воля» вступила в союз с польскими революционерами Несколько сот русских солдат и офицеров перешли на сторону повстанцев.

Книга советских историков рассказывает о трагической истории народного восстания 1863—1864 годов, о традициях дружбы и совместной борьбы русского, польского, украинского, белорусского и литовского народов. Перед читателем предстанет десять портретов выдающихся революционеров-демократов, героев и вождей народного восстания; он многое сможет узнать о десятках других активных участников событий, о предпосылках и ходе восстания, об исторической эпохе, в которую оно происходило.

Составитель *В. А. ДЬЯКОВ*
Научные редакторы *И. С. МИЛЛЕР* и *А. Ф. СМИРНОВ*
Научный консультант *В. Р. ЛЕЙКИНА-СВИРСКАЯ*

Зыгмунт СЕРАКОВСКИЙ
Ярослав ДОМБРОВСКИЙ
Андрей ПОТЕБНЯ
Зыгмунт ПАДЛЕВСКИЙ
Стефан БОБРОВСКИЙ
Константин КАЛИНОВСКИЙ
Антанас МАЦКЯВИЧЮС
Иероним КЕНЕВИЧ
Ромуальд ТРАУГУТ
Валерий ВРУБЛЕВСКИЙ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Восстание 1863—1864 годов в Польше, Литве, Белоруссии и на Украине было одним из важнейших поворотных пунктов в истории народов, населяющих эти территории, крупной вехой в истории старой России. Являясь по своему объективному содержанию буржуазной революцией, в которой социальные противоречия дополнялись национально-религиозными и переплетались с ними, восстание 1863 года оказало существенное влияние на развитие революционного движения и межгосударственные отношения во всей Европе и даже за ее пределами. По словам К. Маркса, восстание 1863 года «послужило исходным пунктом Интернационала». «Пока народные массы России и большинства славянских стран спали еще непробудным сном, — *писал* В. И. Ленин, — пока в этих странах *не было* самостоятельных, массовых демократических движений, *шляхетское* освободительное движение в Польше приобретало гигантское, первостепенное значение с точки зрения демократии не только всероссийской, не только всеславянской, но и всеевропейской».

Вошло в привычку называть восстание 1863 года польским восстанием. Между тем это неточно, ибо термин «польское» очерчивает лишь эпицентр революционного взрыва, но не указывает, что восстание охватило вместе с тем значительные территории с непольским населением. Это было историческое событие, с которым прочно связаны глубокие традиции совместной революционной борьбы польского, русского, литовского, белорусского и украинского народов, горячо поддержанной лучшими представителями международного революционного движения. В рядах повстанцев 1863 года наряду с поляками сражались литовцы и латыши, украинцы и белорусы, французы и итальянцы, венгры и сербы, немцы и англичане. Прогрессивная Россия встала на защиту повстанцев. Тайное общество «Земля и Воля», явившееся первой в истории России революционной партией, содействовало восстанию всеми доступными ему средствами. В рядах восставших оказалось несколько сот русских солдат и офицеров.

В настоящей книге не один, а десять героев. Это объясняется тем, что история не выдвинула какого-то одного деятеля, через биографию которого можно было бы осветить важнейшие аспекты восстания 1863 года. Каждый из тех, кому посвящены включенные в книгу очерки, это самоотверженный революционер и человек интересной судьбы. Но ведь то же можно сказать и о многих других, в частности об одном из виднейших деятелей

повстанческого руководящего центра Брониславе Шварце, о повстанческих генералах Круке (Михал Гейденрейх) и Босаке (Юзеф Гауке), о замечательных повстанческих командирах Марцине Борелёвском, действовавшем под псевдонимом «Лелевель», братьях Игнации и Зыгмунте Хмеленских, о белорусском революционере, участнике восстания, а впоследствии члене Русской секции Первого Интернационала Антоне Трусове, о русском офицере Павле Якоби, пытавшемся после смерти А. А. Потебни организовать русскую дружину на стороне восставших. О них и целом ряде других героев 1863 года так или иначе упоминается в книге. Однако специальные очерки посвящены в ней только тем из наиболее крупных и интересных деятелей, чей жизненный путь раскрывает какую-либо из сторон борьбы народных масс, являющихся главным героем книги, тем, чья деятельность была концентрированным выражением определенного этапа движения.

Развернутая биография исторического деятеля или систематическое повествование о каком-либо крупном событии — вот два жанра, которыми обычно пользуются для рассказа о прошлом. Данная книга в какой-то мере является попыткой использовать достоинства обоих традиционных жанров и избежать их недостатков Авторам хотелось создать портреты крупных деятелей восстания 1863—1864 годов и в то же время более или менее полно рассказать о целой полосе в истории народов Советского Союза и Польши, о революционном сотрудничестве польского, русского, украинского, белорусского и литовского народов в борьбе против социального и национального гнета. Каждый из очерков — это не только биография революционера, игравшего определенную роль в событиях, но и повествование о том этапе восстания, во время которого он выдвинулся на первый план. Так, в первом очерке, посвященном Зыгмунту Сераковскому, воссоздается широкий исторический фон событий и раскрывается предыстория восстания. Очерки о Ярославе Домбровском, Андрее Потебне, Зыгмунте Падлевском, Стефане Бобровском, Константине Калиновском, Антанасе Мацкявичюсе, Иерониме Кеневиче и Ромуальде Траугуте содержат наряду с их биографиями развернутые характеристики отдельных этапов восстания либо важнейших аспектов происходивших событий. Наконец, очерк о Валерии Врублевском пытается дать перспективу дальнейшего развития участвовавших в восстании революционных сил.

В конце книги помещены приложения, предназначенные для того, чтобы облегчить чтение и помочь тем из читателей, которые захотят расширить свои познания о восстании 1863 года. Это краткая хронология событий, как бы объединяющая воедино тексты десяти очерков, это биографический словарик, содержащий справки о многих упоминаемых в очерках лицах. Это, наконец, список литературы, в котором называются наиболее доступные из имеющихся исследований по затронутой проблематике.

В. А. Дьяков

Зыгмунт СЕРАКОВСКИЙ

Имя и дела Зыгмунта Сераковского неотделимы от истории совместной борьбы народов России и Польши. Около двух десятилетий он находился в центре революционного движения, которое, подобно пламени, все сильнее охватывало империю Романовых. Сераковский посвятил свою жизнь борьбе за благо горячо любимой отчизны, которую он хотел видеть свободной.

Жизненный путь Сераковского начался на Волыни. Дворянство этого края, сравнительно недавно вошедшего в состав России, почти полностью было польским, а подавляющую часть крестьянского населения составляли украинцы. Противоречия и вражда между владельцами крепостных душ и их «крещеной собственностью» дополнялись национально-религиозными столкновениями католиков и православных. Но было бы ошибкой зачислять всех польских дворян в стан врагов и эксплуататоров украинского крестьянства. Из среды польского беспоместного, малоземельного дворянства выходили такие деятели, как Тадеуш Костюшко, Адам Мицкевич, Ярослав Домбровский. Из этой же среды вышел и Зыгмунт Сераковский. Его родители Игнаций Сераковский и Фортуната (урожденная Моравская) принадлежали к отпрыскам боковых ветвей знатных магнатских фамилий. Однако родство было настолько отдаленным, что Зыгмунту в трудную минуту не удалось собрать нужные документы, чтобы доказать принадлежность семьи к дворянству. Родовых или «благоприобретенных» поместий у Сераковских не было.

Родился Зыгмунт 19(31) мая 1827 года. Первые его младенческие воспоминания связаны с восстанием 1831 года. «Спи спокойно, собственной грудью прикрою тебя», — говорил отец сыну, уходя в повстанческий отряд. Домой он уже не вернулся. Нелегко было оставшейся семье «польского мятежника» в империи Николая. «Я, старший, уже не помню отца, — писал Сераковский в 1848 году. — Мать с молодых лет осталась вдовой и собственными трудами содержала свою старушку мать, нашу бабушку, и нас троих». Воззрения, воля, характер мальчика складывались под впечатлением патриотических рассказов о походах Костюшки — героя двух полушарий, о восстании 1830—1831 годов. По свидетельству родных, Зыгмунт в детстве отличался находчивостью, живостью ума и твердостью характера, не терпел никакой фальши. Ему было шесть лет, когда в дом Сераковских прибыл чиновник, производивший набор дворянских детей в кадетские корпуса. Польских мальчиков во времена Николая I зачисляли туда часто и без согласия родителей. Мать Зыгмунта, не желая расставаться с сыном, переодела его и представила как дочь. Чиновник уже вносил изменения в свои списки, когда Зыгмунт, шагнув из-за спины матери, вдруг заявил: «Я не дочь! Я сын — Зыгмунт Сераковский!» Сын остался дома, но фамильное серебро уехало с чиновником.

В 1838 году Зыгмунт поступил в русскую гимназию в Житомире, которую окончил через пять лет с серебряной медалью. Его познания, как значится в свидетельстве, в истории, языках, статистике были очень хорошие, в математике и географии — хорошие, в физике — достаточные. На выпускном экзамене Зыгмунт привлек всеобщее внимание блестящими ответами и по окончании гимназии получил право на чин четырнадцатого класса при зачислении на государственную службу. Как не вспомнить при этом пушкинские строки о станционном смотрителе — страдальце четырнадцатого класса, не огражденном своим чином даже от побоев! Подобная перспектива, естественно, не прельщала молодого Зыгмунта, мечтавшего о продолжении образования. Еще в последних классах гимназии он стал работать репетитором, а затем два года был гувернером, собирая средства для учебы в университете. В 1845 году, успешно выдержав экзамены, Зыгмунт был зачислен казеннокоштным студентом Петербургского университета. Хорошо зная гуманитарные дисциплины, он, однако, поступил на физико-математический факультет, но, проучившись на нем около двух лет, перешел на первый курс юридического факультета по разряду камеральных наук. Университетское начальство характеризовало Сераковского как студента, в науках математических не особо преуспевающего, со скромным поведением, без предосудительного образа мыслей, тихого и неразговорчивого. Как, однако, далеки были рассуждения казенных опекунов от действительности, как мало они знали о внутреннем мире студентов!

В Петербурге Сераковский быстро вошел в круг польской интеллигенции и студенчества. В доме графа Жевуского, автора нескольких исторических романов, консерватора по убеждениям, собирался литературный кружок. Частыми гостями здесь были епископ Головинский, профессор Сенковский, известный в литературе под именем барона Брамбеуса, Пшецлавский — чиновник цензурного ведомства. Сераковский зарабатывал на жизнь перепиской бумаг графа. Вскоре между шляхетско-клерикальным кружком и Сераковским возникли споры. Зыгмунт атаковал рутинеров со всем пылом своего темперамента. Ни эрудиция Сенковского, ни остроумие Жевуского, ни доводы епископа не переубедили его. Он произносил перед ними речи в высшей степени красные, приводя старых доктринеров в ужас отрицанием сословных привилегий, требованием уничтожения крепостничества и введения всеобщего равенства.

В университете вокруг Зыгмунта вскоре стали группироваться патриотически настроенные студенты, а его квартирка на Васильевском острове превратилась в своего рода штаб польского землячества. Здесь были выходцы из беспоместного дворянства: Юзефат

Огрызко, Александра Оскерко, Владимир Спасович, Балтазар Калиновский. К ним тянулся и вновь отходил от них Якуб Гейштор — выходец из среднепоместного литовского дворянства Все они стали впоследствии известными учеными или крупными общественными деятелями. Зыгмунт уже в те годы был первым среди своих коллег. «Собирались по нескольку десятков человек, — вспоминал позже В. Спасович, — увлеченно спорили на политические и научные темы Наши мысли были облечены в самые поэтические формы. Наши души были наполнены самыми возвышенными стремлениями». В воспоминаниях товарищей Зыгмунт встает как обаятельный человек, превосходный организатор, внимательный товарищ. Прирожденным трибуном, неодолимым в диспутах диалектиком, обладателем больших знаний и глубокого ума называли его товарищи.

В дружеском общении происходила кристаллизация взглядов, совместно искали друзья ответы на вопрос о смысле жизни Они стремились, по их собственным словам, к истине, к той высшей жизненной правде, которую хотели бы видеть в основе политических порядков и общественных отношений. Их сердца и умы были наполнены самыми горячими патриотическими чувствами и стремлениями. Но в понимании этих благородных идеалов, в путях их осуществления у друзей не было ни ясности, ни единства.

Зыгмунт под влиянием Адама Мицкевича выдвигал не только национальные, но и социальные проблемы, доказывал необходимость освобождения крестьян и наделения их землей. Якуб Гейштор проповедовал полюбовное решение распрей между дворянством и «хлопами» во имя объединения всех в битвах за отчизну. Постепенно студенческий кружок стал приобретать черты нелегального политического общества. Его члены проникали в среду слушателей военных училищ столицы, в аудитории римско-католической духовной академии, завязывали переписку с товарищами, остававшимися на родине. Большим достижением Сераковского было установление контактов с русскими демократически настроенными студентами, офицерами, публицистами. В то время оскорбленные национальные чувства заставляли многих поляков сторониться русских. Зыгмунт был одним из первых, кто смело ломал лед национального отчуждения. Конечно, не все русские стремились к дружбе с поляками. С кружком Сераковского был связан студент П. Филиппов, будущий петрашевец, имевший большое влияние на молодежь. Гейштор же был противником сближения с русскими и упрекал Сераковского за дружбу с ними.

Огромное влияние на Зыгмунта и его товарищей оказали события 1846 года — краковское восстание, поднявшее над древней польской столицей знамя аграрной революции, и «галицийская резня»*. Общий рост революционного движения в Европе, оживление общественного движения в России — все это наполняло сердца польской молодежи уверенностью, что час освобождения отчизны не далек и не пристало в такое время сидеть сложа руки. В эти годы Зыгмунт устанавливает связи с литовской патриотической интеллигенцией, в среде которой около 1845 года возник кружок, душой которого были два брата — Францишек и Александр Далевские. Позже в него вошло несколько групп молодых виленских и минских ремесленников, и он принял название «Союз литовской молодежи». Кружок Сераковского стал петербургским отделением Союза литовской молодежи, принеся с собой дух демократизма и стремление к единству действий с русскими республиканцами. В Вильно всегда были сильны традиции филаретов, Адама Мицкевича и Иоахима Лелевеля. Произведения русских и польских демократов, призывавшие к революционному русско-польскому союзу, широко ходили по рукам. В середине 30-х годов в Вильно был центр «Содружества польского народа», основанного Шимоном Конарским — последователем Лелевеля и Мицкевича. В Виленской медико-хирургиче-

* Так именовалось в шляхетской публицистике крестьянское антифеодальное движение в Западной Галиции в феврале—марте 1846 года, во время которого было разгромлено около ста пятидесяти помещичьих усадеб.

ской академии возникло демократическое общество студентов во главе с Францем Савичем, боровшееся за осуществление республиканских идей и социальных лозунгов Мицкевича и декабристов. Среди офицеров виленского гарнизона тогда же действовала группа последователей декабристов (поручик Аглай Кузьмин-Караваев и др., всего около тридцати человек). Когда Конарский, Савич и др. были схвачены царскими властями, Караваев сделал попытку подготовить их побег и пошел за это на каторгу. Подвиг Конарского, Караваева, Савича не был забыт в Литве, как не был он забыт в России и Польше. Лелевель и Герцен видели в этом подвиге образец революционного содружества и залог грядущей дружбы русского и польского народов. И разве случайно молодой виленский художник Э. Андриоли (позже повстанец 1863 года, иллюстратор «Пана Тадеуша» и других произведений А. Мицкевича) посвятил один из рисунков Конарскому и Караваеву. «Конарский пострадал за отечество, внушается поступать так же», — читаем мы в документах Союза литовской молодежи. В этой среде горячее слово Зыгмунта Сераковского о необходимости общих революционных действий с русскими находило сочувственный отклик.

Наступил 1848 год — время неосуществившихся надежд, «весны народов», которой так и не суждено было перейти в лето демократической свободы. «События в Европе возбудили молодежь, — доносили жандармы из Вильно, — особенно же ремесленников, которые рвутся к оружию». Молодежь Польши верила, что весь мир переменится: революция во Франции, Германии, Италии, Австрии, действия польских революционеров в Познанском княжестве удесятеряли ее силы. «Во всей Европе революция, быть ей и у нас» — таков был ход мыслей польских демократов. Среди петербургских членов Союза литовской молодежи распространились слухи, что генерал Бем уже идет из Австрии к границам царской империи во главе польских революционных легионов, а поэтому нельзя медлить, следует влиться в них. В атмосфере всеобщего возбуждения вдруг

прозвучал отрезвляющий голос Сераковского. Он потребовал проверить информацию о легионах Бема. Выполнение этого поручения Зыгмунт взял на себя. Как раз в это время он получил от матери письмо, зовущее его на родину для устройства семейных дел. Зыгмунт без особого труда получил отпуск и подорожную. Но 21 апреля 1848 года у самой границы, в местечке Почаев Кременецкого уезда Волынской губернии, Зыгмунт был арестован и вскоре предстал перед генералом Дубельтом, начальником III отделения по обвинению в попытке бегства за рубеж.

В казематах III отделения Зыгмунт держался твердо. Допросы не только не раскрыли существования революционного общества, но и не дали никаких улик для обвинения Сераковского в бегстве за границу. Однако шеф жандармов граф Орлов заявил, что «обстоятельства дела навлекают на Сераковского некоторые подозрения в намерении скрыться за границу и потому необходимо принять в отношении его меры осторожности». Николай I начертал резолюцию: «В Оренбургский корпус». Так «по подозрению в намерении» студент был определен в солдаты без суда и следствия. Но, пострадав сам, Зыгмунт спас товарищей. Он имел основание писать друзьям: «Клянусь вам, что я спокоен. Я нимало не думаю о погребении, а только о прощении. Будьте здоровы и веселы, как я здоров и весел».

20 мая 1848 года Зыгмунт в сопровождении жандармского поручика выехал на курьерских из столицы. Накануне ему передали сорок семь рублей серебром — прощальный дар спасенных друзей.

Перед отправлением в оренбургские батальоны Сераковский говорил, что надеется исключительно на свою силу духа. Ему пришлось действительно мобилизовать все силы, всю волю, чтобы с честью выйти из уготованных ему жандармами испытаний. Он пробыл в батальонах восемь лет, с 1 июня 1848 года до 16 февраля 1856 года. Товарищи Зыгмунта — дворяне, вместе с ним начавшие службу, были произведены из юнкеров в офицеры через шесть месяцев. Но Сераковский не мог добиться документального под-

тверждения своих дворянских прав. Он попытался получить личное дворянство, сдав экзамены за университет, но шеф жандармов отказался перевести его в ближайший университетский город — Казань. Сераковский не был оставлен даже в Оренбурге, где была значительная колония политических ссыльных. Местом службы Зыгмунту был определен форт Ново-Петровск, тогда только что строившийся. Вот в этом-то степном укреплении и начал Зыгмунт трудную, но единственную дорогу к свободе — овладение «фрунтовой» премудростью для производства в офицеры. Другие пути были для политического преступника в империи Николая отрезаны. Что пришлось перенести Зыгмунту, попавшему из столичных университетских кругов в николаевскую казарму под надзор безграмотных унтеров и полуграмотных прапорщиков, поклонников зуботычин и шпицрутенов? По-видимому, к периоду жизни Зыгмунта в форте Ново-Петровске относятся эпизоды, рассказанные им позже Чернышевскому. Однажды неграмотный фельдфебель поручил Зыгмунту заучивать с новобранцами так называемые «пунктики», то есть обязанности солдата. Зыгмунт обратил внимание, что при переписке «пунктиков» в канцелярии были допущены ошибки в знаках препинания и первый пункт читался так: «Солдату надо знать: немного любить царя...» Но канцелярия была в Уральске, бумага пришла оттуда, поэтому фельдфебель рявкнул на грамотея и заставил его с товарищами заучивать явную крамолу. Случай сей выплыл, однако, на ближайшем смотре. На приказ проверяющего «читайте пунктики» Зыгмунт по-солдатски, без знаков препинания, прочел то, что их заставляли заучивать. «Зачем вы мне это читаете? Как же можно так образованному человеку?» — кричал генерал. С этим эпизодом, как гласит предание, связано перемещение Зыгмунта в Уральск под надзор батальонного начальства. Это произошло в августе 1849 года.

Год, проведенный в Ново-Петровске, не прошел бесследно. Зыгмунт выдержал первое, самое тяжелое испытание. Он принял груз солдатчины и не согнулся под его тяжестью. Тяжелая солдатская доля заронила в его душу первые мысли о необходимости борьбы за отмену шпицрутенов, за уничтожение палочной дисциплины.

В Уральске Зыгмунт пробыл до конца сентября 1850 года. Здесь он нашел друзей и единомышленников среди офицеров гарнизона и политических ссыльных. Те немногие свободные часы, которые у него оставались, он посвящал учебе, совершенствовался в иностранных языках, овладевал местными языками. Он свободно владел английским, французским, немецким, казахским. Зыгмунт укрепляет свои связи с оренбургской польской колонией и благодаря помощи друзей осенью 1850 года добивается перевода в Оренбург. К этому времени он получил производство в унтер-офицеры, а вместе с тем и некоторую свободу и досуг.

В Оренбурге Зыгмунт стал центром тамошней польской колонии, объединявшей как политических ссыльных, так и офицеров и чиновников. В те годы Оренбург был местом ссылки революционеров. Преимущественно это были польские дворяне — участники национально-освободительного движения. Но были здесь и русские революционеры — соратники Петрашевского (Плещеев, Ханыков и др.) Соизгнанники хорошо организовали взаимопомощь. На квартирах у бывших ссыльных, осевших в городе, можно было отдохнуть от муштры, почитать книгу, послушать музыку, побеседовать с друзьями. Постепенно у польской колонии образовалась небольшая, но хорошо составленная библиотека, выписывались газеты и журналы.

Друзьям, собиравшимся у него на квартире, Зыгмунт ставил кувшин молока. Скудный бюджет солдата не позволял устраивать более щедрые приемы. Эти «великомолочные вечера» остались у многих в памяти. В круг ближайших товарищей Зыгмунта в Оренбурге входили военные Ян Станевич, Людвик Турно, Карл Герн, чиновники Венгжиновский и Кирш, ссыльные Бронислав Залеский, Евстафий Середницкий и др. Станевич был знаком Зыгмунту еще по Пе-

тербургу. Залеский, также литвин, был сослан незадолго до Сераковского, Середницкий и Гордон в прошлом были близки к Конарскому.

Польская колония в Оренбурге поддерживала постоянную переписку с известным поэтом Эдвардом Желиговским («Совой»), сосланным в Уфу Она приняла близкое участие в судьбе Тараса Шевченко, когда он находился в Оренбурге, и не оставила его после высылки в Ново-Петровск.

«Через красные очки смотрел Шевченко на мир,— вспоминает Гордон, — свобода Украины была его затаенной мечтой, а революция — стремлением». Нет ничего удивительного, что украинский поэт-революционер и демократ сблизился с польскими деятелями на почве, как подчеркивает Я Станевич, общности взглядов и стремлений Здесь встает вопрос об отношениях Зыгмунта Сераковского и Тараса Шевченко На первый взгляд никакого вопроса нет. Сохранившиеся письма поэта свидетельствуют о дружеских его чувствах к Сераковскому. Он тепло отзывается о нем, называет своим оренбургским соизгнанником, вдохновенным Зыгмунтом, настоящим поэтом и т. д. До нас дошли и строки Зыгмунта, адресованные Шевченко Они также согреты сердечной теплотой, проникнуты заботой и вниманием польского революционера к поэту, который для Зыгмунта «наш лебедь», «батько», символ дружбы «единоплеменных братьев» Нет ничего удивительного, что долгие годы исследователи рассказывали о совместном пребывании в ссылке этих двух революционных деятелей, об их службе в одном гарнизоне и даже в одной роте Так представлена их жизнь в изгнании в известном фильме Игоря Савченко «Тарас Шевченко».

Для художественного произведения, возможно, это и допустимый прием, но документально факт одновременной службы Шевченко и Сераковского в одном гарнизоне не подтверждается, а обстоятельства их сближения представляются далеко не такими простыми Ян Станевич прямо указывает, что по соображениям «высших интересов безопасности государства» царские власти стремились не допустить совместного пребывания в одном гарнизоне этих двух опасных лиц. Когда поэта решили выслать в отдаленный форт на берег Каспия, Сераковского убрали оттуда. Меняя место ссылки, оба должны были проехать через Оренбург. Друзья надеялись организовать там их встречу, но это не удалось. За несколько дней до прибытия Сераковского через Оренбург провезли под конвоем Шевченко. Он разминулся с Зыгмунтом где-то в дороге. Первая их личная встреча произошла уже после ссылки в Петербурге. И Станевич после единственной встречи с поэтом встретился с ним уже в столице Теперь найдены в архивах Польши письма других соизгнанников Шевченко и Сераковского, которые подтверждают верность свидетельства Станевича. Неоспоримо, что царские власти всемерно мешали их сближению, но и через сотни верст, через пески и степи тянулись руки двух революционеров и соединялись в дружеском пожатии.

Из писем Шевченко видно, что Зыгмунт, находясь в 1854—1856 годах на службе в крепости Ак-Мечеть (форт Перовский), поддерживал переписку с поэтом, высылал ему рисовальные принадлежности. Из этой переписки до нас дошло лишь одно письмо поэта, датированное 6 апреля 1855 года. «Мой милый, добрый Зыгмунт, — пишет Шевченко, — благодарю тебя за твое ласковое, украинское сердечное слово, тысячу раз благодарю тебя» Поэт далее сообщает о тяжелой муштре, извещает о получении высланных ему книг и письма Станевича, шлет своим польским и русским (А. Плещееву) друзьям сердечные приветы, благодарит их за внимание и заботу

16 февраля 1856 года Сераковский был произведен в офицеры и назначен в Брестский полк, расквартированный на Украине. Тридцатилетний прапорщик подал прошение о прикомандировании его к какой-либо столичной части для подготовки к экзаменам в Академию генерального штаба. Командир Оренбургского корпуса Перовский поддержал просьбу и снабдил Сераковского рекомендательным письмом В июне Сераковский выехал из Оренбурга. Он вез с собой рисунки и рассказы Шевченко.

В Петербурге Сераковскому удалось изменить место службы и вместо Брестского полка прикомандироваться к частям столичного гарнизона. Здесь он познакомился с видными общественными деятелями и начал борьбу за освобождение Шевченко. Решающую роль в этом деле сыграло сближение Сераковского с семейством графа Ф. П. Толстого, вице-президента Академии художеств, в прошлом ревностнейшего члена Союза благоденствия. Совместными усилиями польского революционера и бывшего декабриста был облегчен для Шевченко путь к свободе.

Возвращение Сераковского в столицу совпало с началом подъема освободительного движения. Разбуженный громом севастопольских орудий, русский народ готовился порвать оковы крепостничества. Росло число крестьянских волнений. Среди студентов и офицеров возникали тайные кружки. Из-за рубежа доносился страстный голос Герцена, а внутри страны свободная русская мысль, вырвавшаяся из николаевского застенка, стала проникать на страницы газет и журналов. Во главе освободительного движения шел Петербург. Здесь Чернышевский, ставший с осени 1856 года идейным руководителем «Современника», сзывал под знамена крестьянской революции лучших сынов России.

В Царстве Польском, так официально назывались польские земли в составе царской России, также усилилось национально-освободительное движение. Военно-полицейский режим, установленный Николаем и его наместником Паскевичем после подавления восстания 1830—1831 годов, оказался не в состоянии задавить свободолюбивый польский народ. Под нажимом демократических сил царская администрация начинала лавировать, создавать видимость готовности пойти на уступки. Отстранялись некоторые особо ненавистные массам чиновники, из ссылки возвращались деятели национального движения. С реформами, однако, не спешили, царизм по-прежнему рассматривал грубое насилие в качестве основной опоры своего владычества в Польше.

Передовая русская общественность, и прежде всего революционная демократия страны, поддерживала борьбу польского народа за свободу и независимость своей отчизны. А. И. Герцен в первых же бесцензурных произведениях подчеркнул необходимость установления взаимопонимания между русскими и польскими революционерами. «Мы с Польшей, — подчеркивал Герцен, — потому, что мы за Россию. Мы с Польшей, потому, что одна цепь сковывает нас». Не только в эмиграции, но и внутри империи устанавливались контакты, налаживалась взаимопомощь между русскими, поляками, белорусами, литовцами, украинцами в общем революционном деле. Крупную роль в развитии революционных связей народов сыграла польская демократическая колония в Петербурге. В столице на Неве в те годы проживали многие тысячи поляков. Среди них было немало аристократов, пресмыкавшихся у подножья императорского трона, но еще больше было студентов, разночинцев. Именно среди них находили сочувственный отклик призывы русских и польских демократов к общности действий против самодержавия. Здесь и развернулась деятельность З. Сераковского после возвращения из ссылки.

Во второй половине июля 1856 года офицер генерального штаба Ян Савицкий познакомил Сераковского с Чернышевским. Вскоре произошла и первая встреча с Некрасовым. Позднее Савицкий вспоминал, что он вместе с Чернышевским ввел Сераковского в круг лиц, руководивших тогда общественным мнением России. Осенью начинается сотрудничество Сераковского в «Современнике». С сентября 1856 по июль 1857 года он вел в журнале отдел «Заграничные известия» и опубликовал большую статью «Взгляд на внутренние отношения Соединенных Штатов».

Все статьи в «Современнике», от специальных историко-экономических исследований до литературно-критических обзоров, были подчинены борьбе за демократическое преобразование России. В них, вспоминал позже Н. В. Шелгунов, ничего нельзя было ни выпустить, ни прибавить, настолько все было цельно,

последовательно, логично «Заграничные известия», естественно, не составляли исключения. Они составлялись в форме рефератов иностранной прессы. В поле зрения составителя попадали важнейшие события, на которые он мог обратить внимание читателя. До прихода в журнал Чернышевского эти обзоры заполнялись светской хроникой. Чернышевский намеревался сам вести этот отдел, но затем поручил эту работу Сераковскому, который и превратил «Заграничные известия» в полноценный отдел журнала.

Все разумное должно осуществляться, подчеркивал Сераковский. Цель жизни — всестороннее развитие духовных и телесных сил человека. Борьба во имя осуществления этих высоких идеалов, бесконечное развитие, бесконечное совершенствование человека и общества и составляет, по его словам, смысл и содержание жизни. И если не везде и всюду прогрессисты одерживают победы, то отчаиваться не следует. Они терпят поражения, пока действуют в одиночку. Когда же люди прогресса выйдут из тиши кабинетов и убедятся, что «и под шалашом индейца и в кибитке киргиза — везде начинается новая жизнь, новые стремления», дело прогресса станет неодолимо. Сераковский, таким образом, шел к признанию решающей роли сознательных действий масс в историческом развитии общества. Подготовке народа к свершению этих преобразований, воспитанию у него готовности жертвовать собой во имя осуществления истины, во имя спасения отечества должны, по его мнению, посвящаться все усилия деятелей культуры.

Сераковский боролся против разжигания национальной вражды и братоубийственных войн, за установление, как он выразился, «нового порядка вещей, основанного на взаимной любви и уважении народов». «Братство, любовь, взаимное уважение к личности лежит в основе всех наших нравственных понятий. Дальнейшее необходимое развитие мысли о братстве между людьми есть мысль о братстве между народами... Наши сыновья или внуки увидят, может быть, тесные братские союзы всех народов германских, романских, славянских и, наконец, общий европейский союз».

Сераковский писал, что знамением времени является стремление всех благородных умов к борьбе с общественными неурядицами и невзгодами. Прежде мечтали об отвлеченных благородных идеалах, ныне стремятся к воплощению их в жизнь.

Сераковский по складу своего ума и характера был прежде всего практиком, организатором революционных сил. Он недостаточно уделял внимания мировоззренческим вопросам. Эволюция его общетеоретических взглядов к моменту безвременной гибели не была завершена. Чернышевский называл его деистом. Другие, близко знавшие его лица, в том числе и Герцен, указывали на элементы мистицизма в его мировоззрении. Личная судьба Сераковского, как бы отражавшая трагедию его отчизны, вполне объясняет это обстоятельство.

Группа польских деятелей в Петербурге задумала издавать газету, которая должна была пропагандировать идеи дружбы славянских народов, бороться против русско-польской вражды. После долгих мытарств и хлопот Огрызко, старому товарищу Сераковского, удалось добиться разрешения на ее издание. В редакцию «Слова» вместе с Сераковским и Огрызко вошли Ян Станевич, поэт Э. Желиговский, профессора Б. Калиновский, В. Спасович, А. Чайковский и др.

Передовые писатели и общественные деятели: Чернышевский, Некрасов, Герцен, Шевченко, Тургенев и др., демократические журналы («Современник», «Русское слово») оказали помощь и поддержку прогрессивному польскому изданию, популяризировали его в широких массах читателей.

Обширные замыслы редакции не были, однако, осуществлены. В царской России оказалось невозможно даже в самой осторожной, умеренной форме выступать против национальной вражды. Защищать элементарные права угнетенных царизмом наций означало вступать в противоречие с политикой правительства: защищать польскую культуру, пропаган-

дировать достижения польской науки нельзя было без критики царской администрации. Ведь вся передовая польская культура и наука была неразрывно связана с национально-освободительным движением, с традициями совместной борьбы русских и поляков против царизма. В № 15 «Слова», вышедшем в феврале 1859 года, было помещено короткое письмо известного польского историка И. Лелевеля, в котором он пожелал успехов новому польскому органу. Выражая сожаление, что не может принять приглашение редакции о сотрудничестве в «Слове», Лелевель пожелал успехов новому органу, солидаризировался с благородными стремлениями его сотрудников. «Сердцем и мыслью я с Вашей колонией», — писал он. Наместник в Варшаве князь Горчаков заявил царю, что не ручается за «порядок» в Царстве Польском*, если в Петербурге и далее будет выходить «Слово». Лелевель был не только крупным ученым, но и одним из руководителей польского национально-освободительного движения. И, несмотря на то, что для публикации письма было получено специальное разрешение цензуры, газета была запрещена, а ее редактор-издатель Огрызко посажен в Петропавловскую крепость. Прогрессивная общественность протестовала против этой расправы. Герцен, Добролюбов, Шевченко выступили против грубого попирания царскими администраторами свободы слова и печати. И. С. Тургенев в письме царю говорил о нелепости запрещения органа, боровшегося за разумное соединение и примирение двух народностей. Это письмо в многочисленных списках ходило по рукам. Демократический Петербург видел в запрете «Слова» и аресте его редактора начало перехода

* Присоединенные к России в 1815 году польские земли получили название Королевства Польского, что должно было создать, по мысли Александра I, принявшего титул короля польского, представление, будто тем самым возрождается старая польская государственность. В русской терминологии в описываемую эпоху употреблялась также форма «Царство Польское», «царь польский». Авторы данной книги пользуются обеими формами.

«либерального» Александра II к кровавой политике своего отца. Н. А. Некрасову приписывается широко распространившийся в то время экспромт: «Плохо, братцы, беда близко, арестован уж Огрызко».

Часть бывшей редакции «Слова» во главе со Спасовичем обратилась к царю с покаянным письмом, осуждая «несбыточные мечтания поляков». Сераковский и Станевич попытались предпринять издание прогрессивного польского журнала с прежней программой. Редактором-издателем нового ежемесячника «День сегодняшний» должен бы стать Ян Станевич. Журнал не был разрешен. Сераковский стал готовить записку, предназначенную для представления царю с целью убедить правительство изменить его политику в польском вопросе.

Над своей запиской «Вопрос польский» Сераковский долго и тщательно работал, советуясь с товарищами и друзьями: В. Д. Спасовичем, Виктором Калиновским и др. В записке, завершенной в конце 1862 года, на основе анализа обширного исторического материала Сераковский выступил в защиту принципа дружбы и сотрудничества русских, поляков, украинцев, белорусов, литовцев как единственно возможной и разумной основы их существования и развития. Прочное объединение этих народов, писал Сераковский, ссылаясь на уроки истории, невозможно путем насилия, господства одного народа над другим. Он выдвинул смелый план разрешения польской проблемы путем преобразования государственного строя всей страны на основе широкой автономии национальных окраин. В ведении центрального правительства должны остаться лишь сношения с иностранными державами, финансы и военное дело. Путем такого преобразования, при осуществлении принципа свободного развития народностей, писал Сераковский, можно соединить все части империи связью гораздо более прочной, чем крепости и цитадели. Литва, Белоруссия, Украина, отмечал он, имеют много общего как с русским, так и польским народом, и они «могут служить самой надежной связью России и Польши». В некоторых частных суждениях, например в оценке

униатской церкви, Сераковский допускал ошибки, но общая главная мысль о возможности разрешения национального вопроса на принципах дружбы, сотрудничества, развития исторически сложившегося родства, близости языка и культуры народов, была верной и перспективной. Но, разумеется, план Сераковского был неприемлем для царского правительства. Даже самые «либеральные» сановники пришли в ужас при первом же знакомстве с его запиской. Только в кругу русских революционеров Сераковский нашел понимание и поддержку. С какой сердечной теплотой говорил Герцен о любимой мечте Сераковского — о дружбе вольной России с независимой Польшей. Только среди друзей, русских, польских, белорусских, литовских революционеров, мог Сераковский увлеченно развивать планы преобразования империи Романовых в дружеский союз вольных славян.

Мысли, высказанные в записке «Вопрос польский» и нашедшие понимание и поддержку в кругах революционной демократии, Сераковский и Виктор Калиновский высказывали и членам кружка украинских общественных деятелей в столице (Костомаров, Белозерский, Кулиш и др.). Однако, как это видно из «Автобиографии» и других свидетельств Костомарова, революционно-демократические принципы разрешения национальной проблемы не нашли сочувственного отклика в этом кругу.

На первый взгляд может показаться, что издание «Слова», подготовка официальной записки «Вопрос польский» свидетельствуют о колебаниях Сераковского, об отходе от последовательных революционных позиций. Но только на первый взгляд. Эти и подобные действия Сераковского, Станевича и других польских революционеров убеждали колеблющихся и сомневающихся в том, что силе можно и нужно противопоставить силу, если все доводы разума и логики не в состоянии убедить царское правительство. Это было не либеральное прожектерство, а часть продуманной революционной гактики. Современники передают, что в революционных кругах Литвы и Белоруссии накануне восстания ссылались на рукопись Сераковского «Вопрос польский» как на документ, дающий хорошую основу для разрешения национальной проблемы.

Рука об руку с Чернышевским и Добролюбовым Сераковский трудился над сплочением демократических сил страны, готовя их к грядущей, скорой революции, привлекая на ее сторону все разумное, благородное, мыслящее, что только было в офицерском корпусе царской армии.

Эта тщательно законспирированная нелегальная революционная деятельность Чернышевского и его соратников не может быть восстановлена во всех подробностях. В воспоминаниях современников эта тема или вовсе обходилась молчанием, или освещалась намеками, иносказаниями, а документов участников революционного движения осталось очень немного. Но и по оставшимся свидетельствам можно составить картину этой напряженной работы и убедиться, что Сераковский играл в ней далеко не последнюю роль. Чернышевский увековечил память своего друга в романе «Пролог», выведя там его в качестве основного героя под фамилией Соколовского, но сохранив почти без изменений все сколько-нибудь существенные факты его биографии. Он вкладывает в уста этого польского революционера призыв огромной взрывной силы: «Вся земля мужицкая! Выкупа никакого! Убирайтесь, помещики, пока живы!»

«Пролог» дошел до нас далеко не в полном виде. Лица, знакомые с первым вариантом романа или знавшие о его содержании из уст самого автора, с которым были вместе «в мрачных пропастях земли», указывают, что утерянные страницы «Пролога» содержали сцены споров Соколовского (Сераковского) с генералами о социализме в военных кружках, что эти споры и деятельность Сераковского в среде офицеров Николай Гаврилович всегда ставил в прямую связь с «Военным сборником». Около года Чернышевский редактировал этот журнал, но как много он успел сделать, как много сказать с этой всероссийской легальной трибуны! Соредакторами Чернышев-

ского по «Военному сборнику» были офицеры генерального штаба Н. Н. Обручев и В. М. Аничков. И тот и другой были близкими товарищами Сераковского.

Сераковский, указывают соизгнанники Николая Гавриловича, передавая его рассказы, был близким человеком в кружке «Современника», другом Добролюбова и разделял все убеждения последнего. С этим прямо перекликаются строки из писем Добролюбова за декабрь 1858 года к его старому другу: приезжай в Петербург, «я тебе целую коллекцию хороших офицеров покажу». А через несколько дней Добролюбов писал: «Недавно познакомился с некоторыми офицерами Военной академии и был у нескольких поляков, которых прежде встречал у Чернышевского». В свое время, комментируя эти письма, Чернышевский писал: «Это были два кружка: один состоял из лучших офицеров (слушателей Военной академии), другой — из лучших профессоров ее. Николай Александрович был близким другом некоторых из замечательных людей обоих кружков». Одним из этих близких к Добролюбову, Чернышевскому и Сераковскому офицеров был полковник генерального штаба Н. Н. Обручев. В годы демократического подъема он не раз заявлял вождям освободительного движения, что, если революции понадобится хорошая шпага, он готов обнажить свою. В 1863 году, когда гвардейскую дивизию, начальником штаба которой был Обручев, бросили против повстанцев Литвы, возглавляемых Сераковским, этот момент настал. Полковник Обручев не поехал в Литву, год сидел в резерве, не поднял оружия против вчерашних друзей. Это был демократически настроенный, превосходно образованный офицер, на которого многие товарищи смотрели как на нового Пестеля. Такими глазами смотрел на него и Сераковский. И когда Чернышевский, уже тяжело больной старик, отбывший каторгу и ссылку, перебирал дорогие реликвии — письма Добролюбова и комментировал их, он прямо не назвал ни одного из этих замечательных людей. Да и как их было назвать, если одни, погибнув в бою за свободу, числились в официальной России «мятежниками», «государственными преступниками», другие же занимали видные посты.

На квартире Сераковского (в 1857—1860 годах Станевич жил вместе с ним) частыми гостями бывали Чернышевский и Добролюбов, Обручев и Аничков. Здесь завязывались знакомства, круто изменявшие жизненный путь людей, превращавшие вчерашнего верноподданного в революционера. Сераковский и Станевич, действуя под непосредственным влиянием кружка «Современника», создали в Академии генерального штаба хорошо организованный революционный центр, оказавший большое влияние на распространение освободительных идей в царской армии.

После Крымской войны, обнажившей военно-экономическую отсталость царской России, правительство, спешно реформируя армию, обновляя ее командный состав, открыло доступ в военные академии заслуженным боевым офицерам. Формально решающую роль при зачислении играли не протекция и знатность, а наличие двухлетнего стажа службы в строю и высокая оценка на вступительных экзаменах. Этими положениями широко воспользовалась одаренная офицерская молодежь, имевшая за плечами военный опыт, участвовавшая в обороне Севастополя, в боях на Кавказе и в Средней Азии.

В конце 50-х годов в академиях — генерального штаба, Артиллерийской, Инженерной, в стрелковых и кавалерийских учебных центрах, образцовых полках, размещенных в столице и окрестностях, сосредоточилось значительное число офицеров — выходцев из беспоместного, мелкопоместного дворянства, чиновничества и пр. Просматривая формуляры слушателей военных академий тех лет, поражаешься обилию пометок: родового или благоприобретенного имения нет, сын коллежского регистратора, титулярного советника и т. д.

Эта среда жадно тянулась к знаниям, зачитывалась журналами. А лучшим и популярнейшим из тогдашних журналов был «Современник». Офицеры,

собираясь у Чернышевского, с увлечением обсуждали новости политики и культуры. В составе слушателей академии 1857 года было два сотрудника «Современника» — Сераковский и Станевич. Как видно из воспоминаний товарища Зыгмунта по академии Новицкого, он возобновил знакомство с Чернышевским именно через Сераковского.

То обстоятельство, что среди профессоров академии находились такие люди, как Обручев и Аничков, также способствовало усилению влияния демократических идей в среде ее слушателей. Одно время товарищи Сераковского — профессора университета Спасович и Калиновский читали в академии специальные курсы по разработанным ими же программам, а Ян Станевич, окончив академию, остался в ней работать библиотекарем. Этот скромный пост открывал, однако, перед ними огромные возможности. Много позже один из царских генералов назвал Яна Станевича «скрытой волей готовящейся смуты». Если учесть, что офицеры, окончившие академию, разъезжались по полкам, направляясь преимущественно в Царство Польское и Западный край, где размещалось около половины армии, то не удивительно, что в скором времени почти в каждой воинской части образовались офицерские кружки и общества, группировавшиеся, как правило, вокруг офицеров генерального штаба. Многие генштабисты за два года учебы в академии получали не только солидные военные знания, но и крепкую революционную закалку.

В революционную организацию, действовавшую в Академии генерального штаба с 1857 года, кроме Сераковского, Станевича, Обручева, Аничкова, входили Ян Козелл-Поклевский, Юзеф Галензовский. Крупную роль в организации играл Виктор Калиновский, через него поддерживалась связь со студенческими революционными кружками в Петербурге и Москве, с патриотической молодежью в Вильно и Киеве. В 1858 году к ним примкнула новая группа офицеров, из которых выделялись братья Петр и Николай Хойновские. Набор 1859 года привел в академию Ярослава Домбровского, скоро ставшего одним из руководителей организации. Уже в 1858 году организация имела свои филиалы в Инженерной и Артиллерийской академиях, кадетских корпусах, Медико-хирургической академии и некоторых частях столичного гарнизона, начала устанавливать связи с революционными кругами Литвы, Белоруссии, Украины. Из военной среды она постепенно распространилась и на другие слои, преимущественно студенчество, из столицы перебросилось в провинцию. В организации преобладали офицеры — выходцы из «западных губерний», то есть Литвы, Белоруссии, Украины, но много было и русских и уроженцев Царства Польского. Среди однокурсников Сераковского, Звеждовского, Станевича были такие революционные деятели, как Владимир Обручев — один из деятелей группы «Великорус». К организации были близки известные деятели революционного движения в армии: Андрей Потебня, Василий Каплинский, Павел Огородников. Стремление польских офицеров, группировавшихся вокруг Сераковского, к союзу с революционными силами России — важнейшая черта их деятельности. Идейным источником демократических убеждений офицеров-республиканцев была польская и русская революционно-демократическая литература. Уже в первых беседах с новыми товарищами Сераковский обращал их внимание на статьи «Колокола», посвященные крестьянскому вопросу и польско-русским отношениям. Беседа, обмен мнениями о прочитанном являлись первым шагом на пути новых слушателей академии к нелегальной офицерской организации.

Большое впечатление производили на умы офицеров общая предгрозовая обстановка в стране, рост крестьянских выступлений, волнения студенчества. Руководители организации были превосходно осведомлены, имели в руках письма, содержащие новейшие данные о настроениях народа в Польше, Литве, Украине, и ссылались на них в спорах и беседах. Как заявил член офицерской организации Гауке (впоследствии прославленный вождь повстанцев «Босак»), русское крестьянство пробуждается и недалек тот день, когда оно найдет общий язык с крестьянами

Польши и Литвы. А если невольники и рабы поймут друг друга, дворянство погибнет от их рук, если, конечно, заранее не откажется от своих привилегий. Как же в этих условиях можно отрицать необходимость русско-польского революционного союза?

Приведенные данные говорят о том, что основной целью офицерского революционного общества постепенно становилась подготовка вооруженного восстания против царизма и крепостничества совместными силами русских и поляков. Но не сразу и не вдруг эти цели были приняты всеми офицерами. В понимании общих лозунгов о свободе, равенстве, национальной независимости среди них была большая разноголосица. Одни говорили о примирении помещиков и крестьян, вкладывая в понятие равенства установление гражданских свобод, равенство перед законом без ликвидации магнатского землевладения. Другие проповедовали необходимость пустить «с дымом пожаров» помещичьи фольварки. Но хотя среди военной молодежи и студенчества не было крепкого идейного единства в понимании путей борьбы за национальную независимость и принципов будущего государственного устройства освободившейся Польши и вольной России, ненависть к царизму, признание необходимости борьбы с ним объединяли всех. Поэтому в первые годы существования организации, когда прежде всего нужно было вербовать новых членов, вести пропаганду, выявлять сочувствующих, споры по программным вопросам отодвигались.

Ни устава, ни других документов офицерской организации не сохранилось. По данным следственно-судебных дел об участниках восстания, можно в общих чертах воссоздать ее структуру. В основу организации была положена система «десяток», то есть десять членов союза составляли основное звено, оно делилось на три «тройки», объединенные руководителем — десятским. Далее следовало объединение по три десятка во главе с тридесятским; сотню возглавлял старший. Центр организации был в Петербурге, ее отделения — в Вильно, Москве, Киеве, Варшаве. Члены организации вносили месячные

взносы — до 5 процентов дохода, были обязаны «словесно и письменно распространять пропаганду, соответственную цели общества», привлекать новых членов. Организация, как уже указывалось, зародилась в военной среде, но стремилась распространить влияние «на все слои народа», в чем, по словам некоторых ее членов, и преуспела: «Много мещан и крестьян было записано в это общество».

Среди активных членов организации были такие впоследствии видные деятели восстания, как капитан Людвик Звеждовский, поручик корпуса лесничих Валерий Врублевский. Через Константина Калиновского и Иеронима Кеневича поддерживались связи с передовой частью студенчества в Москве и Петербурге, где действовали польские студенческие общества — «огулы».

Через Сераковского и Станевича офицерская организация была связана с Т. Г. Шевченко, который поддерживал постоянные контакты со своими оренбургскими соизгнанниками с первых же дней после возвращения в Петербург. Хорошими знакомыми великого украинского поэта-революционера были и некоторые другие члены организации: Виктор Калиновский, Н. Д. Новицкий и др. Последний, как известно, принял активное участие в борьбе за освобождение родных поэта от крепостной неволи. Как вспоминал позже Новицкий, Шевченко не раз высказывал ему свое возмущение братоубийственными национально-религиозными раздорами между русскими, поляками, украинцами, выступал за установление между ними дружеских отношений.

Численность военно-революционной организации установить трудно. Свыше семидесяти офицеров — участников восстания были ее членами, но, разумеется, это далеко не все, кто входил в ее состав. Организация существовала около шести лет, сыграв роль подлинной кузницы военных кадров январского восстания 1863 года. За этот период в трех военных академиях столицы несколько раз сменился состав слушателей. Выпускники, разъезжавшиеся по воинским частям, часто создавали новые ее ячейки, о которых

сохранились или самые общие сведения, или отрывочные упоминания

Осень 1859 года явилась переломным моментом в истории организации. К этому времени завершается первый, подготовительный период ее развития, складывается ее основной костяк, сплачивается руководящая группа, определяются пути пропаганды. Именно осенью этого года по предложению Сераковского было решено проводить литературные вечера Они устраивались еженедельно на квартирах видных деятелей организации с целью пропаганды, выявления сочувствующих и вербовки новых членов. Эти вечера, принявшие вскоре под влиянием тогдашних событий характер бурных политических споров, сыграли крупную роль в истории организации, являлись ее внешним полулегальным покровом. Многие современники не знали о существовании нелегального офицерского союза, но о литературных собраниях шла широкая молва среди военных столицы. Мысль Сераковского об организации этих литературно-политических диспутов была счастливой находкой. Проведение вечеров связано с именем Ярослава Домбровского В его квартире проходили многие из них. Он, Василий Каплинский, братья Хойновские были душой этих диспутов. Здесь происходила политическая и нравственная подготовка будущих руководителей восстания, оттачивались революционно-демократические убеждения, выявлялись люди, достойные приема в члены нелегального союза. Может быть, значение этих споров и дискуссий, определивших идейный облик целой фаланги польских революционеров, лучше всего, сам того не замечая, подчеркнул польский консерватор Юлиан Клячко, который писал о польских революционерах — участниках Парижской коммуны: «Боже, ты знаешь, что те чувства и мысли, которые сейчас их объединяют с Коммуной, они вынесли из университетов Москвы, из казарм Петербурга».

В мае 1860 года Сераковский надолго уезжает в заграничную командировку. Она была связана с его давнишней идеей — борьбой против шпицрутенов.

За время учения в академии Сераковский под руководством профессора Спасовича и полковника Обручева глубоко изучил военно-уголовное право и военную статистику и после окончания академии был оставлен при военном министерстве. Образованный в это время Особый комитет готовил реформу военно-уголовного законодательства. Сераковский представил военному министру собственный проект реформы. Материалы эти пока не найдены, но Чернышевский писал, что записка Сераковского была богатым сводом фактов, обосновывающих необходимость облегчения участи солдат, избавления их спин от палок и розог.

Против проекта отмены телесных наказаний восстали генералы николаевской школы во главе с военным министром Сухозанетом. Они ссылались на военно-уголовное законодательство Англии и Франции, допускавшее телесные наказания. Другая часть военных деятелей во главе с великим князем Константином Романовым и товарищем военного министра Милютиным высказалась в поддержку проекта. Для сбора данных, необходимых для реформы военно-уголовных законов, за границу был послан Сераковский. По-видимому, и Сухозанет и группа Милютина возлагали на его миссию свои особые надежды.

Сераковский направился в Лондон, где в это время происходил IV Международный статистический конгресс, в качестве члена русской делегации В повестке дня конгресса значился пункт о военной статистике При его обсуждении Сераковский поднял вопрос об отмене палок. По словам Герцена, он буквально втеснил вопрос о телесных наказаниях в работу конгресса, затребовал цифры, данные, подробности. Уже одно это говорит, что Сераковский вышел за пределы инструкций Сухозанета Поражая чопорных англичан, он всюду — в кулуарах конгресса, в гостиных и салонах — с присущей ему страстностью ратовал за облегчение участи солдат. Как личный представитель военного министра великой державы Сераковский был принят в самых аристократи-

ческих домах Лондона. Военный министр сэр Сидней Герберт представил его премьеру Пальмерстону и королеве Виктории. Для английской прессы это была сенсация: Россию на конгрессе представляет офицер, восемь лет носивший солдатскую шинель, поляк, поднимающий свой голос в защиту русского солдата! Англичане на конгрессе было заявили, что у них в армии и флоте палок нет, но Сераковский, тщательно подготовившийся к спору, тут же привел официальные приказы и инструкции британского адмиралтейства.

Благодаря неустанной работе Сераковского Лондонский конгресс статистиков, хотя и в неофициальном постановлении, высказался за отмену телесных наказаний. Герцен, превосходно осведомленный обо всем из уст самого Сераковского, с которым часто в те дни встречался, отмечал, что Сераковскому нужно было это решение, чтобы генералами от науки пришибить генералов-«дантистов». Герцен оказал Сераковскому самую горячую поддержку и помощь. Именно благодаря ему мы знаем о напряженной работе Сераковского на статистическом конгрессе. «Мы познакомились с ним в 1860 г., — пишет Герцен, — человек деятельности непомерной [...] он никогда не знал не только часа, но не знал, обедал он или нет. Постоянно занятый своим проектом, он не стеснялся с другими и несколько раз приезжал за полночь, будил меня, если я спал, и садился возле постели, чтобы читать записку, которую ему надобно было везти часам к 8 к Сиднею Герберту или в конгресс [...]».

О результатах своей деятельности Сераковский регулярно посылал донесения в Петербург. Собранные им данные после обработки Яном Станевичем направлялись военному министру Сухозанету и товарищу министра Милютину. Материалы, рассматривающие порядки в русской армии в сопоставлении с соответствующими учреждениями в английской, французской и других армиях, были настолько интересны и так красочно свидетельствовали о необходимости реформы в России, что доклады Сераковского затребовал царь.

Против некоторых положений он сделал пометки: «Дай бог, чтоб и у нас так было». Это была любимая фраза Александра, приводившая многих царедворцев в восторг, и мало кто догадывался о лицемерии всемогущего деспота. Основная часть данных, собранных Сераковским в июле 1860 — феврале 1861 года, была опубликована в «Морском сборнике» в январе — апреле 1862 года под заглавием «Извлечения из писем о военно-уголовных учреждениях главнейших европейских государств».

Сераковский писал, что преобразования армии неизбежны в стране, приступившей к уничтожению крепостничества. Сохранение палок в армии немыслимо в стране, где нет рабов, а есть граждане, отбывающие воинскую повинность. Телесные наказания, подчеркивал он, унижают человеческое достоинство, убивают ту настоящую воинскую дисциплину, которая рождается из сознательного выполнения своего долга перед родиной. Палкой можно сколотить в огромные колонны автоматы, но палки не нужны, вредны в армии, где каждый солдат является самостоятельной воинской единицей, действующей мужественно, умело, инициативно. Уничтожение палок, отмечал Сераковский, требует коренного изменения и офицерского корпуса. В России слово «военный» звучит как синоним необразованного или малообразованного человека, который путем грубой силы заставляет себе повиноваться солдат. Но офицеры должны стать лучшими представителями умственной и нравственной силы нации, тогда солдаты будут гордиться ими, охотно повиноваться людям, которые выше их по уму и благородству мыслей и чувств. Таких людей они закроют в бою собственной грудью.

Выступление Сераковского против шпицрутенов было поддержано «Современником», опубликовавшим специальный очерк Яна Станевича «Чудо «Морского сборника». Станевич показал, как преображаются офицеры и солдаты, когда в подразделениях дисциплина строится на принципах гуманизма, сознательного отношения к делу, без зуботычин и палок. Статьи Сераковского и Станевича явились частью

борьбы, которую вели передовые русские офицеры против крепостнических порядков в армии и флоте.

Подавив в крови крестьянские выступления против грабительской реформы, разгромив студенческое движение, защитники реакционных средневековых порядков стремились спустить на тормозах и проекты военных реформ. В журнале «Военный сборник» в начале 1862 года появились очерки немца на русской службе, царского флигель-адъютанта князя Эмиля Зайн-Витгенштейн-Берлебурга. Автор бесцеремонно заявлял, что офицерам наука не нужна, а сила армии покоится на мордобое; розги тем хороши, что можно наказать солдата и на биваке, и в походе, и даже под обстрелом неприятеля. В двух официальных журналах одновременно печатались статьи, излагавшие две совершенно противоположные основы правопорядка в войсках. Случай беспрецедентный даже для царствования Александра II. И на этот раз симпатии правительственных органов были на стороне придворного. Но, к чести русских офицеров, в их среде оказалось достаточно лиц, открыто, вопреки нажиму начальства принявших сторону Сераковского.

В газете «Северная пчела» появилась статья, резко высмеивающая и позицию «Военного сборника» и особенно незадачливого защитника кнута и палки. Автор статьи писал, что офицеры еще помнят то время, когда «Военный сборник», руководимый группой молодых офицеров, горячо восставал против грубого обращения с солдатами, проводил гуманные идеи. И вот через пять-шесть лет тот же орган защищает мордобой. Ссылаясь на первую статью Сераковского, автор заявлял, что она красноречивее всего опровергает рассуждения Витгенштейна. Если, по мнению придворного, солдату розги так же необходимы, как хлеб, то передовое русское общество думает иначе. «За тебя, солдат, раздастся могучее слово в русской литературе», — писал неизвестный союзник Сераковского. По-видимому, он знал, что говорил, так как всего через два дня, 2 марта 1862 года, в той же газете появился протест ста шести офицеров, который квалифицировал позицию «Военного сборника» как

проявление невежества, возмутительного непонимания духа русского солдата и потребностей общества. Передовые круги общества с необыкновенным энтузиазмом встретили выступление ста шести офицеров. А. И. Герцен писал в те дни И. С. Тургеневу: «Я не намерен сидеть сложа руки, когда офицеры сотнями подписываются против телесных наказаний». Издатель «Колокола» видел в этом поступке офицеров ярчайшее доказательство, что армия переходит на сторону гуманизма против средневековья. Напуганные царские власти задавили начавшуюся в печати кампанию в поддержку протеста ста шести. Среди запрещенных цензурой материалов находилась и «Песнь о шпицрутене», подготовленная к публикации в сатирическом журнале «Искра».

Страшный вблизи и вдали
Всем, кто по службе беспутен,
Чадо немецкой земли
Гибкий и свежий шпицрутен.
«Смело его воспою», —
Вторит мне «Сборник Военный».
На бивуаках, в бою
Нужен шпицрутен почтенный,
В полночь, чуть свет на заре,
В самой отчаянной схватке,
Даже на смертном одре
В бедной походной палатке..

Высмеивая «Военный сборник», неизвестный поэт в примечании писал, что журнал, потерявший доверие читателей, подобен отставному офицеру, у которого вместо эполет остались от оных только дырочки на плечах мундира.

Кто же скрывался за подписью «106 офицеров разного рода войск»? Несколько лет тому назад удалось после долгих поисков найти в архивах бывшего военного министерства подлинник этого бесценного протеста. Как оказалось, по прямому приказу царя, не считаясь с редакционной тайной, этот документ был затребован военным министром Милютиным, который расценил его как нарушение дисциплины, воспрещающей действия «скопом или заговором».

Изучение подлинника документа, испещренного подписями, показывает, что инициаторами протеста были слушатели Академии генерального штаба, многие из которых были близкими товарищами Сераковского и Станевича, участниками литературных собраний у Домбровского. Среди других подписей стоит имя Николая Михайловича Пржевальского, впоследствии прославленного ученого, исследователя Азии.

Инициаторами протеста явились офицеры — слушатели Академии генерального штаба И. Фатеев, Н. Козлов, Н. Рошковский и др., связанные узами крепкой дружбы и общностью взглядов с Домбровским, Потебней, Сливицким, Аргнгольдтом и другими видными деятелями революционного движения в армии. Несколько позже они же организовали другой коллективный протест против злодеяний царизма — панихиду в Боровичах, о чем подробнее рассказано в очерке об Андрее Потебне. Выступления передовой части офицерского корпуса жестоко подавлялись царизмом, но не оставались бесследными.

Деятельность Сераковского и руководимого им офицерского союза протекала в обстановке революционной ситуации, возникшей в России на рубеже 50-х и 60-х годов. Под давлением демократической общественности и крестьянских волнений царское правительство оказалось вынужденным встать на путь реформ. Долгожданная крестьянская реформа освободила крестьян без земли. Помещики, в руки которых было передано осуществление реформы, лишали мужиков лесов и угодий, навязывали им по грабительской оценке выкуп самых плохих участков земли. Крестьяне повсеместно выражали недоверие к полученной «воле» и считали, что настоящая воля — впереди. В Петербург поступали донесения о том, что, выслушав «Положения 19 февраля», мужики заявляли, что настоящая воля придет, когда крестьянский топор пройдет по панской шее.

Крестьянские волнения 1861 года совпали с религиозно-патриотическими манифестациями в Царстве Польском, против которых царизм бросил войска. На улицах польской столицы пролилась кровь. В знак

протеста против злодеяний правительства во многих городах страны, в том числе и в Петербурге, состоялись панихиды по жертвам самодержавия, в которых совместно с поляками принимали активное участие многие русские студенты и офицеры. Осенью 1861 года в Петербурге, Москве, Киеве произошли массовые антиправительственные демонстрации и другие выступления студентов. Все эти события, как вспоминает Ян Станевич, оказали огромное влияние на Сераковского и его товарищей. Вместе со Станевичем Зыгмунт принял активное участие в сборе подписей под адресом в поддержку студентов, который передовая часть общества намеревалась предъявить царю.

Напряженная обстановка ускоряла дальнейший рост военно-революционной организации. Центр тяжести всей ее деятельности переносился из военно-учебных заведений и частей столичного гарнизона в войска, расположенные в Варшавском, Виленском, Киевском военных округах (система округов тогда только что вводилась военным министром Милютиным). Это были районы, где складывалась наиболее тревожная обстановка, где располагалась значительная часть царской армии и наиболее остро стоял вопрос о развертывании революционной пропаганды в войсках, принимавших непосредственное участие в подавлении крестьянских выступлений и патриотических манифестаций. Все эти изменения в сети военно-революционных организаций были неразрывно связаны с общим процессом консолидации революционных сил страны.

Революционные демократы во главе с Чернышевским ожидали, что крестьяне в ответ на грабительские положения 19 февраля возьмутся за оружие, и готовились возглавить народное возмущение, превратив его в демократическую революцию. В ряде прокламаций, изданных соратниками Чернышевского в России и в Лондоне Герценом и Огаревым, пропагандировалась идея народного восстания. В конце 1861 — начале 1862 года завершился процесс сплочения демократических сил страны. Многочисленные нелегальные организации, кружки и группы объеди-

нились в тайное революционное общество «Земля и Воля». Идейные основы этого общества были разработаны и пропагандировались в произведениях Чернышевского, Добролюбова, в статьях «Колокола», в нелегальных воззваниях. Основные программные принципы землевольцев сводились к уничтожению основы самодержавно-крепостнического строя — помещичьего землевладения и разделу земли между теми, кто ее обрабатывает, к ликвидации самодержавно-бюрократической машины и установлению народного, республиканского правления.

Русские революционные демократы не раз подчеркивали, что положение крестьян-великорусов существенно ничем не отличается от доли их украинских, польских, белорусских братьев, что они скованы одной цепью, что корень всех невзгод лежит не в национально-религиозной, а в социальной области, что в преследованиях иноплеменных народов повинны не русские крестьяне, а правительство, что только уничтожение царизма, власти крепостников-помещиков откроет путь к национальной и социальной свободе всех народов России. Русские революционные деятели считали, что движение в национальных районах должны возглавить местные революционные организации, которые будут действовать заодно с русской. Это интернационалистическое положение в тех условиях, когда у ряда народов пробуждалось массовое национальное движение, имело большое значение. «Мы можем свободно и без споров, побратски, разграничиться после, — писал Н. П. Огарев, — но освободиться друг без друга мы не можем. И польское общество, и литовское, и украинское, и русское общества должны представлять каждое одну из составных сил и потому действовать вместе».

Наиболее массовым и политически зрелым среди угнетенных народов Российской империи было польское национально-освободительное движение, и национальный вопрос в царской России в те годы в значительной степени связывался с польской проблемой. Борьба польского народа за социальную и национальную свободу протекала в сложных условиях. Завоевание национальной независимости было неотделимо от свержения отечественной феодальной аристократии и от аграрной реформы, которая являлась необходимым условием национального возрождения Польши. Польское национально-освободительное движение охватывало не только этнографически польские земли, но и территорию Украины, Белоруссии, Литвы. Борьба польского народа за свободу находила сочувственное понимание и поддержку передовой общественности всей России и прежде всего демократических сил Литвы, Белоруссии, Украины, которые, подобно Польше, также подвергались угнетению со стороны русского царизма. Движение не было однородным по своим социальным задачам. Это вызвало напряженную борьбу при выработке его программы и стратегии.

Крупное полуфеодальное польское дворянство, владевшее поместьями как на собственно польской территории, так и в Литве, Белоруссии, Украине, объединялось в партию «белых». Она возглавлялась группой польских магнатов и варшавских банкиров. В Литве и Белоруссии к этой группировке примыкало поместное дворянство, возглавляемое помещиками Якубом Гейштором, Александром Оскеркой и др. Они выдвигали программу пассивной, легальной оппозиции царизму (поэтому их называли иногда легалистами). «Белые» в Литве и Белоруссии приняли деятельное участие в подготовке грабительской «крестьянской» реформы, но считали необходимым дополнить ее введением польской культурно-национальной автономии. За литовским и белорусским народами они не признавали никаких прав.

Революционная патриотическая партия в польском национальном движении, оформившаяся к осени 1861 года, носила название «красные» (иногда ее называли партией движения). Она стремилась к уничтожению остатков феодализма и к завоеванию национальной независимости путем вооруженного восстания. Эта партия выражала интересы прежде всего рабочих, ремесленников, крестьян, но в нее входили и беспоместные, малоземельные шляхтичи, мелкие и

средние буржуа. Социальная и классовая разнородность этого широкого блока обусловила острую борьбу в нем по аграрному и национальному вопросам. Наиболее последовательно интересы народных масс защищала так называемая левица — революционно-демократическое крыло красных, возглавляемое Игнацием Хмеленским, а в дальнейшем Ярославом Домбровским, Зыгмунтом Падлевским, Брониславом Шварце. Они отстаивали необходимость совместных действий с революционными силами всей России, являлись последователями Чернышевского и Герцена, продолжателями радикальных интернационалистических традиций Адама Мицкевича, Петра Сцегенного, Эдварда Дембовского.

В сплочении сил левицы красных огромная заслуга принадлежит Сераковскому. В заграничных командировках (май 1860 — май 1861, август — декабрь 1862) он объехал чуть ли не всю Европу и даже часть Северной Африки. Он бывал в Лондоне, Париже, Берлине, Вене, Риме, Турине, Алжире, во дворцах королей и наместников, в хижинах рыбаков, в военных крепостях и арестантских ротах. И занимался он не только военной статистикой и военно-уголовными законами. Политические убеждения Сераковского, по словам Я. Станевича, не дождались бы осуществления, если бы он полагался на милость и добрые намерения царей. Убеждения, рожденные революцией, только революцию и считали единственно возможным путем общественного прогресса. Все благородные умы того времени были революционерами, был им Сераковский. Сама собой возникала между ними солидарность, основанная на общности убеждений. Идея всемирного братства народов имела много сторонников во всех странах.

В Европе, переживавшей в начале 60-х годов новый демократический подъем, Сераковский с наслаждением окунулся в революционную стихию. Всюду он знакомился с виднейшими представителями демократии и везде находил понимание и поддержку освободительных усилий польского народа. Он познакомился со многими членами парламентских оппозиций

крупнейших государств, стал другом Герцена и Гарибальди. К освободителю Италии он специально ездил на остров Капрера. Великий революционер, с именем которого связано освобождение Италии от иноземных поработителей и образование независимого объединенного государства, произвел огромное впечатление на Сераковского и сам полюбил эту пылкую восторженную душу. По словам друзей, Сераковский покинул родину Данте, преисполненный верой в скорое освобождение Польши

За границей Сераковский познакомился с руководителями различных фракций польской эмиграции. Но ни одна из них не имела программы, которую он мог бы назвать своей Наиболее отвечала его взглядам фракция Мерославского, ибо она не признавала иных путей освобождения отчизны, кроме вооруженного восстания. Но и Мерославский, по словам Станевича, не удовлетворил Сераковского. Он не имел надежных связей с Польшей, не располагал точной информацией, неверно оценивал настроения нации и средства, которыми может располагать восстание. Известно, что с именем Мерославского, одного из руководителей повстанческих попыток в Познани в 1846—1848 годах, многие польские революционеры связывали программу национального возрождения и социального обновления своей страны. Эти надежды были развеяны поведением Мерославского в восстании 1863 года. Однако критическое отношение к нему и до этого было свойственно наиболее радикальной части польского революционного лагеря и прежде всего членам организации, созданной Сераковским. О борьбе с Мерославским лучшей части эмиграции во главе с Зыгмунтом Падлевским речь впереди. Но нельзя не оценить, что Сераковский одним из первых подверг сомнению программу и действия Мерославского. Последний проповедовал необходимость примирения крестьян с помещиками, отрицал возможность русско-польского революционного союза. Обе эти ошибки были, естественно, взаимосвязаны. Кто не разделяет программу крестьянской революции у себя на родине, тот косо смотрит и на ее

приверженцев у соседей. Сераковский же союз с русскими революционерами рассматривал как основу грядущего восстания, мысля его не иначе, как революцию, осуществляемую совместными силами всех народов царской России.

В 1859—1862 годах Сераковский несколько раз посетил Вильно и возобновил старые дружеские связи с передовой интеллигенцией края. В Вильно существовала хорошо законспирированная нелегальная офицерская организация, возглавляемая капитаном генерального штаба Людвиком Звеждовским. Деятельными его помощниками были Ян Козелл-Поклевский, Валерий Врублевский, Клет Корево и др. Офицерская организация была связана с кружками молодежи и интеллигенции края, группировавшимися вокруг Константина Калиновского и ветеранов революционного движения в Литве братьев Францишка и Александра Далевских, с которыми Зыгмунт был хорошо знаком еще с 1846 года. Патриотическая дружная семья Далевских сыграла крупную роль в революционном движении в Литве и принесла на алтарь отчизны огромные жертвы. Александр умер от туберкулеза, нажитого на царской каторге, Титус был расстрелян Муравьевым, Константый — расстрелян версальцами, Францишек провел большую часть жизни в царских застенках, сестры и мать были в 1863 году высланы в Сибирь. Зыгмунт Сераковский с этой семьей неразрывно связал свое имя. Весной 1860 года он глубоко полюбил Аполлонию Далевскую, одну из первых красавиц Литвы. В июле — августе 1861 года Сераковский по поручению военного министра производил осмотр крепостей Виленского военного округа и был частым гостем в семье Далевских. Воспитанная в духе идей национально-освободительного движения, Аполлония не могла дать сразу определенного ответа на неожиданное предложение Зыгмунта. Родные услали ее в Ковенскую губернию, в местечко Кейданы, к сестре Юлии, жене учителя гимназии Беркмана (видного деятеля тамошней повстанческой организации). Девушке нужно было время, чтобы разобраться в своих чувствах, решить тревоживший ее вопрос: уместно ли в такое время думать о личном счастье? Из уст братьев она хорошо знала весь жизненный путь Зыгмунта. Первая встреча с Сераковским поразила ее. «Заинтересованная, я смотрела и думала: удивительное лицо, я выделила бы его среди тысячи самых умных людей, — писала она в своих мемуарах. — Поражало выражение разума, энергии, решительности, и при этом удивительная лучистость больших темно-серо-голубых глаз, отражавших каждую мысль, каждое чувство. Весь облик этого человека с первого взгляда захватывал, приковывал к себе». Между Аполлонией и Зыгмунтом завязалась переписка.

В июле 1862 года, получив новую заграничную командировку, Сераковский в сопровождении Яна Станевича приехал в Вильно, а затем в Кейданы. Там, в доме Беркманов, была отпразднована 30 июля (11 августа) 1862 года свадьба Зыгмунта и Аполлонии — последняя, по словам современников, мазурка на Литве перед восстанием. На свадьбе были многие близкие друзья, и между ними Ян Станевич, Кастусь Калиновский, Антанас Мацкявичюс. Был также на правах старого университетского товарища и Якуб Гейштор — глава аристократического крыла в польском движении на Литве. Встреча виднейших руководителей различных революционных течений во время свадебных торжеств была вызвана потребностями конспирации. Край был на военном положении, царские власти бдительно следили за жителями; нагайками разгонялись манифестации и демонстрации молодежи и горожан, подавлялись крестьянские волнения, были запрещены всякие публичные собрания, съезды дворян и т. д. И на свадьбу Сераковского пожаловали «голубые мундиры», но, увидев аксельбанты генерального штаба на женихе и его друге, поспешили ретироваться.

Друзья Сераковского собрались в тревожное время. Вопрос о вооруженном восстании русских и польских революционных сил был решен, но продолжались споры о его сроках, о выборе наиболее благоприятного момента.

Споры, разъединявшие революционеров, были, конечно, связаны и с определением программы восстания, его задач, движущих сил. В это время уже началось наступление реакции. В середине лета, накануне выезда Сераковского в Литву, царизм нанес давно подготовлявшийся удар по руководителям революционного движения. Н. Г. Чернышевский, Н. А. Серно-Соловьевич и другие видные деятели «Земли и Воли» были арестованы. «Современник» и «Русское слово» — ведущие революционно-демократические органы — запрещены, из армии начались увольнения «неблагонадежных» офицеров, вскоре были арестованы Я Домбровский и ряд его товарищей, готовилось введение в Литву и Польшу казачьих и гвардейских полков. Все это разрывало контакты и связи революционных организаций и групп, спутывало ранее намеченные планы.

В этой обстановке обострилась внутренняя борьба в повстанческом лагере. Дворянско-буржуазные националисты подняли голову, выступали против содружества революционных сил братских народов. На Украине их выразителями явились так называемые «громадовцы», выступившие против союза с польским революционным движением. Борьбу против украинских националистов начал перед арестом Чернышевский. В ряде статей, ссылаясь на Т. Г. Шевченко, он убедительно показал необходимость объединения революционных усилий русского, украинского, польского народов для сокрушения социального неравенства и межнациональной вражды. Сераковский продолжил эту борьбу с национализмом. Он опубликовал письмо Шевченко, чем документально подтвердил дружбу польского и украинского революционеров. В 1862 году во время поездки по Украине он встречался с руководителями молодежи, беседовал с крестьянами и вынес из поездки уверенность, что в случае восстания здесь можно рассчитывать на определенную поддержку.

Не удивительно, что собравшиеся в Кейданах в гостеприимном доме Беркманов друзья и соратники Сераковского не только вальсировали с очаровательной невестой и ее сестрами, но и оживленно обсуждали политическую обстановку в империи и Европе, перспективы грядущего восстания, в неизбежности и победе которого никто из них не сомневался. «В те дни, — вспоминает Гейштор встречу в Кейданах, — мы подолгу спорили с Зыгмунтом. Он верил в доброжелательное отношение к нам некоторых партий в России и в возможность восстания с их помощью». А у Гейштора такой веры не было. «Моя натура шляхетская», — говаривал он. «Кичливость, желание играть всюду главную роль не раз была причиной ложных его шагов», — пишет о Гейшторе жена Зыгмунта. Но за Гейштором, «шляхтичем демократического покроя» (опять же его определение), шли литовские дворяне — одна из серьезных сил в назревавшем восстании, с которой приходилось считаться. В то же время участие части польского дворянства в национально-освободительном движении, его влияние на программу и лозунги борьбы мешали выдвижению радикальных требований, способных увлечь крестьян — подавляющую часть польской нации и превратить восстание в грозную неодолимую силу. Вот что, по существу, скрывалось за фразами Гейштора о спорах его с Зыгмунтом.

В Кейданах Зыгмунт пробыл неделю, а затем с молодой женой через Вильно и Варшаву выехал за границу. Он побывал в Вене, жил в Париже, ездил в Алжир. Всюду он напряженно работал в архивах и библиотеках, посещал музеи и театры. Из Франции он отправил заболевшую Аполлонию домой. Он встречался с руководителями польского движения и русской революционной эмиграции. В Варшаве Сераковский обсуждал с членами Национального правительства обстановку, сложившуюся после ареста Домбровского, в Париже и, возможно, в Лондоне, подготовляя почву для переговоров русских и польских революционных деятелей. Бакунин, Герцен, Падлевский, Коссовский, Милёвич — вот далеко не полный перечень лиц, с которыми он встречался. В январе 1863 года Сераковский вернулся в русскую столицу. Проект об отмене шпицрутенов был готов.

В связи с окончанием длительной работы над проектом реформы, встретившей одобрение в правящих кругах, Сераковского ожидали «новые монаршие милости». Но в конце марта 1863 года капитан Сераковский отбыл из столицы в заграничный отпуск. Позже военный министр Милютин именовал его полковником. Возможно, что это не провал памяти автора «Моих старческих воспоминаний», а констатация факта. Приказ о его производстве в полковники был, повидимому, приурочен к оглашению указа об отмене телесных наказаний, назначенному на 17 апреля. Но след офицера Сераковского был потерян еще в начале апреля. Он сбросил царский мундир прежде, чем сменил на нем эполеты.

Ночью 10 (22) января 1863 года в Польше началось восстание. Центральный национальный комитет призвал народ к оружию. Плохо вооруженная, но вдохновленная высокими патриотическими стремлениями героическая молодежь напала на гарнизоны царских войск. Захватить арсеналы и крепости не удалось. Борьба приняла партизанский характер. Против хорошо вооруженной 120-тысячной карательной армии действовали несколько десятков тысяч вооруженных охотничьими ружьями повстанцев.

Изданные перед выступлением декреты Временного Национального правительства явились официальной программой восстания. Они объявляли ликвидацию сословных привилегий и феодальных повинностей, передачу в собственность крестьян земель, находящихся в их пользовании, наделение безземельных крестьян-повстанцев небольшими участками земли. Декреты были рассчитаны на привлечение к восстанию не только крестьян, но и дворянства, и оставляли поэтому за помещиками значительную часть земельных угодий. Несмотря на эту ограниченность, декреты имели огромное революционное значение. Они осуществлялись в ходе массового народного движения и могли послужить отправной точкой для его дальнейшего развития. Именно за превращение начавшегося восстания в аграрную крестьянскую революцию боролись польские демократы, поддерживаемые русскими и западноевропейскими революционерами от Маркса и Энгельса до Герцена и Гарибальди.

С успешным развитием восстания в Польше, которое вскоре распространилось на территорию Литвы и Западной Белоруссии, руководители «Земли и Воли» связывали начало русской крестьянской революции. «Земля и Воля» предполагала с помощью польских и литовских повстанцев сформировать русские республиканские дружины и двинуть их затем к центру страны под знаменем: воля — народу, земля — крестьянам. Действия этих дружин должны были усилить борьбу крестьян против помещиков и предопределить падение царизма. Революционное выступление готовилось русскими и польскими революционерами в Поволжье и Приуралье. Из Англии польские, западноевропейские и русские демократы направили морем к берегам Литвы специальную экспедицию во главе с полковником Лапинским, она должна была доставить повстанцам оружие, боеприпасы и командные кадры. На борту парохода находилось несколько русских революционеров во главе с М. А. Бакуниным, в те дни одним из руководителей «Земли и Воли». Эта группа должна была содействовать созданию русских революционных дружин и усилить радикальные демократические элементы повстанческого лагеря. В конце марта — начале апреля 1863 года А. И. Герцен, оценивая перспективы борьбы, отмечал, что дело революции идет семимильными шагами, что во многих пунктах кипит работа по созданию отрядов смельчаков, что близок час освобождения родины от царских оков.

Маркс и Энгельс, анализируя ход восстания, выражали надежду, что в середине марта должна начаться аграрная революция в России, и если повстанцы продержатся до этого срока, успех демократических сил в России и Польше обеспечен, а это в корне изменит всю обстановку в Европе.

8 апреля 1863 года Энгельс писал Марксу: «Литовское движение — сейчас самое важное, так как оно 1) выходит за границы конгрессовой Польши, и 2) в

нем принимают большое участие крестьяне, а ближе к Курляндии оно приобретает даже прямо аграрный характер». Эти строки, по сути дела, аттестация революционных усилий литовско-польских демократов, стоявших во главе повстанцев, оценка действий Зыгмунта Сераковского, Константина Калиновского, Антанаса Мацкявичюса. Это они подняли Литву и Беларусь, призвали крестьян к оружию, разворачивали здесь знамя аграрной революции.

22 марта (3 апреля) 1863 года Сераковский выехал из столицы. В Вильно на специальном заседании литовского повстанческого центра он принял пост командующего вооруженными силами Ковенской губернии. К этому времени во главе повстанцев Литвы и Западной Белоруссии встала группа Я. Гейштора, стремившаяся снять социальные лозунги восстания. Гейштор заверил Сераковского, что вся Литва ждет его прибытия, чтобы восстать как один человек, что повсюду в уездах созданы запасы оружия и боеприпасов, а добровольцы лишь ждут его сигнала, чтобы направиться к базам формирования. Давая эту информацию, Гейштор заведомо дезориентировал Сераковского. Вся подготовительная работа, которую он провел в губернии, заключалась в его хвастливых россказнях тамошним шляхтичам о поездках в Варшаву, о встречах с руководителями восстания, которые только и делали, что слушали советы Гейштора, учились у него уму-разуму.

Основываясь на полученной информации, Сераковский разработал план военных действий, предусматривавший концентрацию повстанцев Ковенской губернии в сильную многотысячную колонну для марша в Виленскую губернию, где восстание развивалось слабее. В остальных пунктах края должны были действовать небольшие отряды для отвлекающих маневров. Такое изложение плана Сераковского дает Гейштор По-видимому, на официальном заседании руководства Зыгмунт говорил что-то близкое к этой версии. Но Сераковский не вполне доверял Гейштору. В первые же дни пребывания в Вильно он собрал в своем номере гостиницы Нишковского приехавших

с ним офицеров — будущих начальников отрядов и военных руководителей, вызванных с мест, и обсудил с ними создавшуюся обстановку. На этом совещании Сераковский заявил, что основной целью повстанцев Литвы является распространение восстания на восток, широкое вовлечение в борьбу крестьян. Он был намерен, собрав сильную колонну, двинуть ее через Курляндию к Березине, с тем чтобы, используя недовольство латышей и эстов немецкими помещиками, поднять их на борьбу, а затем сделать то же самое в восточной Белоруссии. Поддержка крестьянства в условиях лесистой местности позволит повстанцам с успехом противодействовать сильным карательным отрядам. Оружие, необходимое для вооружения крестьян, и командные кадры, как надеялся Сераковский, вскоре прибудут морем из Лондона.

Соратники Сераковского, собранные им в Вильно, — Л. Звеждовский, братья Игнаций и Станислав Лясковские, Михал Гейденрейх, Юзеф Галензовский, Дмитрий Базанов, Станислав Олендзский и другие члены революционной организации — были направлены им по уездам в качестве командиров повстанческих отрядов и руководителей повстанческой администрации. Сам Сераковский вместе с И. Лясковским выехал в Ковно 3 (15) апреля. На одном из полустанков Сераковский и его спутники сошли с поезда и на заранее высланной повозке прибыли в столицу Жемайтии. Так произошло превращение офицера генерального штаба, направлявшегося в заграничный отпуск, в командующего повстанческими силами восставшей Литвы. Сераковский стал «Доленга» (в буквальном переводе с польского — «ловкий»).

В Ковно в каком-то заезжем доме Сераковского уже ждал Болеслав Длуский — видный деятель восстания, соратник Калиновского, незадолго до этого отстраненный группой Гейштора от руководства военными делами за свои чрезмерно демократические взгляды. До рассвета, склонившись над картой, проговорили два повстанца. У Сераковского, что называется, открылись глаза Прежние подозрения подтвердились. Длуский доказал обман Гейштора. Приглашая Сера-

ковского, Гейштор хотел его авторитетом прикрыть свои предательские действия по отношению к повстанцам-демократам. Отстранив путем интриги и вероломства от руководства Калиновского и Длуского, Гейштор столкнулся с противодействием рядовых повстанцев и начальников большинства отрядов, которые и слышать не хотели о подчинении такому заведомому защитнику помещиков, каким был Гейштор. Передавая Сераковскому командный пост, Гейштор хотел, как он сам выразился, спасти край от анархии. Но анархию, то есть полный развал повстанческого руководства, вызвали действия самого Гейштора и его сторонников. После многочасовой беседы с Длуским Зыгмунт вошел в комнату жены со словами: «Меня обманули, никто и ничто не ждет меня здесь, кроме смерти». Зыгмунт сгоряча решил было даже вернуться в Вильно, чтобы уличить обманщика, но скоро сообразил, что в одиночку будет просто бессилен что-либо предпринять. Он решил не отказываться от поста командующего, но бороться, не считаясь с Гейштором, по собственному плану.

Аполлонию Сераковский отправил в Кейданы, а сам в сопровождении И. Лясковского выехал 5(17) апреля в поневежские леса, куда приказал стягиваться местным отрядам и добровольцам из городов и местечек. В Жемайтии уже полыхало восстание. Антанас Мацкявичюс первым поднял знамя восстания в Литве. Вооруженными отрядами командовали Болеслав Колышко, Болеслав Длуский, Ян Станевич (Писарский) и др. Двум наиболее дисциплинированным и обстрелянным отрядам во главе с опытными командирами Длуским и Писарским Доленга приказал выдвинуться в леса в окрестностях Паланги, куда должна была прибыть морская экспедиция Лапинского, и обеспечить высадку ее участников на берег. В течение многих дней отряды безрезультатно маневрировали у побережья в окружении превосходящих сил карателей, которые тоже ждали прибытия десанта.

Как оказалось, капитан корабля был подкуплен агентами царизма и сорвал экспедицию.

Остальные отряды Сераковский стал концентрировать в поневежских лесах. Он стремился придать восстанию массовый народный характер, привлечь под повстанческие знамена местное литовское крестьянство. Его отряд быстро рос. В лагерь Доленги стекались революционная молодежь и окрестные крестьяне. Но острый недостаток оружия замедлял создание повстанческой армии. 6 (18) апреля в лагерь Сераковского прорвался через сильные заслоны карателей отряд Болеслава Колышки — в прошлом студента Московского университета, поборника русско-польского революционного союза. Его отряд уже получил солидную боевую закалку. Даже царские офицеры называли Колышку одним из самых смелых партизан Литвы. Он привел к Сераковскому двести тринадцать опытных воинов. Отряд Колышки вошел в колонну Доленги в качестве самостоятельной боевой единицы под названием Дубисский полк. Вскоре к колонне присоединилась группа Мацкявичюса. Общая численность повстанцев выросла до пятисот бойцов.

В районе роговских лесов Доленга был предупрежден крестьянами о приближении царских войск. Проводник, местный крестьянин, вывел карательный отряд на партизанскую засаду. Казачьи разъезды были пропущены без выстрела. Когда же на греблю, проложенную в болотистом лесу, въехали повозки с пехотой, Доленга подал условный сигнал, и проводник юркнул в кусты. Солдаты, соскочив с повозок, стали отходить, отстреливаясь на ходу, но тут Мацкявичюс повел косинеров в атаку. В конечном счете крестьянские косы одолели царские штыки.

Проведя еще несколько удачных боевых операций, колонна Доленги вошла в дремучие леса в окрестностях местечка Оникшты, в местность, известную упорной многолетней борьбой крестьянства. По-видимому, это обстоятельство было принято Доленгой во внимание при выборе места длительной стоянки. Здесь повстанцы задержались около недели. По окрестностям рассылались конные группы, которые ликвидировали царские органы управления, прекращали ра-

боту крестьян на помещичьих полях, вводили в жизнь аграрные декреты повстанцев о наделении мужиков землей. Сам Доленга подолгу беседовал с крестьянами, стекавшимися к его лагерю, разъясняя смысл повстанческих постановлений, обязанности и права восставшего народа.

В лагере под Оникштами Доленга собравшихся воинов (их было свыше двух тысяч) разбил на батальоны и взводы, назначил опытных командиров из своих товарищей по революционным кружкам. Каждый батальон насчитывал около трехсот бойцов, из которых часть была сведена в стрелковые взводы (плутоны), часть в косинерские, где преобладали крестьяне. Именно косинерам Доленга уделил особенное внимание, поставив во главе их лучших командиров. Все эти меры привели к тому, что, по выражению Мацкявичюса, Доленга дал действительно ловкое направление литовскому восстанию. В его отрядах вместе сражались петербургские студенты и ковенские гимназисты, вчерашние офицеры генерального штаба и канцеляристы, крестьяне и знатные аристократы, литовцы и русские, немцы и латыши. С оружием в руках к нему перешла группа драгун во главе с русским солдатом Андреем. Он пал в бою и был похоронен как неизвестный герой.

21 апреля (3 мая) повстанческая разведка принесла весть о приближении к лагерю крупных карательных сил. Передышка окончилась. К этому времени вся Жемайтия была охвачена пламенем народного восстания. Царские генералы забрасывали виленское и петербургское начальство депешами о том, что «шайки мятежников» непомерно растут, что «не только пролетариат, чиновники, но и сельское население стекается к ним», что достаточно в каком-нибудь многолюдном местечке появиться хотя бы пяти «мятежникам», как немедленно будут разгромлены органы полиции и местного управления. «Число войск при сложившихся условиях явно недостаточно, восстание быстро возрастает и грозит сделаться поголовным». Повсюду, по выражению царских чиновников и полицейских, повстанцы «провозглашают низвержение

с престола государя императора», «подрывают уверенность жителей в силу и авторитет правительства».

Получая подобные донесения, командующий войсками Виленского округа генерал Назимов решил двинуть в район Оникшт специальную карательную экспедицию в составе гвардейского Финляндского полка, усилив его казачьими эскадронами. Командиру полка генералу Ганецкому были предоставлены широкие полномочия. Он мог присоединять к себе по пути следования, в случае необходимости, встречные воинские колонны. Двинув вперед кавалерийские разъезды и рассадив пехоту на конфискованные у местного населения повозки, Ганецкий форсированным маршем двинулся в Жемайтию. Революционные круги Вильно, узнав о сборах Ганецкого, потребовали от Гейштора послать к Доленге специального курьера с предупреждением. Гейштор послал курьера, но тот «ехал так быстро» и так «отдохнул» в своем имении по пути, что отстал от колонны Ганецкого на несколько переходов. До Сераковского предупреждения друзей благодаря такой «поспешности» шляхетского гонца так и не дошли, тем не менее сложившуюся обстановку Сераковский оценил верно. Он видел концентрацию карательных сил вокруг своих отрядов и решил вывести их из готовящегося окружения.

Покинув лагерь, колонна Доленги широким почтовым трактом двинулась к местечку Свядощь в направлении крепости Динабург. Проходя через людные местечки и деревни, повстанцы демонстрировали населению свою силу, отряд пополнялся добровольцами. Доленга стремился ввести в заблуждение царских генералов. Он распустил слух, что идет на штурм фортов Динабурга, и некоторое время действительно шел в сторону мощной крепости. Был ли в какой-то мере реален план овладения крепостью? Да и существовал ли этот замысел? Перед восстанием Сераковский бывал в Динабурге в качестве инспектора военного министра, хорошо знал его укрепления. С двумя тысячами плохо вооруженных воинов напасть на форты можно было только внезапно, надеясь на восстание в кре-

постном гарнизоне. Но элемент внезапности в апреле, когда под крепостью уже появлялись повстанцы, отпадал совершенно; на помощь военных революционеров в самом гарнизоне надежда была слишком иллюзорна. Царские генералы позже посмеивались над этой, как им казалось, совершенно фантастической затеей. Но насмешки были не по адресу. Еще в лагере под Оникштами Доленга на военном совете сообщил офицерам отряда, что экспедиция с оружием и офицерами к берегам Литвы не прибыла, и поставил на обсуждение вопрос о марше в Прибалтику. Его план — поднять латышских и эстонских крестьян против немцев-баронов и царизма — был единодушно принят. Марш же по Динабургскому тракту на Свядощь был только отвлекающим маневром.

В лесах у Свядощи Доленга круто изменил направление. Разбив отряды на три колонны, он повернул их к курляндской границе. В центре шла колонна Доленги (четыре батальона), на флангах — справа Мацкявичюс, слева — Колышко с Дубисским полком. Пунктом сбора было назначено местечко Биржи (Биржай) у самой границы. Сераковский рассчитывал, что некоторое время каратели будут искать его по дороге на Динабург. За это время, оторвавшись от преследования, он выйдет за пределы Виленского военного округа в район, менее насыщенный войсками, и, пока командующие двух смежных округов будут координировать действия, он успеет найти общий язык с латышскими крестьянами.

Марш отрядов Доленги вдоль курляндской межи к Биржам современники называли триумфальным шествием повстанцев. «Везде народ встречал нас как родных, — рассказывал Доленга. — Крестьянки приводили к нам своих сыновей». «У меня, — говорил он, — было две тысячи воинов, будь оружие, через неделю создал бы десятитысячное литовское войско». С хлебом и солью встречали повстанцев литовские крестьяне. Праздничным перезвоном колоколов сопровождали местечки и села их движение. Повсюду повстанцы собирали крестьян и разъясняли им, что сражаются за их свободу, повсюду присоединялись к ним

добровольцы, но нехватка оружия заставляла принимать только тех, кто имел его. За колоннами повстанцев шли толпы крестьян, ожидая своей очереди на получение оружия. Капеллан отряда выступал с проповедями, разъясняя, что «разного рода люди идут на освобождение именно крестьян от подданнического звания». Действия Доленги были расценены царскими генералами как «коммунистические обещания». «Крестьяне почти все сочувствуют мятежу», — вопили местные начальники. «Это восстание есть народное», — говорил позже сам Сераковский. Именно так оно оценивалось и в «Колоколе» Герцена и в письмах Маркса и Энгельса.

Сераковскому не удалось оторваться от преследователей. Его марш-маневр был превосходно задуман и выполнен, но местное дворянство обеспечило Ганецкого полной информацией. Каратели поспешили вслед за колоннами Доленги, ведомые проводниками — помещичьими егерями и местными немцами-колонистами, превосходно знавшими биржанские леса. Это сводило на нет все преимущества повстанцев, прибегнувших к партизанскому образу действий, ставило плохо вооруженные крестьянские плутоны под удар вымуштрованных царских гвардейцев. 25 апреля (7 мая) в биржанских лесах соединились колонны Доленги и Колышки. Мацкявичюса, шедшего более дальним путем, ожидали к следующему дню. Не успели повстанцы разбить бивак, как внезапно были атакованы пехотой, казаками и драгунами. Проводники вывели авангард Ганецкого прямо на повстанческий табор. Повстанцы успели рассыпаться в цепи и, отступая перекатами, отстреливаясь, задержали атаку. Напоровшись на упорное сопротивление, каратели отошли. Повстанцы заняли позиции в лесу, ожидая колонну Мацкявичюса. Так закончился первый день битвы под Биржами — самой крупной и кровопролитной военной операции литовского восстания.

Из лесных завалов повстанцы видели, что к их врагу подходят подкрепления, но, ожидая третью свою колонну, особенно не беспокоились. К утру в район

Бирж вышли уже основные силы Ганецкого — гвардейцы. Первая же атака показала повстанцам, что они имеют дело с отлично обученными стрелками императорской гвардии, вооруженной новейшими дальнобойными штуцерами, перед которыми охотничьи ружья выглядели детскими хлопушками. В рядах карателей действовало около двухсот егерей и колонистов, имевших приказ бить по командным кадрам повстанцев. От их метких пуль в самом начале сражения пало несколько командиров, в том числе и начальники косинеров, подымавшие воинов в контратаку. После двухчасового упорного боя одно из крыльев повстанцев дрогнуло и начало отходить. Стремясь выправить положение, Доленга вскочил на коня и бросился к отступающим, намереваясь личным примером увлечь косинеров в рукопашную. По всаднику, замелькавшему в редколесье, каратели немедленно открыли учащенный огонь. Тяжело раненный пулей в спину, Доленга упал с коня. Подоспевший адъютант вынес его на руках с поля битвы.

Тяжелая рана командира еще более увеличила сумятицу в рядах повстанцев. Потеряв после пятичасового боя более ста человек убитыми, лишившись большинства командиров, они отошли. Дубисский полк во главе со своим отважным командиром задержал карателей и позволил вынести раненых и спасти обоз.

Ночь прекратила кровопролитие. Многих не досчитали в своих рядах восставшие. Раненый Доленга лежал у костра в лихорадке. Когда ему сообщили, что повстанцы встревожены его состоянием и высказывают опасения за дальнейшую судьбу отряда, Доленга нашел в себе силы принять делегацию от батальонов. Опираясь руками о землю, он привстал и, скрывая боль, сказал подошедшим, что благодарит их за мужество в бою, что ранен тяжело и временно покинет отряд, но надеется скоро вернуться и просит временно, до его возвращения, во всем повиноваться начальнику штаба Лясковскому

На третий день боя инициатива перешла полностью в руки гвардейцев. Попытки других повстанческих отрядов оказать помощь Доленге оказались безрезультатными. Отряд Людвика Людкевича — старого товарища Сераковского, спешивший к Биржам, после упорного боя был отброшен от этого района. Отходившие от Бирж по лесной дороге повстанцы Доленги были атакованы карателями. Внезапность нападения, невыгодность позиции, а главное — острая нехватка патронов не позволили повстанцам отразить натиск. Колышко успел развернуть часть стрелков в цепь и на какое-то время задержал атаку. Основную часть уцелевших повстанцев увел с собой в поневежские леса Мацкявичюс. Другая, значительно меньшая группа, возглавляемая Колышкой, имея на руках тяжело раненного Доленгу, укрылась в окрестностях Бирж. Сражение закончилось победой Ганецкого. Мацкявичюс, Дубисский полк, ушедший с ним, действуя потом и соединенными силами и порознь, вписали еще не одну славную страницу в историю литовского восстания, но Доленги с ними уже не было. Он не смог сдержать своего обещания и вернуться в строй борцов за свободу. Не смог, но не по своей вине.

Ганецкий, впоследствии комендант Петропавловской крепости, всегда потом хвастал победой под Биржами. Еще бы! Усиленный гвардейский полк за три дня все же справился с повстанцами, имевшими три сотни дробовиков, свинцовым ливнем рассеял вооруженных косами крестьян. Но как бы то ни было, победу все же одержал царский генерал, и бой под Биржами стал поворотным пунктом в развитии литовского восстания. После этой неудачи у повстанцев уже не было ни сил, ни умения предпринимать далеко рассчитанные смелые марши, подчиненные достижению крупных политических целей. Вопрос о прорыве в центр империи был снят. «С исчезновением со сцены Сераковского, — говорили царские генералы, — утратилось единство, которое замечалось в предшествующих действиях мятежников». «С поражением Сераковского, — писал позже Гейштор, — способного, благородного начальника Ковенского воеводства, судьба литовского восстания была решена». Восхваляя Зыг-

мунта, Гейштор забывает добавить, что в поражении человека, которого он всюду величал своим другом, значительная доля ответственности лежит на нем самом. Трудно провести грань между стремлением Гейштора сдерживать, как ему казалось, крайности, демократические увлечения Сераковского и прямым предательством. Но если в действиях Гейштора по отношению к Доленге-Сераковскому и не было сознательной измены, то среди дворян Литвы нашлись и такие, что поспешили выдать тяжело раненного соотечественника в руки царских генералов. Прикрывая неблаговидные действия этих добровольных помощников палачей, Ганецкий распустил слух, будто его солдаты, прочесывая леса, случайно наткнулись на уединенную мызу, в которой и обнаружили раненого Сераковского и весь его штаб, не пожелавший покинуть вождя и добровольно разделивший с ним участь пленников. Но в этом сочинении генерала нет ни грана правды.

Сераковский был выдан Ганецкому помещицей Косцялковской. Вот как это произошло. Раненого было решено переправить через границу. Нужен был соответствующий экипаж. У названной помещицы была рессорная повозка. Трижды повстанцы упрашивали ее, объясняя, зачем им нужен экипаж, трижды она отказывала им. Ее родственник, находившийся в группе Сераковского, решился забрать экипаж без разрешения хозяйки. Этого она не перенесла. Встав на защиту своей собственности, попранных дворянских прав, Косцялковская бросилась к исправнику за помощью. В доме исправника находился Ганецкий. Вот так и наткнулись «случайно» на раненого.

Сераковский, Колышко и другие пленные были привезены в Вильно. Раненый Сераковский был помещен в военный госпиталь, Колышко сразу же предстал перед следственной комиссией. Все усилия царских офицеров получить от него какие-либо данные о действиях революционных сил оказались тщетны. Он давал точные описания военных столкновений с войсками, полемизировал с официальными сообщениями о результатах боев, но не назвал ни одного лица, оставшегося в строю. На прямой вопрос о руководителях движения он написал: «То, что существует Комитет, мне известно, но кто такие его члены, решительно не знаю...» Колышко решительно отверг обвинение, что действовал против русского народа: «Я во всех моих действиях и поступках имел всегда целью добро моего отечества и шел по дороге, какая всем и мне казалась доступною для достижения того. Любя отечество свое, я вместе с тем уважал прочие народности, а потому противу целости и пользы Российского государства я никогда не действовал. Тем кончаю мое объяснение». Получив эту отповедь, чиновники поспешили с завершением следствия. Начался военно-полевой суд, в протоколе которого отмечено, что Колышко вел себя во время заседания смело.

Во время суда над Колышкой в Вильно прибыл вновь назначенный генерал-губернатор края М. Н. Муравьев с широкими, подлинно диктаторскими полномочиями. Муравьев стяжал славу ренегата еще в 1825 году, затем прославился как палач повстанцев 1830 года. В годы «крестьянской реформы» он выступал даже против «Положений 19 февраля», находя их разорительными для помещиков. К его фамилии прочно прилепился титул «Вешатель». Он сам цинично говаривал, что он не из тех Муравьевых, которых вешают, а из тех, которые вешают. Царь знал, кого послать в «мятежную» Литву. Еще по дороге в Вильно он начал утверждать смертные приговоры. Отважный Колышко был одной из первых его жертв. Муравьев приказал повесить храбреца в Вильно публично на одной из площадей. Колышку вешали дважды. Вначале веревка оборвалась, крик ужаса и негодования раздался над площадью. Но палачей это не остановило. Полузадушенный, окровавленный повстанец вновь закачался под перекладиной.

С не меньшим изуверством терзали и тяжело раненного Сераковского. Пуля раздробила ему три ребра, но это установили не сразу и потому трижды повторяли операцию. Раненый не мог приподняться на кровати, был в тяжелом забытьи, часто бредил. Рево-

люционная молодежь Вильно разрабатывала один за другим смелые планы похищения Сераковского и вывоза его из города на лодке в ближайшие отряды повстанцев, однако Сераковский отклонил эти замыслы.

К раненому подсылали родственника Муравьева, князя Шаховского, знавшего Зыгмунта по университету и академии. Князь слыл либералом, болтал в свое время о конституции и у постели раненого прикинулся его другом. От имени Муравьева он заявил, что если Сераковский любит свою родину, то может предотвратить многие несчастья. Нужно написать памятную записку о положении в стране. По существу, это означало: выдай товарищей, и тебя помилуют. Сераковский, естественно, отказался от этого предложения, адресовав Шаховского к рукописи «Вопрос польский». Убедившись в провале подлого замысла, Муравьев изменил тактику и приказал «немедленно открыть над Сераковским военно-полевой суд». Расчет был прост — раненому только что произвели третью операцию, он обессилен, смертный приговор может сломить его и заставить дать «чистосердечные показания».

11 (23) июня у постели Зыгмунта состоялась сцена, именовавшаяся военно-полевым судом. Несколько часов подручные Вешателя терзали измученного, изнуренного физическими и нравственными страданиями Сераковского, переходя от угроз к льстивым обещаниям и посулам. Он не потерял власти над собой и никого из соратников не выдал. Ему вынесли смертный приговор и в ответ услышали не просьбу о помиловании, а заявление: «Суд надо мной должен быть гласным!» Но этого-то как раз и избегал Муравьев.

Расправа над Сераковским — офицером, публицистом, широко известным не только в России, имевшим знакомых среди членов дипломатического корпуса, — встревожила сановный Петербург. По свидетельствам современников, частично подтверждаемых и документами, какое-то участие в судьбе Сераковского приняли генералы Суворов, Милютин, английский посол

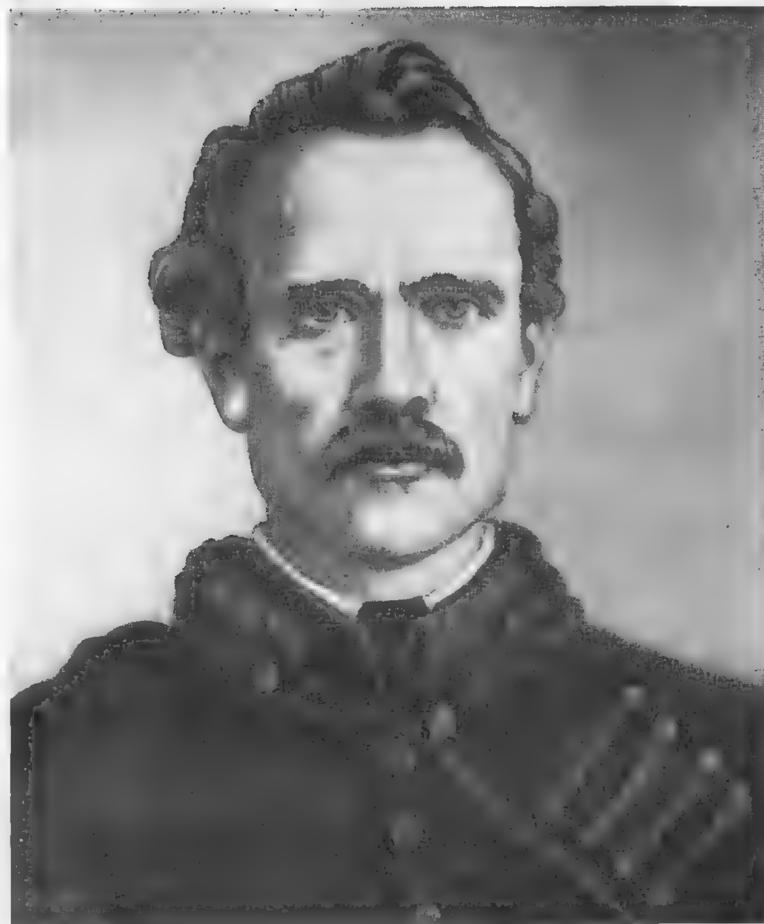

Знамя польских повстанцев 1831 года.

Петербург в середине XIX века.

Зыгмунт Сераковский.

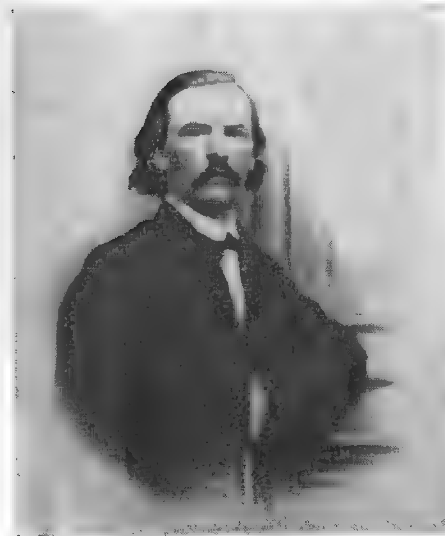
Зыгмунт Сераковский в форме офицера генерального штаба русской армии.

Юзефат Огрызко.

Аполлония Далевская (Сераковская).

Якуб Гейштор.

Н. Г. Чернышевский.

Н. П. Огарев и А. И. Герцен.

Фердинанд Варавский.

Ян Савицкий.

Группа петербургских студентов и офицеров-поляков (фото 1862 г.).

«Куют косы». Рис. А. Гротгера.

Ярослав Домбровский.

Ярослав Домбровский. Фото 50-х годов.

Пелагия Згличинская (Домбровская).

Группа членов петербургского военно-революционного кружка. Фото 1861 года.

Ворота варшавской Александровской цитадели.

ДОПОЛНЕНІЕ

КЪ СУТОЧНОМУ ПРИКАЗУ

по московской полиціи,

на 3 число Декабря 1864 года, за № 339.

2 ч. Декабря по время сопровожденія въ бани [illegible] арестантовъ изъ Калымажнаго двора, бѣжалъ [illegible]рестантъ бывшій [illegible] Ярославъ Домбровскій.

Примѣты его: большаго роста, блондинъ, средняго тѣло-сложенія, усы небольшие, закрученные въ [illegible]рху, борода едва замѣтная, носъ прямой, глаза небольшие сѣрые, ротъ правильный, лице нѣсколько ху[illegible]щавое, чистое, [illegible]тъ не болѣе 30.

Постоянная одежда его была: дубленый полушубокъ, сѣрый [illegible] шарфъ, личные длинные сапоги, [illegible]рая мерлушковая шапка.

Предписываю по Полиціи принять самыя дѣятельныя мѣры къ розыску Домбровскаго и по оты[illegible]сканіи сдѣлать у него обыскъ, задержать его и мнѣ донести.

Подписалъ: Генералъ-[illegible], Графъ Крейцъ.

[illegible]

Приказ по московской полиции о розыске Ярослава Домбровского.

Ярослав и Теофиль Домбровские.

Игнаций Хмеленский

COMMUNE DE PARIS

GÉNÉRAL COMMANDANT EN CHEF

RÉPUBLIQUE FRANCAISE

Quartier Général de

le 14 mai 1871

Laissez passer Citoyen Bronislas Wolowski hors de Paris.

Général Commandant en chef

J. Dombrowski

Пропуск из Парижа на имя Бронислава Воловского, подписанный главнокомандующим 1-й армии Парижской коммуны генералом Ярославом Домбровским.

Ярослав Домбровский.

лорд Нэпир, действовавший будто бы по просьбе королевы Виктории. О ходе следствия извещался и царь, осведомлявшийся даже о состоянии раненого. Все эти действия, расспросы, выражения сожаления и ложного участия преследовали, однако, по сути дела, лишь одну цель — снять с себя всякую ответственность за происходящее, переложить ее на Вешателя. А виленский сатрап, облеченный «особым монаршим доверием», похвалялся: «Я его не расстреляю, я его повешу!»

13 июня Муравьев утвердил приговор: «Соглашаясь с мнением военно-судной комиссии, я определяю: Сераковского казнить смертью, но вместо расстрела — повесить, исполнив приговор над ним в Вильно, на одной из площадей города публично». В ночь перед казнью Муравьев вновь предложил Сераковскому, со ссылкой на императора, купить жизнь и полное помилование ценой предательства. К этому предложению Сераковского специально готовили. Незадолго перед этим к нему неожиданно ввели жену. Палачи знали, что делали. Аполлония ждала ребенка, было известно, как горячо Зыгмунт любит ее, как нежно о ней заботится. Расчет был прост: увидит ее страдания — не выдержит, предложение, переданное от имени монарха, довершит остальное. Вечером 14 (26) июня доверенный Муравьева, виленский полицмейстер повез Аполлонию в госпиталь. Она еще ничего не знала о готовящейся расправе. «Всю дорогу, — вспоминает Сераковская, — я думала о том, чтобы владеть собой, чтобы удержаться от слез, чтобы своими страданиями не увеличивать его тяжкой доли, не бередить его раны. У кровати раненого стоял стол, за которым сидел комендант Вяткин и какие-то члены комиссии, а в дверях шесть солдат, столько же за дверью в коридоре. Дали четверть часа. От этих коротких пятнадцати минут на всю долгую, тяжкую жизнь в моей памяти осталась безграничная мука на лице любимого, лоб, ладони и щеки, горящие огнем, глаза его, сияющие от счастья, губы, радостно улыбавшиеся. При встрече он не обращал внимания на присутствие врагов, казалось, не видел и не знал их.

Я встала на колени у кровати. «Полька, — сказал он вполголоса, — вчера я подписал себе смертный приговор словами: «ничего не знаю, а если б и знал, не скажу вам». Не знаю, что случилось со мной, последние слова, которые я расслышала, были: «Боже! Тебя не подготовили, тебя не предупредили, что это наше последнее свидание!»

Ночью на листке, вырванном из библии, Зыгмунт писал жене: «Анели моя! Узнал, что жить и быть свободным могу под одним условием — выдачи лиц, руководящих движением. Гневно отверг. Дано мне понять, что подписал свой смертный приговор. Если суждено умереть — умру чистым и незапятнанным. Скажи же ты мне, Анели, разве я мог ответить иначе? Я тебя любить буду, буду витать над тобой и нашим младенцем, а потом вновь встретимся в том, ином мире. Считай, что в понедельник я буду мертв».

Наступило серое мглистое утро — утро казни 15(27) июня 1863 года. Глухая дробь барабанов раздалась над городом. Жена, нет, вдова героя стояла у окна квартиры, ожидая последнего обещанного ей накануне свидания с мужем. Но прибыл полицмейстер и заявил: «Августейший государь возвращал вашему мужу свою милость, чины, почести и посты при условии, выдвинутом генерал-губернатором Муравьевым, — открыть имена лиц, принадлежащих к Национальному правительству. Ваш муж отклонил монаршую милость, не открыл требуемых имен и потому сейчас, когда я это говорю, погибает позорной смертью на виселице». Это было в десятом часу утра.

«И стоя под виселицей, я буду протестовать против варварского беззакония», — говорил гневно Сераковский. Так он и поступил.

«Не думал я»,— писал А. И. Герцен в некрологе,— «что передо мной будущий мученик, что люди, для избавления которых от палок и унижения, он положил полжизни, — своими руками, его раненого, его не стоящего на ногах вздернут на веревке и задушат... У кого правильно поставлено сердце, тот поймет, что

Сераковскому не было выбора, что он должен был идти с своими... И такая казнь!»

Ночью тело Сераковского было тайно зарыто на вершине Замковой горы в Вильно, у основания башни Гедемина.

Захламленные Лукишки, где казнили Сераковского, теперь одна из красивейших площадей столицы Советской Литвы. Она носит имя Ленина. Здесь на мраморной плите высечены имена Зыгмунта Сераковского и Константина Калиновского. Над плитой шумят молодые липы и не увядают букеты красных гвоздик.

Ярослав ДОМБРОВСКИЙ

Весной 1862 года среди подпольщиков Варшавы широкую известность приобрел один из офицеров русских войск, получивший за свой небольшой рост ласковое прозвище «Локоток». Он имел чудесную способность появляться чуть ли не одновременно в разных концах города для того, чтобы встретиться с офицерами или солдатами, с рабочими или ремесленниками, со студентами или чиновничьей мелкотой из многочисленных варшавских канцелярий. Человек исключительных способностей, веселый и остроумный, он всегда был вожаком и любимцем товарищей. Вера в неизбежность победы революции настолько переполняла его, что когда он говорил, быстро переводя внимательный взгляд серых глаз с одного из собеседников на другого, невозможно было оставаться равнодушным к его словам, трудно было не поддаться его горячим доводам. Не случайно люди, близко знавшие Локотка, сравнивали его с вечно извергающимся вулканом. Это был штабс-капитан Домбровский, приехавший в Варшаву из Петербурга после окончания Академии генерального штаба.

Ярослав родился в Житомире 13 ноября 1836 года. Отец его, Виктор Домбровский, происходил из старого дворянского рода, давно уже переселившегося на Украину из центральной части Польши. Не имея иных источников существования, В. Домбровский служил архивариусом в Волынском дворянском собрании. Мать Ярослава — Софья — происходила из полонизовавшегося рода курляндских дворян Фалькенхагенов-Залевских, такого же неимущего, как и род ее мужа.

Ярослав обладал живым характером, пытливым умом и прекрасной памятью; он был общителен и приветлив. Родные и близкие не чаяли в нем души. Но счастливое детство длилось недолго: мальчику пришлось оставить дом и семью. Недостаток средств заставил родителей выбрать для Ярослава военную карьеру; в 1845 году девятилетнего мальчика отвезли в Брестский кадетский корпус.

Николай I, начавший свое царствование беспощадной расправой над декабристами, установил в армии жестокую палочную дисциплину. Вкус к ней будущим офицерам начинали прививать с самых первых шагов их на военном поприще. В Брестском кадетском корпусе режим был особенно тяжел, а среди офицерского состава и преподавателей более обычного процветали рукоприкладство и розги. Это объяснялось тем, что три четверти воспитанников в корпусе были польского происхождения, а каждого поляка царские власти привыкли считать «мятежником». Домбровскому пришлось убедиться в этом очень скоро. Через несколько дней после его приезда в Брест корпус посетил царь. В длинной шеренге воспитанников он обратил внимание на смышленое лицо одного из стоящих на левом фланге мальчиков, которому в спешке забыли остричь светлые вьющиеся волосы. Царь остановился, поднял его на руки и спросил о фамилии и происхождении. Услышанное в ответ: «Домбровский, поляк», — вызвало у Николая I такую вспышку гнева, что он бросил маленького кадета на пол, да так, что тот потерял сознание.

Домбровский оставался в кадетском корпусе до 1853 года. За восемь лет многие его товарищи, сломленные муштрой, зубрежкой и телесными наказаниями, превратились в послушных слуг царизма. Зато других, в том числе и Домбровского, говоря словами Огарева, «узкое, тупое, нечеловеческое воспитание домучило до понимания свободы».

Два года после окончания корпуса Домбровский провел в Петербурге, в Дворянском полку, переименованном позже в Константиновское военное училище. В этом учебном заведении завершали образование

воспитанники тех провинциальных кадетских корпусов, в которых не преподавались военные дисциплины.

Высокий общий уровень преподавания, наличие прекрасных специалистов и прогрессивно настроенных лиц среди преподавателей, оживляемая событиями Крымской войны идейно-политическая и культурная жизнь столицы — все это, несомненно, оказывало влияние на формирование мировоззрения Домбровского, ускоряло его духовное развитие. Целый ряд будущих соратников Домбровского по революционной борьбе находился в училище одновременно с ним.

После десяти лет регламентированной до мелочей жизни в кадетском корпусе и военном училище Домбровский был произведен в офицеры. Независимое положение, новый с иголочки мундир и первое в жизни собственное жалованье! Мало у кого из юных выпускников все это не вызывало головокружения, не порождало радужных надежд и грандиозных планов. Мало кто не забывал на время, что независимость младшего офицера царской армии весьма относительна, жалованье — невелико, а расчеты на блестящую карьеру при отсутствии протекции более чем эфемерны. Отдал дань юношеским иллюзиям и Домбровский, получивший чин прапорщика в девятнадцать лет. Это произошло летом 1855 года. Царские войска вели тогда бои в Крыму и в предгорьях Кавказа. Домбровский считал военное дело своей специальностью и мечтал о ратных подвигах. Свое назначение в 19-ю артиллерийскую бригаду, действовавшую на Северном Кавказе, он воспринял с радостью. В тот момент он еще не знал, что участие в войне, которую царизм вел против свободолюбивых народов Кавказа, скоро станет для него тягостным делом.

Первое время по прибытии в часть Домбровский весь отдался службе и легко освоился со своеобразной, полной опасностей жизнью кавказских офицеров. Постоянной готовностью к участию в разного рода вылазках и засадах, доходящей до безрассудства смелостью в бою и веселым характером Домбровский быстро приобрел уважение сослуживцев.

Служба шла вполне успешно. Но постепенно в молодом офицере назревал перелом: он посерьезнел, стал уклоняться от обычных развлечений, пристрастился к чтению, даже бросил курить, чтобы скопить деньги на покупку книг. Знакомые заставали его теперь то за военно-историческими сочинениями Михайловского-Данилевского, то за учебником тактики или воинскими уставами. Часто он принимался в их присутствии за решение математических задач, упражнялся в вычерчивании топографических знаков либо с увлечением брал в руки свежий номер «Современника», «Военного сборника» или «Артиллерийского журнала».

Кое-что, впрочем, Домбровский предпочитал читать в одиночку или только с ближайшими друзьями. Это были листы «Колокола», ходившие по рукам и среди офицеров Кавказской армии, появлявшиеся неизвестно откуда номера «Полярной звезды», на обложке которой были изображены пять казненных декабристов, и, наконец, рукописные тетради с произведениями так называемой «потаённой поэзии».

В 1858 году у Домбровского созрело решение поступить в военную академию. Последующие полтора года он все свободное время посвящал подготовке к вступительным экзаменам. Это дало свои результаты: экзамены прошли успешно, и в конце 1859 года Домбровский, зачисленный в Академию генерального штаба, оказался в Петербурге.

Среди слушателей академий и офицеров, находящихся в столичном гарнизоне частей, Домбровский встретил знакомых по кадетскому корпусу и училищу. Через них и через З. Сераковского, с которым он сошелся в первые же недели по приезде в столицу, Домбровский познакомился со многими оппозиционно настроенными офицерами (русскими и поляками). Через короткий промежуток времени он оказался в числе наиболее энергичных деятелей офицерских революционных кружков.

Еще во время вступительных экзаменов Домбровский решил поселиться вместе со своими ближайшими друзьями Фердинандом Варавским, Иеронимом Станевичем и Михалом Гейденрейхом. Сравнительно

недалеко от академии была найдена просторная квартира, в которой молодые офицеры расположились так, что каждый из них имел отдельную комнату, а очень просторная прихожая, оставшаяся свободной, служила общей гостиной. Большая часть времени уходила на изучение дисциплин академического курса: программа была очень напряженной. Но нередко друзья сходились в гостиную не для решения тактических задач, а чтобы вместе почитать или поделиться новостями политического свойства.

Все четверо жили только на офицерское жалованье, большая часть которого уходила на оплату квартиры и стола. Несмотря на недостаток времени и средств, один день недели предназначался для приема друзей и знакомых. В этот день комнаты заполнялись военной и студенческой молодежью.

За время пребывания в академии квартира менялась, но уклад жизни оставался тем же. Сохранялся и обычай сходиться раз в неделю на собрания, которые их участники полушутя называли литературными вечерами.

Постоянными посетителями вечеров были участники созданного Сераковским революционного кружка из офицеров Академии генерального штаба — кружка «генштабистов», как его именовали обычно. Часто заходили члены офицерских кружков, существовавших в Инженерной и Артиллерийской академиях. Эти кружки возникли несколько позже и под влиянием кружка генштабистов; первый из них часто назывался также кружком военных инженеров, а второй — кружком чернышевцев, так как участники его считались наиболее стойкими последователями Н. Г. Чернышевского. Бывали и члены кружка из Константиновского военного училища.

Конечно, это были не светские рауты, а полулегальные собрания революционной организации, хотя повестка дня не фиксировалась заранее, протоколов не велось и голосований, как правило, не проводилось. Собравшиеся (их набиралось иногда до тридцати-сорока человек) расходились обычно по комнатам или группами располагались в гостиной, чтобы обме-

няться новостями, поговорить о прочитанной книге, поспорить о путях освобождения человечества, помечтать о той поре, когда не будет тиранов и рабства, когда удастся покончить с нищетой и бесправием. «Обыкновенно, — как рассказывает один из участников собраний, — разбирались различные вопросы, и там все выходило на сцену: история, права, проекты, образование, восстание, организация и т. д.».

Постепенная активизация петербургских офицерских кружков была теснейшим образом связана с нарастающим общественным подъемом в стране, с ростом крестьянского движения, со все усиливающимся брожением в Польше. Первое время антиправительственные настроения участников кружков не претворялись в сколько-нибудь определенные планы и намерения. Заметный перелом произошел в конце 1860 года. К этому времени относятся два события, в которых Домбровский принял самое деятельное участие.

Участники кружков внимательно следили за манифестациями, начавшимися в Варшаве с мая 1860 года, полагая, что ход событий может привести к революционному взрыву. Нужно было выяснить, какие общественные силы участвуют в манифестациях, решить, как к ним относиться, выяснить возможность восстания. Решили во время рождественских каникул послать в Варшаву своего представителя для выяснения обстановки и установления контакта с конспиративными организациями. Выбор пал на Домбровского. Он и без того собирался совершить такую поездку, чтобы проведать родственников и побывать в Варшаве. Собранные товарищами деньги пополнили его сбережения, а их поручение вполне соответствовало его собственным планам. Поездка была интересной и полезной. В памяти Домбровского она отпечаталась особенно ярко потому, что именно в эти дни впервые он увидел столицу Польши и установил контакт с действовавшими в ней конспиративными организациями. По возвращении из Варшавы в январе 1861 года Домбровский выступил как решительный сторонник развертывания конспиративных организаций с целью подготовки к восстанию.

В конце 1860 года произошло событие, непосредственно затронувшее участников петербургских кружков и оказавшее несомненное влияние на их состав и политическую активность. От слушателя Инженерной академии подпоручика Никонова начальство потребовало извинений перед одним из преподавателей за «неуместное объяснение» с ним. Преподаватель был поклонником николаевских методов воспитания и не отличался корректностью в обращении со слушателями. Никонов отказался принести извинения, хотя ему пригрозили исключением Его решение было поддержано всеми слушателями академии, которые единодушно решили оставить ученье, если эту угрозу приведут в исполнение. В октябре 1860 года был исключен защищавший Никонова подпоручик Лебедев, и тут же начальник академии получил рапорты почти от всех обучающихся офицеров с просьбой об отчислении. Под действием угроз и уговоров начальства одиннадцать рапортов было взято назад, а остальные сто пятнадцать офицеров остались непоколебимыми. Было назначено следствие, готовилась судебная расправа. Но, испугавшись общественного мнения, царь решил замять дело: офицеры, не взявшие рапорты, были наказаны административным порядком.

Несмотря на принятые меры, «история» в Инженерной академии имела значительный общественный резонанс. Этому содействовали публикация упомянутого приказа, быстро доставленного в Лондон, в номере «Колокола» от 3 (15) февраля 1861 года, а также предпосланная публикации статья Герцена «Сто пятнадцать благородных офицеров». «Россия, — писал Герцен в этой статье, — может радоваться и гордо смотреть на свою молодежь. В одном военно-учебном заведении нашлось сто двадцать шесть офицеров, которые предпочли обрушить на себя всяческие гонения, испортить свою карьеру, чем молчать перед нелепыми поступками начальства. Только одиннадцать раскаялось. Недаром мы с такой теплой надеждой смотрим на молодое поколение военных. Честь им и слава». Эти слова были хорошо известны многим офицерам.

Участниками «истории» в Инженерной академии

являлись многие из посетителей литературных вечеров на квартире Домбровского и его товарищей, в частности братья Петр и Николай Хойновские, Витольд Миладовский, Гаспер Малецкий, Николай Васьковский и др. Домбровский и весь кружок генштабистов не только внимательно следили за ходом событий, но и помогали участникам «истории» своими советами. Конечно, в числе ста пятнадцати ушедших из академии офицеров были люди политически индифферентные, вовлеченные в антиправительственную демонстрацию силой обстоятельств. Однако для многих из них «история» явилась решающим поворотным пунктом, обусловившим их присоединение к революционному лагерю. «История» в Инженерной академии повлияла и на других офицеров, вызвав приток новых сил к офицерским кружкам в войсках Петербургского гарнизона и в других местах, в особенности там, куда попадали откомандированные участники «истории». Домбровский не раз убеждался в этом, наблюдая за ними в Варшаве и ее окрестностях. В трех саперных батальонах, расположенных в Польше, бывшие участники «истории» на его глазах сплотили вокруг себя крепкие революционные кружки.

Чем дальше, тем больше дискуссии на литературных вечерах у генштабистов, как и в других офицерских кружках, сосредоточивались на подготовке вооруженного выступления, на расширении сети и укреплении готовивших его конспиративных организаций. Эти вопросы всплывали едва ли не каждую неделю, но особенно горячо они обсуждались на тех ноябрьских встречах, которые были посвящены годовщине восстания 1830—1831 годов *. Так было в 1860 году. Так было и в ноябрьский вечер 1861 года, когда споры достигли наибольшей остроты, когда стали особенно очевидными имевшиеся разногласия. Не все посетители литературных вечеров были сторонниками вооруженного восстания, а некоторые, признавая его

* Восстание 1830—1831 годов началось 17 (29) ноября 1830 года, поэтому в Польше его называют ноябрьским, а восстание 1863—1864 годов — январским (по дате его начала в 1863 году).

неизбежность, отодвигали выступление на неопределенно длительный срок. Часто спорили о целях восстания: сводятся ли они к восстановлению независимой Польши или предполагают достижение важных социальных реформ. Не было единства в вопросе о том, что должно получить крестьянство при ликвидации крепостного права, и о том, насколько широко следует привлекать к подготовке восстания наряду с выходцами из дворянства — офицерами, студентами и т. д. также и широкие слои трудящихся. Домбровский и его единомышленники выступали за подготовку восстания в кратчайшие сроки, считали, что городскую бедноту и крестьян следует вовлекать в создаваемые конспиративные организации, доказывали, что целью борьбы наряду с восстановлением Польши должны быть широкие социальные преобразования во всей Российской империи. В тот ноябрьский вечер они до хрипоты спорили с теми, кто придерживался иной точки зрения, кое-кого перетянули на свою сторону, но до полной победы было еще далеко.

Два года, проведенные Домбровским в Петербурге, не были потрачены попусту. Он не только получил самое совершенное в существующих условиях военное образование, но и окончательно решил, что применит свои знания и способности тогда, когда придет время борьбы против крепостничества и самодержавия, встав на сторону борцов за свободу и независимость для польского народа, за землю и волю для всех народов России.

Петербургский отряд революционных борцов, в создании которого Домбровский принял деятельное участие, это почти два десятка кружков; в каждом из них было по десять-двадцать, иногда тридцать человек, лишь в кружке генштабистов число участников приближалось к сотне. Кружки были связаны друг с другом, хотя, конечно, и в идейном и в организационном отношении степень единства их была еще не так велика. В большинстве своем участниками кружков являлись офицеры, отчасти готовящиеся к производству в офицерский чин старшие воспитанники военно-учебных заведений; было немного студентов и вообще гражданских лиц: во всех кружках их насчитывалось около десяти человек. По возрасту это были сравнительно молодые люди, но вовсе не зеленая молодежь. Поручики, штабс-капитаны и капитаны составляли в кружках примерно половину; немало было в них, разумеется, и недавно получивших чин прапорщиков и подпоручиков, но членами кружков являлись более пятнадцати подполковников и полковников. Судя по имеющимся сведениям, ни один кружок не замыкался в национальных рамках. В одних преобладали поляки, в других — русские, украинцы, белорусы и представители других народов Российской империи. Домбровский был доволен этим и не раз резко высказывался против националистических предрассудков некоторых поляков и русских.

Почти три четверти участников петербургских кружков были учащимися военно-учебных заведений. Как это ни парадоксально, столичные академии, военные училища, кадетские корпуса, части образцовых войск, Царскосельская офицерская школа давали в те годы не только пополнение для офицерского корпуса царской армии, но и готовили кадры армейских революционеров. Учившиеся в Петербурге участники нелегальных кружков по прибытии к месту службы создавали новые кружки, через которые в ряды борцов с царизмом вливались свежие силы.

В конце 1861 года Домбровский сдал выпускные экзамены в академии. Несколько лет назад он стал бы без колебаний добиваться должности в Петербурге. Теперь и обстоятельства изменились, и он сам стал другим. Соображения, связанные с военной карьерой, которые играли определенную роль при его поступлении в академию, сейчас вовсе для него не существовали. Решая вопрос о том, куда проситься после академии, Домбровский исходил только из интересов революционной борьбы.

Сознание революционного долга требовало от Домбровского, чтобы он находился в гуще событий. Грозная волна крестьянского протеста, поднявшаяся после обнародования подготовленной помещиками

крестьянской реформы, к осени 1861 года начала спадать, и стало ясно, что в русских губерниях новый революционный подъем можно ожидать только в 1863 году, когда истечет срок составления уставных грамот. Именно на это ориентировались русские революционеры, среди которых у Домбровского было немало друзей. В Польше и Литве, напротив, ситуация продолжала обостряться. Военное положение, введенное в связи с манифестациями, не приостановило брожения. Царство Польское стало в это время той частью Российской империи, в которой революционный взрыв был наиболее вероятен. Руководство военно-революционной организации сочло целесообразным, чтобы Домбровский перебрался в Варшаву.

Последние недели в Петербурге пролетели очень быстро. Незаметно прошла и непродолжительная поездка в Москву, во время которой Домбровский повидался с родными и установил связи с участниками офицерских и студенческих революционных кружков второй российской столицы. Вскоре после возвращения в Петербург он встретился с Сераковским. Тот сообщил, что в Варшаву отправляются Михал Гейденрейх, Фердинад Варавский и другие их товарищи. В Вильно будет действовать Людвик Звеждовский. Единомышленники будут также в Москве, Киеве, Житомире и кое-где еще. В Польше, по мнению Сераковского, главным будет укрепление военной организации и вовлечение в конспирацию простых людей.

Именно этим и занялся Домбровский, приехав в Варшаву. С выполнением служебных обязанностей ему удалось устроиться как нельзя лучше. Числясь при штабе сначала 4-й, а потом 6-й пехотных дивизий, Домбровский должен был готовить военно-статистическое описание Варшавской губернии. Это давало ему возможность, не возбуждая подозрений, посещать любые заводы и фабрики, любые учреждения и предприятия, а также лагери, казармы, склады, крепости и другие военные объекты. Больше того, он имел право требовать от соответствующих учреждений сведения о населении, промышленности и сельском хозяйстве, о доходах и расходах, о лесах, реках и озерах, о мостах и дорогах, о транспортных средствах, организации почтовой связи и т. д. Одним словом, он мог собрать все те данные, которые были необходимы для составления военного плана будущего восстания.

В Варшаве Домбровский часто встречал тех, с кем вместе учился в военно-учебных заведениях, служил на Кавказе. Это помогало ему в конспиративной деятельности, позволяя быстро вовлечь в организацию надежных, найти правильный подход к колеблющимся и избегать откровенных разговоров с теми из старых знакомых, кто и раньше отличался верноподданническими настроениями. Еще более важную роль для Домбровского играли те знакомства и связи, которые завязались у него во время пребывания в Петербурге, прежде всего среди офицеров Академии генерального штаба. Очень многие из петербургских знакомых Домбровского были для него не просто сослуживцами или личными друзьями, но политическими единомышленниками, соратниками по революционной борьбе, активными помощниками во всех его организационных усилиях.

Большинство подпольных кружков Варшавы еще в октябре 1861 года было объединено под руководством Варшавского городского комитета, который стал центром притяжения для всех сторонников вооруженного выступления, образовавших партию красных. В комитет вошли активные деятели манифестационного периода, в их числе писатель Аполлон Коженевский и бывший студент Киевского университета Игнаций Хмеленский. Приехав в Варшаву, Домбровский сразу же включился в работу комитета. Через несколько недель он был назначен начальником города. Это дало ему возможность сосредоточить в своих руках все важнейшие нити варшавского подполья. Поселившись вместе с И. Хмеленским в Саксонской гостинице, Домбровский внимательно следил за деятельностью организации, заботясь прежде всего о непрерывном росте ее рядов за счет трудящихся слоев городского населения.

Городская организация строилась по десятичной

системе. Надежный человек, принятый в организацию, имел право принять до десяти новых членов из числа хорошо известных ему лиц, называясь при этом десятским. При дальнейшем росте группы из нее выделялись самостоятельные десятки, образующие вместе с другими десятками сотню, которая возглавлялась руководителем первого десятка, получавшего звание сотского. Сотни, в свою очередь, могли образовывать тысячу, возглавляемую тысяцким и подчиняющуюся городскому комитету либо непосредственно, либо через уполномоченного по соответствующему району Варшавы. Рядовому члену организации полагалось знать только своего десятского и товарищей по десятку; десятским полагалось знать своего сотского, сотским — своего тысяцкого, но они не должны были знать никого из остальных руководящих деятелей организации.

Каждый член конспиративной организации должен был вносить в ее кассу через своего десятского тридцать копеек в месяц. Кроме этого, собирались более значительные по размерам добровольные взносы от состоятельных членов организации и сочувствующих лиц. Все вновь принимаемые приносили следующую присягу: «С сегодняшнего дня я вступаю на службу отчизне и посвящаю ей все, что имею. Буду слушаться национальной власти в лице указанного мне начальника и явлюсь по первому зову, не медля ни минуты. Не буду пытаться узнавать и расспрашивать о том, кто стоит во главе организации, а все, что услышу, сохраню в глубокой тайне». Присяга принималась в торжественной обстановке в помещениях, куда будущих членов организации приводили маленькими группами. Одно из таких помещений находилось во дворце Потоцких на главной улице Варшавы — Краковском Предместье, другое — на Кривом Кольце. Были и иные пункты, куда в установленные дни приходили для приема присяги руководители подполья, в том числе начальник города.

У Домбровского сходились все сведения о составе городской организации. На крупнейшем в Варшаве металлическом заводе Эванса, имевшем около пятисот рабочих, действовали четыре сотни, образующие самостоятельную тысячу. Тысяцким на заводе был рабочий Ян Словацкий. Из сотских известны только два. Это были пролетарии, происходившие из деклассированной шляхты. Несколько меньшие, но все же сильные группы членов организации существовали у железнодорожников, на заводах Замойского, Фраже и др. Среди рядовых членов организации и десятских $^4/_5$ составляли рабочие, ремесленники, городская беднота. Среди сотских и тысяцких преобладала интеллигенция. Общая численность организации по Варшаве приближалась к трем тысячам человек.

Канун январского восстания был тем периодом, когда формирующийся рабочий класс Польши впервые начал выходить на арену политической борьбы. Это выражалось не только в большой активности пролетарских и полупролетарских слоев в конспиративной организации, но и в использовании ими таких специфических форм борьбы, как забастовка. Участники организации из рабочей среды не раз рассказывали Домбровскому о том, как они ответили забастовками на расстрел царскими войсками манифестации 27 марта (8 апреля) 1861 года. Тогда забастовало несколько сот рабочих на Варшавско-Венской железной дороге, заводе Замойского и других предприятиях. Участники забастовки стали наиболее надежными и деятельными членами возникших позже конспиративных организаций.

Энергичная деятельность Домбровского и его ближайших соратников содействовала росту влияния городского комитета. Весной 1862 года к нему присоединился Студенческий комитет, испытывавший определенное влияние соглашательской политики белых и безуспешно пытавшийся встать во главе городской организации. С мая Варшавский городской комитет стал называться Центральным национальным комитетом (ЦНК). Это значило, что он превратился в руководящий орган партии красных в масштабах всей страны. Наиболее активными и влиятельными его членами были Я. Домбровский, И. Хмеленский и Ст. Матушевич. Поэтому первой печатью ЦНК была

монограмма, составленная из начальных букв их фамилий. К лету 1862 года численность конспиративных организаций партии красных в целом составляла уже семь тысяч человек. Появились подпольные газеты («Сигнал», «Истинный патриот», «Голос из Варшавы»), заметно выросло число распространявшихся прокламаций.

Пропаганда подпольной печати своим острием была направлена против имевших хождение среди интеллигенции соглашательских настроений. Подпольная печать разоблачала политику царизма в Польше, жестоко высмеивала тех, кто возлагал какие-либо надежды на реформы сверху. Острую полемику вела подпольная пресса красных с другими проявлениями идеологии партии белых.

Революционная организация в царских войсках, расположенных в Польше, возникла во второй половине 1861 года, то есть также еще до приезда Домбровского в Варшаву. Базой для ее возникновения послужили разнородные по составу и политической ориентации офицерские кружки, начавшие появляться сразу после Крымской войны и особенно активизировавшиеся в 1860—1861 годах. Одним из основателей организации был поручик Василий Каплинский, учившийся некоторое время в Петербурге и участвовавший в кружке генштабистов. Он вовлек в организацию отдельных офицеров из различных частей, расположенных в Варшаве и за ее пределами, пытался установить связь с городским и Студенческим комитетами. Вскоре среди участников военных кружков большую популярность приобрел поручик Шлиссельбургского пехотного полка Андрей Потебня. Именно он возглавил организацию после ареста Каплинского, который в феврале 1862 года оказался в тюрьме, так как у него была обнаружена тетрадь с копиями «Великоруса» и выписками из других запрещенных изданий. Организация постепенно превратилась в федерацию, или союз полковых, батальонных, бригадных кружков. Наиболее активные участники кружков, фактически руководившие их деятельностью, образовывали коллегиальный орган — Комитет русских

офицеров в Польше. Это название, впрочем, применялось нередко и ко всей военной организации в целом.

Сразу же по приезде в Варшаву Домбровский разыскал хорошо знакомых ему Каплинского и Потебню. Они рассказывали о военной организации, Домбровский — о петербургских офицерских кружках. Совместно обсудили положение дел в организации русских офицеров в Польше.

Постепенно Домбровский познакомился со многими звеньями военной организации, быстро растущей и вглубь и вширь. На его глазах, при его участии возникали новые кружки, а существовавшие раньше росли и крепли. В Ревельском пехотном полку Гаврилов, Ган и Лагуна довели численность кружка до десяти человек. Авторитет их среди остальных офицеров так вырос, что они потребовали от командира полка назначить на очень важную должность полкового адъютанта либо Гаврилова, либо Лагуну. В Шлиссельбургском пехотном полку кружок достиг примерно такой же численности. Вместо Потебни, которому приходилось заниматься делами всей организации, руководителями его стали опытные конспираторы Дмоховский и Барановский. В Ладожском полку действовали создатели быстро растущего кружка Болгов, Гебасевич, Грон, Яковлев и приехавший недавно из Петербурга Варавский. В Галицком полку выделялись Доброгойский и Броневский, в Муромском — Криер и Наперстков, в Смоленском, где в кружок входило более пятнадцати человек,—Крупский *, Полодьев, Тутакевич, в 4-м стрелковом батальоне очень активно действовали Арнгольдт и Сливицкий, а в 6-м — Голенищев-Кутузов, Новицкий, Огородников. Все меньше и меньше становилось таких войсковых частей, где не было участников офицерской организации. Многочисленные кружки существовали в артиллерийских бригадах; были кружки также в саперных батальонах, в крепостных частях, в ряде штабов и военных учреждений.

* Константин Игнатьевич, отец Надежды Константиновны Крупской.

Весной 1862 года в организацию входило около трехсот человек. Численность кружков в частях колебалась от пяти-шести до тридцати-сорока человек, чаще всего в кружке было восемь-десять участников. Поручики, штабс-капитаны и капитаны, имевшие возраст не моложе двадцати четырех — двадцати пяти лет и не менее чем пятилетнюю выслугу в офицерских чинах, составляли во всей организации примерно половину, а среди ее актива — семьдесят процентов Почти две трети участников организации были воспитанниками петербургских военно-учебных заведений. Домбровский и Потебня сами учились в столице и прекрасно понимали, в чем тут дело.

По своему национальному составу революционные кружки были смешанными Домбровский, например, был поляк, Потебня — украинец, Аргольдт из 4-го батальона — латыш, а в 6-м батальоне кружок состоял почти сплошь из русских. В другие кружки входили наряду с русскими и поляками также белорусы и литовцы, немцы из прибалтийских губерний, татары и т д Поляки составляли немногим больше половины во всем списке и примерно одну треть среди актива организации. Если говорить о сословной принадлежности и имущественном положении участников организации, то на $^{9}/_{10}$ это были дети дворян, однако почти никто из них не владел недвижимым имуществом и не мог надеяться на наследство, так как их родные также не имели ничего, кроме дворянского звания.

Возглавляя городскую организацию и входя в руководящий центр Комитета русских офицеров в Польше, Домбровский стал связующим звеном между ними. В то же время он сохранял связи с участниками петербургских кружков

Вскоре после приезда в Варшаву Домбровский получил письмо от Варавского, задержавшегося в Петербурге в ожидании назначения и заболевшего Вспоминая горячие дискуссии в кружке генштабистов, Варавский писал о том, что старые разногласия между Людвиком Звеждовским и Францишком Далевским, находящимися в Вильно, всплыли «наверх, как масло», и парализуют действия кружковцев в Петербурге. Домбровский знал, что Звеждовский был ярым сторонником восстания, а Далевский доказывал, что многое, если не все, может быть достигнуто мирным путем. У Домбровского были доводы против точки зрения Далевского, мешающей его друзьям заниматься делом, и он поспешил сообщить их в Вильно и в Петербург

В марте или апреле 1862 года из Петербурга друзья прислали прокламацию «Офицеры» и пачку других нелегальных изданий. А вскоре Комитет русских офицеров в Польше выступил уже со своей собственной листовкой «Чего хочет русский народ и что должен делать тот, кто его любит». Текст ее подготовили Домбровский с Потебней, сильно сократив распространявшуюся с сентября 1861 года прокламацию Н В Шелгунова и М. И. Михайлова «К молодому поколению» и добавив в конце несколько фраз, обращенных к русским войскам в Польше Рукопись была передана надежным людям из литографского заведения штаба 2-го армейского корпуса, которые вместе со служебными циркулярами уже не в первый раз литографировали революционные прокламации.

Отчасти через Сераковского и своих петербургских друзей, отчасти непосредственно Домбровский поддерживал постоянные контакты с революционным подпольем в Москве, Вильно, Киеве. Иногда он получал весточки от друзей и единомышленников из Казани, Перми, Саратова, Нижнего Новгорода, Астрахани. Он переписывался не только с поляками, его связи не были ограничены военной средой. Революционное тайное общество всероссийского масштаба, ставившее своей целью борьбу за землю и волю, складывалось, росло и крепло при активном участии Домбровского Он прекрасно знал, что недовольство существующими порядками зреет в России, что русские революционеры ждут взрыва и готовятся к тому, чтобы использовать его для свержения самодержавия и окончательной ликвидации крепостничества. Среди руководителей варшавских конспиративных организаций весной 1862 года не было, пожалуй,

другого такого деятеля, который бы так же хорошо, как Домбровский, был информирован о положении во всей Российской империи, который так же глубоко понимал бы, что успех революции возможен только в том случае, если выступление будет одновременным и в Польше и в России, если польские и русские революционеры будут помогать друг другу. «Русские, — доказывал он своим соратникам в ЦНК, — также хотят свободы, хотят сбросить ярмо ненавистного им царизма. Мы должны действовать вместе с ними, и мы достигнем осуществления наших надежд в не столь далеком будущем».

Будучи убежденным революционером и обладая познаниями в военном деле, Домбровский после прибытия в Варшаву все чаще и серьезнее задумывался над тем, какими должны быть первые шаги вооруженного восстания в Польше. Постепенно у него начал складываться план, учитывающий реальную силу конспиративных организаций и всю совокупность собранных сведений о важнейших объектах атаки Настал момент, когда Домбровский счел возможным поделиться своими соображениями с наиболее близкими и надежными из единомышленников: с Потебней, Хмеленским, Матушевичем. Собираясь вместе то у Хмеленского в Саксонской гостинице, то у перебравшегося на Налевки Домбровского, друзья снова и снова обсуждали план, выверяли каждую его деталь.

Царизм имел в Польше свыше ста тысяч войск, из которых примерно пятнадцать тысяч находилось в Варшаве и ее предместьях. Наличие революционной организации в войсках несколько ослабляло эту огромную силу, но сломить ее можно было только вовлечением в восстание широких народных масс. Понимая это, Домбровский и его товарищи рассчитывали на то, что конспиративным организациям удастся поднять сначала трудящиеся слои населения Варшавы и других городов, а затем и многочисленное крестьянство. Против регулярных войск, вооруженных ружьями и пушками, не пойдешь с голыми руками. Захватить оружие и раздать его восставшим —

в этом, несомненно, заключалась первая и важнейшая задача начального этапа восстания, которое намечалось на август 1862 года.

План Домбровского опирался на тесное взаимодействие двух основных реальных сил конспирации — варшавской городской организации и Комитета русских офицеров в Польше. В Варшаве обе эти организации располагали наиболее сплоченными и многочисленными группами. Намечались два важнейших объекта для атаки — Варшавская цитадель и расположенная в сорока верстах от Варшавы крепость Модлин. Овладев этими укрепленными пунктами, повстанцы получили бы до ста тысяч ружей и боеприпасы к ним, а также создали бы прочную базу для дальнейших действий Захват Модлина и цитадели предполагалось осуществить путем неожиданного нападения отрядов, состоявших из членов городской организации, при поддержке изнутри специальными боевыми группами участников военной организации. Кроме того, военная организация должна была в первый момент снабдить оружием хотя бы часть повстанцев и попытаться нейтрализовать царские войска, собранные в Повонзковском военном лагере под Варшавой. Предполагалось, что некоторые распропагандированные подразделения присоединятся к восстанию, а всех остальных участников офицерской организации с помощью фальшивого приказа удастся поднять по тревоге и увести подальше от города.

Успех дела был немыслим без соблюдения строжайшей тайны. Даже самым надежным подпольщикам сообщили план не целиком, а лишь ту его часть, в осуществлении которой им предстояло участвовать. Домбровский видел, что участники городской и военной организаций горячо одобряют любые практические шаги, связанные с подготовкой к вооруженному выступлению. Совершенно по-иному были настроены подверженные влиянию белых соглашательские элементы, влившиеся в партию движения после присоединения к ней Студенческого комитета, кружка «сибиряков» (то есть бывших ссыльных, возвратившихся по амнистии из Сибири), некоторых других дворян-

ско-чиновничьих и интеллигентско-студенческих по своему составу объединений. Домбровский и его сторонники встретили очень серьезную оппозицию с их стороны в тот момент, когда решились на одном из июньских заседаний ЦНК сообщить о своем плане первого этапа восстания и о подготовке к его осуществлению, которая началась несколько месяцев тому назад и зашла уже далеко.

Домбровский вынес свой план на обсуждение ЦНК в связи с тем, что изменившаяся обстановка толкала его к перенесению срока выступления на более близкое время. Августовский срок был выбран весной: он оставлял вполне достаточное время для подготовки восстания, он соответствовал планам русских революционеров, которые ожидали в это время крестьянских и иных антиправительственных выступлений в России. Но пропаганда в Польше шла успешно и, как казалось, давала результаты значительно большие, чем предполагалось. В то же время с мая 1862 года перешла в контрнаступление реакция. Провокационные пожары и аресты в Петербурге, провалы в некоторых звеньях военной организации, начавшиеся аресты среди варшавских рабочих, участвовавших в конспирации, — все это, а также многое другое беспокоило Домбровского, наводило на мысль, что до августа условия могут существенно измениться в худшую сторону. Арнгольдту и его товарищам из 4-го стрелкового батальона явно угрожал смертный приговор — оставлять их в беде не хотелось. Многие активисты военной и городской организации, с которыми беседовал Домбровский, высказывались за немедленное выступление. Ближайшие его соратники — Потебня, Хмеленский, Матушевич придерживались такого же мнения.

Было решено выпустить листовку с призывом к восстанию, отпечатав ее типографским способом, чтобы она производила более сильное впечатление на солдат. Текст был написан коротко, просто и сильно. «Поляки, — говорилось в листовке, — готовы восстать, подобно отцам и братьям вашим, за свою землю. Они протягивают нам руку помощи — соединимся с ними, и ничто не будет в силе противиться вам. Наши вольные дружины, поддержанные их дружескими полками, пройдут по России с кликами торжества и свободы. Победы наши доставят волю и землю отцам, братьям и детям вашим и позволят вам возвратиться к семействам вашим. Мы, офицеры ваши, готовые сложить головы за свою и вашу свободу, за свободу народа русского и польского, поведем вас при помощи божией на это святое и великое дело! Товарищи! Мы скажем вам, когда и что делать, неужели недостанет у вас мужества пойти за нами!»

Сообщая о своем плане в ЦНК, Домбровский готовился к возражениям со стороны колеблющихся. Поэтому он заявил, что все намеченное будет осуществляться независимо от того, какое решение будет принято Комитетом. Кроме Домбровского, Хмеленского и Матушевича, в ЦНК входили в то время Витольд Марчевский и Владислав Даниловский. Первый проголосовал против плана, а второй, проголосовав «за», не замедлил разгласить тайное решение не только своим не очень решительным приятелям из Студенческого комитета, но и прямым противникам вооруженного выступления. Воспользовавшись этим, член дирекции белых Кароль Маевский — беспринципный и расчетливый интриган весьма умеренной политической ориентации — собрал ватагу студентов, ворвался на очередное заседание ЦНК и добился изменения его состава. Хмеленский и Матушевич были выведены из состава Комитета, а вошли в него пять новых членов, в том числе Маевский и несколько его единомышленников. Был введен в ЦНК также представитель кружка «сибиряков» Агатон Гиллер, ставший вскоре одним из лидеров правого, соглашательского крыла красных.

Новый состав ЦНК подверг сомнению слова Домбровского о готовности военной организации поддержать восстание и постановил устроить проверку его заявления. Специальная комиссия собрала на следующий день представителей офицерской организации. Комиссия делала вид, что хочет получить точ-

ную информацию из первых рук, но на деле ее задача заключалась в том, чтобы оправдать предрешенный заранее отказ нового состава ЦНК от предложенного Домбровским плана. Высокомерие и резкость Гиллера, который возглавлял комиссию, произвели на офицеров отталкивающее впечатление. «От вашей информации, — процедил он сквозь зубы, — зависит отсрочка назначенного восстания. Помните, господа, что если, рассчитывая главным образом на помощь военных, мы ее не получим и вследствие этого наше восстание будет подавлено, вы будете в ответе не только за бесполезно пролитую кровь, но и за отдаление независимости Польши и свободы России!» Несмотря на все старания комиссии получить отрицательный ответ, первый из спрошенных офицеров заявил, что приведет в случае восстания роту, а второй — батальон (одним из этих офицеров был Потебня). Продолжая играть роль высокопоставленного ревизора и желая добиться своей цели, Гиллер выдвинул оскорбительное для всей организации требование: дать ему возможность проникнуть в казармы, чтобы убедиться в «добром настроении» солдат. Тогда остальные офицеры, а всего их было не более десяти человек, поспешили сказать, что «сами они пойдут и отдадут жизнь за свободу, но такого влияния, чтобы привести свои подразделения, у них еще нет». По докладу Гиллера ЦНК, разумеется, отменил принятое решение о начале восстания.

Домбровский с оказавшимися вне ЦНК Хмеленским и Матушевичем не смирились с создавшимся положением. Опираясь на поддержку городской организации, они скоро добились устранения из состава ЦНК Маевского и еще двух представителей партии белых; примыкавший к белым Оленцкий ушел сам. Несколько позже в состав ЦНК вошел приехавший из Белостока Бронислав Шварце. Он занимал такую же решительную позицию, как и Домбровский. Теперь в ЦНК сложилось неустойчивое равновесие представителей левого и правого крыла партии красных. Обстановка несколько улучшилась, но не настолько, чтобы можно было возвратиться к обсуждению плана Домбровского. Да и момент для его осуществления в первоначальном варианте был упущен, так как царские власти приняли меры предосторожности.

Сторонники решительного курса активно действовали за пределами ЦНК, особенно в варшавской городской организации. Среди них выделялся И. Хмеленский, начавший подготовку серии террористических актов против виднейших царских сановников в Польше. Он был уверен, что террористические выступления будут содействовать консолидации революционных сил, выбьют почву из-под ног тех сторонников соглашения с царскими властями, которые имели большое влияние на имущие слои польского общества, на интеллигенцию. 15 июня 1862 года Потебня стрелял в генерала Лидерса, который накануне утвердил смертный приговор Арнгольдту и Сливицкому. Вынужденный скрыться, Потебня последние часы перед отъездом из Варшавы провел с Домбровским и выбрался из города с его помощью. Под руководством Хмеленского городская организация подготовила оказавшиеся неудачными покушения на наместника царя в Польше великого князя Константина и на главу гражданской администрации маркиза Велёпольского.

Июньские и июльские дни были для Домбровского горячими в буквальном и переносном смысле. Много времени и сил отнимал ЦНК (заседания его последнее время проходили в квартире родственницы Б. Шварце на улице Видок). А сколько энергии приходилось отдавать городской организации и Комитету русских офицеров, который после отъезда Потебни потребовал к себе гораздо большего внимания! И все это при одновременном выполнении служебных обязанностей настолько аккуратном, чтобы у начальства не возникло никаких подозрений. Часто бывал Домбровский в доме сестер Пётровских. Здесь он встречался с приехавшим для переговоров представителем конспиративных кружков на Волыни Петром Юлегиным; со Штейманом, Богуцким, своим братом Теофилем и иными подпольщиками из городской

организации; с армейскими революционерами: однополчанами Потебни Михайловским, Дмоховским, Вышемирским, Закревским; с руководителем кружка в Муромском пехотном полку Криером, с Мрочеком из Галицкого, Гашинским из Ревельского полка, с артиллеристами Леонткевичем и Шанявским, с инженерным офицером Зеленовым и многими другими.

Каждый раз Домбровский встречал у Пётровских Пелагию Згличинскую. Он познакомился с ней еще в первый свой приезд в Варшаву в 1860 году, а теперь она стала его невестой. Она была посвящена во многое и ревностно ему помогала. Жених и невеста вовсе не имели времени для интимных разговоров, но они и без слов понимали друг друга, потому что одинаково думали и чувствовали, потому что жили одной жизнью — деятельной и самоотверженной.

Опасностей действительно становилось все больше и больше. 24 июня варшавская полиция арестовала заподозренного в покушении на Лидерса отставного юнкера Ковальского и связанных с ним офицеров Шлиссельбургского полка, которые бывали у Пётровских. Арестованные не дали откровенных показаний, но некоторые сведения, попавшие в руки следствия, возбуждали подозрения, и царские ищейки неотступно следили за многими из близких знакомых Домбровского. Он был уверен, что серьезных улик они не получат, поэтому не счел нужным скрыться. Когда 2 августа 1862 года Домбровского арестовали, он отнесся к этому совершенно спокойно. Но при обыске у него нашли завалявшийся листок из того письма Варавского о литературных вечерах в Петербурге, в котором упоминались Звеждовский и Далевский. Внимание следственной комиссии сосредоточилось не на варшавских, а на петербургских событиях. Вскоре был арестован Варавский, разыскивали Гейденрейха, Голиневича и других товарищей Домбровского по академии. Звеждовский был удален из Вильно. Только заступничество генерала Назимова, у которого Звеждовский был адъютантом, спасло его от ареста.

Домбровский совсем недавно добивался принятия

плана, имевшего целью захват Варшавской цитадели. Теперь он оказался в ее десятом павильоне в качестве политического арестанта. Ситуация не из приятных, но Домбровский не отчаивался: для этого не было достаточных оснований, да и не соответствовало это его характеру. Защищаясь смело и спокойно, Домбровский надеялся добиться полного оправдания или отделаться пустяковым наказанием. Досадно, конечно, но некоторое время можно прожить и в цитадели. Тем более что среди офицеров, несущих караульную службу, наверняка найдутся друзья и единомышленники, а с солдатами, он в этом был уверен, тоже можно будет поладить.

Надежды Домбровского на то, что он сможет установить связь с волей, оправдались. Помогали ему в этом не только члены офицерской организации и знакомые офицеры, не только солдаты, с которыми он сумел быстро завязать дружественные связи, но и его самоотверженная Пелагия. Как жениху и невесте, им были разрешены свидания, правда очень непродолжительные и проходившие под наблюдением тюремщиков. Но Пелагия всегда умудрялась при встрече как-то передать Домбровскому весточку с воли, взять заранее приготовленную Ярославом записку.

В следственной комиссии Домбровский защищался очень уверенно, не делая сколько-нибудь существенных признаний и умело парируя те обвиняющие его сведения, которые поступали к следователям. А сведений этих со временем накапливалось все больше и больше, угроза тяжелого приговора все возрастала. Многие из петербургских друзей Домбровского, принявших участие в начавшемся восстании, попали в руки карателей. Некоторые из них дали откровенные показания и позволили следствию вскрыть действительную роль Домбровского в петербургском подполье. Опасаясь, что комиссия в конце концов узнает и о его деятельности в Варшаве, Домбровский настойчиво добивался скорейшего решения по его делу. После более чем двухлетнего заключения военный суд в октябре 1864 года (на нем фигурировали уже не только петербургские сюжеты) приговорил

Домбровского к расстрелу, но наместник царя в Польше Ф. Ф. Берг заменил смертную казнь пятнадцатилетней каторгой.

Примерно за полгода до этого в десятом павильоне Варшавской цитадели произошло необычайное событие: состоялась свадьба заключенного Ярослава Домбровского с жительницей Варшавы Пелагией Згличинской. Для свадьбы понадобилось специальное позволение царского наместника.

Знаменитая Владимирка, по которой двигались в Сибирь каторжники, начиналась от Москвы. В ноябре 1864 года Домбровского привезли в Москву и поместили в пересыльной тюрьме на Колымажном дворе. Это переполненное в те годы учреждение московской полиции находилось там, где позже было выстроено здание Музея изобразительных искусств. Польские повстанцы, участники крестьянских выступлений, члены землевольческих организаций заполняли эту тюрьму. Среди них Домбровский легко находил друзей: для него многие здесь были людьми одного круга, одних убеждений, одной судьбы. Особенно обрадовало Домбровского то, что нашлись друзья и среди офицеров, несущих караульную службу.

О приезде в Москву и о дальнейшем своем маршруте Домбровский написал жене, высланной к тому времени в город Ардатов Нижегородской губернии под строгий надзор полиции. Пелагия, хорошо зная маршрут и без этого, подала прошение, чтобы ей разрешили на несколько дней поехать из Ардатова в Нижний Новгород для свидания с мужем. Разрешение, однако, ей не понадобилось, потому что Домбровский не попал в Нижний Новгород. 2 декабря 1864 года он бежал с Колымажного двора и бесследно исчез. Произошло это как раз вовремя, ибо чуть ли не в тот же день в пересыльную тюрьму пришло предписание задержать Домбровского, чтобы снова предать его суду в связи с показаниями Оскара Авейде. Этот деятель, назвавший для спасения своей шкуры сотни участников конспирации, знал далеко не все. Но и того, что он сообщил, было вполне достаточно для смертного приговора Домбровскому.

Побег был бы невозможен без помощи московских друзей. Сбрив заранее бороду и усы, Домбровский напялил под полушубок юбку, почти скрывшую его сапоги, и, повязав большой платок так, чтобы посильнее скрыть лицо, подхватил валявшуюся без присмотра корзину и смешался с толпой торговок, которых впускали на территорию пересыльной тюрьмы для продажи съестного и всяких мелочей. Благополучно миновав охрану, Домбровский нашел безопасный приют и получил подложные документы: сначала паспорт на имя священника Матилова, а потом указ об отставке на имя полковника фон Рихтера. Первый из названных документов сделали из паспорта видного московского землевольца Николая Шатилова, в котором была искусно подчищена первая буква и дописано слово «священник». Второй документ был написан на похищенном революционерами чистом бланке. Воспользовавшись «указом об отставке», Домбровский пошел в канцелярию московского генерал-губернатора на Тверской и заявил о своем намерении поехать за границу. В канцелярии среди посетителей случайно оказался один из офицеров, хорошо знавший его настоящую фамилию. Домбровский пережил тяжелые минуты. Однако офицер сделал вид, что не знает Домбровского, и тот вышел из канцелярии с настоящим заграничным паспортом на имя отставного полковника Рихтера.

Болеслав Шостакович, Николай Ишутин и некоторые другие из московских революционеров, не имея возможности полностью отрицать свою причастность к побегу Домбровского, на допросе заявили, будто не знали его раньше и помогли ему совершенно случайно, встретив на одной из московских улиц. Трудно поверить этой версии, явно придуманной для того, чтобы запутать следствие. Многие факты противоречат ей. Как бы то ни было, Домбровский получил от московских революционеров безопасный приют, абсолютно «чистые» документы, деньги и адреса их петербургских единомышленников.

Прежде чем покинуть Москву, Домбровский решил сбить со следа полицейских ищеек. Под его дик-

товку Шостакович написал и отправил в Ардатов следующее письмо: «8 декабря 1864 года. По поручению супруга Вашего, честь имею уведомить Вас, что он, вырвавшись благополучно из рук своих мучителей в первых числах этого месяца, в настоящее время выехал уже за границу». Как и ожидал Домбровский, письмо это не попало к его жене, а было задержано полицией и сбило ее с толку.

Друзья Домбровского действительно подготовили для него безопасный отъезд за границу. Но Домбровский вовсе не собирался оставлять жену во власти полицейских бурбонов. Выручить Пелагию было очень трудно, так как после побега ее мужа она находилась не только под неусыпным наблюдением полиции, но и под присмотром специально поселенных в доме солдат. Домбровскому нечего было и думать о появлении в Ардатове, так как его приметы наизусть знал там каждый полицейский, каждый чиновник. На помощь пришел отставной офицер, бывший участник петербургских революционных кружков и армейской революционной организации в Польше, землеволец Владимир Озеров. У него скрывался Домбровский, находясь в Петербурге. Такой же смелый и находчивый, как Домбровский, Озеров имел совершенно иные внешние данные — он, в частности, обладал огромным ростом. 16 мая 1865 года Озеров прибыл в Ардатов под видом богомольца, пробирающегося в знаменитую Саровскую пустынь. Ему удалось незаметно увидеться с предупрежденной заранее Пелагией. Вечером того же дня они встретились на окраине Ардатова и выехали на лошадях в Гороховец, а оттуда — в Москву.

В Москве революционная молодежь приветливо встретила Домбровскую, снабдила ее паспортом на имя Полины Дюран и усадила в петербургский поезд (Озеров ехал в другом вагоне того же поезда). В Петербурге Озеров проводил ее к закрытой повозке, в которой их ждал Домбровский. Нужно было вести себя очень осторожно, чтобы скрыть от полиции обстоятельства чудесного превращения Пелагии Домбровской сначала в Полину Дюран, а потом в полковницу

Рихтер. Это, однако, не омрачило их встречи — первой встречи после венчания в цитадели. Трудно сказать, сколько времени продолжалась бы их разлука, если бы не помощь Озерова и других друзей и единомышленников.

Прошло три дня. На палубе английского торгового парохода, отплывавшего из Петербурга, устроилась большая группа одетых в траур представителей столичной знати, ехавшей до Кронштадта, чтобы засвидетельствовать почтение привезенному из Ниццы телу умершего члена царской семьи. Никто не заметил, как и где к этой группе присоединились очень моложавый отставной полковник и его совсем юная жена. Полковник почти не участвовал в изысканном разговоре, шедшем в основном на французском языке и посвященном последним светским новостям. Супруга его, кажется, и вовсе не произнесла ни одного слова; она лишь изредка отводила взгляд от мужа, чтобы полюбоваться на купол Исаакия и Адмиралтейский шпиль, постепенно скрывавшиеся за горизонтом. Никто не обратил внимания на то, что полковник и полковница не сошли в Кронштадте, а остались на пароходе. Матросы, глядя на них, удивлялись тому, что эта состоятельная на вид супружеская чета предпочла их судно удобному пассажирскому пароходу, отходящему на следующее утро. Но капитан не выражал беспокойства и ни о чем не спрашивал, так как пассажир предъявил заграничный паспорт на имя отставного полковника с какой-то немецкой фамилией и заплатил большую сумму за плохонькую каюту.

Когда пароход отчалил и взял курс в открытое море, Домбровские облегченно вздохнули: теперь они были вне досягаемости царской полиции. Однако естественная радость от сознания свободы и безопасности очень скоро сменилась тоскливым чувством, хорошо знакомым всякому, кто надолго покидал свою родную страну. Уходящие за горизонт берега Российской империи — это полицейские гонения и военные суды, каторга и ссылка, нищета и бесправие. Но это и милая сердцу отчизна, незабываемые детство и

юность, друзья и родные, а главное — то святое революционное дело, которому уже отдано так много, которому они готовы посвятить оставшуюся жизнь.

В Стокгольме и Копенгагене польские и русские эмигранты радостно приветствовали Домбровского, который приобрел широкую известность в революционной среде. Это нашло отражение в специальной статье эмигрантского журнала «Отчизна», написанной кем-то из тех, кто встречался с Домбровским в Стокгольме. В статье подчеркивалось, что Домбровский, приговоренный к смертной казни за деятельное участие в подготовке к вооруженному восстанию и неустанную борьбу за освобождение от деспотизма польского и русского народов, избежал смерти и смог вместе с женой выехать за границу только благодаря помощи русских революционеров. Текст статьи если и не согласовывался с Домбровским, то явно был навеян беседами с ним. Как бы то ни было, «Отчизна», оповещая своих читателей о прибытии в эмиграцию нового крупного деятеля, правильно отметила его характерные черты: последовательную революционность, верность идее русско-польского революционного союза и неукротимую энергию.

Остановку в Стокгольме Домбровский использовал для того, чтобы публично поблагодарить оставшихся в России друзей и по возможности снять с них подозрения, чтобы дать отповедь реакционной печати, которая изощрялась в клевете на него, его жену и тех, кто помог им бежать. С этой целью он написал два открытых письма, свидетельствующих о том, что их автор очень неплохо владел пером.

Первое письмо было адресовано нижегородскому губернатору А. А. Одинцову. «Выезд жены моей из г. Ардатова, — писал Домбровский, — подаст, вероятно, повод к следствию. Что такое следствие — мне по опыту очень и очень хорошо известно. Я испытал, что следственные комиссии никогда ничего не открывают, а часто из своекорыстных видов запутывают невинных, и потому, желая отклонить подозрения и неприятности от кого бы то ни было, считаю необходимым

изложить вам обстоятельства этого побега...» И далее Домбровский рассказывает выдуманную историю, из которой следует, что и побег жены из Ардатова и отъезд за границу подготовил и осуществил он один без чьей-либо помощи и даже без ведома самой беглянки. «...Все было так просто, — заявил он, — что тут не было нужды ни в каких сообщниках, по крайней мере в Ардатове». Стараясь убедить Одинцова, что виновников побега ему искать нечего, а остается лишь признать упущения своих подчиненных, Домбровский предлагает губернатору утешиться мыслью о том, «что это маленькая [...] неприятность будет источником счастья для людей, много уже страдавших».

Другое письмо, отправленное Домбровским из Стокгольма, было адресовано редактору «Московских ведомостей» М. Н. Каткову — этому либеральничавшему когда-то публицисту, ставшему в годы восстания выразителем мыслей крайней реакции, оголтелым шовинистом и полонофобом. Постоянной темой его писаний была злобная, граничащая с доносами клевета на революционеров, а излюбленным приемом — попытки поссорить их друг с другом на национальной, идейной и иной почве. Именно в этой области Домбровский и решил дать отпор реакционному писаке:

«Милостивый государь! В одном из номеров «Московских ведомостей» вы, извещая о моем бегстве, выразили надежду, что я буду немедленно пойман, ибо не найду убежища в России. Такое незнание своего отечества в публицисте, признаюсь вам, поразило меня удивлением. Я тогда же хотел написать вам, что надежды ваши неосновательны, но меня удержало желание фактически доказать все ничтожество правительства, которому вы удивляетесь, по крайней мере, публично. Благодаря моему воспитанию я, хотя и иностранец, знаю Россию лучше вас. Я так мало опасался всевозможных ваших полиций: тайных, явных и литературных, что, отдавая полную справедливость вашим полицейским способностям, был, однако, долго вашим соседом и видел вас очень часто. Через неделю после моего побега я мог отправиться за границу, но мне нужно было остаться в России, и я ос-

тался. Потом обстоятельства заставили меня посетить несколько важнейших русских городов, и в путешествиях этих я не встретил нигде ни малейшего препятствия. Наконец, устроив все, что было нужно, я пожелал отправиться с женой моей за границу, но, хотя жена моя была в руках ваших сотрудников по части просвещения России, исполнение моего намерения не встретило никаких затруднений. Словом, в продолжение моего шестимесячного пребывания в России я жил так, как мне хотелось, и на деле доказывал русским патриотам, что в России при некоторой энергии можно сделать что угодно.

Только желание показать всем, как вообще не состоятельны ваши приговоры, заставляет меня писать человеку, старавшемуся разжечь международную вражду, опозорившему свое имя ликованием над разбоем и убийством и запятнавшему себя ложью и клеветой. Но, решившись на шаг столь для меня неприятный, не могу не выразить здесь презрения, которое внушают всем честным людям жалкие усилия ваши и вам подобных к поддержанию невежества и насилия. Правда, удалось вам на некоторое время разбудить зверские инстинкты и фанатизм русских, но ложь и обман долго торжествовать не могут. Толпы изгнанников наших разнесли в самые глухие уголки России истинные понятия о наших усилиях и о нашем народе. Появление их повсеместно было красноречивым протестом против лжи, рассеиваемой официальными и наемными клеветниками, и пробудило человеческие чувства в душе русских.

Симпатия эта послужит основанием возрождения русского народа, и да будет она укором для вашей совести, если только ее окончательно не потушило напожатие царской руки.

Примите, милостивый государь, от меня эту новую для вас регалию. Сохраните и ее вместе с другими для потомков ваших: они найдут в ней более правды, чем в других, и легко отличат, что она послана не после торжественного обеда.

Ярослав Домбровский. Стокгольм, 16 июня 1865 г.».

2 июля 1865 года это письмо появилось в «Отчизне», 15 июля оно было опубликовано в «Колоколе» вместе с письмом Одинцову. Оба названные издания довольно широко распространялись не только в эмиграции, но и на территории Российской империи, так что публичная пощечина, нанесенная Каткову, имела весьма значительный резонанс. Он был усилен перепечаткой письма Домбровского в некоторых других изданиях, выходящих за границей, распространением в России его рукописных списков. Копия письма есть и в сохранившемся архиве Каткова.

Письмо Каткову, помимо своего прямого адресата, имело еще и другой: в какой-то мере оно было обращено к русским друзьям и единомышленникам Домбровского. Чувство признательности к ним и вера в необходимость и плодотворность сотрудничества с ними, выраженные в письме, сохранились у Домбровского на всю жизнь. Не прекратились и его контакты с издателями «Колокола», начавшиеся публикацией цитировавшихся выше писем. Подтверждением тому служит, в частности, письмо Герцену, написанное Домбровским в сентябре 1866 года и посвященное не раз упоминавшемуся уже В. М. Озерову, который незадолго перед этим также вынужден был эмигрировать, опасаясь ареста по делу о готовившемся покушении на царя. «Ротмистр Озеров, — говорится в письме,— принадлежит к числу тех светлых личностей, которые мечтали в России о свободе и с самоотвержением боролись против катковщины. Ему лично я обязан своим спасением; у него я нашел приют в Петербурге, и благодаря его великодушной помощи удалось мне вырвать жену мою из ссылки. Запутанный одной из последних жертв Муравьева в процессе Каракозова, Озеров спасся только благодаря своей энергии и в настоящее время находится в Париже. Здесь, под именем Альберта Шаховского, учится он сапожному ремеслу, чтобы снискать себе какие-либо средства для жизни. Не только чувство благодарности к Владимиру Михайловичу заставляет меня писать к вам эти строки, но и желание дать вам возможность употребить его для ваших трудов в России. Вы найдете в Озерове

честного и мыслящего человека, горячего патриота, предприимчивого конспиранта и смелого агента. Таких, как он, людей немного, и мне остается только поздравить вас с находкой и пожалеть от души, что Озеров не поляк». Рекомендация Домбровского оказала свое воздействие: Озеров близко сошелся с издателями «Колокола», в особенности с Огаревым.

В один из августовских дней 1865 года Домбровские прибыли в Париж. Столица Франции, ее окрестности и ряд французских городов служили в то время приютом для нескольких тысяч бывших участников восстания, скрывавшихся от преследований царизма. Наличие друзей и знакомых среди ранее приехавших соотечественников, знакомство с языком, облегчающее возможность заработков, сравнительно хорошее отношение французской общественности к польским эмигрантам—таковы важнейшие житейские соображения, которыми руководствовались многие поляки, выбирая Францию в качестве постоянного места жительства в эмиграции. Для Домбровского эти соображения также играли роль, но главным для него было то, что во Франции в основном находились те активно действующие эмигрантские организации, через которые можно было поскорее включиться в революционную борьбу.

Деньги, собранные товарищами в Петербурге и отчасти в Стокгольме, были на исходе. Сняв более чем скромную квартиру на ул. Вавен, Домбровский начал искать работу. Ему посчастливилось: он поступил на должность чертежника (Академия генерального штаба давала в этом отношении хорошую подготовку). Заработок был невелик, сводить концы с концами было очень трудно. Но по сравнению со многими другими эмигрантами материальное положение Домбровских было сносным, тем более в первое время, когда еще не было детей.

Едва устроив свои житейские дела, Домбровский с головой ушел в политическую деятельность. Он поддерживал связи с французскими революционерами: первое время с бланкистами, позже—преимущественно с участниками тех организаций, которые в той или

иной мере примыкали к Международному товариществу рабочих (Первому Интернационалу), возглавлявшемуся К. Марксом и Ф. Энгельсом. Но большую часть своих сил Домбровский отдавал борьбе за сплочение польских эмигрантов вокруг последовательно демократической социальной программы, без осуществления которой было невозможно достижение независимости польского народа.

Франция предоставляла убежище польским эмигрантам, разрешала им в какой-то мере политическую деятельность. Но это вовсе не значило, что симпатии французских сановников и буржуазии были на стороне революционных сил Польши. Французское правительство не только позволяло действовать многочисленной агентуре политической полиции русского царизма, но и оказывало ей активную помощь собственными полицейскими силами. Один из очень чувствительных ударов, нанесенных совместными усилиями петербургских и парижских провокаторов в 1867 году, оказался направленным против Домбровского, как человека весьма опасного с точки зрения царизма.

Французская конституция ограничивала возможности преследования эмигрантов по политическим мотивам. Поэтому полицейская агентура царизма и их французские партнеры изыскивали всяческие пути для того, чтобы запутать политических эмигрантов в уголовные дела, подготавливая для этого самые хитроумные комбинации. В 1867 году, во время посещения Александром II находящейся в Париже Всемирной выставки, поляк Березовский совершил на него неудачное покушение. Это подхлестнуло полицейскую службу обеих стран, и, хотя демократическая эмиграция не имела никакого отношения к данному террористическому акту, удар был нацелен в основном против нее. На квартиру Домбровского был совершен полицейский налет. Обыск не подтвердил полицейскую версию о связях его с Березовским, но обнаружил косвенные данные о том, что Домбровский имеет контакты с многими лицами, которые нелегально пересекают границы Российской империи, снабжал их

фальшивыми паспортами. Намереваясь создать неотразимый предлог для ареста Домбровского, французская полиция состряпала дело по обвинению братьев Домбровских (вместе с Ярославом жил его брат Теофиль, тоже активный участник восстания 1863 года) в изготовлении фальшивых русских денег. Благодаря хитроумным комбинациям полиция получила повод для ареста. Однако в конце концов провокация провалилась. На суде адвокат Руссель во всех деталях раскрыл ее существо, и присяжные единогласно вынесли оправдательный вердикт.

Полицейская расправа над Домбровским не состоялась, но в течение почти трех лет его революционная деятельность была сильно затруднена, а моментами и вовсе парализована. В июле 1870 года, когда французская полиция вынуждена была вторично освободить его из тюрьмы, политическая обстановка в Европе оказалась накаленной до предела: это был канун франко-прусской войны. Хотя война была несправедливой для обоих государств, симпатии радикальной части польской эмиграции склонялись на сторону Франции даже в первые месяцы войны. Когда же в сентябре 1870 года (после поражения французской армии при Седане) Вторая империя рухнула под напором народного возмущения, сотни польских эмигрантов решили принять участие в вооруженной борьбе с пруссаками.

В это время прусская армия, почти не встречая сопротивления регулярных частей, приблизилась к Парижу. Глава правительства Национальной обороны реакционный генерал Трошю считал войну проигранной и согласился бы на капитуляцию, если бы не боялся общественного мнения. Инициативу в организации отпора оккупантам взяли на себя народные массы и прежде всего трудящиеся Парижа. Около полумиллиона человек вступили в батальоны Национальной гвардии, но предательская политика Трошю и ему подобных почти полностью парализовала эту огромную силу. Будучи профессиональным военным и горячо сочувствуя республиканской Франции, Домбровский отчетливо видел нависшую опасность, много

думал над тем, как найти выход из создавшегося положения. Одним из результатов этих раздумий была памятная записка, адресованная в военное министерство Франции.

Записка содержала краткий, но очень четкий и емкий стратегический анализ хода войны и оценку создавшейся ситуации. Домбровский считал, что пруссаки могут и должны быть остановлены, что Париж должен энергично готовиться к обороне, опираясь на не занятые противником южные и юго-западные департаменты. В то же время он предлагал создать подвижные кавалерийские соединения, которые могли бы действовать на широком фронте севернее Парижа (то есть в тылу прусской армии) с целью нарушения коммуникаций и нанесения противнику урона партизанскими методами. «В данный момент, — говорилось в записке, — все пространство между Бельгией, Рейном и массой неприятельских войск могло бы без помех стать ареной партизанских действий». Для создания подвижных сил Домбровский предлагал использовать находящихся во Франции польских эмигрантов. «Польская эмиграция во Франции, — писал он, — представляет прекрасный источник для создания партизанского корпуса: хорошие кавалеристы, отлично приспособленные к войне, засадам и стычкам, знающие в большинстве немецкий язык; если их экипируют, как сипаев *, и посадят на алжирских коней, то они готовы воевать за Французскую республику». Формирование корпуса и командование им Домбровский брал на себя.

Предложения Домбровского не получили поддержки французских военных властей. Причиной этого явилось, очевидно, прежде всего то, что речь шла о самоотверженной защите республиканского строя, а Трошю и многие его приспешники оставались в душе монархистами и тосковали о свергнутом Наполеоне III. Сыграло роль также и то, что Домбровский подметил

---

* Сипаи — легкая конница в турецких войсках, так же назывались колониальные войска в индийских колониях Британской империи.

в своей записке стратегическую беспомощность французского командования. Сначала военное министерство отвечало вмешивающемуся в его дела польскому изгнаннику молчанием, а потом ему дали понять, что в его предложениях не нуждаются. В одном из своих писем Домбровский рассказывает об этом эпизоде следующим образом: «...Я не мог молчать и, взявшись за перо, принялся сочинять один меморандум за другим. Наконец они потревожили сладкий сон военного министерства, и мне там заявили, что все это меня, как иностранца, не имеющего права голоса, нисколько не касается».

Но Домбровского не так просто было заставить молчать. Свои предложения об обороне французской столицы вместе с уничтожающей критикой мероприятий Трошю он опубликовал в одной из газет. Затем он начал выступать с докладом «Трошю как организатор и главнокомандующий», имевшим шумный успех среди парижан. По материалам доклада Домбровский вскоре опубликовал в Лионе брошюру с таким же названием.

Другой очень важный шаг польских эмигрантов, предпринятый в эти дни, заключался в опубликовании прокламации, которая была обращена к французскому народу через головы их своекорыстных правителей. «Наши ветераны польских восстаний, — говорилось в листовке, — организуются в легион для защиты Парижа. Двести или триста юных польских волонтеров жаждут только одного — служить делу Французской республики, которое стало делом всего человечества. Пусть каждому из нас дадут по хорошему коню (их еще есть достаточно в Париже), саблю, карабин, штук шестьдесят патронов, хорошую карту и с полсотни франков карманных денег и пусть позволят нам очистить окрестности Парижа от неприятельских разведчиков, а затем действовать в тылы немецкой армии. Кавалерия—излюбленный род польского войска, и это у нас Пруссия заимствовала организацию своих уланов, которые причинили такой урон неискусным и влюбленным в свои традиции генералам. Теперь Франции есть за что бороться, со славой умереть или

победить». Прокламация заканчивалась подписью: «Ярослав Домбровский, бывший организатор повстанческих сил Национального варшавского правительства».

Парижане приветствовали решение польских эмигрантов. Однако правительство не согласилось на создание самостоятельных польских формирований, полякам было разрешено лишь вступать в батальоны Национальной гвардии по месту жительства. В Лионе тем временем удалось достичь большего: 18 сентября 1870 года собрание жителей города приняло решение создать добровольческий франко-польский легион для партизанской борьбы; во главе его собравшиеся просили встать Домбровского. Тот с энтузиазмом встретил известие из Лиона и немедленно согласился. Но к этому времени Париж уже был окружен и выбраться из него оказалось не так-то просто. Обе попытки Домбровского пересечь линию аванпостов окончились неудачей, оба раза его задерживали по указанию приспешников Трошю французские солдаты. В первый раз Домбровский попал в тюрьму ненадолго и, как только вырвался оттуда, предпринял новую попытку пересечь фронт. На этот раз ему после ареста предъявили обвинение в «шпионаже в пользу немцев» и засадили за решетку всерьез: это была месть генерала Трошю.

Трудно сказать, как бы сложилась дальнейшая судьба Домбровского, если бы не вмешательство знаменитого Джузеппе Гарибальди, руководившего в то время вербовкой волонтеров-партизан для французской армии. В соответствии с данными ему полномочиями он утвердил Домбровского в должности командира франко-польского легиона в Лионе и послал военному министру Франции Гамбетте следующую срочную депешу: «Гражданин! Мне нужен Ярослав Домбровский, живущий в Париже, на улице Вавен, № 52. Если Вы сможете отправить его мне в воздушном шаре, я буду Вам очень признателен». Домбровского немедленно освободили, но пробраться в Лион он так и не смог.

Оставшись в Париже, Домбровский много и горя-

чо выступал в политических клубах радикального направления, чем завоевал большую популярность среди трудящихся. 22 января 1871 года была предпринята попытка свергнуть антинародное правительство, готовившее втайне изменнический мир с пруссаками. Бланкисты, готовившие переворот, прочили Домбровского в начальники генерального штаба. Массы не поддержали бланкистов, и они были разбиты. Вскоре после этого французское правительство подписало перемирие на самых унизительных условиях.

Проигранная война и торжество реакции очень угнетали Домбровского. Да и в домашних делах было немало трудностей: дороговизна достигла невероятных размеров, а у Домбровского было двое маленьких сыновей, жена снова ждала ребенка, здоровье ее было очень слабым. Действовала огромная усталость, накопившаяся за последние месяцы и годы. Все вместе привело Домбровского в состояние депрессии, которая сказалась в нескольких его письмах, относящихся к концу февраля — началу марта 1871 года. В одном из этих писем есть следующее место: «Я так подавлен всем виденным, так обманут во всех своих надеждах и мечтах, так сломлен этой ужасной драмой целого народа, полного вдохновения и самопожертвования, обладавшего огромными материальными средствами, которых было бы достаточно для восстановления мира и свободы во всей Европе, но деморализованного и предательски проданного горсткой мошенников и бездарностей, что решил навсегда отказаться от общественной деятельности. Замкнусь в своей семье, буду для нее работать, воспитаю своих детей скромными и простыми людьми; научу их пренебрегать теми великими стремлениями, которые и в самом деле велики и прекрасны, но которые убивают человека физически и морально; постараюсь влить в них любовь к скромной работе и скромному положению, ибо только там возможно счастье, если его вообще можно найти на Земле». Упадок духа продолжался недолго.

В марте 1871 года трудящиеся осажденной французской столицы восстали и провозгласили Парижскую коммуну. Не прошло и нескольких дней, как Домбровского пригласили на военный совет в Центральном комитете Национальной гвардии для обсуждения вопроса о задачах вооруженных сил Коммуны. Позиция Домбровского на совете не только подтверждает его военные дарования, но и показывает, что он отчетливо разбирался в сложившейся ситуации и был гораздо более дальновидным и трезвым политиком, чем многие деятели Коммуны. Домбровский высказался за немедленную атаку Версаля, арест буржуазного правительства, роспуск потерявшего доверие страны Национального собрания и назначение новых выборов. Лишь некоторые участники дискуссии присоединились к Домбровскому. Пытаясь убедить остальных, он говорил: «Вы близоруки, вы видите не дальше, чем на два шага впереди себя... Раньше или позже, а бороться вам придется, но тогда будет уже поздно! Если же вы сейчас нападете на Версаль, вы будете хозяевами положения». Предложение Домбровского не было принято. Контрреволюция получила передышку и, располагая огромными материальными средствами, пользуясь прямой поддержкой пруссаков, начала быстро наращивать свои силы: с последних дней марта соотношение сил непрерывно менялось в пользу версальцев. 3 апреля была предпринята запоздавшая и неподготовленная попытка наступления на Версаль, закончившаяся поражением нескольких легионов Коммуны и гибелью двух ее выдающихся военачальников — Э. Дюваля и Г. Флуранса.

Накануне неудачного наступления Домбровский явился в ратушу, где помещались руководящие учреждения Парижской коммуны, и заявил о своем желании вступить в Национальную гвардию. Известный многим активным деятелям Коммуны, он сразу же был назначен командующим легиона, который формировал свои батальоны в XI округе Парижа. Приступая к исполнению возложенных на него обязанностей, Домбровский обратился к жителям округа со следующим лаконичным и красноречивым воззванием: «Граждане! По предложению гражданина Авриаля, члена Коммуны, военный делегат назначил меня

командующим легионом. Рассчитываю на патриотизм и помощь граждан в моих усилиях по безотлагательной реорганизации на прочной основе отважных батальонов XI округа. Надеюсь, что эти батальоны никогда не перестанут служить опорой Парижской коммуны — зародыша Всемирной республики. Командующий XI легионом генерал Я. Домбровский».

Через четыре дня — 6 апреля — Домбровский был утвержден в должности коменданта Парижского укрепленного района. В первый момент это вызвало протесты нескольких батальонов Национальной гвардии, в значительной мере инспирированные бывшим комендантом Баржере, недовольным тем, что его сняли с этого поста. Обосновывая свой выбор, Исполнительная комиссия выпустила воззвание «К Национальной гвардии», в котором была дана краткая характеристика Домбровского и говорилось, что он, без сомнения, является талантливым военным специалистом и самоотверженным революционером. Быстрому росту авторитета Домбровского содействовало не столько это воззвание, сколько кипучая энергия, с которой он взялся за выполнение своих обязанностей, глубокое знание дела и необыкновенная храбрость, которую он проявлял при каждом появлении на передовых позициях.

Уже 7 апреля Домбровского видели на западной окраине Парижа в районе Нейи спокойно осматривающим аванпосты под интенсивным огнем противника А через два дня он возглавил неожиданную ночную атаку двух батальонов Национальной гвардии на Аньер, закончившуюся паническим бегством версальцев, захватом пушек и других трофеев. Адъютант Домбровского Вл. Рожаловский оставил следующее описание этой схватки: «Поддерживаемый адским огнем форта Мон-Волерьен и других батарей, неприятель встретил наших солдат страшным ружейным огнем. Люди падали справа и слева. Наступил момент колебания, который мог оказаться гибельным. Тогда Домбровский с саблей в руке лично стал во главе батальона. Видя его в первых рядах, гвардейцы бросились в штыковую атаку с возгласом: «Да здравствует Коммуна!» «[...] После полуторачасовой схватки враг отступил в беспорядке [...]. Упавшая было духом Национальная гвардия вновь воодушевилась и преисполнилась абсолютным доверием к Домбровскому».

Самые разные источники единодушно свидетельствуют о военных дарованиях и личном мужестве Домбровского, о его популярности среди подчиненных. Военный делегат Коммуны в первый период ее существования — Клюзере, которого Маркс называл честолюбивым, неспособным человеком и «жалким авантюристом», заявлял, что Домбровский выделяется даже среди самых энергичных людей, что он «довел энергию до крайних пределов». Другой современник событий писал: «Превосходный республиканец, исключительно честный и преданный делу человек, обладающий всеми необходимыми для настоящего генерала качествами, Домбровский имеет только один огромный недостаток: избыток смелости». Член Коммуны и ЦК Национальной гвардии Жоаннар, выезжавший в район боев в конце апреля 1871 года, в своем официальном отчете на заседании Коммуны говорил: «Мы видели генерала Домбровского; и здесь я должен воздать честь истине и сказать, с каким поклонением гвардия относится к этому генералу. Он подлинно любим своими солдатами, они счастливы под его началом». Не раз коммунары жертвовали жизнью, чтобы спасти Домбровского. Об одном из таких случаев рассказал Рожаловский: 18 апреля капитан Тирар заслонил собой Домбровского от пули версальского солдата и умер с возгласом «Да здравствует Коммуна!».

Версальские правители, вплоть до самых высокопоставленных, также не лишали Домбровского своего внимания. Понимая, что речь идет о крупном военном специалисте и незаурядном организаторе, версальцы всячески старались устранить Домбровского от активной деятельности в пользу Коммуны. Начали они с попыток подкупа. Отвратительный карлик Тьер, заявивший, что Париж будет покорен «дождем снарядов или дождем золота», и наводнивший город наемниками контрреволюции, не раз подсылал к Домб-

ровскому своих агентов с предложением полутора миллионов франков за сдачу каких-либо ворот укрепленной городской стены. Об одном из таких агентов — некоем Вейссе — Домбровский рассказывал своему адъютанту следующее: «Первоначально я решил расстрелять этого негодяя, но затем я подумал, что было бы неплохо использовать это обстоятельство в наших целях. Я предложил Комитету общественного спасения вот что: если мне дадут 20 тысяч человек, то, притворно приняв предложение версальцев, я впущу часть их в ворота Парижа, а затем окружу и уничтожу». План этот, поддержанный Росселем, который сменил Клюзере на посту военного делегата Коммуны, и Врублевским, был принят. Однако осуществить его не удалось из-за невозможности собрать в нужном месте достаточное количество бойцов и артиллерии.

Через какое-то время была предпринята еще одна попытка подкупить Домбровского. На этот раз сомнительную честь эмиссара версальцев взял на себя польский эмигрант Воловский. Он был знаком с Домбровским и пользовался когда-то его доверием, но после 18 марта 1871 года оказался среди тех, кто старался не допустить своих соотечественников к участию в борьбе на стороне Коммуны. В Париж он приехал как журналист. «Прибывши на Вандомскую площадь, где был главный штаб Домбровского, — рассказывает Воловский, — я застал его садящимся на коня. «Если хочешь со мной поговорить, — заявил он, — то поедем со мной в Нейи — будем иметь время для разговора». Длительный разговор происходил под непрекращающимся огнем противника, очень беспокоившим журналиста, но почти не замечавшимся генералом Коммуны. После интервью Воловский перешел к наиболее щекотливой части возложенной на него миссии; пользуясь положением близкого знакомого, он вел разговор в полушутливом тоне. Домбровский был взбешен новой попыткой подкупа, осуществленной через его соотечественника. Однако выдержка не оставила генерала Коммуны, и он облек свой ответ в довольно вежливую, хотя и резкую, форму, вполне соответствующую тому тону, который избрал Воловский.

Вот как излагает эту часть разговора незадачливый посланец Версаля: «Воловский: Знаешь ли ты, Ярослав, что я нахожусь в Париже с ведома версальского правительства. Хотели, чтобы я предложил тебе открыть ворота города для версальцев и арестовать членов Коммуны за вознаграждение, величину которого ты сам можешь указать, причем торговаться с тобой не будут. Я, разумеется, отказался. Домбровский: Благодарю тебя за нас обоих. Иначе ты поставил бы меня перед неприятной необходимостью арестовать тебя, как Бышинского, который за эту недостойную для поляка роль и до сих пор сидит в Шершемиди. Лучше поговорим о чем-либо другом. Что пишут в наших польских газетах?»

Воловский уехал ни с чем, но не оставил свои интриги. 12 мая он снова прибыл в Париж и явился к Домбровскому. Эта встреча описана у Воловского следующим образом: «Ну и что, злы на меня в Версале?» — приветствовал меня Домбровский. «Так злы, что если бы ты хотел, то мог бы выехать по этому пропуску за границу. Любить тебя будут, но только издалека». Домбровский взял из моих рук пропуск, прочитал его и, отдавая назад, показал на рукоятку своего палаша: «Вот мой пропуск, можешь сказать об этом Пикару, Тьеру и всем его мамелюкам в Национальной ассамблее». Разговор, таким образом, шел в том же полушутливом тоне. Но смысл его совершенно очевиден. Воловский снова предлагал подкуп, Домбровский снова отверг его предложение.

Французский пролетариат доверил Домбровскому исключительно важные посты в вооруженных силах Парижской коммуны и не ошибся в своем решении. Между тем совмещать должности командующего I армией и коменданта всего Парижского укрепленного района в условиях непрерывных ожесточенных боев, недостатка живой силы, оружия, боеприпасов, при наличии постоянной неразберихи и острых противоречий в военном руководстве было не так просто. Только Домбровский с его поразительной энергией мог держать в руках все нити управления, появляясь чуть ли не одновременно везде, где требовалось его вмеша-

тельство. Очень много времени и сил отнимали ежедневные переезды от штаба I армии, располагавшегося на западной окраине Парижа, до резиденции коменданта на Вандомской площади и обратно. Каждая поездка требовала еще и большого личного мужества, недостатка которого, впрочем, не ощущалось ни у Домбровского, ни у его ближайших помощников В промежутке между тысячью неотложных дел генерал Коммуны выкраивал время, чтобы навестить семью, приласкать сыновей, подбодрить любимую жену, которая мужественно преодолевала приходившиеся на ее долю трудности.

Создав значительный перевес в живой силе и вооружении, версальцы начали планомерное наступление. 12 апреля на участке Домбровского, где оборонялись примерно тысяча триста коммунаров, двинулся в атаку целый армейский корпус, насчитывавший до десяти тысяч человек. Батальоны национальных гвардейцев удерживали свои позиции, наносили чувствительные контрудары на отдельных участках. 16 апреля, например, Домбровский донес, что в Нейи коммунары овладели несколькими баррикадами, захватив в качестве трофеев боевые знамена противника. Однако при почти десятикратном превосходстве противника это не могло продолжаться долго. 19 апреля версальцы в результате неожиданного нападения потеснили батальоны Домбровского, лишь смелой контратакой коммунарам удалось восстановить положение. «После кровавой борьбы,—доносил в этот день. Домбровский, — мы возвратились на свои позиции. Левый фланг, продвинувшийся вперед, захватил неприятельский продовольственный склад, в котором оказалось 69 бочек ветчины, сыра и солонины. Бои продолжаются. Неприятельская артиллерия с высот Курбевуа забрасывает нас снарядами и картечью, но, несмотря на это, наш правый фланг осуществляет в данный момент маневр с целью избежать окружения выдвинутых вперед подразделений. Мне нужно 5 батальонов свежих солдат, не менее 2000 человек, потому что силы неприятеля очень значительны».

Подкрепления и на этот раз не подошли. Коммунарам пришлось оставить Аньер, Бэкон и 20 апреля почти полностью очистить западный берег Сены. На следующий день Домбровский организовал контрудар, в результате которого смог укрепить район Нейи, Левалуа, Клиши. Коммунары держались в нем еще три недели, несмотря на смертоносный артиллерийский огонь с занятых версальцами фортов и неоднократные атаки. Постройки и укрепления здесь превратились в груды камней и пыли; укрываться от пуль и осколков было очень трудно, но коммунары держались. «Домбровский, — свидетельствует очевидец, — бесстрастно державшийся под ружейным огнем, хладнокровно смелый и как бы не замечавший опасности, поспевал лично всюду, наблюдал за всем и устранял все опасности».

Отсутствие подкреплений, неразбериха в распоряжениях Клюзере, постоянные перебои в снабжении заставляли Домбровского обращаться к руководящим деятелям Коммуны помимо ее военного делегата. О неполадках в военном хозяйстве Коммуны, о неспособности, а возможно, и нежелании Клюзере им руководить Домбровский говорил Делеклюзу, Дюбрейлю, Авриалю и другим видным деятелям Коммуны. 23 апреля на заседании Коммуны Авриаль потребовал от Клюзере точного отчета о том, сколько бойцов и сколько орудий на участке Домбровского. Делеклюз, возмущенный уклончивым ответом Клюзере и всеми его действиями, огласил сочиненную военным делегатом афишу с призывом предоставить ему диктаторские полномочия. «Домбровский, — сказал Делеклюз, — явился вчера в состоянии полного изнеможения и сказал мне: «У меня нет больше сил, заместите меня. Для защиты пространства от Нейи до Аньера меня оставляют с 1200 человеками, и больше этого количества у меня никогда не было». Если это верно, — добавил Делеклюз, — то это акт измены»

В тот день Клюзере удержался на своем посту, но вскоре группа членов ЦК Национальной гвардии в секретном письме к членам Коммуны указала на необходимость немедленных энергичных мер в военной сфере. «Надо арестовать Клюзере, — говорилось

в письме, — назначить Домбровского главнокомандующим, организовать из военных специалистов военный совет под контролем комиссара Коммуны. Нужны ответственные гражданские организаторы для контроля, и все это быстрей, быстрей, быстрей, иначе все пропало!» 1 мая был создан Комитет общественного спасения; Клюзере в тот же день арестовали, а на его место был назначен полковник Россель. Кадровый офицер французской армии Россель был республиканцем, но не понимал и не одобрял намечавшихся социальных преобразований; поэтому он добросовестно служил Коммуне, но не больше. По настоянию Росселя назначение Домбровского на должность главнокомандующего было аннулировано, но фактически он обладал властью большей, чем любой другой военачальник Коммуны.

В I армии Коммуны, которую возглавлял Домбровский, к 11 мая оставалось около восьми тысяч бойцов. А у версальцев на этом участке было свыше тридцати тысяч солдат и несколько сот мощных артиллерийских орудий. Несмотря на это, коммунары удерживали свои позиции и не раз наносили чувствительные контрудары наступающим версальцам. Домбровский был душой обороны и инициатором контрударов; не раз он лично предводительствовал коммунарами в рукопашных схватках.

Бо́льшую часть времени Домбровский проводил в наиболее угрожаемом секторе Ла-Мюэтт, включавшем часть городской стены с воротами и один из парижских вокзалов. Очевидец и участник событий Э. Лиссагарэ, побывавший на этом участке, описывает свои впечатления следующим образом: «Дождавшись некоторого затишья, мы доходим до ворот или скорее до груды развалин, которые лежат на их месте. Вокзала более не существует, тоннель завален, бастионы сползли во рвы. Среди обломков копошатся люди [...]. Каждый шаг к Ла-Мюэтт грозит смертью. На укреплениях у ворот Ла-Мюэтт офицер машет кепи по направлению к Булонскому лесу. Пули свищут вокруг него — это Домбровский, забавляя себя и солдат, что-то кричит версальцам, сидящим в траншеях».

На рассвете 21 мая Домбровский направил Делеклюзу донесение с оценкой сложившейся ситуации и своими предложениями. Он писал, что неприятельские траншеи с каждым днем приближаются, что некоторые участки городской стены фактически не защищены, что штурм города неминуем. «В моем распоряжении, — заявлял Домбровский, — не более 4 тысяч человек в Ла-Мюэтт, 200 — в Нейи и столько же в Аньере и Сент-Уэне. Мне недостает артиллеристов и особенно саперов. Положение требует громадного усиления крепостных работ, которые одни смогли бы отсрочить катастрофу». Лефрансэ, посетивший Ла-Мюэтт в ночь на 21 мая, записал в своем дневнике: «Казематы всюду покинуты, так как невозможно дольше оставаться в них без риска быть там погребенным [...]. Траншеи неприятеля не доходят лишь на пятнадцать метров до фортификаций, и я ясно различаю лица солдат, которые даже не дают себе больше труда прятаться [...]. Положение весьма серьезно».

Положение действительно было трудным, но коммунары еще могли бы сопротивляться, если бы в их рядах не оказался изменник. Мелкий служащий Коммуны Дюкатель, решившийся на гнусное предательство, днем 21 мая ввел версальцев в Париж. Через полтора часа после этого Домбровский послал в Комитет общественного спасения и в Военную комиссию следующую депешу: «Версальцы вступили через ворота Сен-Клу. Принимаю меры, чтобы их прогнать. Если можете прислать подкрепления, отвечаю за все». Депеша была доставлена по назначению с большим опозданием, притом же члены Коммуны не поверили известию о вступлении противника в город. Не потрудившись как следует проверить его, они в восемь часов вечера расклеили афишу, в которой сообщение Домбровского называлось пустой паникой. Тем временем за городские стены проникало все больше и больше версальцев, все новые и новые районы оказывались под их контролем.

Домбровский с остатками подчиненных ему подразделений Национальной гвардии пытался остановить противника, имевшего подавляющее превосход-

ство в численности и вооружении. Теофиль Домбровский подробно описал действия своего брата в эти памятные часы. «Брат мой, извещенный о вступлении версальцев и ожидавший быстрой помощи в людях и артиллерии, решил тотчас же их атаковать. Собрав все имеющиеся в его распоряжении силы (около тысячи человек), он разделил их на две колонны, причем командование одной принял на себя, а другой поручил командовать мне. Должны были мы атаковать с двух сторон: я — вдоль окопов, а брат — обойти и ударить с тылу со стороны железнодорожного моста. Ведя бой с версальцами, я напрасно до 7 часов вечера ждал условного сигнала штыковой атаки. Сигнала не было, и только в 8 часов я узнал, что брат, тяжело контуженный осколком снаряда в грудь, в почти бессознательном состоянии находится в своей главной квартире». Без руководителя, без ожидавшихся подкреплений контрнаступление коммунаров захлебнулось, и они должны были отойти в район Ла-Мюэтт.

Немного оправившись, Ярослав Домбровский в два часа ночи явился в Комитет общественного спасения, подробно рассказал о событиях истекших суток и просил в связи с контузией освободить его, хотя бы временно, от командования. Временным преемником Домбровского утвердили полковника Ферри. Некоторые из членов Комитета, издерганные, деморализованные, плохо разбирающиеся в обстановке, накинулись на Домбровского и стали обвинять его в случившемся. Понятно, что Домбровский был до предела возмущен этим. «Как, — воскликнул он, — Комитет общественного спасения принимает меня за изменника?! Моя жизнь принадлежит Коммуне!» Большинство, впрочем, горячо опровергло вздорные обвинения; Домбровского наперебой старались успокоить, повели его к столу, зная, что он более суток не прикасался к пище. За столом Домбровский был немногословен и задумчив. Подкрепившись и немного отдохнув, он молча попрощался с присутствующими и вышел. Было очевидно, что, оскорбленный подозрениями, он постарается любой ценой доказать их необоснованность.

Следующий день Домбровский хотел посвятить отдыху и лечению, но это было не так легко сделать из-за множества неотложных дел, из-за непрерывной канонады и вражеских снарядов, которые рвались во всех, кажется, районах города. 23 мая он находился на Монмартре: с обычной своей энергией организовывал оборону этого важного района. Однако усилия его были напрасными, так как прусское командование в нарушение всех своих заявлений пропустило версальцев через оккупированную территорию, и они атаковали Монмартр с северной стороны, где силы обороняющихся оказались мизерными, а укреплений вовсе не было. «Если бы Коммуна послушалась моих предостережений! — писал К. Маркс в июне 1871 года. — Я советовал ее членам укрепить северную сторону высот Монмартра — прусскую сторону, и у них было еще время сделать это; я предсказывал им, что иначе они окажутся в ловушке». Неожиданный удар версальцев с севера деморализовал защитников Монмартра, скоро они попали в окружение и вынуждены были прекратить борьбу.

В 2 часа дня Домбровский находился у баррикады на углу улиц Мирра и Пуасоньер. Здесь во время контратаки его настигла вражеская пуля, и он был отправлен в больницу. «Четыре человека, — вспоминают коммунары, двигавшиеся навстречу, — несли на плечах носилки со смертельно раненным Домбровским. Увидев нас, они остановились. Домбровский пожал нам руки и сказал: «Не идите туда, все кончено. Вы погибнете, и совершенно бесцельно. Я умру. Жизнь моя не играет роли, думайте только о спасении республики».

Вскоре Домбровского не стало. Тело его положили в знаменитой голубой комнате ратуши, чтобы с ним могли проститься друзья и соратники. Ночью состоялись похороны. По дороге к кладбищу на площади Бастилии гроб окружили национальные гвардейцы. Член Коммуны О. Верморель произнес прощальную речь, полную любви и уважения к покойному. «Вот, — сказал он, — тот, кого обвиняли в измене! Один из первых отдал он свою жизнь за Коммуну. Что же делаем мы вместо того, чтобы подражать Домбров-

скому? Поклянемся же, что уйдем отсюда лишь затем, чтобы умереть!»

Домбровского похоронили на кладбище Пер-Лашез. Пелагия Домбровская не могла присутствовать на похоронах: за несколько дней до его смерти она с детьми выехала в Лондон. После разгрома Коммуны эмигрировал в Англию и Теофиль Домбровский. Семья Домбровского, его брат, Валерий Врублевский и другие польские эмигранты — участники Коммуны, находясь в Лондоне, поддерживали контакты с Марксом и его семьей, были связаны с Энгельсом. Основоположники научного коммунизма высоко ценили подвиги польских революционеров, сражавшихся за свободу французских трудящихся. «Коммуна, — писал Маркс, — почтила героических сынов Польши, поставив их во главе защитников Парижа». Для В. И. Ленина имена польских участников Парижской коммуны также являлись символом вклада польского народа в мировое революционное движение. «Память Домбровского и Врублевского, — писал он в 1903 году, — неразрывно связана с величайшим движением пролетариата в XIX веке, с последним — и, будем надеяться, последним неудачным — восстанием парижских рабочих».

Могиле Домбровского не посчастливилось: в 1879 году она была перенесена на кладбище Иври, точное местонахождение ее с тех пор неизвестно. Но Домбровский не забыт: память о нем бережно хранят не только его соотечественники, но и все прогрессивное человечество. Имя Домбровского написала на своем знамени одна из бригад Интернационального легиона, сражавшегося в Испании против франкистов, его именем называли партизанские отряды, боровшиеся против гитлеризма. В столице Народной Польши именем Ярослава Домбровского названа одна из улиц.

Андрей ПОТЕБНЯ

В материалах Пражского архива, созданного русскими эмигрантами и переданного чехословацким правительством в дар Советскому Союзу после окончания второй мировой войны, было обнаружено несколько важных для истории революционного движения конспиративных текстов Н. П. Огарева. Среди них — его записная книжка, в которой наряду с другими записями оказался список шестидесяти четырех наиболее активных армейских революционеров, действовавших в 1862—1863 годах на территории Царства Польского и западных губерний. Опубликование этого списка, написанного неизвестной рукой, существенно продвинуло вперед изучение истории федерации военных кружков, сыгравшей немалую роль в восстании и являвшейся едва ли не самой деятельной из организаций, вошедших в первую «Землю и Волю». Теперь эту федерацию кружков называют обычно революционной организацией русских офицеров в Польше. Сами участники не дали федерации какого-либо названия; для многих деятелей 60-х годов она слилась с именем одного из ее руководителей и сохранилась в их памяти как «организация Потебни», или «Потебневское общество». Имя Потебни уже не раз упоминалось; расскажем о нем подробнее.

Андрей Потебня родился 19 августа 1838 года. Отец его — Афанасий Иоахимович — принадлежал к мелкопоместным украинским дворянам, выходцам из Запорожского казачьего войска. Он участвовал

в войнах с Персией и Турцией в 1828—1829 годах, а потом вышел в отставку в чине штабс-капитана и служил судебным заседателем в городе Ромны Полтавской губернии; в городе у него был дом, неподалеку от города — хутор с пятью крепостными. Нравы в семье были простые, глава ее не гнушался любой черной работой, но детям старался дать хорошее образование. Старший брат Андрея — Александр окончил гимназию в Радоме, где преподавал его дядя. Впоследствии Александр окончил университет, учился за границей и стал известным ученым-языковедом.

Андрею родители избрали военную карьеру. Десятилетним мальчиком он надел мундир воспитанника Полоцкого кадетского корпуса, пробыв перед этим короткое время в кадетском корпусе, расположенном в Орле. Полоцкий корпус предназначался для русификации дворянской молодежи белорусских губерний и борьбы с тем, что царизм называл польским влиянием. Сверстниками и товарищами Андрея стали многие поляки, в том числе дети или братья повстанцев 1830—1831 годов и участников польских конспиративных организаций последующих лет. Были среди них и будущие деятели восстания 1863 года. Одновременно с Потебней учился, например, Мельхиор Чижик, ставший впоследствии одним из соратников Л. Звеждовского и принявший командование над повстанческим отрядом в Вилейском уезде Виленской губернии. В Полоцком корпусе воспитывались также будущий активный участник революционной организации русских офицеров в Польше Бронислав Бобянский, будущий повстанческий командир Октавиан Феликс Шукевич, будущие члены офицерских кружков Казимир Левицкий, Иоаким Обезерский, Лев Струмило, Василий Липинский, Владислав Вишневский, Александр Снежко-Блоцкий и др. Вместе с Потебней учились в корпусе и некоторые будущие участники освободительной борьбы, не являвшиеся поляками: Владимир Галлер, Александр Минятов.

Из корпусных впечатлений в памяти Потебни и его товарищей должно было сохраниться такое событие, как открытие памятника в честь битв за Полоцк

на плацу перед зданием корпуса. Торжество происходило 26 августа 1850 года. Дата была выбрана не случайно: она совпадала с годовщинами славных побед русского оружия в 1612 и 1812 годах. В один ряд с этими победами устроители торжества поставили взятие Варшавы в 1831 году, завершившее жестокое подавление польского восстания. Эта бестактность оскорбляла национальные чувства многих воспитанников.

В конце июля 1854 года Потебня вместе со многими своими сверстниками из шестнадцатого выпуска Полоцкого кадетского корпуса был зачислен для завершения военного образования в Дворянский полк (Константиновское военное училище). Новые впечатления и встречи, быстрое расширение кругозора, обострение интереса к общественному движению — вот что означал для Потебни переезд в Петербург. Одновременно с ним в Дворянском полку находился будущий активный деятель офицерской организации Петр Краснопевцев. Годом раньше Потебни учились Ярослав Домбровский и Павел Огородников, годом позже — Зыгмунт Падлевский и Константин Жебровский.

С окончанием Крымской войны и смертью Николая I резко изменилась политическая атмосфера. Наступила эпоха падения крепостного права. Освободительные идеи захватили армейскую молодежь. Они легко воспринимались молодыми офицерами, выходцами из бедных дворянских семей, по образу жизни сливавшимися с разночинской средой. Таким был и Потебня, о котором знавшие его люди говорили: «простой человек, простой по положению, чину и воспитанию».

16 июня 1856 года восемнадцатилетний Потебня был выпущен прапорщиком в Шлиссельбургский пехотный полк 4-й пехотной дивизии, стоявшей в Царстве Польском. Через два года он, однако, вновь оказался в Петербурге. На этот раз он был слушателем Царскосельской офицерской стрелковой школы. Здесь он учился с ноября 1858 по ноябрь 1859 года.

Пребывание в Петербурге оставило в Потебне не-

изгладимый след. Он жадно читал передовые русские журналы — «Современник» со статьями Чернышевского и Добролюбова, новый остроумный сатирический журнал «Искру», издававшийся с 1859 года, новый военный журнал «Военный сборник», появившийся в 1858 году. В этом году в редакции его работал Чернышевский, и журнал энергично боролся против крепостнических порядков в армии и защищал человеческие права солдат. В руки Потебни попадали и широко распространявшиеся в России запретные листы «Колокола» и другие издания лондонской Вольной русской типографии. «Все, что знал, вычитал большей частью из русских журналов», — писал о нем Бакунин.

Живя в Царском Селе, Потебня наверняка слышал об офицерском кружке генштабистов, встречался с его участниками, а возможно, бывал и на их собраниях. Знакомые Потебни были в кружке военных инженеров, среди чернышевцев и в других офицерских кружках.

Под влиянием дискуссий в этих кружках и чтения в этот период сложились основные убеждения молодого офицера, созрело решение примкнуть к революционному лагерю. В этот период выработались и те личные качества Потебни, на которые обращали внимание все знавшие его люди. Потебня производил впечатление человека с головы до ног серьезного, преданного революции, чуждого всякой рисовки и тщеславия.

Есть основания предполагать, что в Царскосельской стрелковой школе также существовал офицерский кружок. Большая часть его участников сменялась ежегодно вместе с выпуском слушателей. Преемственность удавалось поддерживать через офицеров из постоянного состава школы и путем контактов между слушателями в осенние месяцы, когда почти одновременно проходили вступительные и выпускные экзамены. Участниками кружка в Царскосельской школе являлись, по-видимому, один из будущих руководителей «казанского заговора» Наполеон Иваницкий, члены революционной организации русских офи-

церов в Польше и петербургских военных кружков А. Н. Ган, С. Ю. Готский-Данилович, Н. А. Арендаренко, М. В. Кюхельбекер, Д. З. Якубовский и др. Внешние связи царскосельского кружка осуществлялись, вероятно, через Н. Н. Обручева, который был председателем учебного совета школы (он, между прочим, подписал выпускное удостоверение Потебни).

1860 год, когда Потебня возвратился в Шлиссельбургский пехотный полк, ознаменовался подъемом польского национально-освободительного движения. Это нашло выражение в многолюдных манифестациях, в организации демонстративных панихид по жертвам царского террора, в пении запрещенных национальных гимнов в костелах и т. д. Первая еще сравнительно небольшая манифестация произошла летом 1860 года во время похорон вдовы одного из участников ноябрьского восстания. Осенью варшавяне устроили манифестацию в те дни, когда их город соблаговолили посетить монархи трех государств, разделившие Польшу и угнетавшие польский народ. В феврале 1861 года варшавские мостовые обагрились кровью. манифестанты, двигавшиеся от Лешно к Замковой площади, были встречены огнем. Похороны пяти убитых вылились в стотысячную манифестацию. Примерно через месяц царизм совершил новое преступление, расстреляв массовую манифестацию жителей Варшавы. Свыше ста погибших и множество раненых остались на месте расправы, волна обысков и арестов последовала за ней.

Что испытывали находящиеся в Польше передовые офицеры русской армии? Перед ними проносился поток народного движения. Они видели политические демонстрации, в которых участвовали десятки тысяч людей; они видели, как варшавяне, в основной массе ремесленники и рабочие, отбивались от солдат и казаков, теряя убитых и раненых Сменялись наместники, не справлявшиеся с подавлением движения, слетали с мест ненавистные народу царские чиновники. Однако никакой действительной победы и никакого облегчения народу не приносили все эти демонстра-

ции безоружных, молебны «за благополучие отчизны», панихиды, ношение траура, преследование тех, кто не хотел отказаться от посещения театров, танцев и других развлечений.

Молодые офицеры видели, что национально-освободительная борьба поляков против царизма выражает насущные потребности народа. Они верили Чернышевскому, который писал, что причины этой борьбы кроются не в одном национальном чувстве, но в социальных и политических условиях жизни народа, в недовольстве господствующей «стеснительной системой», т. е. неравноправием и гнетом. Сочувствуя нарастающему движению, армейская молодежь пыталась разобраться в характере польских политических партий. Революционно настроенные офицеры знали, что поляки создают подпольную организацию для подготовки восстания, которое все более превращалось из отвлеченной мечты в реальное дело недалекого будущего.

«Колокол» открыто провозглашал задачу отнять армию у царизма, писал о необходимости создавать в армии революционные кружки и организации, занимать офицерские посты членами тайных обществ. Эти мысли находили живой отклик у молодых офицеров, искавших революционного дела. Между тем царизм превращал войска, находящиеся в Польше, в карательную силу. Их уже заставили пролить кровь манифестантов, было ясно, что в ближайшем будущем русских солдат могут послать на усмирение восстания польского народа.

Передовые офицеры не хотели и не могли просто отстраниться, уйти в отставку — это было бы бегством. Они могли бы перейти на сторону поляков, когда начнется восстание; но ведь подчиненные им солдаты вынуждены были бы тогда воевать против восставших под командой других офицеров. Затруднение состояло еще и в том, что хотя в армейской подпольной организации вместе с русскими участвовало много поляков, целью организации не могла стать только поддержка борьбы за независимость Польши. Русские офицеры мечтали о революции в самой России, они хотели соединить в условиях назревающего восстания обе задачи — польскую и русскую.

Что следует делать в таком положении? С этим вопросом от имени группы офицеров обратился Потебня к Герцену и Огареву осенью 1861 года. Офицерам было известно твердое, неоднократно заявленное убеждение издателей «Колокола» о необходимости союза русских и польских революционеров в борьбе с царизмом. Они ждали от них практического совета. Герцен и Огарев ответили, но их письмо было перехвачено, по-видимому, прусской полицией. Не дождавшись ответа, офицеры сами приняли решение. Из разрозненных кружков они начали создавать подпольную организацию.

Революционная организация русских офицеров в Польше — так можно назвать возникшую федерацию. Инициатором объединения кружков выступил поручик 4-го стрелкового батальона Василий Каплинский, связанный с петербургскими офицерскими кружками, с Сераковским и Домбровским. Вместе с Каплинским Потебня постепенно устанавливал связи с кружками и отдельными оппозиционно настроенными офицерами в частях, сплачивал их воедино, вербовал новых участников организации. К концу 1861 года организация насчитывала уже более двухсот членов, объединенных в полковых, батальонных, бригадных, батарейных кружках. Они были различны по величине, по идейной закалке и дееспособности; но в целом составляли, несомненно, большую силу.

Важнейшей своей задачей армейские революционеры считали агитационно-пропагандистскую работу. В первые месяцы офицерская организация распространяла прокламации, доставлявшиеся из Лондона и Петербурга. Эти прокламации призывали офицеров и солдат стать на сторону народа в его борьбе за землю и волю. Особенно часто подбрасывалась солдатам написанная Огаревым листовка «Что надо делать войску?». До середины апреля 1862 года начальству удалось заполучить 182 экземпляра этой листовки. Были изданы специальные приказы о выдаче денежного вознаграждения каждому, кто доставит «возмутитель-

ное воззвание». Несмотря на это, прокламации ходили по рукам, и лишь очень незначительная часть их попадала в дивизионные штабы, которым было приказано немедленно предавать их огню.

Начиная с мая 1862 года появились собственные листовки армейской организации. Сначала они размножались в военных литографских заведениях, а потом стали издаваться типографским способом. Тиражи листовок достигали иногда нескольких тысяч экземпляров.

Листовка «Чего хочет русский народ и что должен делать тот, кто его любит», появившаяся в мае, обращалась к офицерам, находящимся в Царстве Польском, с такими словами: «Вам выпал на долю счастливый жребий быть передовыми в деле освобождения России. Не отталкивайте от себя этого жребия. Мы призываем вас на помощь Польше, этой великой многострадальной мученице; пока угнетена она, Россия не может быть свободной. Народное дело уже созрело в Польше, и скоро народ возьмет свое; власть петербургского правительства держится в ней только вами и от вас зависит уменьшить число будущих жертв.

Сильное неудовольствие уже существует между солдатами; на офицерах лежит обязанность направить это неудовольствие, они должны объяснить солдатам, что власть трусит, опирается только на них и пользуется ими для угнетения польского и русского народов. Если вы откажетесь бить поляков, то и этим сделаете много; но это не все. Вы должны стать за них, и только тогда вы своей кровью сможете смыть с себя пятна мученической крови. Если вы сделаете это, вы уменьшите потоки крови, уже готовой пролиться, вы поразите петербургское правительство в самом чувствительном месте и из возродившейся Польши понесете знамя свободы на свою родину».

В этих словах кратко высказаны новые мысли, впервые появляющиеся в русской революционной литературе: русские войска в Польше могут сыграть передовую и решающую роль в освобождении России; для этого нужно не только отказаться «бить поляков», но и «стать за них»; освобождение Польши от царизма даст возможность понести знамя свободы и в Россию.

Вышедшая вскоре другая прокламация обращена к солдатам. Она так и называлась — «Русские офицеры — солдатам русских войск в Польше». Вероятно, автором ее был Потебня, взявшийся исполнить тот долг офицеров, на который указывала первая прокламация: направить на революционное действие недовольство солдат. В прокламации говорилось о «жалком положении» солдат на службе и в отставке: они получают ничтожное жалованье, одеты плохо, полуголодны, даже последнее их достояние — деньги от продажи излишков муки («недоеденный хлеб») — «бесстыдно теперь отнято» у них начальством. Отставной солдат после двадцатилетней службы лишен дома, семьи, вынужден питаться милостыней, как тысячи героев обороны Севастополя.

В то же время прокламация указывала солдату на революционный выход из положения, подготовленный борьбой самого народа в России. «От вас самих зависит теперь улучшение участи вашей; настал теперь удобный случай, а доверие ваше к нам будет залогом победы». В чем же этот удобный случай? Это движение крестьян, которые «восстали против царя и помещиков, справедливо требуя себе земли и воли». Они молят о помощи — солдаты не останутся «хладнокровными зрителями погибели» своих отцов и братьев, родных и близких. «Нет! Нет! Мы составим вольные дружины и поспешим в Россию на помощь нашим». Все помехи будут снесены, «все грабящие и угнетающие нас должны погибнуть; кровь их да смоет позор, нанесенный имени русскому невинной кровью русских крестьян и поляков, пролитою по их приказаниям».

Таким образом, прокламация офицерской организации, являвшаяся не пустой декларацией, а отражением настроений многих офицеров и солдат, открыто призывала к практическому военному сотрудничеству русских и польских революционеров. Это многое объясняет нам в плане Домбровского, о котором го-

ворилось выше. Несомненно, Домбровский не «фантазировал», как считали его противники, а опирался на реальные силы и активную помощь армейской организации в случае восстания поляков. План Домбровского предусматривал и ответное обязательство польских повстанцев: помочь «русским республиканцам» сформировать вольные дружины, которые вступят в глубь России и поднимут там знамя революции.

Потебня был твердо уверен в сочувствии своих товарищей польскому движению. В июне 1862 года он об этом написал Герцену и Огареву. «Если вы, — писал он, — имеете верное понятие о положении дел в Польше, вы должны знать также и дух войска в Польше; мы настолько сблизились с патриотами польскими, что во всяком случае примем *прямое* участие в близком восстании Польши... Я уже писал вам раз по поручению своих товарищей; тогда я еще не знал, что пропаганда будет так легка и так успешна; теперь войско, квартирующее в Варшаве, стоит на такой ноге, что готово драться с своими, если б они вздумали идти против поляков».

Мы мало знаем о работе офицерских кружков — низовых ячеек армейской организации. Поэтому особую ценность представляют сведения о деятельности кружка 4-го стрелкового батальона 4-й пехотной дивизии. Здесь пропаганда среди солдат велась широко и почти открыто. Подпоручик 4-го батальона П. М. Сливицкий, ведавший фехтовальной командой, читал солдатам статьи из нелегальных изданий и разбирал с ними некоторые политические вопросы. Команда состояла из семидесяти пяти солдат, двенадцати унтер-офицеров, четырех преподавателей. Беседы с солдатами вели наряду со Сливицким и другие офицеры: И. Н. Арнгольдт, Д. П. Непенин, П. В. Плешков, а также унтер-офицер Францишек Ростковский и рядовой Лев Щур. Участники кружка рассказывали позже, что пропаганда среди солдат дала «поразительные и неожиданные результаты».

Как показало следствие, Сливицкий читал солдатам те статьи из герценовских изданий («Исторического сборника» и «Полярной звезды»), в которых

содержались материалы, разоблачавшие преступления романовской династии. Аналогичную работу вели его товарищи. Суд признал их виновными в оскорблении царя «распространением между нижними чинами ложных и дерзких рассказов о государе и о царствующем доме, взятых из враждебных России сочинений».

Другой темой пропаганды были наиболее интересные для солдат вопросы о положении крестьян, о барщине, об очиншевании (переходе с барщины на оброк). Интересно, что солдаты читали «Дубровского» Пушкина — повесть о произволе и насилии помещиков и борьбе с ними молодого дворянина, ставшего во главе разбойников. При этом, как явствует из обвинительного заключения, офицеры превратно толковали правительственные решения по крестьянскому делу, в частности реформы в Царстве Польском.

Особо тяжкой виной участников кружка в 4-м батальоне суд признал «подучение к бунту» солдат. По заданию Сливицкого Ростковский и Щур должны были в Олонецком и Шлиссельбургском пехотных полках добиться выступления солдат против тягот службы. Этим полкам предстоял инспекторский смотр. Участники кружка хотели, чтобы солдаты ответили молчанием на приветствие командира корпуса генерала Хрулева и тем самым выразили «неудовольствие на частые смотры и разводы». Ростковский и Щур не смогли выполнить задание. Но самый замысел свидетельствует о предварительной подготовке: солдаты двух намеченных для выступления полков были, очевидно, заранее распропагандированы. В этих полках армейская организация давно имела свои ячейки. В Шлиссельбургском полку во главе кружка стоял Потебня, в Олонецком активными деятелями были А. Ф. Будзилович, Е. И. Зейн, М. К. Итинский, И. Н. Лойко.

Кружок в 4-м стрелковом батальоне очень рано попал в поле зрения карательных органов царизма. В феврале 1862 года был арестован В. Каплинский, который, впрочем, не назвал никого из своих соратни-

ков. Более тяжелым ударом был арест Аргнгольдта, Сливицкого, Ростковского и Щура в апреле того же года. К следствию были привлечены Непенин и Плешков, попали под подозрение некоторые другие офицеры. Однако оставшиеся на свободе неизвестные нам участники кружка, по-видимому, продолжали деятельность, репрессии не могли убить сочувствие солдат к арестованным.

Дело участников кружка 4-го батальона показывает, что они не только завоевали авторитет в офицерской среде, но и пользовались подлинной любовью в солдатских массах.

Когда стало известно об аресте Аргнгольдта и Сливицкого, человек шестьдесят солдат с оружием хотели броситься на защиту, и только приказание Сливицкого, понимавшего бесполезность выступления, удержало их. Впоследствии, «несмотря на все мордобития и розги», председатель следственной комиссии полковник Мясковский не добился от солдат каких-либо показаний во вред Аргнгольдту и Сливицкому. От Ростковского и Щура следователи также не могли добиться ни слова. В наказание солдат перевели в другие части, в том числе девять человек отправили в Оренбургский корпус. Оставшихся в батальоне солдат новый командир и новые офицеры долго называли «бунтовщиками».

На суде Аргнгольдт и Сливицкий, по словам одного из современников, «нимало не запираясь, объявили всю истину своей вины, прибавив к тому, что это было их убеждение». На страницах «Колокола» о суде рассказал кто-то из членов армейской организации. «Все держали себя, — писал он, — особенно Аргнгольдт, перед судом с геройской твердостью. Они с первых слов объявили, что говорили с солдатами и распространяли между ними либеральные идеи по убеждению и не откажутся от своих убеждений, хотя и знали очень хорошо, что против них нет никаких юридических доказательств». В качестве главной улики в суде фигурировало письмо генералу Лидерсу, не оставляющее сомнений в революционных убеждениях его автора. Когда Аргнгольдту предъявили это письмо

и спросили, кто его написал, тот, не колеблясь, ответил, что письмо писал он, но еще не окончил; взял перо и подписал под письмом свою фамилию.

Суд приговорил Аргнгольдта, Сливицкого, Ростковского к смертной казни, а Щура к наказанию шпицрутенами и каторжным работам на двенадцать лет. Каплинский также попал на каторгу. Связанный с ним артиллерийский поручик Станислав Абрамович был уволен со службы, а Непенин и Плешков переведены в другие части.

Приговор Аргнгольдту и его товарищам по замыслу царя должен был терроризировать общество и армию. Военный министр генерал Д. Милютин иначе представлял себе отклик на это дело и предлагал Александру II смягчить приговор. Даже генерал Хрулев, которого Герцен называл кондотьером, был против смертной казни. Однако Александр требовал неумолимой строгости. При этом он уклонился от утверждения приговора, а перепоручил это дело наместнику А. Лидерсу.

На страницах «Колокола» Герцен заклеймил трусость царя, оценив смертный приговор как «нероновский поступок, сделанный лицемерно, чужими руками, под фирмой Лидерса». Оценка эта совершенно правильна. Сейчас мы знаем закулисную сторону этой отвратительной истории из шифрованной переписки Лидерса с военным министром. 9 июня Лидерс телеграфировал Милютину о том, что смертный приговор послужит прославлению осужденных как «мучеников правого дела» и повлечет «к возбуждению жителей против правительства». «Поэтому, — писал он, — замена смертной казни ссылкой на каторжную работу, мне кажется, более согласна с родительским сердцем государя императора. Но прежде чем решить это обстоятельство, я покорно прошу [...] сообщить мне ваше личное мнение, так как мысли государя императора вам ближе известны». Ответ был лаконичен и выражал, конечно, волю царя. Вот текст депеши, датированной 10 июня: «Считаю совершенно необходимым приговор над офицерами 4-го батальона привести в исполнение без всякого смягчения. Край-

не нужен пример строгости. Полагал бы исполнить в Новогеоргиевске, чтобы устранить демонстрации. Генерал-адъютант Милютин».

14 июня Лидерс утвердил решение военно-полевого суда. В тот же день приговор был объявлен офицерам, сидевшим вместе в камере Александровской цитадели. Следователи обманули смертников, уверив их, что над ними будет произведен только обряд казни, а потом объявят о помиловании. Этого убийства страшились сами палачи. Выполняя рекомендацию царя и опасаясь, чтобы в войсках варшавского гарнизона не возник «случай ослушания со стороны экзекуционных войск», осужденных перевезли в Новогеоргиевскую крепость (Модлин) — в сорока верстах от Варшавы. Их конвоировало свыше пятидесяти казаков, их везли, нигде не останавливаясь и не позволяя смертникам сходить с телеги.

В четыре часа утра 16 июня весь гарнизон Модлина выстроился на валу и во рву около крепости. Арнгольдт, Сливицкий и Ростковский, окруженные жандармами, казаками и солдатами, были проведены через цитадель к крепостному рву. Аудитор прочитал конфирмацию, на осужденных надели балахоны, подвели к столбам, завязали глаза. Для экзекуции был выстроен целый батальон специально отобранных солдат, командовал ими генерал, присланный Лидерсом из Варшавы. Ростковский попросил солдат: «Ребята, пожалуйста, цельтесь хорошенько: прямо в сердце!» Но у солдат тряслись руки. Сливицкий после двенадцати пуль был жив, и фельдфебель выстрелом из пистолета добил его. Так описывают казнь современники.

Приказ о казни опубликовали только через несколько дней. 4-й батальон накануне казни подняли по тревоге и перебросили в город Лович.

Расправа царя над молодыми офицерами вызвала волну возмущения в России, в Польше, за границей. Герцен писал в «Колоколе»: «Черный день этот будет памятен и вам, поляки, за которых умерли три русских мученика, и их товарищам, которым они завещали великий пример, и нам всем, которым они указали — не только как это правительство, набеленное прогрессом, легко убивает, но как проснувшиеся к сознанию офицеры наши геройски умирают». «Мы жалеем их как мучеников за святое дело, — писал неизвестный участник офицерской организации, рассказывавший о казни товарищей издателям «Колокола», — но эта жертва была необходима; она произвела наилучшее впечатление на поляков и на войско». От офицеров потребовали подписки, что не будут иметь портретов расстрелянных. Однако никакие приказы не могли погасить выражения сочувствия казненным.

О смертном приговоре кое-кто узнал сразу же после его утверждения. Накануне казни, 15 июня, Андрей Потебня стрелял в Лидерса. За этим террористическим актом в Польше последовали другие, совершенные силами повстанческой организации. Но выстрел в Лидерса имел свою политическую окраску. Он был демонстрацией, попыткой ответить террором на террор. Пуля в Лидерса, который утвердил смертный приговор осужденным, была направлена в царскую власть, расправляющуюся с революционерами. Польская подпольная газета «Стражница» («Дозор») не случайно назвала это покушение «наглядным предостережением для тиранов».

Стрелявший не скрывался, ставкой была его собственная жизнь. Утром в Саксонском саду, среди многочисленной публики, он открыто подошел к прогуливавшемуся генералу и ранил его в голову. Затем он продул дымившийся пистолет, положил его в карман и спокойно вошел в кофейню, имевшую сквозной выход, а оттуда исчез бесследно. В саду было много офицеров, которые не могли не узнать Потебню, но никто не подумал задержать его. «Я всадил ему в голову Арнгольдта и Сливицкого», — сказал Потебня Домбровскому через несколько часов после покушения. Новый наместник, великий князь Константин, сообщая Александру II об обстоятельствах покушения, писал: «Если бы в толпе, бывшей в это время в Саксонском саду, было малейшее сочувствие к полиции, убийца не мог бы скрыться».

К следствию в связи с покушением на Лидерса были привлечены офицеры Шлиссельбургского полка: прапорщики Вышемирский и Дмоховский, подпоручик Закревский. Теперь нам известно, что из этих офицеров по крайней мере А. М. Дмоховский, батальонный адъютант, был членом армейской организации. Вышемирский имел связь с Домбровским — обвинялся в продаже ему двух револьверов. Имя Потебни тоже упоминалось при следствии, но поскольку он скрылся, было «высочайше повелено, если он отыщется, предать его военному суду». Со службы он, разумеется, был уволен. Одним словом, в руках следствия имелись кое-какие нити. Но русским властям было вовсе не с руки обнаруживать террориста среди русских офицеров. Несмотря на требование Александра II, чтобы арестованные офицеры Шлиссельбургского полка были наказаны по всей строгости законов, Дмоховский и Закревский были признаны совершенно невиновными, а Вышемирский отделался переводом в сибирский линейный батальон.

Таким образом, тайна, окружавшая покушение на Лидерса, не была никем раскрыта. Оно воспринималось в одном ряду с последовавшими затем покушениями на Константина и Велёпольского. Игнаций Хмеленский, организовавший их, даже сознательно стремился соединить их в общественном мнении: в кармане у схваченного Ярошинского была найдена записка, заявлявшая, что он же стрелял и в Лидерса. Версия о том, что в Лидерса стрелял поляк, а не русский, устраивала и царское правительство. Однако русские революционеры знали правду. Герцен, на которого постоянно сыпались анонимные письма с угрозами, остроумно отвечал: «Поучитесь, как порядочные люди стреляют. Русский, хотевший отомстить своих товарищей, пустил пулю Лидерсу в челюсть без всяких писем и ругательств».

Партия красных собирала силы для предстоящего восстания. 12(24) июля 1862 года Центральный национальный комитет выпустил инструкцию для повстанческих подпольных организаций, открыто объявлявшую о подготовке вооруженного восстания про-

тив царизма. Террористические акты, которые устраивал Хмеленский, удаленный из состава ЦНК умеренными элементами, но связанный с самыми решительными, боевыми силами повстанческого подполья, отражали стихийное настроение масс.

Едва успел новый наместник великий князь Константин приехать в Варшаву, как на него было совершено покушение молодым портновским подмастерьем Людвиком Ярошинским. 26 июля другой подмастерье — литограф Людвик Рылль пытался убить начальника гражданского управления маркиза Велёпольского, который был главной опорой русской власти в Царстве Польском. 3 августа, через день после того, как публичный военный суд приговорил Ярошинского к повешению, на маркиза вновь было совершено покушение. На него пытался напасть с кинжалом Ян Жоньца, тоже литографский подмастерье. Велёпольский без труда отбился от неопытных террористов.

Варшава должна увидеть быструю и жестокую расправу — так решили царские сатрапы. «Единственное средство, которое осталось в наших руках, — это казни и казни без малейшего отлагательства», — писал легко раненный Константин Александру. «Вешать, а не расстреливать», — телеграфировал Александр в Варшаву.

Ярошинский был казнен публично 9 августа на валу Александровской цитадели. 14 августа там же повесили Жоньцу и Рылля. Народу было еще больше, чем при казни Ярошинского. Пока палачи вешали тяжело больного Рылля, Жоньца «стоял погруженный в мрачное созерцание конца своего товарища по казни. Потом Жоньца спокойно дал связать себе руки назад, взошел твердой поступью на эшафот и, когда палач накинул ему на шею петлю, сам оттолкнул ногою скамейку и повис в воздухе». Это описание взято из газетной заметки, перепечатанной в «Колоколе» под заголовком «Умирать умеют».

В такой обстановке действовала армейская организация летом 1862 года. Провал в 4-м стрелковом батальоне не обескуражил ее. Наоборот, гибель това-

рищей вызвала у участников организации удвоенную энергию, удвоенную ненависть. «Казнь не запугала никого, — рассказывал Герцен, имевший возможность быть в курсе событий, — офицерский кружок крепче сплотился около Потебни». Царизм почувствовал это очень скоро.

В тот день, когда во всех церквах служили молебны по случаю «спасения» Константина от покушавшегося на него Ярошинского, члены армейской организации устроили политическую демонстрацию — панихиду по казненным офицерам. 24 июня в военном лагере на Повонзках, близ Варшавы, после молебна за Константина офицеры в складчину заказали в походной церкви Ладожского пехотного полка панихиду по Ивану и Петру. Церковная палатка едва вмещала пришедших артиллеристов, офицеров стрелковых батальонов и пехотных полков. Всего собралось около пятидесяти человек. «Начальство, — рассказывает очевидец, — было предупреждено об этой демонстрации, но ни один из генералов не показался в лагере». Организаторы панихиды не особенно скрывали ее смысл от священника. Догадавшись, в чем дело, священник донес начальству о панихиде и сообщил содержание своих разговоров с ее организаторами. Поручик Огородников, по его словам, сказал о стрелявшем в Константина: «Нельзя судить о поступке человека, не зная побуждений его к нему».

Немедленно нарядили следствие, а вскоре состоялся суд. Признанные главными зачинщиками были уволены со службы и посажены в модлинские казематы: поручик 5-го стрелкового батальона С. Ю. Готский-Данилович на девять месяцев, а поручики 6-го стрелкового батальона П. И. Огородников и Олонецкого пехотного полка Е. И. Зейн на один год. Более двадцати из остальных участников панихиды были переведены в разные части, расположенные, как тогда говорили, внутри империи.

Поляки также ответили политическими демонстрациями на казнь русских офицеров. Газета «Рух» («Движение») призвала весь край почтить панихидами казненных мучеников, назначив для этого день

29 июня (11 июля). Панихиды в честь Арнгольдта и его товарищей состоялись и за пределами Польши: 1 июля в Петербурге (панихиды в трех местах заказывали двое неизвестных мужчин), а 6 июля в Боровичах, где в панихиде участвовало девять находившихся на геодезической практике слушателей Академии генерального штаба.

Как уже говорилось, после покушения на Лидерса Потебня не вернулся в свой полк, а перешел на нелегальное положение. 15 июня при помощи Домбровского и его близких он был вывезен железнодорожниками на дрезине за Прагу, предместье Варшавы. Началась полная опасностей жизнь профессионального революционера. Трудностей прибавилось много, но появилась возможность в любое время поехать, куда ему было нужно. Потебня давно хотел встречи с издателями «Колокола». Не дождавшись ответа на прежние свои письма, офицеры «прислали в Лондон Потебню», писал об этом Герцен.

О чем шел разговор между Потебней и издателями «Колокола»? Отчасти об этом можно судить по тем письмам, которые Герцен получил от армейской организации. Одно из них было процитировано в «Колоколе» 1 июня 1862 года. Герцен привел из него всего три отрывка. Офицеры писали о своем сближении с поляками, которые охотно помогают русским революционерам; о своей готовности принести искупительную жертву «с возможно большею пользою»; о том, что они «не самолюбивы» и не претендуют ни на какую ведущую роль, а трудятся только из-за сознания, что в общем улье будет капля и их меду. Несомненно, Герцен из конспиративных соображений не воспроизвел самого основного, ради чего письмо было написано, — выражения готовности офицеров принять участие в польском восстании, их стремления принести пользу революции в России. Это ясно из того, что Герцен приветствовал авторов письма, как «будущих воинов русского земства». Автором этого письма Потебня, вероятно, не был — он почти одновременно писал Герцену другое письмо, датированное 7 июня.

Это письмо известно по некрологу Потебни, написанному Огаревым и напечатанному в «Колоколе» 1 мая 1863 года. Оно тоже приведено не полностью. В опубликованном отрывке Потебня объяснял, что офицеры примут «прямое участие» в польском восстании, и просил Герцена высказать свое мнение об этом. Нет сомнения, что Потебня писал в письме и о другой стороне дела. Офицеров в их трудном положении поддерживала надежда, что участие в польском восстании будет для них не только благородным «мученичеством», а прямой помощью русской революции.

Потебня был полон энергии, нетерпения. Он рассказывал о настроении армии в Польше, повторяя то, что писал 7 июня. Его рассказ сохранил в памяти В. И. Кельсиев. Кельсиев видел Потебню в Лондоне всего раз, у Бакунина, но молодой офицер ему запомнился как человек «без ран, без сомнений, без фраз», «так и дышит верою, и все это так просто, без рисовки». По словам Кельсиева, Потебня заявил, что «положение армейской организации крайне затруднительно», потому что она «почти не в силах удержать восстание наших войск». «Недовольство правительством, — говорил он, — превосходит всякое вероятие. Солдату совесть запрещает разгонять толпы, идущие за духовенством с крестами, со свечами, с пением молитв. Начальство держит его всегда наготове; это его раздражает и заставляет желать, чтоб поляков не вынуждали к демонстрациям; а неумеренные и неосторожные офицеры внушают ему, что не будь начальства, не будь у правительства прихоти держать в подданстве поляков, и солдатам было бы легче, и наборов у нас было бы меньше».

Потебня хотел, чтобы Герцен и Огарев одобрили то решение, к которому пришли он и его товарищи, с которым считались и польские революционеры: армейская организация поддержит польское восстание, а в случае успеха поляки помогут им стать основой вооруженных сил революционной России. Герцен и Огарев решились не сразу. Многое их останавливало. Их беспокоила ответственность за те жертвы армей-

ской организации, которые будут неизбежными, если польское движение пойдет по шляхетскому, националистическому руслу, если не оправдаются расчеты на революцию в России в близком будущем. «Мы медлили целые месяцы», — писал позже Герцен о своем ответе офицерам в Польше.

Герцен и Огарев убеждали Потебню, что восстание в России требует огромной предварительной подготовки. Огарев делился с ним своими мыслями об этом. Во время долгих разговоров они сдружились, Огарев полюбил Потебню как сына. Потебня воспринял многие мысли старого революционера, горизонт его расширился. В свою очередь, общение с Потебней, его рассказы оставили существенный след в памяти Огарева.

Друг и соратник Герцена много размышлял над вопросом о роли армии в военно-крестьянском восстании. Он считал, что задачи революции в России сможет осуществить только народная власть — Земский собор, вопреки воле царя. Восстание неизбежно, говорил Огарев, но его надо «устроить и направить в разумном порядке, отнюдь не кровопролитно и не разорительно. Такое восстание, идущее строем, можно только образовать в войсках».

Огарев придавал огромное значение офицерским организациям, которые должны повести за собой солдат, став авангардом военно-крестьянского восстания. Главную роль, по его мнению, следовало отвести войскам, стоявшим на окраинах России: на Кавказе с Доном и Черноморьем, на Урале с Приволжьем, в Польше с западными губерниями.

Огарев собирал сведения о местах сосредоточения и настроениях отдельных родов войск. Огарев считал, что если восстание совершится только в Варшаве и Киеве (то есть в Польше и западных губерниях), то «оно пойдет в междоусобие», превратится в войну между поляками и русскими. Чтобы стать народным освобождением, восстание должно идти от всей периферии одновременно. Такому восстанию царизм не сможет оказать значительного сопротивления, и этим будет устранено большое кровопро-

литие. «Это скорее мирно-завоевательный поход», — думал Огарев. В своих заметках он писал: «Образовавшись, общества должны принять начальство над войсками и вести их таким образом со всех сторон на Москву и Петербург, всюду подымая народ на содействие и умножаясь прибылыми охотниками-ратниками, оставляя по дороге села и города утверждать сами свой внутренний порядок с упразднением казенного чиновничества и клича клич на общий Земский собор».

В то время Огарев мало вӗрил в успех польского восстания. Он был убежден, что во главе восстания окажутся националисты из числа приверженцев Мерославского, а «вмешательство Мерославского везде было порукою за неуспех».

Личное общение с Потебней помогало Герцену и Огареву преодолеть недоверчивое отношение к силам и перспективам польского восстания. «Рассказы Потебни окончательно убедили Герцена и нас всех, что дело идет положительно не на шутку», — вспоминал Кельсиев. Потебня был живым свидетелем силы и влияния радикалов в партии красных. Он не отрицал, что «мерославчики» играли немалую роль в движении, но высказывал уверенность в победе сторонников русско-польского революционного союза из левицы красных. Герцен, неизменно поддерживавший право Польши на национальную независимость, не был еще уверен в демократической программе польского движения. Он предлагал Потебне внимательнее «присматриваться» к внутренним силам и противоречиям в нем, чтобы жертвы армейской организации не оказались напрасными, бесплодными для России, принесенными за «чужое дело». Можно вполне понять и оценить осторожность Герцена.

Потебня произвел глубокое впечатление на всех, с кем он близко познакомился в Лондоне. «Личности больше симпатичной в великой простоте, в великой преданности, в безусловной чистоте и бескорыстности своей, в трагическом понимании своей судьбы — я редко встречал», — писал о нем Герцен. «Я не встречал юноши преданнее общему делу, — писал Огарев, — больше отбросившего всякие личные интересы и такого безустального в своей постоянной работе». «В крепкой и ясной натуре его не было места для романтических и драматических увлечений. Он всегда был скуп на слова, трезв в обсуждении всякого дела, но зато делал всегда гораздо более, чем говорил», — вспоминал Бакунин. Блондин, среднего роста, симпатичной наружности, необыкновенно ласков с детьми, так описала Потебню Н. А. Тучкова-Огарева. Из рассказов молодого офицера ей запомнилось, как он, уже под чужим именем, продолжал жить в Варшаве и являлся во всех публичных местах, в штатском платье или переодетый ксендзом, монахом.

Возвратившись из Лондона, Потебня продолжал работать над расширением и укреплением армейской организации, над усилением ее агитационной работы. В конце июля организация выпустила прокламацию, посвященную казни своих товарищей. Ей была придана необычная форма: она вышла под названием «Духовное завещание поручиков Арнольда и Сливицкого, унтер-офицера Ростковского и рядового Щура, погибших мученической смертью 16-го июня 1862 года в крепости Новогеоргиевске». Эта литографированная прокламация распространялась в военных частях с конца июля до ноября. В ней говорилось: «Нас боялись расстрелять в Варшаве, зная, что вы в нас стрелять не станете». Солдатам напоминалось: «Есть еще между вами много товарищей наших, трудящихся втихомолку для вашего блага: это ваши молодые офицеры. Общее несчастье соединяет вас с ними». Офицеры хотят изменить участь солдат — создать такие условия службы, в которых они будут защитниками отечества, «а не шайкой разбойников, проливающих кровь невинных». Офицеры хотят «свободы и земли для отцов и детей ваших». Враги и утеснители — царь, великие князья, генералы, все богачи — «не хотят улучшения участи вашей, потому что с вашей бедности, недостатка, с вашей горести их веселье». Их надо истребить — «их сотни, а вас тысячи; поймите это, соединитесь дружно, и злодеев не станет... Кровь их

облагородит, а не опозорит вас». «Соединитесь с верою с вашими офицерами; они поведут вас на утеснителей, они доставят вам свободу и благоденствие».

Для солдат были составлены песни на мотивы хоровых походных, распространенных в армии. Сборник «Солдатские песни» из семи таких песен был издан в Лондоне осенью 1862 года. Почти каждая песня внушает, что честный солдат должен скорее погибнуть, чем выполнять приказы начальников — стрелять в крестьян и поляков. Вот одна из них:

. Брат ли встанет против брата?
А поляки — братья нам,
И для честного солдата
Убивать их грех и срам!
. Нам ли сердце не сжимали
Ихний стон и ихний плач?
В этой бойне мы устали,
Русский воин не палач!
.. Пусть себе за ослушанье
Нас начальство душит всех,
Лучше вынесть истязанье,
Чем принять на душу грех!
Нам довольно доказали,
Как самих тиранят нас,
Как Арнгольдта расстреляли
И Сливицкого зараз!
И Ростковского сгубили
Вместе с Щуром зауряд
Лишь за то, что все любили
Всей душой они солдат!
В память их мы дружно грянем
Нашу песню в добрый час
В поляко́в стрелять не станем,
Не враги они для нас!

В начале августа организации был нанесен новый чувствительный удар. По требованию следственной комиссии, занимавшейся расследованием покушения на Лидерса, у Домбровского сделали неожиданный обыск. Предлог для обыска был пустяковым, но Домбровского арестовали. Вслед за ним был арестован поручик Фердинанд Варавский — один из активных участников кружка генштабистов в Петербурге, приехавший вскоре после Домбровского в Варшаву и

включившийся в работу организации русских офицеров в Польше.

Арест Домбровского очень расстроил Потебню: речь шла о самом близком друге, оказавшемся в руках врагов из-за его выстрела в Лидерса. Но дело было не только в этом. Офицерская организация потеряла крупного деятеля, возникали опасения, что ослабнут ее связи с партией красных, осуществлявшиеся через Домбровского. Плохо было и то, что в ЦНК соглашательские элементы получали значительный перевес сил. Домбровского также беспокоило все это. При первой же возможности передать весть из цитадели он заявил ЦНК, что на его место должен быть вызван из-за границы Падлевский. Потебня знал Зыгмунта Падлевского по Петербургу и вполне одобрил предложение Домбровского: лучшего преемника ему в сложившихся условиях найти едва ли было возможно.

В связи с арестами и преследованиями офицеров была выпущена листовка, датированная 18 августа 1862 года. «Не овладевает нами уныние, не падаем духом, бодрости не теряем», — писали члены армейской организации. Они утверждали, что правительство бессильно остановить революционную работу в армии, что армия уже не является опорой трона. «Тени Ростковских, Арнгольдтов, Сливицких...» заставляют царя трепетать на его прочном троне. В душных казармах солдаты уже разбирают «жадно, по складам, слова правды, охотно подаваемые их старшими товарищами». Солдат уже «не николаевский воин», если он не совсем еще понимает, то уже «предугадывает, что не отечество для царя, а царь для отечества». В этой листовке впервые открыто упоминается об армейской организации. «Не помогут казни, цепи Каплинских не скуют нас всех, обыски не вырвут у нас мысли, перемещения не расстроят общества нашего, а напротив — помогут распространению истины».

После июньских казней и августовских арестов появилось объявление о постепенном снятии военного положения, введенного осенью 1861 года. Между

тем власти готовились к решительному разгрому движения. В Польшу двигались гвардейские и гренадерские полки, распропагандированные части перетасовывались, заподозренные офицеры увольнялись или переводились в Россию.

В этих условиях возникла необходимость переговоров между революционными организациями — всероссийской и всепольской. Авторитетными представителями русской революционной демократии, обладавшими свободой бесцензурного печатного слова, были в это время издатели «Колокола» Герцен и Огарев. Через них легче было установить связи с революционными организациями в России, которые объединились к этому времени в общество «Земля и Воля». Наряду с идейным оформлением союза переговоры должны были закрепить также взаимные обязательства партии красных и армейской организации. На этом настаивал Потебня от имени Комитета русских офицеров.

Не все члены ЦНК были сторонниками тесных связей с русским революционным движением. Однако обстоятельства требовали усиления сотрудничества с русскими, а многие местные организации партии красных не только высказывались за сотрудничество, но и осуществляли его на практике. К началу осени 1862 года ЦНК принял решение о переговорах. Для поездки в Лондон получили полномочия введенный в состав ЦНК Зыгмунт Падлевский, являвшийся давним сторонником русско-польского революционного союза, и Агатон Гиллер, согласившийся на переговоры в последнее время. По своим политическим взглядам первый принадлежал к левице, второй — к правому крылу партии красных. От армейской организации поехал Потебня. Кроме этого, в переговорах принял участие Влодзимеж Милёвич, представлявший эмигрантское Общество польской молодежи и присоединившийся к Падлевскому в Париже. Русскую сторону, кроме Потебни, представляли Герцен, Огарев и Бакунин. Переговоры происходили во второй половине сентября 1862 года в одном из дешевых лондонских пансионов, где жил Бакунин.

В центре переговоров стояли важнейшие положения политической программы. Особенно острые дискуссии разгорелись при обсуждении крестьянского и национального вопросов. В конце концов были найдены приемлемые для обеих сторон формулировки, зафиксированные в официальных документах, опубликованных «Колоколом»: письме ЦНК к издателям «Колокола» и их ответном письме ЦНК. Тщательному обсуждению подвергались также вопросы, связанные с положением и задачами армейской организации. Результатом явилось письмо издателей «Колокола» — «Русским офицерам в Польше». Это письмо было одновременно и ответом полякам: оно одобряло русско-польское сотрудничество в назревающем восстании, определяло ту политическую программу, на основе которой возможны совместные действия.

Письмо Герцена «Русским офицерам в Польше» надо рассматривать в свете прежних его колебаний в споре с Потебней. Сомнения, тяготившие его, теперь должны были разрешиться, так как польские делегаты объявили свою демократическую программу, отвергавшую «всякий характер сословно-шляхетский, завоевательный». Герцен одобрял теперь деятельное участие офицеров в польском деле. Он и прежде постоянно призывал русских военных не поднимать оружия против поляков. Теперь он сказал офицерам то, что́ они сами уже сознали и выразили, как умели, в своих прокламациях, то, чего добивался от него Потебня. «Деятельный союз ваш с поляками не может ограничиться одним отторжением Польши от России, он должен стремиться к тому, чтоб это отторжение помогло, в свою очередь, нашему земскому переустройству». «Вы должны стремиться к тому, чтобы ваш союз с Польшей двинул бы наше земское дело».

Исходя из этого, Герцен и Огарев считали необходимым, чтобы армейская организация сохраняла независимость. «Не распуститься в польском деле, а сохранить себя в нем для русского дела», — повторяли они не раз.

Но вместе с тем Герцен и Огарев по-прежнему напоминали офицерам, что их организация при всех ее достоинствах лишь малая часть, лишь «единственный крепко устроенный круг» большой конспиративной сети, которая только начинает складываться в России, в русской армии. Они подчеркивали, что в России в данный момент нельзя рассчитывать на крестьянское восстание. Оно может начаться не раньше весны 1863 года, когда русский народ, «освобожденный вполовину», «наверное, упрется». «Восстань тогда Польша, бросьтесь вы, с вашими и их солдатами в Литву, в Малороссию, во имя крестьянского права на землю, и где найдется сила противудействовать? Волга и Днепр откликнутся вам, Дон и Урал!»

Важнейший положительный ответ, который давали теперь Герцен и Огарев революционным офицерам, состоял в том, чтобы всемерно добиваться солидарности и общего плана в польском и русском движении. Тогда будет возможно требовать задержки восстания в Польше. «А это одна из первых необходимостей — преждевременный взрыв в Польше ее не освободит, вас погубит и непременно остановит наше русское дело».

Герцен и Огарев видели трагическое положение офицеров, которые по «роковой необходимости» не смогут уклониться от участия в польском восстании. Но и в том случае, если оно разразится преждевременно, они призывали русских офицеров безоговорочно стать на сторону восставших.

Польские революционеры понимали значение одновременного и согласованного натиска на царизм в Польше и России. Они согласились на независимое положение армейской организации в Польше и обещали Потебне материальную и иную поддержку. Было решено, писал позже Бакунин, «что та часть русского войска, которую удастся увлечь на сторону общенародной свободы и правды, присоединится сначала к польскому восстанию, но что после первой победы — если будет победа — она воспользуется первым удобным случаем для того, чтобы выйти из польских пределов и чтобы под знаменем «Земли и Воли» идти подымать на русской земле мужицкий бунт за землю и за волю».

Еще до начала лондонских переговоров армейская организация подготовила документ, который был назван адресом русских офицеров в Польше великому князю Константину (наместнику царя в Варшаве и главнокомандующему вооруженных сил в Царстве Польском). Адрес ходил по рукам в сентябре, свои подписи под ним поставило несколько сот офицеров. Герцен свидетельствует, что Потебня являлся в этом деле «участником на первом плане». Вероятно, именно он был автором текста и первым поставил свою подпись под адресом; он же, несомненно, привез адрес в Лондон. Через неделю после окончания лондонских переговоров адрес был опубликован на страницах «Колокола».

Адрес наместнику содержал изложение политического кредо офицерской организации и являлся открытым вызовом, смело брошенным в лицо царизму. «Русское войско в Польше, — говорилось в адресе, — поставлено в странное, невыносимое положение. Ему приходится быть палачом польского народа или отказаться от повиновения начальству. Солдаты и офицеры устали быть палачами. Эта должность сделалась для войска ненавистною [...]. Недавнее расстреливанье в Польше русских офицеров и унтер-офицеров, любимых и уважаемых товарищами, исполнило войско трудно укротимым негодованием. Еще шаг в подобных действиях правительства, и мы не отвечаем за спокойствие в войске». Спокойно и твердо адрес требовал от царизма изменения политики в Польше и прекращения репрессий. Он заявлял, что в случае восстания войско не будет орудием угнетателей. «Оно, — говорится в адресе, — не только не остановит поляков, но пристанет к ним, и, может быть, никакая сила не удержит его. Офицеры удержать его не в силах и не захотят».

Имена подписавших адрес до сих пор неизвестны. Их знал Потебня, собиравший подписи, и издатели «Колокола», получившие для публикации подлинный текст со всеми подписями. На страницах «Колокола»

подписи опустили, как было заранее условлено. Объясняя это, подписавшие адрес заявляли в его заключительном абзаце: «Мы скрыли наши имена не из трусости. Мы не боимся ни наказания, ни казни. Но мы не хотим подвергнуться ей бесплодно, как недавно подверглись наши честные товарищи. Мы назовемся добровольно тогда, когда убедимся, что на нашем мученичестве созиждется воля и достояние русского народа, который мы любим, а вместе с тем предоставится свобода польскому народу, которого терзать мы не хотим».

Вопрос о публикации адреса в «Колоколе» вызвал большие споры. Огарев и Бакунин поддерживали Потебню, настаивавшего на публикации, Герцен был против. Он считал, что такое ответственное обещание о переходе армии на сторону восставших в случае его невыполнения может подорвать доверие и к «Колоколу» и к революционным офицерам. Впоследствии Герцен старался подчеркнуть не столько политический, сколько моральный смысл этого документа. Он видел в нем последнее слово людей, «обреченных на преступление или на жертву», просящих власть «спасти их от бесчестья», «пощадить русскую кровь, русскую честь и не искушать офицеров противуречием долга и совести».

Сами офицеры, в том числе Потебня, вовсе не смотрели на адрес Константину как на просьбу или мольбу, обращенную к правительству. Комитет русских офицеров в Польше заявил об этом печатно в листовке от 14(26) ноября 1862 года. «Собирая ваши подписи, мы говорили вам, что мы не думаем этим адресом подействовать на самое правительство... Мы хотели только объяснить пред лицом России и Европы то критическое положение, в которое мы поставлены действиями правительства в Польше. Цель наша достигнута». Так объясняется в листовке появление адреса. Аналогичное заявление сделал Комитет русских офицеров, выражая благодарность издателям «Колокола» за напечатание адреса:

«Мы не ждали никаких результатов от этого адреса, мы его писали для очистки совести. Результатов

никаких и не было. Правительство в Польше поступает сегодня, как и вчера».

Номера «Колокола» с текстом адреса наместнику и письмом Герцена и Огарева к русским офицерам в Польше быстро распространялись. Понимая, что скрыть их содержание все равно не удастся, царские власти в Польше решили использовать это в своих целях. Секретный циркуляр обязал командиров частей зачитать материалы из «Колокола» подчиненным офицерам. Расчет был простой: собранные вместе перед грозными очами начальства офицеры должны будут осудить «лондонских возмутителей», а те, кто не пожелает этого сделать, выдадут свою причастность к офицерской организации.

Узнав об этом, Потебня срочно подготовил листовку, предостерегавшую о ловушке. «Мы узнали, — говорилось в этой листовке от 14(26) ноября, — что начальство разослало предписание с требованием донесений от каждого офицера отдельно с его мнением об адресе. Цель этого ясна: принудить наиболее откровенных и смелых, чтобы они своими собственными донесениями дали возможность правительству обвинить и наказать их и таким образом лишить нас наиболее энергических деятелей. Поэтому мы просим вас или не отвечать вовсе на эти предписания, или даже, если этого непременно потребуют, отвечать, что вы ничего не знаете об этом адресе».

В назначенный срок от командиров частей поступили донесения, что «Колокол» офицерами изучен и что они преисполнены верноподданнических чувств. Но так было лишь на бумаге. Действительное же отношение к адресу выражено в письме офицеров в бельгийскую газету «Инделенданс Бельж», которое появилось в декабре 1862 года и было затем перепечатано в «Колоколе». Адрес, говорилось в этом письме, — «самое верное выражение чувств не только нескольких личностей, но большинства офицеров русской армии в Польше». Описывая далее, как осуществлялась провокационная затея, офицеры сообщали, что на чтение «Колокола» они отвечали глубоким молчанием, а угодные начальству чувства вы-

казали «одни генералы и несколько высших офицеров».

Адрес офицеров великому князю вызвал большой шум в зарубежной печати и немало толков внутри страны. Силясь доказать всему миру лояльность офицеров в Царстве Польском, варшавский генералитет решил состряпать документ, получивший название контрадреса. Его сочинил в самом раболепном тоне начальник штаба войск в Царстве Польском генерал Минквиц. Под одобренным царем текстом было собрано около трехсот подписей, после чего «Протест офицеров варшавского гарнизона» был передан в газету «Норд», выходившую за границей на деньги царского правительства. «Протест» объявлял адрес Константину подделкой (приписывая его перу Герцена), а чувства, выраженные в нем, — изменой. Однако история контрадреса была шаг за шагом документально разоблачена в «Колоколе» при участии членов армейской организации.

24 сентября (6 октября) было объявлено о предстоящем рекрутском наборе. Велёпольский добился особых условий набора для Польши — он должен был проводиться среди городской молодежи по специально составленным именным спискам. «Подтасованный набор» (по выражению Герцена) имел целью или сразу изъять революционные элементы по всему краю, или спровоцировать неподготовленное восстание и немедленно подавить его превосходящими силами.

В такой обстановке Центральный Национальный комитет 15(27) сентября открыто заявил, что отныне он будет действовать как национальное правительство, руководящее движением, опирающееся на поддержку и доверие польского народа. Подготовка вооруженного восстания в самый кратчайший срок становилась теперь главным делом для польской революционной партии.

Возникала тяжелая необходимость принять срок восстания, который будет навязан правительством, чтобы не дать произвести набор. Создавались очень трудные условия, но отказ от восстания, которого

с таким нетерпением ждали массы, привел бы к демобилизации революционных сил и провалу с трудом налаженного дела.

Вместе с тем ускорение срока восстания в Польше затрудняло соединение польских сил с русской революционной партией для одновременного и согласованного нападения на царизм. Русские революционеры надеялись, что крестьянское восстание вспыхнет весной 1863 года, когда крестьянство окончательно убедится в полном крахе своих надежд на «слушный час», на «новую волю». К более раннему сроку выступления они не были готовы.

К концу 1862 года армейская организация имела свои кружки почти во всех частях, стоявших в Польше. Потебня был неутомим. Осенние месяцы были заняты лихорадочной подготовкой к восстанию. Но обстоятельства становились все более рискованными и трудными. Видя это, Герцен пытался убедить поляков не связывать восстание с временем рекрутского набора. Он писал об этом в «Колоколе» и в своих письмах ко многим деятелям польского и русского революционного движения. Высказывал опасения и Бакунин.

В ноябре 1862 года Потебня в третий раз побывал в Лондоне. Он так спешил, что не дождался выезжавшего куда-то Герцена, и едва ли пробыл в английской столице больше недели. Он вновь хотел обсудить с издателями «Колокола» вопросы, связанные с непосредственной подготовкой восстания. «Потебня, — вспоминал впоследствии Герцен, — еще раз приехал в Лондон, чтобы спросить наше мнение и, каково бы оно ни было, пойти неизменно своей дорогой». За это время в Вольной русской типографии была срочно издана новая прокламация, по-видимому написанная Потебней и, несомненно, отредактированная Огаревым. Она датирована 5 ноября 1862 года и имеет заглавие «Офицерам русских войск от Комитета русских офицеров в Польше». Несмотря на значительный тираж отдельного издания, прокламация была вскоре перепечатана и в «Колоколе». Это обеспечивало широкое распространение ее на всей территории царской Рос-

сии. Ясно, что прокламации придавалось большое значение.

И в самом деле, этот документ был важным шагом в жизни армейской организации, знаменующим ее включение в общерусское освободительное движение. Прокламация адресована «товарищам по всем корпусам, полкам и батареям, армии и гвардии, внутренней страже и казачеству, академии и штабу». Следовательно, революционная организация обращалась к своим единомышленникам во всей царской армии.

Прокламация начинается с объяснения положения офицеров в Польше. Политика царского правительства такова, что приближается минута, когда офицерам «придется быть палачами Польши или пристать к ее восстанию». «Мы не хотим быть палачами, — говорится в прокламации. — Если б мы были одни, мы бы сложили оружие и удалились. Но за нами солдаты. И они не хотят быть палачами. Заставить целые полки сложить оружие, не приставая ни к той, ни к другой стороне, нет человеческой возможности. Вы видите, что для нас выбора нет: мы примкнем к делу свободы. Мы заявим, что русский народ воздвигает знамя освобождения, а не порабощения славянских племен. Мы не опозорим русского имени продолжением грехов петербургского императорства; лучше падем жертвою очищения, жертвою искупления». Далее разъяснялись демократические цели польского движения, заявленные Центральным варшавским комитетом. Эти цели оправдывают поддержку восстания. «Только на этих основаниях мы и наши солдаты готовы примкнуть к польскому восстанию, потому что те же основания и нашей свободы».

Затем прокламация переходит к положению в России, где все уже проведенные и обещанные в будущем реформы показывают лишь стремление правительства не делать никаких уступок. Только посредством Земского собора русский народ сможет учредиться «по настоящей воле, то есть бессословно, на народной земле, с самостоятельностью областей и их общим союзом». Но созвать Земский собор правительство никогда не захочет. Поэтому скоро и Россия придет в такое же волнение, как Польша, а это «грозит дикой резней и страшным кровопролитием». «Кто же спасет Россию?» — спрашивает прокламация. И отвечает: «Войско!»

«Армия должна отказаться быть палачом русского народа, как мы, случаем поставленные в Польше, отказываемся быть палачами польского народа». Офицеры звали своих товарищей составить крепкие революционные комитеты «единодушно с солдатами», а затем объединить свои силы. Авангардную роль войска в народном восстании они представляли себе, так же как Огарев, в виде стройного военного похода от всех окраин к центру, освобождающего народ, свергающего угнетателей. «От Петербурга и Бессарабии, от Урала и Дона, от Черноморья и Кавказа — пойдемте спокойным строем черезо всю землю русскую, не допуская ненужного кровопролития, давая народу свободно учреждаться в волости и области и клича клич на Земский собор». «Мы не самолюбивы, — писали офицеры. — Мы не поставим себя Центральным комитетом. Пусть нами и вами руководят самые способные. Назовите их, и мы пойдем за ними».

Офицеры понимали, что, выступив в Польше первым отрядом революционной армии раньше, чем подготовятся остальные, они многим рискуют. И они звали товарищей продолжать их дело, передавая им «завет настоящей воли народной», принятый от Пестелей и Рылеевых — казненных декабристов. Прокламация заканчивалась призывом: «Товарищи! Мы, на смерть идущие, вам кланяемся. От вас зависит, чтоб это была не смерть, а жизнь новая».

Офицерская армейская организация прошла в 1862 году большой путь развития. Этот год начал раскрывать то новое, что было прежде неизвестно России, что «наши солдаты — народ, что наши офицеры — наши братья». Так писал Герцен в новогодней статье, славя русских воинов, «понявших свое кровное родство с народом». «Офицеры — граждане, офицеры — народ, передовая фаланга земского дела, на которую опирается наше право на надеж-

ду» — эти слова Герцена в первую очередь относились к армейской организации в Польше.

Развитие сказалось в том, что от неопределенных мечтаний о победе революции в Польше, откуда знамя революции будет перенесено в Россию, армейская организация пришла к реальному пониманию действительности. Офицерский комитет теперь правильнее оценивал свои ограниченные возможности. Помощь восставшим полякам становилась для них делом революционной чести. Своей героической борьбой за дело свободы армейские революционеры в Польше стремились показать пример, разбудить других, вдохнуть новые силы в общеармейское движение в России, передать ему свой завет — идти дальше по тому же пути борьбы за интересы народа.

Прямым продолжением сентябрьских переговоров и ноябрьских встреч Потебни в Лондоне явилась его совместная с Падлевским поездка в Петербург в конце ноября 1862 года. Падлевский ехал для того, чтобы закрепить союз русских и польских революционеров практическим соглашением с «Землей и Волей». Потебня, как представитель Комитета русских офицеров в Польше, имел, кроме этой, и другую задачу: соединить возглавляемую им организацию с «Землей и Волей». Вливаясь в ряды всероссийского тайного общества, армейская организация становилась на свое место в общем строю и обеспечивала себе необходимую самостоятельность действий в условиях приближающегося восстания в Польше.

Центральный комитет «Земли и Воли» уполномочил для переговоров Александра Слепцова и Николая Утина. Участвовали в переговорах также один из руководящих деятелей столичных военных кружков Владислав Коссовский и представитель петербургских землевольцев Лонгин Пантелеев. Основой сотрудничества русских и польских революционных сил собравшиеся признали ту политическую программу, которая была одобрена во время лондонских переговоров. После этого приступили к конкретным вопросам организации взаимодействия, которые на этот раз были в центре внимания. Польская сторона признала

необходимым сделать все возможное, чтобы оттянуть восстание до весны 1863 года, русская сторона обещала поддержать восстание «действенной диверсией» (то есть вооруженным выступлением) в Поволжье, даже если восстание начнется преждевременно. Договорились об организационных взаимоотношениях русских и польских организаций на Украине, установили порядок обмена корреспонденцией между варшавским и петербургским подпольем.

Особо обсуждался вопрос о революционной организации русских офицеров в Польше. В заключительном меморандуме петербургских переговоров, подписанном 23 ноября 1862 года, специальный пункт оговаривал независимое положение армейской организации, дававшее ей возможность в нужное время перейти к выполнению задач русской революции. Устанавливалось, что русские военные, принимающие участие в польском восстании, будут сформированы в особый корпус, управляемый комитетом, находящимся в Варшаве (то есть Комитетом русских офицеров). При этом комитете будет находиться представитель «Земли и Воли», который, держа прямую связь с революционным центром в России, сможет определить подходящее время и условия для перехода русского повстанческого корпуса к действиям уже не на польской, а на русской территории. Закреплялось в меморандуме также обязательство польской стороны финансировать деятельность армейской организации до тех пор, пока в этом будет необходимость.

Помимо официальных переговоров, Потебня имел в Петербурге множество встреч с участниками военных кружков, среди которых немало было его старых знакомых по кадетскому корпусу, военному училищу, офицерской стрелковой школе и совместной службе в Царстве Польском. Это позволило ему не только хорошо познакомиться с петербургскими настроениями, но и переговорить об обмене агитационно-пропагандистскими материалами, присылке топографических карт для повстанческих отрядов, принадлежностей для литографирования и о других нужных вещах.

Переговоры многое поставили на свое место. Принципиальные решения были приняты, договоренность о сотрудничестве в стратегическом масштабе была достигнута. Главной задачей стала непосредственная подготовка к восстанию, установление практического взаимодействия местных организаций партии красных и соответствующих военных кружков. Этим главным образом и занимались Потебня и Падлевский по возвращении из Петербурга.

Революционному комиссару Калишского воеводства Густаву Василевскому, которого Падлевский знал еще по военной школе в Кунео, он посоветовал связаться с участниками офицерской организации в Ченстохове и Пётркове. Падлевский представил Потебне Юзефа Оксинского, действовавшего в том же районе, которого нужно было связать с членами офицерской организации в расположенных там частях. Потебня, не имея при себе списка нужных имен, просто предложил Оксинскому обратиться к любому артиллерийскому офицеру. «Можешь смело рассчитывать, — сказал он, — на офицеров артиллерии; многие из них состоят в организации, а те, которые не состоят в ней, настолько честные и благородные люди, что ни один из них не возьмет на себя полицейских обязанностей». Оксинский обратился в городе Варте к артиллерийскому капитану Плавскому — тот оказался руководителем офицерского кружка в гарнизоне. Оксинский и Плавский быстро договорились о координации действий в момент восстания. По рекомендации ЦНК и Комитета русских офицеров договоренность о совместных действиях была достигнута накануне восстания также в Подлясье, в районе Кельц и в других местах.

Видный деятель конспирации в Подлясье Бронислав Дескур еще до ареста Домбровского получил от него указание установить связь с офицерским кружком в Радзыне. Совместно был тщательно обсужден план предстоящего вооруженного выступления в уезде. В назначенный день члены кружка должны были явиться в сборные пункты и принять командование над повстанцами. Руководитель офицерского

кружка в Галицком пехотном полку, входившем в Келецкий гарнизон, Ст. Доброговский имел прочные связи с местной конспиративной организацией. Исполняя обязанности командира батальона, Доброговский обязался, когда начнется восстание, вывести из города не менее двухсот солдат, готовых перейти на сторону повстанцев. Повстанческий деятель Августовского воеводства Р. Блонский по указанию одного из помощников Потебни установил контакты с армейскими революционерами в Пултуске и договорился с ними о совместных действиях. Одним словом, организационная работа давала свои результаты. Но Потебня и Падлевский отчетливо видели, что контакты установлены не повсеместно, а там, где они существуют, связи далеко не всегда достаточно устойчивы, прочны и действенны. «Если бы мы имели еще два-три месяца», — не раз повторяли они с горечью, предчувствуя возможность неразберихи и трагических недоразумений в первые дни восстания.

Ночью 3 января 1863 года полиция провела в Варшаве захват конскриптов *. Множество участников подполья, предупрежденных заранее, бежало в леса, ожидая там формирования повстанческих отрядов. Медлить дольше было нельзя. ЦНК принял решение начать восстание в ночь с 10 на 11 января.

Офицерская организация пыталась действовать по плану, заранее согласованному с поляками. Но это удавалось очень редко. В Варте, например, руководители местной конспиративной организации не предупредили заранее капитана Плавского о выступлении, хотя договоренность об этом была. В результате члены офицерской организации не смогли осуществить свой план встать во главе повстанческих групп или привести в ряды повстанцев своих подчиненных. Тем не менее в этом районе первые недоразумения лишь ослабили, но не разорвали совсем связей между повстанцами и офицерской организацией.

В Радзыне в ночь с 10 на 11 января повстанцы

* То есть лиц, внесенных в конскрипционные списки для проведения рекрутского набора.

окружили дом, в котором находились офицеры расквартированной там артиллерийской бригады во главе с подполковником Бороздиным. Было условлено отрезать окруженных от сношений с внешним миром, а в это время члены офицерской организации должны были помочь изолировать офицеров, преданных царизму, и привлечь тех, кто будет готов присоединиться к восстанию. Все это не было выполнено. Бороздин сумел поднять по тревоге солдат и завязать бой с повстанцами, а участники офицерской организации лишены были возможности что-либо предпринять.

Еще трагичнее развертывались события в Кельцах. Доброговский вывел из города в условленное место несколько сот солдат. Он не нашел там повстанцев, так как возглавлявший их А. Куровской не пожелал сотрудничать с русскими. Прождав несколько часов, Доброговский вынужден был возвратиться вместе со своими подчиненными в город. Такими действиями он навлек на себя подозрения начальства, рассеять которые ему стоило большого труда. Позднее Доброговский перешел к повстанцам в одиночку, потеряв возможность привести большую группу сочувствующих польскому народу солдат.

В последний момент нарушилось взаимодействие и на высшем уровне. Предполагалось создать единый центр для координации боевых действий с участием Потебни от офицерской организации и Падлевского от ЦНК. Однако ЦНК направил Падлевского в Плоцкое воеводство, а координирующий центр так и не начал работать.

За пять дней до начала восстания Потебня вместе с Падлевским выехали из Варшавы. В одном из пунктов сбора будущих повстанцев Потебня сформировал отряд, но какой-то «несчастный случай» разрушил его. Об этом писал Огарев в некрологе Потебни. Какое трагическое недоразумение скрывается за этими словами, мы до сих пор не знаем.

Провал с трудом налаженного дела был очень тяжелым ударом для Потебни. На него угнетающе подействовали те факты, которые Огарев назвал «несчастным случаем». Бакунин, знавший эти факты по рассказам Потебни, ставил их в вину польским руководителям. «Центральный комитет в Варшаве, — писал он, — который сначала, казалось, был склонен к союзу с революционной партией в России и очень рассчитывал на сочувственное настроение войск, расположенных в Польше, кажется, в последнюю критическую минуту совершенно переменил мысли и, не доверяя положительным и достаточно основательным уверениям наших офицеров, кажется, поверил, что рассчитывать на помощь русских войск было бы глупостью, а что надо пользоваться их нравственным потрясением и колебанием [...], чтобы напасть на них неожиданно и разоружить их». Слова Бакунина были адресованы ЦНК в разгар событий — в феврале 1863 года, и в основе своей они, пожалуй, соответствовали истине.

Конечно, не везде и не всегда было так. Кое-где взаимодействие осуществлялось и отношения были вполне искренними. Но среди повстанческих руководителей встречалось немало людей, которые не понимали важности сотрудничества с русскими военными, сочувствовавшими восстанию Некоторые подразделения, готовые поддержать повстанцев, подверглись неожиданному нападению. Это вызвало резкий поворот в настроении солдат.

Трудное положение, в котором оказалась офицерская организация, заставило Потебню в феврале 1863 года вновь отправиться в Лондон. «Потебня, — вспоминал Огарев, — приехал к нам, чтобы сколько-нибудь одуматься. Через несколько дней он опять поехал в Польшу, давши нам слово, во всяком случае, сохранить Комитет русских офицеров и его связь с обществом «Земли и Воли».

От имени «Земли и Воли» в эти первые недели восстания было выпущено несколько прокламаций. Одну из них («Льется польская кровь, льется русская кровь») написал А. Слепцов, уполномоченный ЦК «Земли и Воли», приехавший в восставшую Польшу. Другие написал Огарев в то время, когда в Лондоне был Потебня. Две прокламации обращены

к солдатам. «Братья солдаты! Одумайтесь, пока время!» — писал Огарев, адресуясь ко всему царскому войску. Вторая, обращенная к войскам, находящимся в Польше, начинается со слов: «Братья солдаты, ведут вас бить поляков». Третья прокламация озаглавлена «Офицерам всех войск от общества «Земли и Воли».

Прокламации призывали поддержать освободительную борьбу польского народа и готовиться к революции в России. «Братья солдаты, — говорилось в одной из них, — оставьте поляков в покое устраиваться по-ихнему, а идите освобождать народ русский от царских дворян и чиновников». В прокламации к офицерам Огарев писал: «Мы не оставляем нашей прежней мысли: вы должны готовиться и готовить солдат — на востоке и юге, на западе и севере. Дружно, со всех окраин, двинемся внутрь России, подымая народ на созвание бессословного Земского собора».

Прокламации были отпечатаны тысячными тиражами и получили широкое распространение. Эти прокламации с печатью «Земли и Воли», на которой были изображены две руки, соединившиеся в братском пожатии, читали в войсковых частях и в учебных заведениях, они появлялись в карманах пальто и шинелей, в почтовых ящиках и на стенах домов. Они обнаруживались не только в Польше и центральных русских губерниях, но и на Кавказе, в уральских и сибирских городах и поселках.

Потебня не сдался, не отступился от дела всей своей жизни, выказав большое мужество и силу духа. Он хотел одного: пусть не в той форме, как было задумано, но русский легион в повстанческой армии должен существовать. От него еще может зависеть многое в дальнейшем ходе и польской и русской революции. Мысль о русском революционном легионе в это время распространяется и в России и в Польше. Этой мыслью был полон Бакунин, пославший предложение создать такой легион одному из повстанческих командиров — Лянгевичу, в расчете на его «симпатию и содействие».

Во второй половине февраля Потебня появился

в отряде Лянгевича в районе Песковой Скалы. Здесь он хотел положить начало созданию добровольческого отряда из русских солдат и офицеров. Имелись в виду как те, которые сознательно перейдут в польский лагерь, так и те из пленных, которые согласятся на это под влиянием революционной пропаганды. Из лагеря Потебня послал Герцену и Огареву краткую записку — они знали, о чем шла речь. «Я решился остаться здесь, — писал он. — Надежды сделать что-нибудь мало; попробуем. Ваш А. П.».

Мариан Лянгевич был одним из тех повстанческих руководителей, политические взгляды которых держались где-то на уровне правого крыла красных. Уроженец Познани, бывший офицер прусской армии, а затем гарибальдиец, он перед восстанием был преподавателем в польской военной школе в Генуе и Кунео. Назначенный повстанческим военным начальником Сандомирского воеводства, Лянгевич командовал довольно удачно; вообще его считали опытным офицером. После поражения Мерославского, инспирируемый белыми, он в марте 1863 года объявил себя диктатором. Потебня прибыл в отряд Лянгевича еще перед этим. Но, по-видимому, его предложение организовать русский легион не встретило достаточной поддержки. Трудно сказать, чем бы закончились переговоры, если бы Потебне суждено было дожить до их завершения.

В ночь на 21 февраля (5 марта) 1863 года Потебня участвовал в стычке с карателями около кладбища на окраине местечка Скала. Он пошел в бой как рядовой косинер, встал во главе атакующей группы повстанцев, но вражеская пуля настигла его. Смертельно раненного Потебню перенесли в кладбищенскую сторожку. А. Езёранский, присутствовавший при этом, вспоминал впоследствии: «Умирал спокойно. Последние слова его были: «Дай вам бог успеха в борьбе против тиранов».

В 1953 году прах Потебни и павших вместе с ним повстанцев перенесен к находящемуся неподалеку от места боя замку у Песковой Скалы. Расположенный в очень красивой местности в окрестностях Кракова,

замок превращен в историко-краеведческий музей, в котором бывает немало посетителей. Каждый останавливается у надгробья. На гранитной плите написано, что здесь покоится прах Андрея Афанасьевича Потебни, который своей кровью скрепил дружбу между поляками и русскими. Заканчивается надпись словами: «Вечная слава борцам за нашу и вашу свободу!»

Зыгмунт ПАДЛЕВСКИЙ

Ранней осенью 1862 года Варшава казалась тихой, спокойной, смирившейся. Ни многолюдных уличных шествий, ни пения патриотических гимнов в костелах, ни «кошачьей музыки», которой молодежь награждала прислужников царизма, — почти ничего из того, что было обычным год-полтора назад. Большинство женщин одето в черное, но уже немало модниц рискуют носить наряды фиолетового и других «компромиссных» тонов. Открылись театры, устраиваются балы и великосветские рауты. Правда, посещают их богачи, чиновники и офицеры — по приказу наместника и рекомендации маркиза Велёпольского. Официозная печать кричит о разгроме революционного подполья, о благоприятных переменах в настроении польской общественности. Тем не менее Велёпольский передвигается по городу в бронированной карете под конвоем конных жандармов.

Падлевского, приехавшего из Кракова, не обмануло это внешнее спокойствие: он хорошо знал, что в городе давно и успешно действует многочисленная подпольная организация партии красных, именно поэтому он и приехал в Варшаву. Центральный национальный комитет вызвал Падлевского из Франции для того, чтобы он вместо арестованного Домбровского возглавил варшавскую городскую организацию и осуществлял связь с Комитетом русских офицеров в Польше.

Зыгмунт Падлевский родился в 1835 году в семье зажиточного помещика неподалеку от Бердичева.

Сначала он воспитывался дома, а потом — в Брестском кадетском корпусе и Константиновском военном училище.

Знакомство его с Домбровским состоялось в 1855 году, когда Падлевский был зачислен в Константиновское училище, а Домбровский, окончив ученье, ждал отправления в часть. В 1857 году Падлевский поступил в Артиллерийскую академию, а через два года, окончив ее, получил назначение в гвардейскую конную артиллерию, которая располагалась в Петербурге и его окрестностях. Во время пребывания Домбровского в Академии генерального штаба он часто встречался с ним, и они постепенно стали друзьями.

Падлевский окончил Артиллерийскую академию первым в выпуске; особенно большими были его успехи в математике. В годы ученья и в первые годы службы он не очень задумывался над какими-либо социально-политическими проблемами. Достаточные средства и широкий круг знакомств в аристократических кругах Петербурга позволяли ему вести светский образ жизни. Но настал момент, когда все переменилось. Падлевскому опротивело обычное времяпрепровождение, его перестала привлекать блестящая карьера, которую открывали перед ним способности и связи. Сказалось, по-видимому, патриотическое воспитание Падлевского (его отец и некоторые родственники были участниками восстания 1830—1831 годов), оказали влияние передовая петербургская журналистика, лондонские издания и потаённая поэзия, оставила след близость к В. Ф. Лугинину и другим оппозиционно настроенным офицерам Артиллерийской академии. Первостепенную роль в повороте Падлевского к революционному движению сыграли, несомненно, его участие в кружке генштабистов и дружба с Сераковским и Домбровским.

Огромное впечатление произвели на Падлевского манифестационное движение в Польше и кровавые расправы царских войск над его участниками. Гвардейский мундир стал давить его грудь, он не мог оставаться больше в рядах армии, расстреливающей

безоружных манифестантов. Весной 1861 года Падлевский твердо решил выйти в отставку и уехать на родину. Но в это время возвратился из заграничной поездки Сераковский.

Он привез свежие новости из Лондона и Парижа, Познани и Кракова, Варшавы и Вильно. Революционный взрыв близился. К нему нужно было готовиться, соединяя усилия революционеров, действующих в эмиграции, на польских землях, в России. Предстояла жестокая борьба, в которой дорог каждый сознательный, преданный делу человек.

Слушая Сераковского, переполненного решимостью немедленно начать подготовку к восстанию, Падлевский понял, что его намерение оставить службу, казавшееся таким самоотверженным, было лишь пассивным протестом. Ему стало стыдно своей слабости, захотелось поскорее найти место в той революционной армии, которая начинала складываться в глубоком подполье. Сераковский рассказал, между прочим, о возникшем в эмиграции замысле создать Польскую военную школу для подготовки будущих повстанческих командиров. Желающих учиться было сколько угодно, но учить молодых патриотов, оказывается, некому. Мерославский, который хлопочет о школе, самовлюблен сверх всякой меры; он имеет заслуги перед отчизной, но его познания, основанные на опыте ноябрьской революции и боев 1848 года, не соответствуют современному уровню военного дела, многие из его «новшеств» сумасбродны. Ему дали понять, что из Петербурга можно было бы прислать специалистов и настоящих патриотов, но пан Людвик не желал и слышать об этом. Поэтому Сераковский считал, что некоторым участникам петербургского кружка не мешало бы поехать за границу и попытаться заставить пана Людвика изменить свое мнение. Даже если это не удастся, важно быть поблизости от школы, чтобы в нужный момент вмешаться в дело.

Через несколько дней Падлевский высказал Сераковскому желание стать преподавателем вновь создаваемой Польской военной школы. Вызвался ехать также товарищ Падлевского по Артиллерийской ака-

демии — Владислав Коссовский. По совету Сераковского они не подали в отставку, а решили просить о продолжительном отпуске, это давало возможность в случае нужды вернуться на службу. Получив рекомендательные письма от Сераковского, сговорившись с Коссовским о встрече в Париже и оформив одиннадцатимесячный отпуск «для лечения», Падлевский летом выехал из Петербурга. Некоторое время он гостил у родителей, а затем через Киев и Варшаву поздней осенью 1861 года приехал в Париж.

Коссовский был уже там. Он сообщил Падлевскому, что Польская военная школа начинает работу в Генуе в ближайшие дни, но от услуг приехавших из Петербурга офицеров Мерославский отказался. Вообще встреча с кумиром польской молодежи паном Людвиком подействовала на Коссовского удручающе. Попасть на прием к Мерославскому было нелегко. Дождавшись своей очереди, Коссовский увидел пожилого человека в генеральском мундире, демонстрировавшего какие-то изобретенные им второстепенные детали солдатского снаряжения. При этом он страшно суетился и оригинальничал. Судя по всему, пан Людвик был очень далек от понимания насущных задач польского освободительного движения, хотя претендовал на то, чтобы стать его руководителем.

Падлевского встретил в приемной Мерославского его личный секретарь Ян Кужина. Этот бывший варшавский студент, участвовавший когда-то в революционном кружке и вынужденный эмигрировать, производил не очень приятное впечатление: он всячески старался подчеркнуть недосягаемость своего патрона и важную роль собственной персоны. Получив вежливые заверения, что Кужина постарается устроить так, чтобы Мерославский смог выкроить несколько минут для разговора с гостем из Петербурга, Падлевский вышел с твердым намерением не искать больше встреч ни с генералом, ни с его секретарем.

Общество польской молодежи, возникшее незадолго до этого в Париже, свою главную задачу видело в том, чтобы способствовать подготовке восстания в Польше и бороться за сотрудничество польских

конспиративных организаций с русскими и западноевропейскими революционерами. Это вполне соответствовало взглядам Падлевского, он примкнул к обществу и вскоре выдвинулся в число его руководителей. Возглавляя левое крыло общества, Падлевский не давал спуска сторонникам соглашательской политики и поклонникам Мерославского, выступавшим за восстание, но не желавшим и слышать о сотрудничестве с русскими революционерами. Трубадуром «мерославчиков» среди молодежи был Кужина, и Падлевскому не раз приходилось горячо полемизировать с ним. Впоследствии одним из наиболее последовательных защитников революционно-демократических идей в обществе наряду с Падлевским стал бывший студент Киевского университета Стефан Бобровский (он приехал в Париж весной 1862 года).

Между тем дела военной школы в Генуе шли не блестяще. Виноват был в этом прежде всего Мерославский. Он не терпел инакомыслящих и всячески преследовал любые проявления самостоятельности в политических взглядах. Ему везде мерещились агенты полиции и интриганы. Под предлогом борьбы с ними он взял под контроль личную переписку подчиненных, придираясь к каждому непонравившемуся слову в просмотренных письмах. Некоторые слушатели, взбешенные поступками пана Людвика, ушли из школы, конфликты среди оставшихся обострились.

Общество польской молодежи с беспокойством наблюдало за происходящим. Когда группа слушателей школы отказалась подчиняться Мерославскому, общество на очень бурном собрании поручило Падлевскому съездить в Геную. Падлевский убедил большинство слушателей согласиться с тем, чтобы начальником школы стал генерал Юзеф Высоцкий. Тот принял бразды правления и сразу же возвратился в Париж. Всеми делами на месте руководил майор Александр Фиалковский, а его фактическим заместителем стал Падлевский. В школе была создана секция Общества польской молодежи, к политической программе которого присоединилась основная масса слушателей. Был обновлен и преподавательский со-

став школы. Падлевский, приняв псевдоним «капитан Чернявский», взял на себя курс тактики и военной географии; Коссовский начал читать артиллерию.

Болезненно самолюбивый и злопамятный, Мерославский возненавидел Падлевского. Не было, кажется, такого ругательного эпитета, которого он не пытался к нему применить. Даже после смерти Падлевского пан Людвик не стеснялся злобно клеветать на него в своих претенциозных воспоминаниях. Вовсю старался и его подручный Кужина. Куда только не посылал он клеветнических писем, искажавших историю смены руководства в военной школе! Одно из таких писем, в котором Кужина называл Падлевского скандалистом и интриганом, было адресовано в Брюссель. Старый знакомый Падлевского Влодзимеж Милёвич привез это письмо в Париж. Оно было зачитано на собрании общества и вызвало всеобщее возмущение. Следуя старым шляхетским обычаям, Падлевский вызвал Кужину на дуэль, которая во избежание полицейских преследований состоялась в Швейцарии неподалеку от Базеля. Секундантами Падлевского были Милёвич и Коссовский; Кужина получил легкое ранение, Падлевский остался невредим.

Итальянское правительство, разрешившее по ходатайству Гарибальди размещение Польской военной школы на своей территории, должно было считаться с неизбежными дипломатическими демаршами из Петербурга. Поэтому, соглашаясь на замену Мерославского Высоцким, итальянские власти потребовали перевода школы из Генуи, где она была слишком на виду, в небольшой населенный пункт Кунео. Это, однако, не помогло. Через несколько месяцев русский царизм в ультимативной форме потребовал ее ликвидации. Итальянское правительство не решилось ответить отказом и в июне 1862 года объявило о закрытии школы. Нужно было срочно искать место для ее размещения где-либо за пределами Италии. Решено было послать представителя в Англию. Падлевский был самым подходящим человеком для осуществления этой миссии. И, конечно, он не отказался от возложенного на него поручения, хотя в день его отъезда в Англию русское посольство в Париже напомнило, что срок отпуска истек и если он немедленно не возвратится в Россию, то будет объявлен вне закона.

4 (16) июля 1862 года посыльный от М. А. Бакунина принес А. И. Герцену на его лондонскую квартиру записку: «Любезный Герцен! Сегодня я ни обедать, ни вечером не приду. А приехал сюда поляк с прилагаемым письмом от Высоцкого. Он приехал сюда и от Гарибальди, с которым виделся в Палермо. Сам же он гвардейский артиллерийский офицер, воспитывавшийся в Академии, товарищ и приятель Лугинина и только что теперь получивший из Петербурга, куда он ехать не хочет, приказание немедленно воротиться. Что он говорит о Польше и о Варшаве, очень интересно. Он желает непременно тебя видеть и сам по себе и по поручению Высоцкого...»

На следующий день Бакунин в новой записке подтвердил свои рекомендации: «Высоцкий не великий, но честный человек, пользующийся теперь, кажется, из всех эмигрантов исключительным доверием края. Молодой человек, им присланный, умный и симпатичный, даже и тебе понравится, тем более что говорит по-русски, как мы, и, служа между русскими, выучился думать по-русски. И потому, прошу тебя, прими нас благосклонно».

Встреча Падлевского с Герценом вскоре состоялась. Собеседники, судя по всему, остались довольны друг другом. Прощаясь с новым знакомым, Герцен подарил ему свою фотографию с надписью: «В память встречи в Лондоне 19 (7) июля 1862 года от А. Герцена».

Падлевский нашел в окрестностях Лондона помещение для школы и все подготовил для ее переезда. Но английские власти, испугавшись дипломатических осложнений, аннулировали свое согласие на размещение школы в Англии.

Поездка в Лондон все же не осталась безрезультатной. Она позволила Падлевскому наладить связи с польской эмиграцией в Англии, дала случай для

знакомства с Герценом и Бакуниным. Возвратившись в Париж, Падлевский снова виделся с Бакуниным и беседовал с ним о сотрудничестве русских и польских революционеров. Памятью об этих встречах является фотография, подаренная Падлевскому Бакуниным, и надпись на ней: «В надежде на будущий братский союз. М. Бакунин. 7.VIII [25.VII] 1862. Париж». Все это было чем-то вроде прелюдии к начавшимся через полтора месяца большим переговорам между польскими и русскими революционерами.

Польская военная школа, дела которой привели Падлевского в Лондон, прекратила свое существование. Она функционировала всего девять месяцев, но все-таки сумела подготовить немало повстанческих командиров, таких, как Б. Колышко, Р. Рогинский, Ю. Оксинский, В. Бехонский, Ф. Вислоух, З. Минейко и др.

В Париже Падлевский с головой ушел в дела Общества польской молодежи. Вместе с Бобровским и Милёвичем он разработал план большой пропагандистской кампании за активизацию действий по подготовке восстания, за распространение идей русско-польского революционного союза. Однако участвовать в осуществлении этого плана Падлевскому уже не пришлось. Вслед за вестью об аресте Домбровского в Париж пришел вызов ЦНК, и он отправился в Варшаву. Вместе с Падлевским выехал Бобровский, получивший важные конспиративные поручения в Киеве. Вдвоем они добрались до Познани, оттуда повернули на Краков. Здесь их пути разошлись.

И вот Падлевский в Варшаве. Перед ним члены ЦНК: Бронислав Шварце — высокий, очень подвижной блондин с красивым лицом и большими выразительными глазами, Агатон Гиллер — сутуловатый мужчина с длинными свисающими вниз усами, которые придают его крупному носатому лицу холодное и высокомерное выражение. Один из первых новых знакомцев Падлевского, расторопный и восторженный Юзеф Рольский — помощник Домбровского по городской организации, заменивший его на посту на-

чальника города после ареста. Дела не ждут, приходится с ходу включаться в работу.

Через Рольского Падлевский устанавливает связь с руководителями и активом варшавского подполья, насчитывающего уже около двадцати тысяч человек. В течение нескольких дней он знакомится с руководителями отделов, на которые делится варшавская повстанческая организация, с так называемыми окренговыми, возглавлявшими конспиративные округа (в каждом отделе было по два-три округа), с некоторыми из сотских и десятских. В большинстве своем это опытные и энергичные конспираторы, рвавшиеся в бой и требовавшие от ЦНК решительных действий. Нелегко было завоевывать их доверие новому человеку, недостаточно знакомому с местными условиями. Большую помощь Падлевскому оказывал Рольский. Сыграло роль также то, что в конспиративных кругах скоро узнали о его старой дружбе с Домбровским — это было самой лучшей рекомендацией для нового начальника города.

Значительно быстрее и легче вошел Падлевский в круг вопросов, связанных с военной организацией. По поручению ЦНК Шварце, ведавший после ареста Домбровского сношениями с военной организацией, начал было представлять Падлевскому руководителей входивших в нее кружков, но оказалось, что в этом нет надобности, так как большинство из них было ему знакомо по Петербургу. Знал он и Потебню, который возвратился из Лондона вскоре после приезда Падлевского. Однако узнать Потебню Падлевский смог только по голосу: в монашеском одеянии, с большой окладистой бородой, он стал совершенно неузнаваемым. Очень помог Падлевскому своими советами и знакомствами Сераковский, задержавшийся ненадолго в Варшаве по дороге в заграничную командировку.

Среди других петербургских новостей, которые привез Сераковский, очень важным было известие об окончательном оформлении общероссийской революционной организации — тайного общества «Земля и Воля». Руководящий центр общества назвался Рус-

ским центральным народным комитетом, в который вошли А. А. Слепцов, Н. Н. Обручев, Н. И. Утин, В. С. Курочкин, Г. Е. Благосветлов. Хотя существующие кружки очень разнородны по численности, дееспособности и политической окраске, стремление к единству так велико, что «Земля и Воля» уже представляет собой немалую силу.

Беседы с Сераковским помогли Падлевскому уяснить первоочередные задачи ЦНК в создавшейся обстановке. Одна из них, занимавшая и ранее видное место, выдвинулась на первый план в связи с рассказами Сераковского о «Земле и Воле».

Чем более крепли конспиративные организации в Польше, чем дальше заходила подготовка к восстанию, тем яснее становилась необходимость тесного сотрудничества всех революционных сил, независимо от их национальной принадлежности. Падлевский видел, как понимание этого неуклонно пробивало себе путь в Лондоне и в Париже. Приехав в Варшаву, он убедился в том, что сотрудничество фактически уже осуществлялось, в частности в студенческих и военных организациях. Вопрос об оформлении русско-польского революционного союза явно назрел и стал неотложным.

В массах рядовых членов варшавской организации стремление к союзу было так велико, что некоторые деятели умеренного крыла партии красных, выступавшие раньше против сотрудничества с русскими революционерами, теперь вынуждены были либо высказаться за союз, либо помалкивать В ЦНК самыми горячими и последовательными сторонниками русско-польского сотрудничества являлись Падлевский и Шварце, наиболее влиятельным противником — Гиллер. Однако вскоре Гиллер вынужден был изменить свою позицию. В связи с этим ЦНК смог принять решение о необходимости переговоров с русскими революционерами. Сразу же возник целый ряд весьма существенных практических вопросов: с кем именно вступать в переговоры, кого уполномочить для их ведения, а самое главное — какую политическую программу следует отстаивать в ходе переговоров,

какие области сотрудничества считать особенно важными.

Сведения, привезенные Сераковским, не оставляли сомнения в том, что переговоры следовало вести с «Землей и Волей». Но Русский центральный комитет только возник и, действуя в подполье, еще не выявил своей программно-тактической линии. Напротив, программа издателей «Колокола» была широко известна и встречала понимание в Польше; между редакцией «Колокола» и партией красных уже имелись личные контакты, в частности через Падлевского, ставшего членом ЦНК. Потебня от имени военной организации выразил готовность оформить союзные отношения с партией красных. Но он настаивал на предварительном согласии издателей «Колокола» и на том, чтобы они стали чем-то вроде арбитров во взаимоотношениях партии красных с военной организацией. Все это обусловило решение ЦНК сначала провести переговоры в Лондоне, а потом продолжить их в Петербурге. В долгих и горячих спорах было принято письмо издателям «Колокола», содержащее политическую платформу ЦНК. Для переговоров уполномочили Падлевского и Гиллера. Первый из них представлял позицию левого крыла партии красных, второй был выразителем взглядов и настроений ее правого крыла.

Находясь на легальном положении и имея благовидный предлог для поездки за границу, Гиллер без больших трудностей получил заграничный паспорт. Падлевский прибыл в Варшаву по чужому документу, которым его снабдили друзья в Пруссии. Опасаясь, что для новой поездки этот документ может оказаться непригодным, Падлевский обратился за советом к Шварце, который обладал большим опытом в этой области и имел в подчинении соответствующих специалистов. Шварце нашел документы Падлевского вполне надежными. Однако он счел своим долгом познакомить очень понравившегося ему нового члена ЦНК с «паспортной частью» подведомственной ему канцелярии Комитета. Были извлечены из тайников и показаны Падлевскому: набор бланков царских уч-

реждений, факсимильные воспроизведения подписей крупных сановников, коллекция различных сортов гербовой бумаги и многое другое. С особой гордостью Шварце продемонстрировал в действии подвижную печать для скрепления фальшивых паспортов. Она была устроена так, что, переменяя буквы в названии местности, можно было получить тексты, годные для документов из любого населенного пункта в русской части Польши. Сделал эту очень нужную вещь член организации — искуснейший мастер Варшавского монетного двора.

Боясь навлечь на себя подозрения в случае ареста Падлевского, Гиллер уехал раньше его. Он ничего не сказал о своем маршруте и назвал только лондонскую гостиницу, в которой они должны были встретиться в условленное время. Падлевского, решившего ехать через Краков, до вокзала проводил Потебня, который представлял в будущих переговорах Комитет русских офицеров. Потебня должен был выехать в тот же день, но по другой, более знакомой ему дороге через Берлин, Гейдельберг, Брюссель. Они договорились поддерживать друг друга в том случае, если в Лондоне позиция Гиллера создаст опасность провала переговоров.

Задержавшись ненадолго в Кракове, Падлевский поспешил в Париж, желая посоветоваться с находившимся там Сераковским. Он нашел Сераковского у его оренбургского соизгнанника Бронислава Залеского, эмигрировавшего из России.

Из того немногого, что Сераковский смог высказать в присутствии непосвященных лиц, была видна его осведомленность о содержании и задачах предстоящих переговоров. У Падлевского создалось даже впечатление, что Сераковский уполномочен заменить Николая Обручева, делегированного на переговоры из Петербурга, но почему-то не сумевшего приехать. Во всяком случае, Сераковский просил Падлевского передать Герцену, что позиция петербургских офицерских кружков совпадает с позицией левицы партии красных и Комитета русских офицеров в Польше.

Несколько раз Сераковский напоминал, что без

последовательного демократического решения крестьянского вопроса невозможны ни освобождение Польши, ни прочный союз между польскими и русскими революционерами. Сожалея, что не может ехать вместе с Падлевским, Сераковский высказывал надежду, что ему еще удастся выбраться и они встретятся в Лондоне.

И вот переговоры идут. Маленький второразрядный пансион для холостяков на тихой окраинной улице английской столицы. В комнате шестеро: Герцен, Огарев, Бакунин, Потебня, Падлевский, Гиллер. Иногда присутствует седьмой — Милёвич, которому было предоставлено лишь право совещательного голоса. «Что сказали бы вы, — вспоминал Герцен полгода спустя, — если б несколько месяцев тому назад кто-нибудь показал бы вам [...] шесть человек, тихо беседующих возле чайного стола, и прибавил бы: «Вот эти господа решились разрушить равновесие Европы». Тут не было ни Гарибальди, ни Ротшильда. Совсем напротив, это были люди без денег, без связей, люди, заброшенные на чужбину волей, а вдвое того неволей. Один из них только что возвратился из каторжной работы [Гиллер], другой шел туда прямой дорогой [Падлевский], третий сам оставил Сибирь [Бакунин], четвертый бросил свой полк, чтоб не быть палачом друзей [Потебня]».

Открывая дискуссию, Герцен, Огарев, Бакунин подчеркнули, что они считают партию красных самым влиятельным и революционным направлением польского национально-освободительного движения, имеющим право представлять его в целом, что именно поэтому они вступили в переговоры с уполномоченными ЦНК, а не с представителями какой-либо другой польской организации. Потебня присоединился к этой оценке партии красных. Армейские революционеры, заявил он, давно уже сделали выбор и сотрудничают с партией красных не только в Варшаве, но и во многих других местах. Со своей стороны, Падлевский и Гиллер высказали убеждение, что в лице издателей «Колокола» они видят представителей всей революционной России, что с их помощью

они надеются не только укрепить уже имеющееся сотрудничество с Комитетом русских офицеров в Польше, но и установить прочные контакты с другими русскими революционными организациями. Таким образом, речь шла, как это понимали обе стороны, не о каких-то частных вопросах, рассматриваемых случайными людьми, но об оформлении русско-польского революционного союза в самом широком смысле этого слова.

Важнейшая задача переговоров заключалась в определении той политической программы, которая могла стать приемлемой основой для сотрудничества русских и польских революционеров. Изложение программы партии красных содержалось в письме ЦНК издателям «Колокола». Когда оно было зачитано, Герцен огласил набиравшийся в Вольной русской типографии ответ издателей «Колокола» на обращение Комитета русских офицеров в Польше. Третьим итоговым документом переговоров был ответ издателей «Колокола» на письмо ЦНК Важнейшие принципиальные положения всех трех документов и являлись, собственно, предметом продолжавшейся несколько дней дискуссии.

Споры вызвало, в частности, определение требований по крестьянскому вопросу. Русские революционные демократы, верившие в военно-крестьянское восстание, высказывались не только за полное юридическое раскрепощение крестьян, но и за безвозмездную передачу им всей надельной земли. Большинство польских революционеров, следовавших шляхетским традициям и боявшихся отпугнуть дворянство от революции таким последовательно демократическим решением крестьянского вопроса, выступали за денежную компенсацию помещикам. Эта позиция нашла выражение в письме ЦНК, где было зафиксировано, что польская сторона признает «право крестьян на землю, обрабатываемую ими» при условии вознаграждения помещиков за счет будущего народного правительства. Понимая ограниченность этой программы, издатели «Колокола» все же оценили ее положительно; в своем ответном письме заявили: «Нам

легко с вами идти: вы идете от признания прав крестьян на землю, обрабатываемую ими»

Еще более острые споры вызвал вопрос о литовских, белорусских и украинских территориях, входивших в независимое Польское государство до 1772 года, то есть до разделов Польши между Австрией, Пруссией и Россией. Польские революционеры, боровшиеся за возрождение политической независимости своей отчизны, не признавали разделов. К сожалению, многие из них, увлекшись, забывали о том, что значительные территории старой Речи Посполитой имели не польское население, законно претендующее на самостоятельное решение своей судьбы. При этом их точка зрения волей или неволей оказывалась в опасной близости к позиции польских помещиков, добивавшихся восстановления Польши в границах 1772 года для того, чтобы эксплуатировать украинских, белорусских, литовских крестьян. Русские революционеры не только сочувствовали стремлениям польского народа к национальной независимости, но и готовы были оказать любую возможную помощь в ее достижении. Однако они не могли согласиться на националистический лозунг границ 1772 года и добивались, чтобы их партнеры по переговорам публично отказались от этого лозунга. В результате польская сторона сформулировала свою позицию следующим образом· «Мы стремимся к восстановлению Польши в прежних ее границах, оставляя народам в них обитающим [ ], полную свободу остаться в союзе с Польшею или распорядиться собою согласно их собственной воле».

Протокола во время лондонских переговоров не велось, имеющиеся воспоминания их участников (Герцена, Гиллера, Милёвича) очень бедны подробностями И все-таки с уверенностью можно сказать, что «тихая беседа за чайным столом» достигала моментами большого накала. Ожесточенный спор вызывали не только важнейшие формулировки в целом, но и отдельные содержавшиеся в них выражения. О характере переговоров и позиции его участников дает представление отрывок из «Былого и дум», написан-

ный Герценом через сравнительно короткий промежуток времени и приводимый ниже с небольшими сокращениями.

«Как-то в конце сентября пришел ко мне Бакунин, особенно озабоченный и несколько торжественный.

— Варшавский Центральный комитет, — сказал он, — прислал двух членов, чтоб переговорить с нами. Одного из них ты знаешь — это Падлевский; другой — Гиллер [...]. Сегодня вечером я их приведу к вам, а завтра соберемся у меня — надобно *окончательно определить наши отношения*.

Тогда набирался мой ответ офицерам.

— Моя программа готова — я им прочту мое письмо.

— Я согласен с твоим письмом, ты это знаешь... но не знаю, все ли понравится им; во всяком случае, я думаю, что этого им будет мало.

Вечером Бакунин пришел с тремя гостями вместо двух. Я прочел мое письмо [...].

Я видел по лицам, что Бакунин угадал и что чтение не то чтоб особенно понравилось.

— Прежде всего, — заметил Гиллер, — мы прочтем письмо к вам от Центрального комитета.

Читал М[илёвич]; документ этот [...] *был написан по-русски* — не совсем правильным языком, но ясно. Говорили, что я его перевел с французского и переиначил, — *это неправда*. Все трое говорили хорошо по-русски.

Смысл акта состоял в том, чтоб через нас сказать русским, что слагающееся польское правительство согласно с нами и кладет в основание своих действий *«признание [права] крестьян на землю, обрабатываемую ими, полную самоправность всякого народа располагать своей судьбой»*. Это заявление [...] обязывало меня смягчить вопросительную и «сомнёвающуюся» форму в моем письме. Я согласился на некоторые перемены и предложил им со своей стороны посильнее оттенить и яснее высказать мысль о самозаконности провинций — они согласились. Этот спор из-за слов показал, что сочувствие наше к одним и тем же вопросам не было *одинаково*.

На другой день утром Бакунин уже сидел у меня. Он был недоволен мной, находил, что я слишком холоден, как будто не доверяю.

— Чего же ты больше хочешь? Поляки никогда не делали таких уступок [...].

— Мне все кажется, что им до крестьянской земли, в сущности, мало дела, а до провинций слишком много [...].

— Ты точно дипломат на Венском конгрессе, — повторял мне с досадой Бакунин, когда мы потом толковали у него с представителями жонда, — придираешься к словам и выражениям. Это — не журнальная статья, не литература.

— С моей стороны, — заметил Гиллер, — я из-за слов спорить не стану; меняйте, как хотите, лишь бы главный смысл остался тот же.

— Браво, Гиллер! — воскликнул радостно Бакунин.

«Ну, этот, — подумал я, — *приехал подкованный и по-летнему и на шипы,* он ничего не уступит на деле и оттого так легко уступает все на словах».

Наряду с основными положениями политической программы во время лондонских переговоров обсуждались важнейшие вопросы практического сотрудничества русских и польских революционеров. Одним из них был вопрос о статусе революционной организации русских офицеров в Польше и о том, как ей следует действовать, если польский народ восстанет против царизма. Сущность достигнутой по предложению Потебни договоренности может быть сведена к трем пунктам: а) офицерская организация, находясь в тесном взаимодействии с партией красных, полностью сохраняет свою организационную самостоятельность; б) в случае восстания армейские революционеры не только не поднимут оружия против поляков, но и будут помогать им всеми доступными средствами; в) в повстанческой армии совместными усилиями будет создан русский легион, который понесет знамя восстания на восток.

Другим практическим вопросом, интересующим стороны, было установление постоянного тесного со-

трудничества с петербургским революционным центром, с землевольческими организациями, действовавшими в России. Это было тем более важно, что уполномоченному петербургских землевольцев не удалось приехать в Лондон; в этих условиях аналогичная встреча в Петербурге являлась совершенно необходимой. Чтобы облегчить установление предстоящих контактов, издатели «Колокола» дали Падлевскому рекомендательное письмо к своим петербургским друзьям и единомышленникам. Потебня имел постоянную связь с петербургскими революционными кружками и в каких-либо рекомендациях не нуждался.

Падлевского результаты лондонских переговоров воодушевили необычайно. Даже Гиллер, весьма умеренный по политическим взглядам и неисправимый скептик по характеру, был увлечен общим энтузиазмом. «Вы будете нами довольны» — так звучали обращенные к издателям «Колокола» прощальные слова польских уполномоченных. В обратный путь варшавские гости снова отправились в одиночку. Гиллер задержался во Франции и Швейцарии по каким-то своим делам. Потебня по обыкновению спешил и поехал без остановок через Пруссию. Падлевский тоже спешил, но ему хотелось хоть мельком повидаться в Париже с Сераковским и заехать в Гейдельберг, где жила большая группа русских и польских эмигрантов.

Сераковский и оказавшийся у него Коссовский с большим интересом выслушали торопливый рассказ о лондонских переговорах. Они хорошо понимали, насколько их результаты важны для революционного движения в Польше и в России.

В Гейдельберге Падлевский повидался с Лугининым и несколькими своими друзьями из Союза польской молодежи.

Горячее дыхание развертывающейся в Польше борьбы Падлевский почувствовал еще в Кракове. Задержавшись здесь ненадолго, чтобы завершить создание галицийской конспиративной организации, он слышал много разговоров о полученном из Варшавы известии, что ЦНК взял на себя функции повстанческого Национального правительства. Решение об этом, принятое еще до лондонских переговоров, стало возможным только благодаря сумасбродному приказанию Велёпольского опубликовать в официозной газете программу партии красных. Расчет на то, что это подействует устрашающе и многих оттолкнет от подполья, оказался совершенно ошибочным. Результат был прямо противоположным: авторитет ЦНК и притягательная сила конспирации быстро росли. Этот процесс ускорился, когда ЦНК объявил себя Временным революционным правительством. «С тех пор, — рассказывает один из участников событий, — фаланга десятков с каждым днем неимоверно увеличивалась, пропаганда делала ужасающие успехи, общественное мнение края переходило все более и более в руки Комитета, делая его мало-помалу распорядителем судеб народа». В октябре Национальное правительство приняло постановление о взимании налогов на нужды подготовки восстания. Интересно, что их платили не только те, кто сочувствовал красным, но и белые, а также многие царские чиновники, боявшиеся подпольщиков и утратившие веру в незыблемость существующих порядков.

Сразу же по возвращении в Варшаву Падлевский узнал о новости, которая существенно меняла всю обстановку. Велёпольский побывал в Петербурге и добился от царя разрешения провести подтасованный рекрутский набор. Под предлогом подготовки к крестьянской реформе он настоял на освобождении от рекрутчины деревенского населения, а в городе предложил набор по специальным спискам (конскрипциям), составленным полицейскими властями и включавшим лиц наиболее «неблагонадежных» в политическом отношении. Таким образом, он рассчитывал забрать в рекруты и удалить за пределы Польши основную массу тех рядовых участников подпольных организаций, для обвинения которых в судебном порядке у властей не было оснований. «Нарыв назрел, — говорил Велёпольский, — и его надо рассечь. Восстание я подавлю в течение недели и тогда смогу управлять».

Весть о предстоящей бранке (рекрутском наборе) привела в возбуждение городскую молодежь и прежде всего участников варшавской организации партии красных. Большинство считало, что задуманную Велёпольским провокацию нужно сорвать, и требовало от руководящих деятелей подполья решения о вооруженном восстании в день проведения бранки Более опытные и уравновешенные указывали на недостаточную подготовленность восстания, на отсутствие вооружения, на просьбу русских революционеров отложить выступление до весны будущего года, когда оно может стать одновременным и повсеместным. Но эти трезвые голоса тонули в хоре тех, кому угрожала рекрутчина, их родственников и друзей, людей искренне верящих в успех немедленного восстания и просто крикунов-демагогов, число которых всегда быстро возрастает в кризисные моменты. И без того нелегкое положение подпольного руководства сильно осложнило появление изданного от его имени воззвания, в котором говорилось о том, что Комитет сумеет спасти молодежь от рекрутчины, что восстание должно вспыхнуть до начала набора. История этого воззвания до сих пор не выяснена. Есть предположение, что оно появилось в свет с согласия Эдварда Рольского, который замещал Падлевского во время его поездки в Лондон. Возможно, что выпуск воззвания был провокационной затеей «мерославчиков», поддержанной входившим в ЦНК В. Даниловским. Как бы то ни было, появление воззвания поставило ЦНК в такое положение, при котором отказ от объявления восстания в ответ на бранку грозил потерей авторитета для руководства партии красных и распадом большинства ее конспиративных организаций.

Таким образом, выбор момента вооруженного выступления оказался фактически в руках злейшего врага революции маркиза Велепольского. Обнародовав указ о бранке, он не спешил объявить день, когда она начнется. По имевшимся в ЦНК сведениям, взятие рекрутов намечалось на январь 1863 года, но срок мог быть и более ранним. С осени 1862 года предстоящая бранка как дамоклов меч висела и над руководителями подполья, которые в зависимости от нее должны были определить срок начала восстания, и над рядовыми подпольщиками, многие из которых знали, что они числятся в секретных списках будущих рекрутов. Это нервировало, толкало на поспешные непродуманные решения. Опасность взрыва непрерывно росла. Даже видные царские сановники пытались добиться отмены набора, но Велёпольский был непреклонен

Падлевский прекрасно понимал, что враги революции стараются вызвать преждевременное выступление, обреченное на разгром, но не мог найти выхода из создавшегося положения. На чуть ли не ежедневных и очень продолжительных заседаниях ЦНК выдвигались десятки различных планов, тут же признававшихся неприемлемыми. Дискуссии еще больше обострились, когда парижский агент ЦНК Юзеф Цверцякевич прислал текст полученного им письма от Герцена, который высказался категорически против восстания в ответ на бранку. Герцен писал: «...Произведите набор рекрутов, но не делаите демонстрации там, где нет ни малейшей надежды на успех. Через 2—3 года рекруты проникнутся духом свободы; они повсюду, где бы ни оказались, постараются приобщиться к общему делу. Если вы поступите сейчас иначе, вы поведете этих бедняг на заклание, как животных, и остановите движение в России еще на полвека; что же касается Польши, то в таком случае вы ее безвозвратно погубите».

Серьезность герценовских доводов не могли отвергнуть самые горячие сторонники восстания. Потебня и каждый из его товарищей готовы были, обращаясь к своим польским друзьям, снова и снова повторять слова Герцена: «Если вы хоть сколько-нибудь сочувствуете русской свободе и если ваша любовь к свободе Польши перевешивает ваше горе, если вы боитесь напрасных жертв, — я вас умоляю не совершать выступления, ибо оно не имеет ни малейшего шанса на успех и лишь погубит свободу обеих стран, подготовив новое торжество царскому кабинету министров».

Падлевский также понимал правоту этих слов. Но как быть с бранкой? Если не выступить в день набора, то силы и влияние конспиративной организации будут настолько подорваны, что и весной будущего года выступление станет невозможным. Много раз они с Потебней обсуждали различные варианты, но не могли найти приемлемого выхода из создавшегося положения. В конце концов было решено снова поехать в Лондон, чтобы подробнее рассказать издателям «Колокола» об изменениях в обстановке и выслушать их советы.

В «Былом и думах» об этом приезде Падлевского в Англию рассказывается в нескольких предельно кратких, рубленых фразах. «Приехал опять Падлевский, — пишет Герцен. — Подождали дни два. Набор не отменялся. Падлевский уехал в Польшу». Советы издателей «Колокола» изложены в двух документах, адресованных к офицерской организации и привезенных Потебней из этой молниеносной поездки. Один из этих документов был рукописным обращением Огарева и Бакунина к армейским революционерам. «Отклоните восстание до лучшего времени соединения сил, — призывает этот документ. — Если ваши усилия останутся бесплодными, то тут делать нечего, как покориться судьбе и принять неизбежное мученичество». Другой документ — отпечатанное в Лондоне воззвание «Офицерам русских войск от Комитета русских офицеров в Польше». Текст его, подготовленный Потебней, был одобрен издателями «Колокола» «Вы видите, — говорится в воззвании, — что для нас выбора нет: мы примкнем к делу свободы». А заканчивается оно следующим призывом ко всем офицерам различных родов войск: «Товарищи! Мы, на смерть идущие, вам кланяемся. От вас зависит, чтоб это была не смерть, а жизнь новая!»

Усложнившаяся обстановка не позволяла более откладывать проведение намеченных еще в сентябре переговоров польских революционеров с руководящими землевольческими деятелями в России. Поэтому вскоре после возвращения из Лондона Падлевский снова оказался в дороге, на этот раз он ехал в Петербург поездом Петербургско-Варшавской железной дороги. В кармане его лежали документы на имя путешествующего по своим делам графа Матушевича, а под подкладкой большого кожаного бумажника были искусно спрятаны рекомендательные письма Герцена и Бакунина. В Петербурге, выходя на привокзальную площадь, Падлевский издали увидел знакомую шапку Потебни. Приехав одним поездом, они из конспиративных соображений сделали вид, что не знают друг друга.

С вокзала Падлевский отправился к своему старому приятелю Николаю Ермолову, жившему рядом с Артиллерийской академией. Ермолов не интересовался политикой, но это был честный и отзывчивый человек, умеющий хранить доверенную ему тайну. Без особых усилий Падлевский в тот же день установил связь с офицерскими кружками. Во главе крупнейшего из них стоял в это время Комитет в составе слушателя Инженерной академии Э. Юндзилла, чиновника В. Опоцкого и возвратившегося из Франции В. Коссовского. Оказалось, что Коссовскому поручены контакты офицерских кружков с руководящими органами землевольцев, и Падлевский поспешил разыскать старого знакомого.

В тот же вечер Коссовский известил землевольцев о приезде представителя польских революционеров и руководителя Комитета русских офицеров в Польше. Русский Центральный комитет, стоящий во главе «Земли и Воли», уполномочил для ведения переговоров с Падлевским и Потебней своих руководящих деятелей Александра Слепцова и Николая Утина. На переговорах присутствовали также: Коссовский как представитель столичных офицерских кружков и Лонгин Пантелеев как представитель Петербургского комитета «Земли и Воли». В своих «Воспоминаниях» Пантелеев изображает себя чуть ли не главным представителем землевольцев. На деле его роль была весьма скромной.

Переговоры длились несколько дней. Встречались в разных местах: на квартире Слепцова, у Пантелеева, в отдельном кабинете одного из ресторанов,

изображая холостяцкую компанию, собравшуюся за картами и выпивкой. Стороны подробно информировали друг друга об оценке ситуации в России, в Польше, в эмиграции, изложили свое политическое кредо, поделились ближайшими планами. Много спорили, но в итоге по важнейшим вопросам находили общий язык. За эти дни Падлевский не только получил довольно полное представление о взглядах и характере каждого участника переговоров, но и хорошо запомнил некоторые их внешние особенности.

Вот быстрый в движениях, скоро возбуждающийся и скоро остывающий Утин; встряхивая своей пышной черной шевелюрой, он говорил быстро, много и почти всегда дельно. Рядом Слепцов — немногословный, спокойный и выдержанный. Видно, что это серьезный, хорошо знающий жизнь и много думающий человек, самоотверженно отдавшийся революционному делу. У него чуточку чопорная манера держаться, и в первый момент это создавало впечатление, что он свысока относится к своим собеседникам. Но впечатление это улетучилось быстро и бесследно. Исхудавший, большеглазый, обросший густой бородой, Потебня выглядел старше своих лет. Он брал слово редко, говорил негромко, но в каждом его слове звучала такая сила убежденности, что к его словам нельзя было отнестись без внимания и сочувствия. У Коссовского, напротив, проскальзывало неверие в необходимость революционной борьбы, в осуществимость обсуждаемых планов. Страх и растерянность, которые Падлевский моментами улавливал в его взгляде, не были случайностью: по мере развертывания борьбы Коссовский становился все более осторожным, все чаще уклонялся от конспиративных поручений, а после ареста в 1864 году дал откровенные показания.

Круг рассматривавшихся в Петербурге вопросов почти полностью совпадал с содержанием лондонских переговоров, только обсуждение сосредоточивалось главным образом в практически организационной сфере. Важнейшие программные вопросы были решены без особенных дискуссий, в духе согласованных в Лондоне положений. В заключительном меморандуме — единственном сохранившемся документе петербургских переговоров — это последнее обстоятельство было специально отмечено. Первый пункт меморандума гласил, что основные принципы, изложенные в письме Центрального национального комитета к издателям «Колокола», участниками переговоров, «приняты за основание союза двух народов — русского и польского».

Наиболее важные практические решения, которых настоятельно требовала сложившаяся обстановка, были связаны с организацией взаимодействия в условиях надвигающегося восстания. Русская сторона снова высказалась против преждевременного выступления, но в случае его неизбежности обещала возможное содействие; польская сторона согласилась с правомерностью такой позиции.

Вероятно, по предложению Падлевского и Потебни к этому добавили еще две фразы: «Он [то есть ЦНК] надеется также, что умело направленная пропаганда доставит ему возможность войти в тесную связь с войсками, находящимися в настоящее время в Польше. В момент восстания эта пропаганда должна будет сосредоточиться на том, чтобы побудить войска к деятельному содействию восстанию».

Вообще положение и задачи возглавляемой Потебней офицерской организации обсуждались очень оживленно. Сразу же по приезде Потебня встретился с руководством «Земли и Воли» и сообщил о решении офицерской организации присоединиться к обществу. Русский Центральный комитет одобрил это решение. На переговорах, где офицерская организация выступала уже в качестве составной части «Земли и Воли», было решено, что русские военные, которые примут участие в восстании, должны будут образовать самостоятельный корпус. Создание корпуса и управление им будет осуществляться Комитетом русских офицеров в Польше, представитель которого будет находиться при повстанческом руководстве в Варшаве. В свою очередь, Центральный комитет «Земли и Воли» будет иметь при Комитете русских офицеров в Польше постоянного представителя, который сможет при-

дать действиям корпуса «национальный характер в смысле борьбы за дело русской независимости и свободы».

Когда все это было сформулировано и внесено в меморандум, Потебня рассказал о финансовом положении офицерской организации. Члены кружков и сочувствующие им военнослужащие охотно выделяли в общую кассу часть своих средств, но это ни в коей мере не обеспечивало имеющиеся нужды; без регулярной помощи польских конспиративных организаций Комитет русских офицеров в Польше не мог бы сводить концы с концами. Слепцов, ссылаясь на казначея «Земли и Воли» А. Д. Путяту, заявил, что в ближайшее время общество не сможет оказать серьезной финансовой помощи офицерской организации. Падлевский от имени польской стороны обязался взять на себя ее материальное обеспечение до тех пор, пока обстоятельства не изменятся. В результате пятый пункт меморандума пополнился следующей фразой: «До нового распоряжения все расходы по военной организации принимает на себя Центральный национальный комитет».

Во время последней встречи встал вопрос о том, что без регулярного обмена информацией было трудно обходиться и прежде, а теперь действовать без нее будет просто немыслимо. Условившись предварительно обо всем, что связано с технической стороной дела, в меморандум включили пункт о регулярной переписке и еженедельном обмене корреспонденцией «с целью осуществления постоянной связи и взаимопомощи двух организаций». В Петербурге связными были назначены Пантелеев и Коссовский; передаточным пунктом должно было служить Вильно, где и у русской и у польской стороны были прочные связи.

Во время переговоров Падлевский с большой горячностью доказывал, что нет силы, которая могла бы предотвратить восстание. Но встречи с Утиным и Слепцовым, разговоры с Потебней, памятные слова Герцена не прошли бесследно. На обратном пути в Варшаву, обдумывая петербургские впечатления,

Падлевский почувствовал справедливость их доводов и решил по возвращении сделать все возможное, чтобы предотвратить преждевременный взрыв. Но это не мешало ему продумывать основные стратегические принципы будущего восстания. Вскоре после петербургских встреч Падлевский разрабатывает свой план, предусматривавший нацеливание повстанческих сил Царства Польского на северо-восток. Этим достигались две важные цели. Во-первых, выводилась из строя новая коммуникация царских войск — Петербургско-Варшавская железная дорога (восстание 1863 года было одной из первых войн, в которых железные дороги приобретали стратегическое значение), а тем самым создавались условия для полного очищения Царства Польского от войск противника. Во-вторых, наступление повстанцев должно было содействовать распространению восстания в Литве и Белоруссии и установлению прямой связи с ожидаемой волной восстаний в самой России. Этот план Падлевского был прямым следствием заключенного русско-польского революционного союза, его военно-стратегическим воплощением.

Между тем в отсутствие Падлевского ЦНК был принят «план дислокации». Он предусматривал немедленный переход варшавских конскриптов на нелегальное положение и отправку их из города к родственникам, знакомым или членам конспиративной организации в различных районах Польши.

Осуществляя план, можно было спасти тысячи людей от рекрутства. Однако, разъехавшись по всей Польше в одиночку или небольшими группами, конскрипты неизбежно потеряли бы связь с организацией и перестали бы существовать как серьезная сила, столь необходимая в первые дни восстания. Этого нельзя было допустить.

Падлевский настоял на внесении в «план дислокации» весьма существенных изменений: было решено не распылять конскриптов, а назначить для их размещения два удобных с точки зрения развертывания партизанской войны района: Свентокшижские горы и лесные массивы на востоке от Варшавы (Кур-

певскую или Беловежскую пущу). Направив в эти районы будущих повстанческих командиров и снабдив собравшихся оружием, ЦНК мог бы создать две крупные базы для вооруженной борьбы.

Таковы те планы действий на случай восстания, которые обсуждались в ЦНК и собирали в нем большинство голосов. Впрочем, в декабре 1862 года трудно было проводить в жизнь какой-либо план, если бы даже он был принят единогласно, так как обстановка менялась слишком быстро и неожиданные события следовали одно за другим. 11 (23) декабря царской полиции благодаря предательству удалось обнаружить подпольную типографию ЦНК, в которой издавался печатный орган партии красных — газета «Рух» («Движение») и нелегальные прокламации. Захватив лишь наборщика, который заявил, что работает ради денег и ничего не знает об издателях «Руха», полиция устроила засаду в помещении типографии. В этот день Бронислав Шварце должен был зайти туда в десять часов утра. Приближаясь к типографии, он заметил, что его тетка, живущая рядом, стоит у окна и делает ему предостерегающие знаки. Шварце повернул назад, но было уже поздно: полицейские заметили его и бросились вдогонку. У Шварце были хотя и выписанные на чужое имя, но настоящие документы, к которым полиция не смогла бы придраться. Однако в его бумажнике, кроме большой суммы принадлежавших организации денег, были и важные конспиративные бумаги, а в кармане у него лежал револьвер: с такими вещами никак нельзя было попадаться, это грозило провалом не только ему лично, но и всей организации.

Выбежав на улицу Видок, Шварце повернул к Маршалковской, отстреливаясь на бегу. «Сразу же за углом он оказался перед гостиницей «Венская» и вбежал туда; мимоходом успел бросить буфетчице бумажник (он не знал ее, но был уверен, что не найдется варшавянки, которая бы отказалась спрятать вещи человека, преследуемого полицией, и не ошибся); затем через внутренний ход, указанный кем-то, выбежал на проходной двор, миновав который оказал-

Страница из записной книжки Н. П. Огарева — список активных деятелей военно-революционной организации в Царстве Польском.

Чего хочетъ Русскій народъ

и

что долженъ делать тотъ, кто его любитъ

Прокламация «Чего хочет русский народ и что должен делать тот, кто его любит».

Андрей Афанасьевич Потебня.

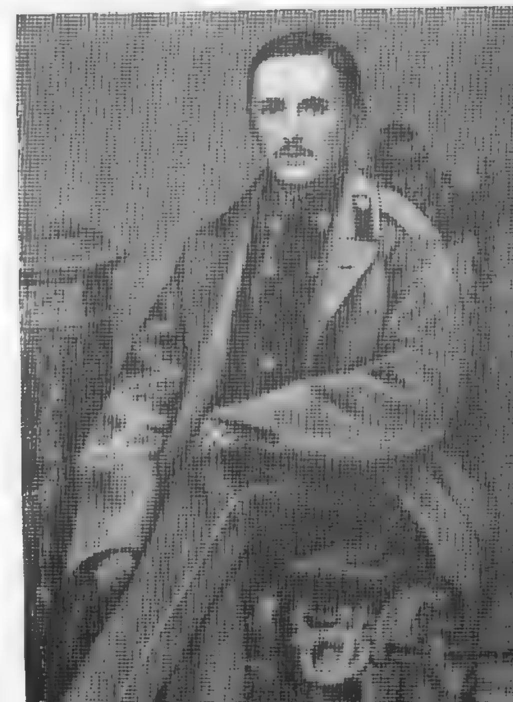
«Первая жертва». Рис. А. Гротгера.

Иван Николаевич Аргнольдт.

Похороны жертв расстрела 15(27) февраля 1861 года в Варшаве. Фото.

Петр Михайлович Сливицкий.

н память встречи в Лондоне 19 febr. 1862 А. Герцен

Фото А. И. Герцена с дарственной надписью З. Падлевскому

Зыгмунт Падлевский.

М. А Бакунин

Дарственная надпись М. А. Бакунина З. Падлевскому на обороте фотографии.

Въ надежде на будущей братский союзъ

М. Бакунинъ

18 7/VIII 62 Paris.

Бронислав Шварце

Влодзимеж Милёвич.

Константин Игнатьевич Крупский.

Аполло Коженёвский.

Зыгмунт Хмеленский.

Николай Исаакович Утин.

Александр Александрович Слепцов

Мемориальная доска на доме на улице Видок в Варшаве.

Войска перед замком наместника в Варшаве.

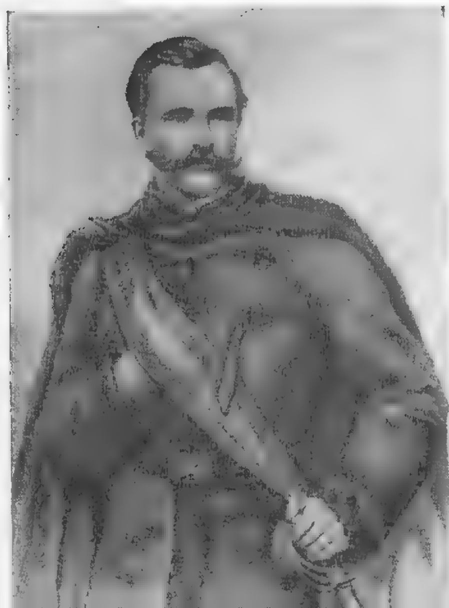

Стефан Бобровский

Агатон Гиллер.

Мариан Лянгевич.

ся на Ерозалимских аллеях. Шварце пересек улицу и, добравшись до первого поворота, свернул на Братскую и далее через площадь Трех Крестов по Княжеской. Ему удалось оторваться от преследователей, и он начал надеяться, что те собьются со следа. Но не тут-то было: какой-то барчук, совершавший утреннюю прогулку верхом на породистом рысаке, заметил беглеца, крикнул об этом запыхавшимся полицейским и указывал им направление, пока не убедился, что они его схватят. Тем временем, пробежав по Смольной, Шварце снова оказался на Ерозалимских аллеях и повернул в сторону пересечения этой улицы с улицей Новы Свят. Здесь полицейские настигли Шварце; он был схвачен и доставлен в цитадель.

Арест Шварце был серьезным ударом по левому крылу Центрального национального комитета, и Падлевский очень скоро почувствовал это. На следующий день после ареста Шварце в Варшаве стало известно, что в Париже арестованы Ю. Цверцякевич, И. Хмеленский, В. Милёвич, Ф. Годлевский. При этих обстоятельствах было принято решение о роспуске старого состава Комитета и о создании нового, по возможности из неизвестных арестованным лиц. Реорганизацию поручили провести Авейде. Не имея возможности отстранить от руководства Падлевского, за которого горой встала бы варшавская городская организация, «умеренный» Авейде противопоставил ему в новом составе ЦНК Гиллера и еще трех своих сторонников.

В эти дни, возвращаясь из заграничной командировки, в Варшаву заехал Зыгмунт Сераковский (это он привез весть об арестах в Париже). Встреча друзей произошла на совещании, где было утверждено назначение Сераковского на должность повстанческого военного начальника в Литве. Падлевский, провожая Сераковского до самой гостиницы, посвятил его в последние новости. Меморандум о петербургских переговорах Сераковский уже видел у Цверцякевича в Париже; содержание его он полностью одобрил. «План дислокации» вызвал у Сераковского серьезные сомнения.

На позицию левицы в ЦНК влияли общественное мнение и то понимание ситуации, которое сложилось у большинства участников организации. Совещание комиссаров некоторых воеводских организаций, состоявшееся около 20 декабря, обратилось в ЦНК с ультимативным требованием о том, чтобы восстание было назначено на день взятия рекрутов. В этом же духе высказалось собрание руководящих деятелей варшавской городской организации, проводившееся в самом конце декабря. Напротив, опрошенные поодиночке военные специалисты (Э. Ружицкий, З. Милковский и др.) заявили ЦНК, что до весны завершить необходимую подготовку к восстанию невозможно, что более ранний срок обрекает его на поражение.

Существенно изменил соотношение сил в ЦНК приезд Бобровского. 22 декабря на заседании ЦНК он произнес большую и горячую речь. Доказав и убедив членов ЦНК, что восстание неизбежно, Бобровский требовал энергичной подготовки к вооруженной борьбе большого масштаба, к провозглашению ЦНК Национальным правительством. Не согласившийся с решением ЦНК Гиллер был заменен в составе комитета Бобровским.

На следующий день Падлевский вместе с Потебней и Бобровским внимательно изучали большое письмо, которое Домбровскому удалось передать на волю из цитадели. Домбровский также высказывался за сосредоточение всех усилий на подготовке восстания и излагал свой план действий на первые дни борьбы. Он предлагал начать ее с захвата крепости Модлин силами восставших варшавян при содействии находившихся внутри крепости участников офицерской организации. План был рассчитан до мельчайших деталей и вполне реален. По предложению Падлевского одновременно с захватом Модлина наметили атаку на Плоцк, с тем чтобы освобожденный город сделать резиденцией будущего Национального правительства. Для подготовки операции члены организации и конскрипты должны были постепенно покидать Варшаву и собираться в Кампиносской пуще, в лесных массивах близ Сероцка. 25 декабря

новый вариант плана был поставлен на рассмотрение ЦНК и одобрен его большинством.

Точный срок начала восстания все еще оставался неизвестным (он зависел от того, когда будет объявлена бранка). Но выбора уже не было, и Падлевский со всей энергией отдался подготовительной работе. Как военный специалист, он отлично понимал, что сделать предстоит очень многое. Нужны были оружие и боеприпасы: их в основном предполагалось закупить за границей, а затем тайно доставить на сборные пункты повстанцев. Необходимы были теплая одежда, обувь, снаряжение, медикаменты, продовольствие — этим должны были заниматься местные организации, опираясь на содействие населения. Нельзя было обойтись без знающих военное дело командиров, топографических карт, уставов и инструкций для обучения повстанцев военному делу. Здесь Падлевский рассчитывал на серьезную помощь революционной организации русских офицеров в Польше и офицерских кружков в Петербурге, связь с которыми после его поездки в столицу стала особенно интенсивной.

Очень беспокоил Падлевского вопрос о взаимодействии на местах конспиративных организаций партии красных с офицерскими кружками в близлежащих гарнизонах. Он не раз говорил об этом с Потебней, и они принимали меры для того, чтобы везде, где это необходимо, были установлены личные контакты и разработаны совместные планы действий на первые дни восстания.

По полученным в ЦНК сведениям взятие рекрутов должно было начаться 14 (26) января. В связи с этим вечером 31 декабря (12 января) Падлевский собрал руководителей варшавских конспираторов и предложил им в течение ближайших двух дней организовать массовый выход конскриптов из города. Указание начальника города варшавяне приняли с большим энтузиазмом и почти везде выполнили его безотлагательно. Это было очень кстати, так как Велёпольский перенес срок бранки и начал брать рекрутов в ночь на 3 (15) января. В его руки попали главным образом лица, негодные к военной службе.

Проведение бранки в корне меняло ситуацию, требовало ответных действий. На экстренном заседании ЦНК, состоявшемся 3 (15) января, было решено начать восстание через неделю, а в оставшиеся дни завершить его подготовку. На следующий день собрались комиссары конспиративных организаций со всей Польши и руководящие деятели варшавской городской организации. На этом совещании, объявив присутствующим решение ЦНК, Падлевский произнес замечательную речь, полную патриотических чувств и глубокого понимания тех социально-политических вопросов, без решения которых восстание было обречено на провал.

«После долгого сна, — начал Падлевский, — нация проснулась к жизни и решилась жить... Свою волю она объявила в крови и молитве; она ни перед чем не отступила; всем пренебрегла для независимости, как это видно из ее непрерывных жертв». Затем он напомнил об истории конспиративных организаций Варшавы, о создании Варшавского городского комитета и преобразовании его в Центральный национальный комитет. «Этот последний, членом которого я состою в течение последних трех месяцев, — продолжал Падлевский, — ясно наметил в своей программе образ действий и громко его провозгласил; его исповеданием веры являлось — поднять всю нацию до понимания политической обстановки в стране, внушить веру в успех восстания и вступить в бой с захватчиками; кличем к восстанию было немедленное возвращение простому народу его собственности».

Рассказывая о пропагандистской деятельности организации, мобилизации денежных средств и других мероприятиях по подготовке к восстанию, Падлевский особо выделил вопрос об оружии. «Я официально обещал городскому отделу, — заявил он, — 7 тысяч карабинов, ибо, по всей вероятности, я мог их иметь в стране; но арест французским правительством комиссии, назначенной для доставки его, открыл ее намерения, и это привело к тому, что провоз оружия через границу значительно задержится. Я не организовал изготовления кос, ибо это было преждевременно [...]. Охотничье оружие собрано в воеводствах, его хватит не более чем на 600 человек».

Информировав собравшихся о назначении военными начальниками в Сандомирское воеводство М. Лянгевича, в Плоцкое — К. Блащинского («Боньча»), в Подлясье — В. Левандовского, а в Варшавское воеводство — его самого, Падлевский снова вернулся к вопросу о недостатке оружия и о невозможности заготовить его в оставшееся время. «...Комитет, — сказал он, — хочет узнать ваше мнение, а именно: как вы и ваши организации рассматриваете это новое обстоятельство?» Чья-то реплика переадресовала этот вопрос оратору и Центральному национальному комитету, представителем которого он являлся.

В ответ Падлевский решительно заявил: он всегда высказывал мнение, что участники организации и в особенности молодежь «должна пожертвовать собою для спасения простого народа, для разрешения крестьянского вопроса самой польской нацией, для заложения основ великой народной войны, для избавления всей нации». «Так я мыслю, — говорил Падлевский, — и за это я положу голову. Как солдат регулярной армии, я понимаю всю трудность теперешнего положения; я знаю, что я не могу сделать ничего лучшего, как погибнуть, неся крестьянину своей собственной рукой то, что ему принадлежит, то, что он должен получить от нас и через нас». Речь 4 (16) января была последним выступлением Падлевского в Варшаве: на следующий день он оставил город, чтобы возглавить повстанцев, которые должны были нанести первые удары по врагу.

Вслед за постановлением о вооруженном выступлении в ночь на 11 (23) января 1863 года ЦНК принял обращенный к польской нации манифест и декрет по крестьянскому вопросу: их оглашением должно было начаться восстание. В целом эти документы содержат программу буржуазной революции, но отдельные их положения непоследовательны и противоречивы, так как появились в результате компромисса революционных демократов — идеологов крестьян с умеренными элементами в партии красных, кото-

рые отражали интересы дворянского сословия. Еще более заметное влияние оказал путь компромиссов, по которому шел ЦНК, на его практические действия, последовавшие за решением о сроке восстания.

На заседании ЦНК 5(17) января было решено открыто провозгласить себя Национальным правительством, как только будет занят Модлин. Руководство захватом этой крепости было возложено на Падлевского, его первоначально предполагалось назначить главнокомандующим всех вооруженных сил восстания. Пост начальника города передавался Бобровскому, который должен был оставаться в Варшаве; предполагалось, что остальные члены ЦНК скроются, чтобы явиться в Модлин в момент провозглашения правительства. План этот отражал растерянность умеренной части ЦНК перед надвигающимися событиями и их желание устранить от дел одного из своих активнейших противников. Положение Падлевского было очень сложным. Он видел неразумность плана, понимал, что его хотят сделать ответственным за неизбежные неудачи. Однако, считая себя связанным мнением большинства, он не мог отказаться от возложенных на него поручений, тем более что речь шла о выполнении его собственных предложений.

В один из самых напряженных дней кануна восстания появился уполномоченный Центрального комитета «Земли и Воли» Александр Слепцов. Он ехал в Лондон для переговоров с издателями «Колокола» и должен был задержаться в Варшаве, чтобы ближе познакомиться с обстановкой. Несколько раз Слепцов встречался с Потебней и Падлевским.

Во время первых вооруженных столкновений Слепцов был в Польше; под свежим впечатлением от них он написал прокламацию, начинавшуюся словами: «Льется польская кровь, льется русская кровь...» Обращаясь к офицерам и солдатам русской армии, прокламация призывала их не проливать крови польских братьев, ибо иначе «дети будут стыдиться произносить имена своих отцов». «Помните это, — говорилось в прокламации, — поймите, что с освобождением Польши тесно связана свобода нашей

страдальческой родины [...]. Вместо того чтобы позорить себя преступным избиением поляков, обратите свой меч на общего врага нашего, выйдите из Польши, возвративши ей похищенную свободу, и идите к нам, в свое отечество, освобождать его от виновника всех народных бедствий — *императорского правительства.* Протяните братскую руку примирения и нового свободного союза полякам, как они протягивают ее вам».

Прокламация, написанная Слепцовым, была отпечатана подпольной землевольческой типографией и с середины февраля 1863 года широко распространялась как в районе восстания, так и далеко за его пределами. В Петербурге и Москве прокламацию рассылали по почте, вручали прохожим на улице, разбрасывали в университете, в военно-учебных заведениях, расклеивали в подъездах жилых домов. Специально посланные участники студенческих кружков повезли пачки прокламаций в Витебскую и другие губернии, отдельные ее экземпляры появлялись в Тамбове, Казани и других городах.

Одобренный ЦНК план действий был не наилучшим уже в момент его принятия. При всем том он сразу же начал разваливаться. Явившись на сборный пункт в Кампиносской пуще, Падлевский нашел вместо трех тысяч готовых к бою повстанцев только около пятисот почти безоружных, плохо снаряженных конскриптов. Едва Падлевский пришел в себя от неожиданности, как появился связной от Потебни с известием, что комендант Модлина, предупрежденный о планах повстанцев, принял меры, чтобы находящиеся в крепости члены офицерской организации не могли содействовать атакующим. Понимая, что в сложившихся условиях план захвата Модлина неосуществим, Падлевский решил все силы сосредоточить под Плоцком и двинулся в этом направлении.

Падлевский начинал боевые действия с тяжелым сердцем. В самый день его отъезда из Варшавы ЦНК по предложению приехавшего из-за границы Владислава Янковского постановил, вопреки всей своей прежней линии и здравому смыслу, передать с нача-

лом восстания власть в руки диктатора — Людвика Мерославского. В. Янковский был немедленно послан к Мерославскому с просьбой ЦНК принять этот пост. Три члена ЦНК должны были выехать навстречу, представиться ему и влиться в его свиту. Создавалось впечатление, что большинство, проголосовавшее за эти решения, заботилось не об успехе восстания, а только о том, чтобы свалить с себя ответственность, переложив ее на сумасбродного пана Людвика. Решительные возражения Падлевского и Бобровского не были приняты во внимание.

Предоставление диктаторской власти Мерославскому было страшным ударом и для того дела, которому Падлевский отдавал жизнь, и для него лично. Падлевский хорошо знал Мерославского, был уверен в его бесплодности как полководца, считал вредными его политические взгляды. Решение о диктатуре ломало все прежние планы. Падлевскому пришлось собрать всю свою волю, чтобы подавить чувство возмущения действиями ЦНК, чувство отчаяния от следовавших одна за другой неудач. «Мы с тобою, — писал ему Бобровский несколько позже, вспоминая об этих тяжелых днях, — подавили личные убеждения, а ты даже и прошлые обиды, приняли [...] в видах торжества революционной правды диктатуру пана Людвика».

Хорошо еще, что для тяжелых раздумий не было времени: нужно было следить за формированием повстанческих отрядов, заботиться об их вооружении и снабжении, обдумывать и осуществлять планы сосредоточения сил для атаки Плоцка. Дни и ночи были до отказа заполнены множеством неотложных дел, приятными и неприятными встречами, совещаниями и переездами. И вот после невероятно хлопотливого дня 10(22) января настала мглистая холодная ночь, в которую должна была произойти первая проба сил повстанцев, возглавляемых Падлевским. Из уединенно расположенных имений и фольварков, из крестьянских хат и лесных сторожек, из наскоро сделанных землянок и шалашей повстанцы начали выдвигаться в указанные Падлевским пункты вокруг

Плоцка. В условленный час он дал сигнал к выступлению.

Ночная атака повстанцев на Плоцк потерпела неудачу. Командование царских войск было предупреждено и подготовилось к отражению нападения. Повстанцы были плохо вооружены и не имели боевого опыта, действия их не были достаточно согласованными. Повстанческий военный начальник Плоцкого воеводства Боньча (Блащинский), непосредственно руководивший боевыми действиями, не проявил распорядительности и военных талантов. Повстанцы оказались разбитыми и, преследуемые карателями, вынуждены были перейти к действиям небольшими группами и отрядами.

Неудача обескуражила и рядовых повстанцев и их руководителей. Ряды повстанцев начали таять. «Многие, — писал Падлевский одному из своих знакомых, — разбежались потому, что шляхта их сознательно обманывала и распускала от имени Комитета». Местные помещики, отчасти поддержавшие восстание в первый момент, но сразу же испугавшиеся возможных последствий, уговорили деморализованного Боньчу издать приказ о роспуске некоторых отрядов. Приняв это неразумное решение, Боньча уехал за границу, оставив плоцких повстанцев без руководства. Падлевский немедленно принял на себя должность военного начальника Плоцкого воеводства. Однако интриги помещичьей партии белых не прекратились.

Они уговаривали повстанцев прекратить борьбу, всячески подрывали доверие к тем повстанческим командирам, которые не соглашались на это; вынесли даже предательское решение поймать Падлевского и выдать его властям. Не останавливаясь для достижения своих целей ни перед какой подлостью, они 15(27) января отпечатали фальшивую прокламацию за подписью Падлевского, в которой содержался призыв к немедленному прекращению восстания. «Убегайте! — призывали гнусные предатели. — Сегодня шляхта, может быть, еще поможет вам спрятаться, а завтра назовет вас бродягами и откажет в каком-

либо пристанище». К счастью, помещичья прокламация не получила распространения. Падлевский в тот же день выпустил воззвание, в котором обрекал «на вечное презрение и проклятие нации» таких деятелей партии белых, как К. Зонненберг, К. Уяздовский, братья Яцковские, З. Кельчевский, Ю. Хельмицкий. Часто повстанцы не проявляли нужной последовательности и беспощадности в этой борьбе, а враги восстания пользовались этим.

Все то, что Падлевский видел вокруг себя, убеждало его, что есть только один путь успешного развития восстания: неуклонно проводить назревшие социальные преобразования, чтобы удовлетворить чаяния трудящихся масс и прежде всего крестьянства, широко привлекать их в ряды повстанцев. Факты показывают, что он неуклонно шел по этому пути, хотя не всегда последовательно и умело. Обосновавшись после поражения под Плоцком в деревне Добринке, Падлевский наряду с формированием новых отрядов много внимания уделял установлению повстанческих властей на местах и регламентации их деятельности. В своих инструкциях он требовал, чтобы при занятии населенных пунктов обязательно читался манифест Национального правительства и декрет по крестьянскому вопросу. При этом должны были обязательно присутствовать не только крестьяне, но и помещики. Предписывалось немедленно освобождать крестьян и наделять их землей, закрепляя это письменным актом с подписью обеих заинтересованных сторон. Помещиков, которые откажутся подписать такой акт или иным способом активно выступят против повстанческого законодательства, Падлевский приказывал наказывать смертной казнью. Два такого рода смертных приговора были утверждены Падлевским. Привели в исполнение, правда, только один, но и этого было достаточно, чтобы заслужить горячую благодарность крестьян и лютую ненависть помещиков.

В первые недели восстания после неудачи под Плоцком не было крупных столкновений с царскими войсками, а в мелких стычках и передвижениях от-

рядов Падлевский не брал на себя командование. Исключением была лишь экспедиция к прусской границе для встречи диктатора Мерославского. В качестве представителя Национального правительства встречать пана Людвика приехал Авейде, а вооруженным эскортом было приказано командовать Падлевскому. Это, разумеется, не вызвало его энтузиазма, но приказ он выполнил исправно. Пана Людвика ему, однако, увидеть не удалось, так как тот появился не в условленное время и не там, где его ждали; он принял командование другим встретившим его отрядом, но тут же был разбит и возвратился восвояси. Этого было достаточно, чтобы горе-полководец отказался от дальнейших попыток попасть в Польшу. Трагикомедия с его диктатурой, таким образом, окончилась.

Позже Падлевский принял командование крупнейшим из действующих в Плоцком воеводстве отрядов и начал продвигаться в район Курпёвской пущи, где местное население очень сочувственно относилось к восстанию. Отрядом, насчитывающим до семисот человек, командовал до этого В. Цихорский («Замечек»), имевший прочные связи среди местных помещиков. Оставаясь в отряде, он все время плел интриги против нового командира. Падлевскому было бы очень тяжело вести борьбу и внутри и вне отряда, если бы у него не было верных друзей и единомышленников, таких, как Э. Рольский, принявший пост комиссара воеводства, как комиссар Млавского уезда З. Хондзинский и многие другие. Большую поддержку оказывал Падлевскому из Варшавы Бобровский своими письмами, а также деньгами, снаряжением, типографскими принадлежностями и т. д.

Рейд Падлевского в направлении Курпёвской пущи начался весьма успешно: был занят городок Мышинец, население которого встретило повстанцев с большим энтузиазмом. Однако командование карательных войск быстро осознало опасность ситуации и начало сосредоточивать силы против повстанцев. В километре от окраины Мышинца произошло сражение, в котором восставшие оказали героическое

сопротивление лучше вооруженным и более многочисленным войскам карателей. Падлевский поспевал всюду, где складывалось трудное положение. В белом полушубке и белой конфедератке, он, казалось, летал над полем боя на белом коне, не обращая внимания на огонь противника. В критический момент Падлевский оказался среди косинеров, взял знамя и поднял их в атаку. Это на время остановило карателей и позволило повстанческим силам отступить со сравнительно небольшими потерями.

Какое-то время Падлевскому удавалось избежать решительного столкновения, двигаясь форсированными переходами в западном направлении вдоль прусской границы. Потом (недалеко от Дронджева) пришлось дать один, а через несколько дней вблизи Цеханова еще один кровопролитный бой. Потери были велики, но не они составляли, как оказалось, главную опасность. Замечек, воспользовавшись тем, что повстанцы были утомлены изнурительными маршами и тяжелыми боями, попытался поднять бунт во главе конников — выходцев из имущих сословий. Косинеры и стрелки выступили в поддержку Падлевского, но сохранить отряд было уже невозможно. Замечек добился решения о его роспуске.

Этот удар на какое-то время сломил волю Падлевского. Доведенный до отчаяния усталостью и неудачами, он написал Бобровскому письмо с просьбой принять его отставку и разрешить ему отъезд за границу. Падлевский оставался на посту, а не покинул его немедленно, как делали многие другие. Повстанцы имели свою отлично работающую почту — ответ Бобровского пришел очень скоро. Это был документ огромной впечатляющей силы, в котором автор его раскрыл себя и как человек и как политический деятель. «Только те, кто выдержит до конца, заслуживают уважение людей, — писал Бобровский. — Коли погибнем на своих местах, наше дело приобретет двух чистых людей, которые будут служить примером для других, но оставить свои места, опозорить себя бегством — это... это все равно, что убить себя навсегда, дать себе патент на вековечное

бездействие. Брось эту проклятую мысль отъезда за границу, мысль, которая никогда бы не должна тебя позорить». Хорошо понимая состояние Падлевского, Бобровский приглашал его приехать в Варшаву; он писал, что им нужно набраться сил друг от друга, «ибо тернистый путь борьбы, который мы с тобой избрали, труден».

Письмо вернуло Падлевскому самообладание: он дал себе клятву бороться до конца и быть твердым, что бы с ним ни случилось. Душевный кризис миновал, но он все же решил поехать в Варшаву, чтобы повидать Бобровского, а главное — чтобы как можно полнее уяснить себе обстановку. Однако в тот весенний день, когда Падлевский приехал в Варшаву, Бобровского уже там не было. Сеть грязных интриг, вроде той, которую плели белые вокруг Падлевского, опутала его друга и вовлекла в трагически закончившуюся дуэль.

Падлевского угнетала в Варшаве не только гибель лучшего друга, но и вся обстановка, сложившаяся в руководящих повстанческих кругах после того, как белые, испугавшись политической изоляции, присоединились к восстанию. Казалось, здесь заботились главным образом о распределении постов и о создании видимости вооруженной борьбы с целью привлечь внимание Европы и добиться нажима великих держав на российского императора. Что касается социальных преобразований, то их не собирались продолжать и углублять; хуже того, даже осуществление не во всем последовательных январских декретов мало заботило тогдашний состав Национального правительства. Падлевский мог убедиться в этом хотя бы по тому, что в его присутствии Авейде назначил представителем гражданских повстанческих властей в Плоцкое воеводство доверенное лицо того самого помещика Уяздовского, который был в центре всех интриг против восстания в этом районе.

Все это еще больше убедило Падлевского в том, что продолжать борьбу по-настоящему можно, только опираясь на крестьянство, неуклонно проводя в жизнь социальную программу восстания. Он решил

возвратиться в Плоцкое воеводство, чтобы сделать там все возможное для привлечения в повстанческие отряды крестьян. Обосновавшись в деревне Мыслаковке, близ Цеханова, Падлевский вместе с З. Хондзинским, Ю. Малиновским и еще несколькими единомышленниками начал осуществлять свой план. Его поддерживали некоторые повстанческие командиры, придерживавшиеся левой ориентации (Т. Кольбе, И. Мыстковский). Восстание начало возрождаться в Липновском, Пшаснышском, Млавском уездах. Однако помещики, смертельно возненавидевшие Падлевского, решили избавиться от него во что бы то ни стало. Скоро им представился благоприятный случай.

Создаваемые на месте повстанческие отряды были почти безоружными. Падлевский возлагал большие надежды на конспираторов, действовавших в прусской части Польши: они обещали доставить оружие и прислать повстанцев. Уже несколько раз он был обманут этими обещаниями. Но вот пришло новое известие: хорошо вооруженный отряд перейдет границу 9(21) апреля, если Падлевский встретит его в определенный час в условном месте. Сделать это было нелегко, так как граница тщательно охранялась, а по дорогам все время рыскали казачьи патрули. Но Падлевский решился принять предложение и заблаговременно написал об этом своим прусским корреспондентам. Письмо это, по-видимому, через адъютанта Падлевского, являвшегося одновременно агентом белых, попало в руки царских властей. Бдительность карателей была усилена до предела.

Падле́вский и четыре его спутника выехали из Мыслаковки на двух подводах; они были безоружны. Вскоре они натолкнулись на казачий патруль. Падлевский попытался избежать обыска, дав взятку, однако казак не взял ни сторублевой, ни пятисотрублевой бумажки. Тем временем подоспел офицер. Найдя в повозке документы повстанческого правительства и белую конфедератку, которую Падлевский собирался надеть при встрече с повстанческим отрядом, патруль задержал путников и препроводил их в Липно. Там Падлевского опознали — последняя надежда рухнула.

В Плоцке, куда был доставлен вскоре Падлевский, его предали военно-полевому суду. Он держался спокойно, хотя ему было ясно, что смертный приговор неизбежен. В суде ему был сделан единственный допрос. Ответы на семнадцать предложенных вопросов Падлевский написал собственноручно, по-русски, твердым уверенным почерком. Его спрашивали о составе и местонахождении повстанческого правительства, о его соратниках в Плоцком воеводстве, о способах связи с Варшавой и с Пруссией и о многом другом. Он лаконично ответил на некоторые вопросы, касающиеся его самого (там, где запираться не имело смысла). Обо всем остальном он сообщил лишь то, что никак не могло повредить ни людям, ни делу. Поскольку надежды на получение ценных сведений от подсудимого военно-судная комиссия не имела, формальности не затянулись: смертный приговор был вынесен в тот же день.

С момента вынесения приговора до его утверждения в Варшаве прошло более трех недель. Офицеры и солдаты, охранявшие Падлевского, относились к нему очень хорошо: давали ему книги, передавали письма жившей в Плоцке родственнице, позволяли видеться с ней. Предсмертные письма Падлевского сохранились: в них нет и тени страха перед смертью, они поражают глубиной чувств, ясностью мышления, величайшей самоотверженностью и бесконечной убежденностью в правоте своего дела. Одно из писем является, по существу, политическим завещанием. Падлевский начинает его с подробного описания обстоятельств своего ареста, заботясь, чтобы никто не заподозрил его в добровольной сдаче в плен. Затем он просит назначить на его место кого-либо очень энергичного, так как Плоцкое воеводство должно иметь в восстании большое значение. Наконец, он дает ряд советов, относящихся к ходу восстания на других территориях. Все это спокойно, ясно, просто, без единой фальшивой ноты, без малейшей попытки вызвать жалость к собственной персоне или выдвинуть ее на первый план. 3(15) мая, когда приговор был утвержден, Падлевский написал прощальное

письмо родным. И здесь он остался тем же чистым, благородным, мужественным человеком, замечательным революционером. Через два часа он был расстрелян на окраине Плоцка за плонскими рогатками, то есть у заставы на дороге, ведущей к Варшаве.

В ближайшем после казни номере «Колокола» была опубликована очень короткая, но выразительная заметка Герцена. В ней говорилось:

«Мая 15 Сигизмунд Падлевский расстрелян царскими солдатами в Плоцке. Еще благородная, еще юная жертва со стороны Польши, еще преступленье с нашей стороны.

Давно ли он был в нашей среде в числе тех шести, о которых мы говорили, полный надежд, полный отваги...»

В народных преданиях и песнях Падлевский до сих пор живет как победитель в битве под Мышинцем, как повстанческий вождь, боровшийся вместе с народом и для народа. Один из польских поэтов — современников героя писал, что поляки сохранят память о Падлевском навечно, до тех пор, пока в Мазовше будут пески, а на Украине — степи.

Стефан БОБРОВСКИЙ

В четырех предшествующих очерках речь шла о людях, которые были единомышленниками и сподвижниками Бобровского, а один из них, Падлевский, и самым близким его другом. Но с Бобровским на страницы нашей книги на смену кадровым офицерам, чей опыт и образование определяли их способность возглавить вооруженную борьбу против ненавистного самодержавия, вступает абсолютно «штатский», как тогда говорилось, человек, сам без колебаний признававший свою полную некомпетентность в военных вопросах. Все герои этой книги были людьми молодыми, некоторые еще просто юными, но Стефану Бобровскому в момент его гибели было всего 23 года. Не удивительно ли, что мы ставим этого юнца-студента в один ряд с выдающимися руководителями восстания 1863 года?

Это удивительно, но в то же время и бесспорно справедливо. В восстании 1863 года было время, когда на плечи Стефана Бобровского легли почти все обязанности по руководству восстанием в целом. Многое в истории восстания становится ясным, когда знакомишься с этим связанным с именем Стефана Бобровского этапом движения и с обстоятельствами его гибели.

* * *

Младший сын Юзефа и Теофили Бобровских Стефан родился 17 января 1840 года в деревне Терехово Липовецкого уезда Киевской губернии. Уже десяти

лет от роду мальчик остался сиротой. Главой семьи и воспитателем Стефана стал старший брат Тадеуш, только что окончивший юридический факультет Петербургского университета. Бобровским принадлежало небольшое имение, но Тадеушу необходимо было материально поддерживать братьев-офицеров Станислава, а затем Казимежа, сестру Эвелину, вышедшую вскоре замуж за поэта и драматурга Аполло Коженёвского. Таким образом, выкроить средства для образования Стефана было нелегко. Но замечательные способности мальчика убеждали старшего брата, что связанные с учением Стефана материальные трудности оправданы. После недолгого пребывания в Немировской гимназии Стефан оказался в частном петербургском пансионате Эмме. Юноша вскоре перестал быть бременем для семьи, так как владелец пансионата согласился уменьшить вдвое плату, взимавшуюся за его пребывание в пансионате (вместо 1200 рублей 600), поручив Стефану преподавание в младших классах истории, бывшей с детских лет его любимым предметом. Шестнадцати лет Стефан Бобровский стал уже студентом Петербургского университета.

Тадеуш Бобровский, когда-то однокашник Зыгмунта Сераковского и по Житомирской гимназии и по университету, стоял в стороне от общественного движения, за ним закрепилась даже репутация консерватора. Однако вряд ли атмосфера дома Бобровских была столь уж консервативной: Казимеж стал участником петербургских офицерских кружков, был на заметке у жандармерии, а затем принял участие в восстании; Эвелина связала свою судьбу с писателем-демократом, в 1861 году активным руководителем варшавского подполья, одним из основателей городского комитета красных. Последовавший вскоре арест и ссылка в Вологду лишили Аполло Коженёвского возможности участвовать в подготовке восстания и повстанческой борьбе, но не изменили убеждений Коженёвских. И это не отразилось на их отношениях с Тадеушем, которому вскоре вновь пришлось заняться воспитанием сироты, на этот раз племянника Конрада Коженёвского, ставшего впоследствии

знаменитым писателем под именем Джозеф Конрад.

Нам трудно судить, в какой мере Стефан Бобровский был обязан своим духовным формированием родному дому, а в какой петербургскому окружению. Мы знаем уже, насколько значителен был подъем общественной жизни в столице России в годы учения Стефана Бобровского. Через товарищей-студентов, а скорее всего через брата Казимежа он познакомился с будущими руководящими деятелями восстания 1863 года, вошел в круг организации, руководимой Сераковским и Домбровским. Здесь, в Петербурге, он подружился со своим земляком, почти соседом по Украине, Зыгмунтом Падлевским.

Руководители организации, очевидно, высоко оценивали идеологическую зрелость и способности юного студента. Это вытекает из ответственного поручения, данного в 1860 году Бобровскому. Весной он посетил по заданию организации Киев, а летом того же года, не завершив образования, совсем перебрался туда и жил на полулегальном и нелегальном положении до февраля 1862 года, когда ему пришлось спешно покинуть и город и вообще пределы Российской империи при весьма примечательных обстоятельствах.

Направление Бобровского в Киев было связано со стремлением в условиях нарастающего революционного подъема организационно консолидировать силы будущего освободительного восстания.

Киев с его университетом святого Владимира был в эти годы важным центром общественной жизни. Как раз во время приезда Бобровского развертывался второй этап следствия по делу так называемого Харьковско-Киевского тайного общества, студенческой демократической организации, возникшей еще в 1856 году и являвшейся одной из предшественниц «Земли и Воли». Почти столь же давней была и тайная патриотическая организация студентов-поляков, носившая название «Тройницкий союз» (наиболее часто объяснение этого названия от трех земель — Волыни, Подолии и Киевщины).

В Киеве и, в частности, в многонациональной среде киевского студенчества живо обсуждались цент-

ральные проблемы общероссийского общественного движения. Но здесь были свои специфические, политически весьма острые проблемы.

Основной вопрос эпохи — ликвидация феодального строя и крепостничества — имел на Правобережной Украине особую национальную окраску. Наследием длительного пребывания под властью шляхетской Речи Посполитой было то, что украинское крестьянство испытывало здесь гнет прежде всего польских помещиков. Владельцами гигантских латифундий на Правобережье были польские магнаты. Но польское население здесь отнюдь не сводилось к небольшой численно группе помещиков. На Правобережье жило почти полмиллиона поляков, что составляло почти десять процентов всего населения края. В значительной массе это были однодворцы, главным образом из «выписанных», исключенных из дворянского сословия шляхтичей, помещичьи служащие, интеллигенция, ремесленники. В этой среде демократические и национально-освободительные идеи находили широкий отклик.

В этих условиях идеологическая борьба в польском обществе на Украине была и чрезвычайно сложной и очень острой. Помещики и близкие к ним, находящиеся под их влиянием общественные круги были решительно враждебны социальным переменам, враждебны революции. Правобережную Украину они рассматривали как свое «историческое достояние». Перед лицом подымающегося польского национально-освободительного движения они примыкали к партии белых. Они были, пожалуй, согласны с восстановлением Польши, но такой Польши, которая бы еще более укрепила их господство на Украине. Можно сказать, что белые с Украины составляли в этой партии крайнее, наиболее реакционное, наиболее националистическое крыло.

В то же время демократические слои польского общества на Украине, в социальном отношении близкие массам украинского народа, связанные с ними всеми условиями повседневной жизни, жаждали социальных и демократических перемен и в этом их

устремления были близки надеждам и чаяниям украинского крестьянства. Стремясь к возрождению независимой Польши, они не закрывали глаза на то, что в границах старой Речи Посполитой жили не только поляки. Они верили в то, что новая Польша предоставит демократические права и удовлетворит национальные потребности всех своих граждан. Как решить эти вопросы, они в подавляющем большинстве не знали, на первом плане, понятно, у них оставались собственные национально-освободительные чаяния, и лишь немногие из них в эти годы подымались до понимания права украинцев, белорусов, литовцев на совершенно самостоятельное от Польши государственное существование. При всем том не случайно, что наиболее последовательные революционные демократы в партии красных, в наибольшей мере освободившиеся от традиционных, приобретавших характер национализма взглядов на межнациональные отношения, были выходцами с бывших восточных «окраин» Речи Посполитой и прежде всего с Украины.

Одним из характерных для этих лет явлением, в частности в студенческой среде, была программа слияния с украинским народом, выдвинутая группой выходцев из польских и полонизированных дворянских семей (ее руководителями были Владимир Антонович и братья Рыльские). Демократическое по своим настроениям течение «хлопоманов», как их называли противники, внесло полезный вклад в развитие украинской культуры, но политически оказалось на ложном пути, заняв в дни восстания 1863 года позицию, враждебную польскому освободительному движению.

В этой сложной обстановке Стефан Бобровский, вошедший в руководство «Тройницкого союза», должен был искать ответа на вопросы, которого не давали еще ни его личный скромный революционный опыт, ни вообще практика возглавляемой им организации. Участие Бобровского в студенческом движении, ознаменованном в Киеве в 1861 году рядом бурных демонстраций, составляет важную часть его деятельности. Но, пожалуй, существеннее и важнее был

отразивший формирование его революционной идеологии эпизод с созданием подпольной литографии.

Эта литография, которую обслуживал специально для этого вызванный из Царства Польского квалифицированный литограф Густав Гофман, была организована . в Киево-Печерской лавре. Здесь, в цитадели верноподданнического православия, власти, разумеется, менее всего могли предполагать существование центра антиправительственной пропаганды. Под прикрытием официальной лаврской типографии, издававшей различные богослужебные и душеспасительные тексты, тайная литография, учрежденная лаврским литографом поляком Юлианом Залеским и принятым в качестве подмастерья Гофманом, могла бы существовать, вероятно, долго, если бы не донос предателя.

Все учреждение литографии и обеспечение необходимого для нее оборудования было делом Бобровского, который в этих целях осенью 1861 года, насколько можно судить, впервые в своей жизни посетил Варшаву. Разумеется, и пребывание в бурлящей Варшаве и встреча с зятем и его сотоварищами составили важную веху в жизни Бобровского.

Для чего же нужна была Стефану Бобровскому литография? Когда 2 февраля 1862 года полиция ворвалась в лаврскую типографию, она обнаружила там в отпечатанном или подготовленном к печати виде комплект трех номеров листовки «Великорус» и часть первого номера газеты «Возрождение» на польском языке, датированной 15 января 1862 г.

Уже сам выбор «Великоруса» в качестве первого объекта для широкой пропаганды весьма знаменателен. Вышедшие из среды русской революционной демократии листки «Великоруса» имели целью организацию массовой оппозиционной кампании. Несмотря на известную сдержанность программных требований, диктуемую обращением к широким общественным кругам, «Великорус» со всей определенностью ставил вопрос о неудовлетворительности крестьянской реформы 1861 года и о необходимости передать крестьянам всю находившуюся в их пользовании перед

реформой землю безо всякого выкупа. Перепечатывая эти листки, солидаризируясь с ними, Бобровский бил в чувствительнейшее место белых на Украине, выдвигал на первый план важнейший социальный вопрос. «Великорус» решительно высказывался за независимость Польши, но он ставил определенно вопрос и о праве на национальное самоопределение украинцев («южнорусов»). Пропаганда этого требования главой польской нелегальной организации, распространение его *в Киеве* имели первостепенное политическое значение.

Об этом говорит и сохранившийся фрагмент газеты «Возрождение». В передовой статье Бобровский доказывает необходимость издания независимого бесцензурного органа для польского населения Правобережной Украины. Статья эта не формулирует политической программы, однако и в ней мы встречаем важную декларацию: «Мы хотим полного соединения с Надвисльем [то есть с Польшей], но соединения добровольного. Нашим лозунгом в этом щекотливом вопросе будут слова варшавских ремесленников: какой народ хочет быть с ним, пускай будет, а какой не хочет, пускай остается свободным». Эта формулировка, предвосхищавшая соответствующее положение письма Центрального национального комитета издателям «Колокола», отвечала задачам единства действий польских революционеров с революционерами русскими и украинскими в общей борьбе против царского самодержавия.

Царским властям скоро стала известна роль Бобровского в организации тайной литографии Начались розыски «преступника». Тут произошел комический эпизод К находившемуся в Киеве Тадеушу Бобровскому явился двоюродный брат Александр Бобровский и рассказал о том, что его неожиданно арестовали и доставили к киевскому полицмейстеру. Но выслушав доклад о задержании студента Бобровского, полицмейстер только махнул рукой и тотчас освободил Александра со словами: «Это не тот, того я хорошо знаю!» Было ясно, что полиция разыскивает Стефана. Тадеуш Бобровский сам не знал, где скры-

вается брат. Его поиски также продолжались несколько дней, но все же оказались успешнее полицейских. Найдя Стефана у студента украинца Свейковского, Тадеуш Бобровский настоял на том, чтобы брат немедля отправился за границу.

Вместе с Бобровским бежал с Украины девятнадцатилетний студент Киевского университета Александр Крыловский. Русский, а скорее украинец по национальности, Крыловский был активным участником антиправительственных манифестаций, организованных польской молодежью в Киеве и Житомире, за что был осужден к сдаче в солдаты и содержался под стражей в Житомире, но в ночь с 8 на 9 января 1862 года бежал. Скажем несколько слов о дальнейшей судьбе этого интересного человека. Благополучно перебравшись вместе с Бобровским через границу, Крыловский направился в польскую военную школу в Италии. Он принял участие в восстании в отряде Антония Езёранского, был ранен, находился в австрийском лагере для интернированных повстанцев, откуда также бежал. В 1868 году жандармерия была встревожена сведениями о революционной пропаганде, которую вел Крыловский среди русских раскольников, живших в Турции, и слухами о его намерении нелегально вернуться в Россию. По всем губерниям были разосланы предписания о задержании Крыловского. Но слух этот не подтвердился: в 1870—1871 годах Крыловский в качестве волонтера участвовал в обороне Французской республики. На родину Крыловский возвратился в 1875 году и был поселен с отдачей под полицейский надзор в Калужской губернии.

По дорогам, раскисшим от весенней распутицы, пробирались Бобровский и Крыловский к молдавской границе. На Днестре их задержал ледоход. Беглецы находились в имении, которым управлял Щенсный Милковский, брат Зыгмунта, о котором нам предстоит еще говорить. Неожиданно в имение пожаловал становой пристав. Хозяин, представив своих гостей приставу под какими-то вымышленными именами, принялся угощать представителя власти. Тот жаловался на судьбу и службу. «Вот и теперь ищу ветра

в поле — какого-то студента, сбежавшего из Киева... Он, уж наверное, в тридесятом государстве, а я скачи, заранее зная, что напрасно, да приказано!»

Весной 1862 года Бобровский приехал в Париж и сразу же стал одним из деятельных членов Общества польской молодежи. Он быстро освободился от распространенных среди польских патриотов иллюзий в отношении политического облика и талантов Мерославского и вместе с Падлевским, с которым он теперь особенно сблизился, решительно выступал против «генерала Людвика». Не удивительно, что самовлюбленный Мерославский отвечал Падлевскому и Бобровскому лютой ненавистью. Особенно до патологического бешенства доходила злость генерала против Бобровского, и это диктовалось уже не только личными, но и политическими причинами. В Бобровском Мерославский видел решительного сторонника столь ненавистной Мерославскому программы союза с русскими революционерами и главного пропагандиста прав на самоопределение украинцев и других, по мнению Мерославского, «выдуманных» народностей.

В идейно-политической борьбе с Мерославским крупным успехом стало решение Комитета демократической эмиграции, в состав которого входил Бобровский, признать верховным руководящим органом движения варшавский Центральный национальный комитет.

В течение 1862 года Бобровский выполняет ряд ответственных поручений Центрального национального комитета по подготовке восстания. Он нелегально побывал на Украине, где при его участии был учрежден подчиненный Центральному национальному комитету Провинциальный комитет на Руси (обычное в то время польское название Правобережной Украины). Бобровский совершает поездки в Галицию, Молдавию. Здесь Бобровский встретился с полковником Зыгмунтом Милковским. Заслуженный деятель польского освободительного движения, участник венгерской революции 1849 года, член Централизации Польского демократического общества, Милковский был уже в это время известным писателем (его литера-

турный псевдоним — Теодор Томаш Еж). Хороший наблюдатель, мастер красочной характеристики, Милковский-Еж оставил в своих воспоминаниях яркий портрет Стефана Бобровского.

Первое, что бросается в глаза при чтении этих с юмором написанных страниц, это внешний, несколько комический облик Бобровского: «рассеянный, взъерошенный, неспособный без помощи сильнейших очков различить предмет в двух шагах от себя», Бобровский по рассеянности выпивал один за другим несметное количество стаканов кофе и чаю, которые подставляла ему во время беседы молоденькая смешливая жена Милковского.

«Выпьет кофе, а жена моя спрашивает:

— Не угодно ли чаю?

— Охотно.

После чая:

— Не угодно ли кофе?

— Охотно».

Но эти забавные мелочи не заслонили от Милковского того, что перед ним был человек «быстрой и глубокой ориентации, уверенный и смелый в принятии решений, он обладал всеми достоинствами, характерными для того рода людей, из которых формируются государственные деятели». Будучи вдвое старше, чем Бобровский, автор говорит о нем с почтительным уважением: «Я предвидел, скорее предчувствовал в этом невзрачном, тщедушном, невысокого роста юноше способности к выдающейся деятельности. Сколько их прошло перед моими глазами, но ни один не произвел на меня такого впечатления, как он». И Милковский заключает: «Его преждевременная гибель — это, по моему мнению, национальная утрата».

Еще ранее встреча с Бобровским оставила большое впечатление у сына Адама Мицкевича Владислава. В 1861 году он впервые приехал на родину и совершил поездку по местам, связанным с памятью своего великого отца. «Моим главным проводником по Киеву, — вспоминал Владислав Мицкевич, — был Стефан Бобровский, один из самых симпатичных и самых талантливых членов той группы, которая трудилась над подготовкой восстания в Польше. Он приходил ко мне с утра, и до вечера мы не расставались. Это был очень молодой человек, полный энергии и не по возрасту зрелый».

Те качества, о которых говорят современники, — острый и зрелый ум Бобровского, его преданность делу революции и революционная энергия, его способность убеждать собеседников и заражать их своей верой, — сыграли большую роль в решающий момент подготовки восстания.

Бобровский приехал в Варшаву в день нового 1863 года (по н. ст.). Всего двумя днями раньше был сформирован новый, после ареста Бронислава Шварце, состав Центрального национального комитета. В комитете царили неуверенность и смятение. Состоявшиеся незадолго до этого встречи с крупнейшими военными специалистами повстанческой организации — Сераковским, Милковским, руководителем Провинциального комитета на Руси полковником Эдмундом Ружицким убедили членов комитета в неподготовленности восстания, в невозможности начинать его ранее чем в мае. В этом духе уже были даны заверения и инструкции провинциальным комитетам в Литве и Белоруссии, на Украине. Но, с другой стороны, те же военные специалисты весьма критически отнеслись к плану «дислокации» рекрутов. А рядовые члены подпольной организации через съехавшихся в Варшаву воеводских комиссаров настаивали на том, чтобы восставать немедленно, еще до начала бранки.

Ко всему этому добавлялось катастрофическое положение с вооружением повстанцев. Арест в Париже посланного для закупки оружия Годлевского лишил комитет надежды на улучшение ситуации до надвигавшегося рекрутского набора.

На заседание Центрального национального комитета, созванное 22 декабря 1862 года (3 января 1863 года), был приглашен Бобровский. Лишь накануне он был ознакомлен с положением дел. Когда Бобровский закончил свою продолжавшуюся более часа речь, ко-

митет провел голосование по вопросу, начинать ли восстание в дни рекрутского набора, и четырьмя голосами против одного (Гиллера) принял решение — *начинать!*

Что же сообщил Бобровский членам комитета, что положило предел уже давним колебаниям и заставило проголосовать за восстание новый состав комитета, который был подобран Авейде, по его собственному признанию, в расчете на то, что против одного левого Падлевского в комитете будет блок четырех умеренных? Единственным обнадеживающим известием было то, что дело с закупкой оружия можно было поправить, хотя и не в ближайшие дни. С другой стороны, Бобровский лояльно информировал комитет, что подавляющее большинство эмиграции высказывается за отсрочку восстания.

Речь Бобровского (ее содержание известно нам по записи, сделанной год спустя секретарем Центрального национального комитета Юзефом Каетаном Яновским) произвела сильнейшее впечатление на членов комитета потому, что в ней с неопровержимой логической силой было выдвинуто на первый план *политическое* содержание вопроса, до сих пор затушевывавшееся, заслонявшееся техническими деталями. Вопрос был не в том, начинать ли восстание в январе или в более позднее время. Обстоятельства складывались так, что отказ от восстания в момент рекрутского набора был равнозначен отказу от него *вообще*. Не только находившиеся под угрозой бранки члены организации, но весь народ, и сторонники и противники восстания, ждал, что оно вспыхнет в ответ на рекрутский набор. Не начать восстание теперь означало потерять не только конспираторов, превращенных в солдат царской армии, но и доверие и поддержку миллионов патриотов, скомпрометировать знамя освободительного движения, лишить это движение перспектив. Да, положение очень трудное, но разве сила восстания измеряется лишь силой конспиративной организации? Поднять знамя восстания — это означает провозгласить ликвидацию феодального гнета, наделение крестьян землей, свободу и равенство для всех независимо от

национальности и вероисповедания и этим поднять на борьбу могучие народные силы. Борьба будет трудной, и нет гарантии, что она окончится победой, но даже поражение в такой борьбе не будет бесплодным для дела национального освобождения. Не выбор между январем и маем, а выбор между революционной борьбой и капитуляцией, отречением от этой борьбы — таков был, по мнению Бобровского, вопрос, стоявший перед Центральным национальным комитетом.

Из всех членов комитета, вероятно, единственным, кто отдавал себе до этого отчет в перспективе, с такой резкостью нарисованной Бобровским, был Гиллер и именно он выступал наиболее решительно против начала восстания. Он уже один раз сорвал план восстания, предложенный Ярославом Домбровским. Тогда речь шла о том, чтобы начать бой в момент, выбранный революционерами. Теперь уже приходилось решать, принять ли бой в момент, избранный противником. Бобровский раскрыл перед членами комитета, к чему вела тактика, принятая Гиллером — сознательно или инстинктивно в страхе перед социальной революцией (но это уже иной вопрос). И победа осталась на стороне Бобровского. Голосовавший против решения комитета Гиллер сложил свой мандат. По единодушному мнению на его место в состав комитета был введен Стефан Бобровский.

Мы не будем повторять уже знакомые читателю подробности стремительного развития событий накануне восстания. Бобровский принимал самое живое участие в обсуждении планов действий, заражая своей энергией товарищей. Из выдвинутых им самим проектов стоит упомянуть один, отвергнутый комитетом. Бобровский предложил начать восстание с захвата в качестве заложника царского наместника великого князя Константина Николаевича. Не было бы нужды задерживаться на этом рискованном и не получившем развития плане, если бы не одна его важная черта: в его основе лежала мысль о начале действий в самой столице силами наиболее крупной и наиболее демократической по своему составу повстанческой организации. Не разбросанные по лесам

и болотам всей страны маленькие отряды, руководимые шляхтой, а мощный кулак рабоче-ремесленной организации Варшавы являлся в глазах Бобровского важнейшей повстанческой силой.

После отправления Падлевского к отрядам Бобровский сменил его на посту начальника Варшавы. Несколько дней спустя — это было 10(22) января, в день начала восстания, Варшаву покинули члены вновь образованного Временного Национального правительства, которое должно было объявить о своем существовании в захваченном повстанцами Плоцке. До этого момента (предполагалось, что речь идет о считанных днях) руководство восстанием было поручено Бобровскому, которому были вручены печати Центрального национального комитета.

Но все сложилось совсем иным образом. Плоцк повстанцам взять не удалось. Временное правительство не только не заявило о себе, но вскоре рассыпалось, его члены оказались в разных концах Польши и вновь собрались в Варшаве лишь месяц спустя. Все руководство восстанием фактически сосредоточилось в руках начальника Варшавы. А этим начальником был малознакомый с Варшавой и еще неизвестный большинству членов варшавской организации близорукий и чудаковатый юноша. Казалось бы, трудно придумать ситуацию, более гибельную для восстания, и без того начавшегося при отчаянных обстоятельствах.

Обязанности, легшие на плечи Стефана Бобровского, были огромны, ответственность необычайно велика, трудности непомерны. И в этих условиях Бобровский показал себя человеком выдающихся организаторских способностей, хладнокровным и решительным руководителем, а также и трезвым политиком, которому масса неотложных текущих дел не заслоняет первостепенных ключевых проблем движения. Среди руководящих деятелей повстанческой организации разве только томящийся в цитадели Ярослав Домбровский мог в такой же мере соответствовать кругу задач, ставших перед Бобровским, и разве только к нему относились с таким же доверием и с такой же привязанностью члены варшавской повстанческой организации.

Этот авторитет новый начальник города Варшавы, действовавший под псевдонимом «Грабовский», еще совсем недавно вовсе неизвестный своим подчиненным, завоевал своей энергичной и целенаправленной деятельностью. Начало восстания потребовало от варшавской организации, значительно ослабленной уходом сотен ее членов в повстанческие отряды, громадных усилий по обеспечению отрядов. Нужно было оружие — и оно закупалось за рубежом, изготовлялось в самой Варшаве. Нужна была медицинская помощь — и была создана специальная комиссия, рассылавшая врачей в отряды, организовывавшая тайные госпитали. Нужна была связь — и была налажена бесперебойная тайная повстанческая почта и сотни курьеров, чаще всего женщин, разыскивали в глухих лесах отряды, чтобы вручить начальникам приказ с печатью повстанческого командования. Нужны были деньги — и сборщики обходили дом за домом, собирая установленный Центральным национальным комитетом национальный налог. Роль столицы — Варшавы — в восстании была чрезвычайно велика, и эту роль Варшава играла благодаря патриотизму своего трудового люда и самоотверженности членов конспиративной организации, руководимой повстанческим начальником города.

Вся эта кипучая деятельность происходила в оккупированном царскими войсками городе, можно сказать, прямо на глазах у царского наместника, генералов, жандармерии. Но не случайно один из близких сотрудников Бобровского писал о нем: «Казалось, он был создан конспиратором. Деятельный, стойкий, неутомимый, полный инициативы, отважный, он был словно в своей стихии». Именно Бобровский заложил основы той организации «подземной Польши», которая оставалась неуловимой для карателей почти до последних дней восстания.

Как известно, в момент первого выступления повстанцам почти нигде не удалось достичь успеха. Не только провоцировавший восстание Велёпольский,

сторонник прямого союза с царизмом, но и находившиеся в оппозиции к царизму противники восстания белые были убеждены в том, что оно будет подавлено в течение нескольких дней. Консервативная краковская газета «Час», нелегальным варшавским корреспондентом которой был, между прочим, Гиллер, решительно заявляла, что в Королевстве Польском нет никакого национального восстания, а происходит лишь отчаянное сопротивление рекрутов варварскому набору. Белые издали воззвание, призывающее прекратить бесперспективное восстание. Они делали попытки уговорами и даже подкупом склонить некоторых повстанческих командиров к прекращению борьбы.

А между тем неудачно начатое восстание не угасало, а даже набирало силы. Этому отчасти способствовали непродуманные меры царского командования, которое, опасаясь за судьбу небольших гарнизонов, отдало приказ о концентрации сил. В результате царские войска сосредоточились в нескольких десятках губернских и уездных городов, очистив значительные части территории, где происходило беспрепятственное формирование и передвижение повстанцев.

За промахами оперативными последовали промахи дипломатические. Растерянностью царя поспешила воспользоваться Пруссия, предложившая заключить конвенцию о совместной борьбе с повстанцами. Несмотря на предостережения министра иностранных дел Горчакова, понимавшего, что заключение договора с Пруссией лишь осложнит международное положение России, Александр II охотно принял «великодушное» предложение своего дядюшки — прусского короля. 27 января (8 февраля) в Петербурге была подписана конвенция, вошедшая в историю по имени прусского уполномоченного генерала Альвенслебена, а уже спустя несколько дней прусский канцлер Бисмарк «неосторожно» проболтался об этом, создав к тому же недомолвками впечатление, будто речь идет о широком русско-прусском союзе. Теперь польское восстание становилось фактором международного значения. Русско-прусское сближение вызвало недовольство Наполеона III, усердно разжигаемое Англией, стремившейся к ухудшению отношений между Францией и Россией. На горизонте, казалось, замаячила тень новой антирусской коалиции Франции и Англии, а может быть, и Австрии. Это уже было гораздо более по вкусу белым. Из уст в уста передавалась весть, будто на каком-то приеме в Тюильрийском дворце сам император Наполеон сказал князю Чарторыскому одно, но столь многозначительное слово: «Durez!» («Держитесь!»)

Правительства Франции, Англии, а тем более участницы раздела Польши — габсбургской Австрии не были заинтересованы в восстановлении независимой Польши и отнюдь не собирались идти ради этого на войну с царской Россией. Но использовать ее затруднения для дипломатического нажима, завоевывая при этом дешевой ценой популярность в общественном мнении своих народов, полных сочувствия борющейся Польше, — это их вполне устраивало. Этой циничной игры западных правительств не раскусили многие поляки; в течение нескольких месяцев серьезно побаивалось и царское правительство, у которого свежи были воспоминания Крымской войны.

Надежда на помощь западных заступников сыграла немалую роль в изменении позиции белых в отношении восстания. Но еще большее значение имел сам факт усиления восстания и боязнь того, что оно приобретет характер социальной революции. Белые начали прощупывать почву для присоединения к восстанию. Они, по собственному их свидетельству, руководствовались «наполеоновским принципом»: «чтоб овладеть движением, надо стать во главе его». Руководящий орган белых в Королевстве Польском — Дирекция выдвинула проект создания коалиционного повстанческого правительства из представителей Центрального национального комитета и Дирекции на паритетных началах.

Но позиция Дирекции определялась не только своекорыстными расчетами лидеров белых. Те па-

триотически настроенные представители шляхты и интеллигенции, которые до сих пор шли за Дирекцией, были удивлены и возмущены ее отношением к восстанию. Они требовали присоединения к восстанию, роспуска самостоятельной организации белых и, не дожидаясь общего решения, сами включались в повстанческую деятельность. Дирекция все более лишалась опоры. Завязанные по ее инициативе переговоры о создании «общенационального фронта» были попыткой спастись от полного политического краха и компрометации.

После отъезда Временного Национального правительства из Варшавы Бобровский стал руководителем вновь созданного органа — Исполнительной комиссии. Состав ее менялся, но в основном в нее входили представители умеренных во главе с Гиллером. Не сумев воспрепятствовать началу восстания, они пытались теперь, вновь войдя в состав руководства, воздействовать на его политику. Но численное превосходство умеренных в Исполнительной комиссии, а затем и в воссозданном в 20-х числах февраля Временном Национальном правительстве не отражало действительного соотношения сил. За находившимся в меньшинстве Бобровским стояла реальная и надежная сила — демократическая и по составу и по духу организация Варшавы. Идти на прямой конфликт с Бобровским Гиллер и его присные не решались. В результате и в восстановленном Временном Национальном правительстве, несмотря на формальное равенство всех его членов, Бобровский сохранял реальные права главы, «премьер-министра».

Но на первый взгляд для возникновения конфликтов в новом повстанческом руководстве и не было причин. По единодушному решению были приняты меры для прекращения затянувшейся интермедии — диктатуры Мерославского.

Сначала диктатор не спешил на поле боя. Когда дальнейшие отсрочки стали уже невозможны, Мерославский прибыл в северо-западную часть Королевства Польского, принял на себя командование над самым крупным в этом районе повстанческим отрядом и одно за другим — 7(19) и 9(21) февраля — потерпел два тяжелых поражения в боях под Кшивосондзем и Новой Весью. Отряд был разбит, диктатор скрылся за границу и никаких вестей о себе не давал. Нечего говорить о том, что никакого общего военного руководства (а ведь в этом и был смысл его назначения на пост диктатора) Мерославский восстанию не дал.

В отрицательном отношении к Мерославскому были едины оба политических полюса Временного Национального правительства. Разница заключалась в том, что для Гиллера Мерославский был неприемлем потому, что с его именем шляхта безосновательно связывала свой страх перед социальной революцией, и отстранение Мерославского от диктатуры было необходимым условием достижения соглашения с белыми. Бобровский же знал истинную цену «демократизму» Мерославского, считал его честолюбивым демагогом и пустозвоном, вредным для движения в политическом отношении и бесполезным в военном.

Правительство приняло решение, что если до 24 февраля (8 марта) Мерославский не появится вновь на поле боя, считать декрет о его диктатуре аннулированным.

То, что присоединение белых к восстанию было по душе политически близким им умеренным, вполне понятно. Но неожиданным кажется положительное отношение к этому Бобровского, который вступил в переговоры с Дирекцией.

Бобровский не мог не приветствовать ликвидацию самостоятельной партии белых и ее до сих пор противодействовавшего восстанию политического центра. Он видел несомненные плюсы в возможности привлечь для нужд восстания значительные материальные ресурсы белых. Но он понимал, какую опасность таит в себе для политической линии восстания присоединение этих новых «союзников», и занял в переговорах с Дирекцией твердую позицию, добиваясь, по существу, ее полной капитуляции.

В своем письме Падлевскому в ночь с 22 на 23 февраля (с 6 на 7 марта) он, сообщая о том, что

придется «торговаться» с Дирекцией, и раскрывая причины изменения ее позиции, делал вывод: «Конечно, нужно принять эту помощь; отталкивать нельзя и глупо; только следует вести себя осторожно, потому что по мере их содействия будут увеличиваться также и требования их».

Допустить белых в состав фронта сил, объединившихся для борьбы за независимость, но не дать им возможности овладеть руководством движения, сохранить выработанный политический и социальный курс — такова была намеченная Стефаном Бобровским стратегическая линия.

Была ли она правильна? Несомненно, что блок с белыми осложнял задачу развертывания широкого массового движения и дальнейшей демократизации восстания, но в сложных условиях повстанческой борьбы 1863 года, развертывавшейся под знаменем национальной независимости, он был неизбежен и необходим. Его серьезные минусы могли в значительной мере нейтрализовываться в условиях, когда руководящую роль в этом блоке играли революционные демократы. Так оценивал, в частности, эту проблему Энгельс, когда по поводу диктатуры Лянгевича, о которой нам предстоит далее говорить, писал Марксу 8 апреля 1863 года (н. ст.): «*Какая* партия первой нарушила соглашение о союзе, абсолютно необходимом для успеха восстания, трудно установить».

Избранная Бобровским линия была правильна, но реализовывать ее было необычайно трудно. Трудно было избежать и серьезных ошибок, о чем свидетельствуют события, происшедшие в это время в Литве и Белоруссии. Не разобравшись в причинах и смысле предшествующих разногласий между Литовским провинциальным комитетом и Центральным национальным комитетом и положившись на мнение комиссара ЦНК в Литве Нестора Дюлёрана, тайно «спевшегося» с литовскими белыми, Бобровский санкционировал реорганизацию повстанческого руководства в Литве и Белоруссии, что привело к захвату его белыми. Сколь отрицательны были последствия этого

происшедшего в конце февраля переворота, говорится в других разделах нашей книги.

Но в переговорах с Дирекцией, в обсуждении вопроса о взаимоотношениях с белыми на заседаниях Временного Национального правительства Бобровский был тверд и последователен. И тогда его политические противники предприняли обходный маневр.

Созванное в Кракове тайное совещание, на котором были представлены в основном галицийские и познанские белые, приняло решение, в качестве основного мотива выставляя опасность диктатуры Мерославского, предложить диктаторскую власть в восстании генералу Мариану Лянгевичу, с тем чтобы при диктаторе находилось и подчиненное ему правительство. Это решение, явно направленное против руководящего центра восстания — Временного Национального правительства, было формально санкционировано представителем этого правительства — участвовавшим в совещании графом Адамом Грабовским, который предъявил скрепленные печатью бумажки о том, что ему дано не определенное точно поручение, а в своей речи намекал на то, что собственно тайное повстанческое правительство в Варшаве уже распалось. Вслед за тем группа участников совещания направилась в находившийся близ Кракова, в деревне Гоще, лагерь Лянгевича и убедила его подписать уже заготовленное воззвание о провозглашении диктатуры. Порукой в лояльности этого акта по отношению к существующему повстанческому руководству и для Лянгевича стало присутствие Грабовского.

Мариан Лянгевич, в прошлом офицер прусской армии, затем преподаватель польской военной школы в Италии (с того времени датируется его острая вражда с Мерославским), был назначен в начале восстания командующим повстанческими силами в Сандомирском воеводстве. Его отряд провел несколько стычек с царскими войсками и хотя ни в одной из них не добился значительного успеха, но и не был разбит. Двигаясь из района Свентокшижских гор на юг, Лянгевич присоединял к себе остатки

других разбитых отрядов, к нему стекались добровольцы; к моменту, когда он подошел к галицийской границе, под его командованием находилось более трех тысяч человек. Это был самый крупный повстанческий отряд, а точнее — соединение отрядов. Относительные успехи Лянгевича на фоне неудач других повстанческих командиров завоевали ему широкую популярность. По предложению Бобровского Исполнительная комиссия присвоила Лянгевичу звание генерала, он был награжден также почетным оружием.

С точки зрения белых в пользу Лянгевича говорило не только то, что он был решительным противником Мерославского, но и его жестокие расправы с антипомещичьим крестьянским движением в районе, контролируемом его отрядом. Это была та сильная рука, которой искали белые. Они же позаботились о том, чтобы придать ей соответствующую голову: в состав кабинета при диктаторе должны были войти свои надежные люди. Среди них наряду с явными белыми намеченный список включал Агатона Гиллера и его сотоварища по Временному Национальному правительству Леона Круликовского. Судя по всему, в интриге, породившей диктатуру Лянгевича, Гиллер принимал прямое участие.

Так за спиной у Временного Национального правительства был осуществлен переворот, отдавший руководство восстания в руки блока белых и правого крыла красных. При первом известии о диктатуре Лянгевича Дирекция объявила о самороспуске и призвала всех своих сторонников активно поддерживать восстание.

Прокламация Лянгевича о провозглашении диктатуры была датирована 26 февраля (10 марта). Временному Национальному правительству она стала известна два дня спустя, когда экземпляр ее принес на заседание Гиллер. Впечатление было ошеломляющим. Особенно поразило присутствующих упоминание о том, что диктатуру Лянгевич принимает якобы по согласованию с Временным Национальным правительством.

Что было делать? Политический смысл действий Лянгевича оставался неясен. Выступить открыто против него означало внести раздор и смятение в ряды восстания. Было решено признать диктатуру, преобразовать Временное Национальное правительство в Исполнительную комиссию при диктаторе, оговорив ее права в решении всех политических и организационных вопросов. Для переговоров с Лянгевичем в его лагерь были направлены в качестве уполномоченных Гиллер и Юзеф Каетан Яновский.

Уполномоченные отправились в Краков, а тем временем в Варшаву прибыл повстанческий комиссар Краковского воеводства Войцех Бехонский, находившийся в лагере Лянгевича в момент провозглашения диктатуры. Его рассказ сильно встревожил Бобровского. Стало ясно, что дирижерами переворота были белые. Временное правительство приняло предложенный Бобровским проект письма Лянгевичу, в котором решительно ставило вопрос: или диктатор отстранит от всякого влияния на ход восстания краковскую клику и признает, что политическое руководство восстанием сохраняется за Временным Национальным правительством, или оно решительно выступит против Лянгевича.

С этим письмом для непосредственных переговоров с Лянгевичем в Краков выехал Стефан Бобровский. Здесь он неожиданно встретил Гиллера и Яновского, которым не удалось добраться до диктатора. Лянгевич еще ранее покинул окрестности Кракова и двинулся на восток вдоль галицийской границы, теснимый войсками, стянутыми царским командованием. 6(18) марта у деревни Гроховиски произошел упорный бой. Повстанцы отразили атаки царских войск, но ночью Лянгевич принял решение пробиваться сквозь кордон, преграждающий путь в глубь территории Королевства Польского, отдельными отрядами, а сам уехал, чтобы через Галицию пробраться к повстанцам на правом берегу Вислы, в Люблинском воеводстве. Отъезд диктатора имел катастрофические последствия. В повстанческом лагере возникла паника, повстанцы массами кинулись через галицийскую границу, где их разоружили и интернировали

австрийцы. Лишь небольшой отряд под командой полковника Дионизия Чаховского сохранил боеспособность и прорвался в Свентокшижские горы. В течение одной ночи крупнейшее повстанческое соединение исчезло. В довершение всего сам Лянгевич сразу после перехода границы был арестован австрийцами.

Так постыдно завершилась «лянгевичиада», продолжавшаяся немногим более недели. 8(20) марта известие об этом достигло Кракова. Приехавший именно в этот день Бобровский принял немедленное решение. Советоваться было не с кем, но и медлить не приходилось. Трудно было предсказать, какие новые интриги замыслят организаторы диктатуры Лянгевича. Трудно было предвидеть, что предпримут приехавший в Краков взбешенный своим отстранением Мерославский и его сторонники.

Наутро в Кракове была распространена отпечатанная ночью прокламация следующего содержания:

«Соотечественники! Диктатура, захваченная одним из повстанческих генералов, пала 19 марта. Высшая национальная власть возвращается в руки Центрального национального комитета, существующего в Варшаве, который не переставал выполнять обязанности Временного правительства и который является единственной законной властью в стране. Возвращение верховной власти в руки людей, которые начали национальное восстание и с энергией руководили им, является для вас гарантией, что оно будет продолжаться дальше и завершится только победой. Мы будем бороться безустанно, нас не смутят трудности, не остановят препятствия, которые могут возникнуть на нашем пути. Мы не передадим более верховной власти в руки одного лица, так как это могло бы привести к упадку восстания, но, сильные чувством своей правоты, будем энергично подавлять все попытки фракций, стремящихся учредить власть, от нас независимую.

Соотечественники! С надеждой и непоколебимой верой мы вновь берем в свои руки национальную власть. Мы привыкли пренебрегать опасностью, мы убеждены, что сможем устранить печальные последствия падения диктатора. Верные делу, знамя которого, поднятое нами, не допускает раздоров в нашей среде, мы требуем от всей нации повиновения. К оружию! Перед нами враг. Наши братья гибнут. В повстанческих рядах сегодня место для всех поляков.

От имени Центрального комитета, действующего в качестве Временного правительства, чрезвычайный комиссар

Стефан Бобровский.

21 марта 1863 года».

Этой прокламацией Бобровский парализовал возможные покушения со стороны белых или Мерославского захватить руководство восстанием. Прокламация эта вновь восстановила поколебленный авантюрой Лянгевича авторитет повстанческого руководства. Большое значение имел отважный поступок Бобровского, подписавшего воззвание своим действительным именем. Все те, кто сеял недоверие к «анонимному» Центральному национальному комитету, вынуждены были притихнуть.

Борьба за повстанческое руководство, которую вели революционные демократы в лице Бобровского против белых, была на этом этапе выиграна. Отражением этого стал изданный Временным правительством сразу после возвращения Бобровского в Варшаву декрет от 19(31) марта, который, подтверждая январские декреты, решительно запрещал под страхом сурового наказания взимать с крестьян оброк. Напоминание о социальных основах восстания имело после недавнего кризиса в руководстве движением принципиальное значение. Вместе с тем декрет был издан в канун второго квартала, а денежный оброк взыскивался помещиками поквартально.

Между тем еще в Кракове Бобровский решил привлечь к ответу мнимого уполномоченного повстанческого правительства графа Грабовского. Этот весьма сомнительной репутации познанский помещик, бретер и дуэлянт, сыграл в установлении диктатуры Лянгевича хотя и второстепенную, но особенно гнусную роль. Гиллер, у которого в этом деле совесть была, очевидно, нечиста, на словах рьяно поддержи-

вал Бобровского. Оба члена повстанческого правительства, направляясь на собрание деятелей организации, на котором Грабовский должен был объяснить свое поведение, договорились не подавать руки титулованному проходимцу. Грабовский довольно искусно оправдывался, отводя от себя обвинение в том, что он выдавал себя за представителя повстанческого правительства, уполномоченного санкционировать установление диктатуры. Уходя с этого не давшего результата собрания, Грабовский обменялся рукопожатием с присутствующими. Гиллер вопреки договоренности протянул ему руку, Бобровский же отказался. В тот же день Грабовский потребовал сатисфакции. Бобровский ответил его секунданту, что не чувствует себя обязанным драться на дуэли с человеком, честь которого запятнана, но окончательное решение предоставил третейскому суду. Не дожидаясь решения этого суда, он вернулся в Варшаву. Через несколько дней суд чести признал за Грабовским право требовать удовлетворения. Получив посланную из Вроцлава условную телеграмму, Бобровский обратился к коллегам по правительству с просьбой предоставить ему отпуск на несколько дней «для свидания с семьей». Непосвященные в инцидент, происшедший в Кракове, члены Временного правительства согласились, Гиллер же промолчал. Стефан Бобровский отправился в свой последний путь.

Трудно понять, как человек, на котором лежала громадная ответственность за судьбы восстания, за результат борьбы родного народа, мог поставить отжившие понятия средневекового кодекса чести выше своего долга. Дело, однако, не только в том, что Бобровский был сыном своего времени и был воспитан в духе дворянских представлений о чести. Бобровский понимал, что его политические противники поспешат использовать его отказ от дуэли с Грабовским для того, чтобы скомпрометировать и его самого и бросить тень на то дело, которому он служит. Именно в эти дни, с мыслью о предстоящей дуэли, он писал уже цитированное письмо Падлевскому, в котором высказывал убеждение, что погиб-

нуть, но сохранить незапятнанным свое имя означает продолжать служить делу освобождения, воодушевлять своим примером других, в то время как спастись, опозорив себя, равнозначно моральной смерти. Этим письмом Бобровский не только ободрял друга, он делал выбор для себя.

С точки зрения того же кодекса чести граф Грабовский отнюдь не должен был стремиться к гибели своего «обидчика». Уже обмен выстрелами, не причинивший вреда участникам поединка, отвечал требованиям кодекса чести. Но «обида» Грабовского была лишь удобным предлогом для политического убийства, и не трудно догадаться, кто направлял руку убийцы.

Все в истории этого поединка — и поведение третейского суда, состоявшего из «почтенных» повстанцев-шляхтичей, которые поставили на одну доску честнейшего и неоценимого для восстания человека и светского прощелыгу, и поведение секунданта Бобровского графа Красицкого, согласившегося на условия поединка, обрекавшие Бобровского на гибель, — все это дополняет картину одного из отвратительнейших преступлений, совершенных белыми ради осуществления «наполеоновского принципа» — возглавить движение, чтобы обезглавить его.

31 марта (12 апреля) 1863 года в леске близ города Равича стали друг против друга два человека с пистолетами в руках. Один был опытным дуэлянтом, другой при своей близорукости вряд ли даже различал своего противника, и кто знает не в первый ли раз в своей короткой жизни должен был произвести выстрел. Но сделать этот выстрел Стефану Бобровскому не пришлось. Пуля, выпущенная человеком, который словно по иронии судьбы носил фамилию, служившую Бобровскому повстанческим псевдонимом, попала ему прямо в сердце.

На этом и можно было бы завершить наш рассказ о жизни Стефана Бобровского. Но Бобровский был не рядовым повстанцем, а политическим деятелем, и нельзя не сказать о том, какие последствия имела его гибель.

То, чего не удалось достичь белым сложными интригами, чего не дала им даже инспирированная ими диктатура Лянгевича, стало быстро реальностью после того, как им удалось *устранить* Бобровского. В мартовском Временном Национальном правительстве он был единственным революционным демократом, но его железная воля, его преданность делу восстания подчиняли себе колеблющихся и заставляли помалкивать противников. Повстанческое правительство шло тем курсом, который прокладывал Бобровский.

Но в трудной политической борьбе, которую вел с белыми Бобровский, он потерпел поражение, заплатив за него жизнью. В состав правительства еще в последние дни Бобровского и при его согласии был введен один белый — бывший член распущенной Дирекции Кароль Рупрехт. Но апрельское Временное Национальное правительство (вскоре оно отбросило слово «Временное») стало уже отчетливо белым. В нем оставались те же люди, которых месяцем раньше Бобровский заставлял — волей или неволей — следовать за собой. Теперь одни из них, как Гиллер, сбросили маску, другие, как Авейде, беспринципно повернули вправо.

Одной из областей, в которых поворот повстанческого руководства вправо, его отход от первоначальных принципов движения был особенно очевиден и происходил весьма быстро, была международная политика.

22 апреля (4 мая) повстанческое правительство направило главе польской консервативной эмиграции князю Владиславу Чарторыскому письмо, в котором, сообщая о предложении венгерских революционеров создать легион в помощь польскому восстанию, ставило вопрос: «С кем заключать союз, с консерватизмом или с революцией?» — и заявляло: «Мы без колебаний примем одно или другое в зависимости от того, чья помощь будет быстрее и надежней». Эту доходящую в своей беспринципности до цинизма постановку вопроса нет нужды комментировать. Следует только заметить, что обращение такого вопроса

к Чарторыскому делало его совершенно риторическим: было достаточно хорошо известно, что симпатии Чарторыского не на стороне европейских революционеров. А 3(15) мая Национальное правительство назначило Чарторыского своим главным дипломатическим представителем, по существу передав в его руки всю международную политику восстания.

Свой разрыв с революционными союзниками новое повстанческое руководство начало именно с того союзника, связь с которым была особенно важна и принципиально значима, — с русских революционеров. Первый шаг в этом направлении сделал еще Лянгевич. Когда спустя несколько дней после гибели Андрея Потебни к Лянгевичу, уже диктатору, прибыл курьер с письмом Бакунина, вновь подымавшего вопрос о создании русских республиканских дружин в рядах повстанцев и предлагавшего лично приехать в Польшу, Лянгевич отнесся к этому пренебрежительно и заявил изумленному курьеру, что «не доверяет русским либералам и убежден в бесплодности всего союза с ними».

Обращение Бакунина не было последней попыткой русских революционеров. Дело Андрея Потебни пытался продолжить офицер-землеволец Павел Иванович Якоби. Вместе со своим близким другом, впоследствии великим русским ученым Владимиром Онуфриевичем Ковалевским Якоби обратился за советом к Герцену. Их письмо не сохранилось, но ответ на него достаточно ясно говорит, в чем заключался проект Якоби.

26 марта (7 апреля) сын А. И. Герцена Александр-«юниор» писал Ковалевскому по поводу проекта Якоби: «в последние дни новости были таковы, что поневоле заставляли приостановиться и призадуматься. Это вы, верно, оба сами почувствовали. Теперь дела идут опять лучше, силы оживают снова, и, однако, несмотря на это, я не решился бы именно в такую минуту на благородное, но фанатическое предприятие Вашего приятеля.

...Я Вам скажу, что я сделал бы: я подождал бы

2, 3, 4 недели, чтобы дать время польскому национальному движению принять окончательное положительно-политическое направление, установиться и прийти в равновесие среди разных партий, враждебных между собою. А кто может предвидеть, которая из этих партий возьмет верх и увлечет за собой все восстание? Ежели Ваш приятель, несмотря на эти печальные мысли, решится — то с богом!»

К этим разумным советам сына присоединился и Александр Иванович Герцен: «Я тоже думаю так, вопрос очень важный. Будет ли в Литве народное восстание? Оно могло быть, но многое изменилось. Не поберечь ли свои силы на свое дело? В Польше правое дело, необходимость заявления со стороны русских была очевидна. Может, составление русского легиона сделало бы чрезвычайную пользу для России, но возможно ли это?»

Но молодой офицер решил идти намеченным путем. Он поехал в Польшу и предоставил себя в распоряжение повстанческого правительства. Якоби получил назначение в штаб генерала Тачановского. Познанский помещик Эдмунд Тачановский, по своим политическим симпатиям белый, являлся военным начальником Калишского и Мазовецкого воеводств и руководил крупнейшим в этой части страны повстанческим отрядом. О том, как был принят им Якоби, рассказывает в своих мемуарах повстанческий полковник Францишек Коперницкий: «Прибыл назначенный Военным отделом в штаб Калишского и Мазовецкого воеводств поручик Якоби, офицер русской артиллерии, русский по национальности, очень способный офицер. Тачановский принял его довольно холодно, заявив, что у него уже достаточно штабных офицеров, хотя, по правде говоря, за исключением Пини, майора Доманского и одного француза не было никого, кто был бы подготовлен для штабной работы. Тачановский вспомнил о ракетах, находившихся в фургонах, и выразил пожелание, чтобы Якоби подготовил несколько ракетчиков и командовал ими. Мы с Якоби пошли к фургонам, чтобы найти эти ракеты. К нашему огорчению и удивлению, оказалось, что ракеты эти обыкновенные, сигнальные».

Разумеется, никакой поддержки планам создания русских дружин Тачановский не оказал. Якоби мог помочь борьбе польского народа лишь своим личным участием в восстании, что он и делал в течение нескольких месяцев. В бою под Незнаницами 17(29) августа отряд Тачановского был разгромлен. Тяжело раненный Якоби спасся чудом. Навестивший его в Кракове Ковалевский писал в октябре Герцену о том, что Якоби поправляется и готов вновь служить делу восстания.

В этом письме Ковалевский писал: «Вообще все самые дельные люди в восстании оказались из русских офицеров». Пусть это и известное преувеличение (впрочем, Ковалевский, вероятно, имел в виду и поляков — бывших офицеров царской армии), мы все равно знаем много примеров самоотверженной помощи русских людей польскому освободительному движению. Но белые пренебрегали этой ценнейшей поддержкой. Отношение к Якоби — наглядное, но еще не самое сильное тому доказательство. Расскажем о судьбе капитана Никифорова.

Мы не знаем, в какой части русских войск служил Никифоров перед восстанием. Очевидно, он давно уже находился в Польше, так как сохранился собственноручно им написанный рапорт на польском языке, описывающий бой под Сосновцем. В этом бою, происходившем 26 января (7 февраля) 1863 года, то есть в самом начале восстания, Никифоров руководил пехотой отряда начальника Краковского воеводства Аполлинария Куровского. Благодаря умелым действиям Никифорова и его личному примеру повстанцы с малыми потерями захватили находившуюся в Сосновце пограничную заставу и взяли в плен ее гарнизон. Это был один из наиболее успешных для повстанцев боев начального периода восстания, и весть о нем быстро разнеслась по всей стране.

Свой рапорт Центральному национальному комитету о бое под Сосновцем Куровский целиком осно-

вывал на рапорте С. Никифорова. Это вполне естественно, поскольку во время боя он сам оставался при кавалерии, не принимавшей участия в атаке на Сосновец. Было лишь одно существенное отличие: имя Никифорова в рапорте Куровского вообще не было названо и создавалось впечатление, что боем руководил лично Аполлинарий Куровский.

Десять дней спустя отряд Куровского перестал существовать. Он был полностью разгромлен при затеянной его командиром попытке овладеть уездным городком Меховом, где были сосредоточены значительные силы царских войск. Засевшие в домах солдаты хладнокровно расстреливали наступавших по открытому полю вооруженных косами повстанцев. Следует сказать, что меховский урок не пошел впрок Куровскому. Спустя год этот незадачливый вояка, будучи начальником штаба Краковской дивизии, которой командовал «Топор»-Звеждовский, затеял штурм другого уездного городка Опатова, во время которого погибли лучшие силы корпуса Гауке-«Босака», а тяжело раненный Звеждовский попал в плен и был казнен.

Во время паники, последовавшей после разгрома под Меховом, большая группа повстанцев — их было около двухсот человек — оказалась брошенной своими командирами на произвол судьбы. Руководство этим отрядом взял на себя Никифоров. Лавируя среди многочисленных колонн царских войск, Никифоров сумел после четырехдневного форсированного марша вывести отряд без потерь на соединение с большим отрядом полковника Антония Езёранского.

Вскоре после этого Никифорову было дано Центральным национальным комитетом, а вероятнее — Исполнительной комиссией, руководимой Бобровским, поручение направиться в Галицию, сформировать там повстанческий отряд и выступить во главе его в Люблинское воеводство.

Никифоров прибыл во Львов в те дни, когда белые готовили объявление диктатуры Лянгевича. Местный тайный комитет, куда прежде всего обратился Никифоров, находился в руках белых. Они не торопились

с организацией отрядов, а тем более с передачей их под руководство варшавских красных. Они в оскорбительной форме отказались признать полномочия Никифорова. Тогда он сам приступил к организации отряда. Встревоженные белые обратились к находившемуся в это время во Львове генералу Юзефу Высоцкому. Тот отобрал у Никифорова его мандат и порвал его, заявив, что если Никифоров хочет, то он зачислит его рядовым в формировавшийся отряд Леона Чеховского. Никифоров согласился с этим по сути оскорбительным и явно рассчитанным на отказ предложением.

Неделей позже отряд перешел границу, а вскоре после двух стычек с царскими войсками бóльшая часть отряда во главе с Чеховским откатилась назад в Галицию, а остальные прорвались на соединение с отрядом «Лелевеля»-Борелёвского. Среди этой группы был и Никифоров. Его мужество и опыт, проявленный в боях, сделали его сразу популярным среди повстанцев. Скоро он был назначен командиром роты.

Но Никифорову недолго суждено было служить в отряде Лелевеля. Уже в конце марта, почти в те же дни, когда оборвалась жизнь Стефана Бобровского, Лелевелю был доставлен приказ от имени Национального правительства (а вся связь с отрядами, действовавшими на юге Люблинского воеводства, осуществлялась через Львов), предписывавший немедленно без суда расстрелять Никифорова. Как писал позднее друг Чернышевского и Сераковского Ян Савицкий, Борелёвский, который «любил Никифорова и верил ему», был поражен и потрясен. Но не подчиниться прямому приказу повстанческого руководства Лелевель не решился. Обняв и поцеловав Никифорова перед лицом всего отряда, он отдал распоряжение исполнить приказ, «хотя потом со слезами на глазах говорил окружающим: я убежден, что этот человек был предателем не больше, чем я сам».

Авторов чудовищной провокации, жертвой которой пал русский революционер, несомненно, надо искать в тех же кругах, где родился и гнусный план убийства Стефана Бобровского.

О том, что против Никифорова не было никаких действительных обвинений, говорит не только противоречащее нормам повстанческой законности распоряжение казнить его без следствия и суда, без предъявления обвинения, которое он мог бы опровергнуть. Еще более веским доказательством является то, что инициативу казни Никифорова начали приписывать... Лелевелю, который якобы разоблачил его как шпиона. Это было тем проще делать, что и сам Лелевель вскоре погиб в бою и опровержений с его стороны можно было не опасаться.

Две затерянные могилы — руководителя первого повстанческого правительства и русского революционера, подло убитых по указке тех, кто перехватил руководство восстанием, как бы обозначили конец первого периода восстания 1863 года. Убийцы Бобровского и Никифорова — белые стали могильщиками освободительного восстания. И хотя не в их власти было прекратить не ими начатую борьбу, хотя восстание продолжалось еще более года и в истории его было еще много замечательных страниц, это не уменьшает зловещей роли, которую сыграли белые — консервативные помещики и буржуазия — в неудаче освободительного движения польского народа в 1863 году.

Константин КАЛИНОВСКИЙ

С именем Константина Калиновского белорусский народ связывает первые проявления своего революционного сознания. Образ Калиновского окутан ореолом народных преданий. В них он неизменно выступает легендарным героем, обращающим вспять всех народных врагов — панов-помещиков и царскую военщину. Таким изображен Кастусь Калиновский и в известном довоенном фильме, в котором его роль была вдохновенно исполнена Николаем Черкасовым.

Он родился 21 января 1838 года в семье беспоместного шляхтича, владельца фабрики льняного полотна Семена Стефановича Калиновского. В 1850 году семья переехала из местечка Мостовляны Гродненской губернии на хутор Якушовка в окрестностях города Свислочь. В этих местах Западной Белоруссии и прошло детство Константина.

С детских и юношеских лет запечатлелись в его сознании картины подъяремной полуголодной жизни крепостных крестьян, тяжкий труд ткачей-мастеровых. Белоруссию тех лет современники называли «дворянским гнездом» — так много было в ней лиц привилегированного сословия. Владельцев крещеной собственности, грабивших, угнетавших крестьян, Калиновский позже сравнивал с прожорливой саранчой, а его друг, известный поэт-демократ Л. Кондратович (Сырокомля), писал, что они требуют с крестьян отработки и за нивы, и за воды, и за солнечный свет, и за крышу над головой, и за полевые цветы, и за утренние росы, и за рождение на свет божий.

Окончив в 1855 году Свислочскую прогимназию, он отправился в Москву, где находился его старший брат Виктор. Осенью следующего года братья переехали в Петербург. Константин поступил в камеральный разряд юридического факультета Петербургского университета.

Виктор, уйдя с первого курса медицинского факультета Московского университета, увлекся историей и работой в нелегальных кружках, стал на путь профессионального революционера. Современники ставили его имя рядом с Сераковским, называли новым Томашем Заном (друг Адама Мицкевича, руководитель студенческих организаций в Виленском университете). Документы, найденные в архивохранилищах страны в последние годы, свидетельствуют, что этот скромный человек, проводивший многие месяцы в читальном зале Публичной библиотеки над старинными рукописями по истории Польши и Литвы, играл в то же время выдающуюся роль в революционных кругах столицы, пользовался большим уважением среди передовой части студенчества и военных. Он умер от туберкулеза перед самым восстанием 1863 года.

Двойное имя его младшего брата — Викентий Константин и та выдающаяся роль, которую он сыграл в восстании, приводила даже некоторых историков к утверждению, что «Виктор — это тот же Кастусь». Утверждать ныне нечто подобное было бы просто нелепостью, но несомненно, что дела и мысли Виктора как бы возродились и нашли свое продолжение в деятельности младшего брата, который в ходе восстания стойко отстаивал ту политическую линию, в разработке которой Виктор принимал активное участие. Ему более чем кому иному обязан Константин своим революционным мастерством.

Прибытие братьев Калиновских в Петербург совпало с началом первого общедемократического подъема.

Во второй половине 50-х годов Петербургский университет пользовался большими привилегиями. Студенты не подчинялись городской полиции и составляли особую корпорацию. Они добились права

обсуждать свои дела на сходках и через выборных депутатов вступать в переговоры с университетским начальством. Общественность с большим интересом и сочувствием следила за каждым смелым выступлением молодежи.

Среди студентов университета — выходцев из Белоруссии и Литвы — возникло землячество. При нем существовали касса взаимопомощи, коллективная библиотека, выходила даже специальная газета. Для библиотеки снималась квартира, одновременно служившая местом проведения студенческих сходок.

На сходках выбирался совет землячества из пяти человек, кассир и библиотекарь. Последний пользовался особенным уважением среди товарищей, он считался как бы старшим и председательствовал на сходках. Константин Калиновский вскоре был избран на эту должность. Спустя много лет товарищи вспоминали, что он всегда вставал на защиту студентов, делился с друзьями последним.

Студенческая жизнь братьев Калиновских была нелегкой. Константин получал казенную стипендию — семь рублей в месяц. Виктор, поддерживая брата, просиживал вечера над старинными рукописями, выполняя за скромную плату задания Виленской археографической комиссии.

Участие в деятельности студенческой корпорации, общая вольнолюбивая атмосфера университета сыграли крупную роль в развитии Константина. Он вовсе не думал замыкаться в узкую скорлупу избранной специальности. Изучение юриспруденции, экономики страны, ее истории и культуры он подчинил более важной и возвышенной задаче — поискам путей борьбы за свободу горячо любимой родины. Не найдя ответа на мучившие его вопросы в официальных университетских курсах, он обратился к революционной литературе, окунулся с головой в деятельность студенческих кружков столицы.

С обострением классовой борьбы и оживлением общественной жизни в стране раскололось и студенчество. Правые — аристократы и богачи манкировали занятиями и проводили свое время в кутежах и

попойках. Значительная группа студентов считала, что они не должны вмешиваться в политическую жизнь, что пользу отечеству можно принести, только получив специальное образование.

Большинство студентов принадлежало к левым. В этой группе, среди детей разночинцев и беспоместных дворян — выходцев из Белоруссии и Литвы, по отзывам современников, выделялся Константин Калиновский. Среди близких к нему лиц называют Игнация Здановича, Титуса Далевского, Иосифа Горчака, Феликса Вислоуха, Франца Когновицкого, Юлия Бензенгера, Антона Трусова и других студентов Петербурга и Москвы, впоследствии известных деятелей революционного движения. Друзья Константина демонстративно одевались в крестьянские свитки и сермяги, верили в народную революцию и провозглашали себя сторонниками «Колокола» и «Современника». После окончания университета они собирались выбрать такую службу, которая позволила бы им больше общаться с крестьянами, чтобы побуждать их к восстанию.

Студенческая группа Калиновского была связана с офицерским союзом Сераковского — Домбровского. Брат Константина — Виктор был одним из создателей и руководителей этой организации. Он был близок к Сераковскому, знаком с Чернышевским и Шевченко. Известный историк Костомаров, рассказывая в своих мемуарах об «оживленных вечерах» у него на квартире в конце 50-х годов, в числе постоянных посетителей наряду с Чернышевским, Шевченко, Сераковским, Желиговским называет и Калиновского. Долгое время исследователи, и в их числе автор этих строк, считали, что Костомаров имеет в виду Балтазара Калиновского — магистра Петербургского университета. Однако внимательный анализ мемуаров Костомарова и вновь обнаруженные данные о деятельности Виктора Калиновского заставляют сделать вывод, что именно он был участником этих встреч. Отошедший от демократического движения Костомаров дает в своих мемуарах многие факты в искаженном виде. Это отразилось и на характеристике Виктора Калиновского. Он называет его человеком не от мира сего, не интересующимся текущими политическими событиями. Но крайне ценно свидетельство мемуариста о глубоких исторических познаниях Виктора Калиновского, особенно по истории Литвы и Белоруссии. Несомненно, что Виктор не таился от своего младшего брата и посвящал его во все обсуждавшиеся с его участием политические и научные проблемы. В этой связи становятся яснее истоки той революционно-демократической позиции, которую занимал Константин Калиновский в решении аграрного и национального вопросов.

Вероятно, при содействии Виктора Константин Калиновский и его товарищи из руководящей группы студенческого общества вошли в состав петербургской офицерской организации, посещали собрания, политические диспуты и литературные вечера. Сближение и дружба с Сераковским — важная веха на жизненном пути К. Калиновского.

В нелегальных офицерских и студенческих кружках в столице и провинции зачитывались «Колоколом» и «Современником», горячо и страстно обсуждали статьи Чернышевского, Герцена и Добролюбова, новые романы Тургенева, вели споры о приближавшемся восстании и его программе. Здесь, в кругу друзей — выходцев из Белоруссии, Литвы, Польши, Украины, мечтал о приходе новой эры, эры дружбы народов, вдохновенный Сераковский. Здесь Чернышевский убеждал польских товарищей отказаться от притязаний на украинские и белорусские земли. В ходе дружеских дискуссий лучшая часть польской молодежи, обучавшейся в обеих столицах, приходила к выводу о необходимости революционным путем создать такие условия, чтобы «Польша развивалась в своих этнографических границах и чтобы свобода мысли всякой другой народности в пределах прежней Речи Посполитой была гарантирована и поддержана».

В полной жизни и огня атмосфере творческих споров, дружеских дискуссий формировалось мировоззрение целого поколения революционеров. Огромное значение имели они и в жизни Калиновского. К моменту

окончания университетского курса он был уже сложившимся революционером, твердо стоял на демократических позициях, считал принципы «Современника» и «Колокола» великими философскими идеями.

Из Петербурга братья Калиновские поддерживали связь с демократической интеллигенцией Вильно, Минска и Гродно. Они были достаточно известны у себя на родине, если преподаватель Виленского дворянского института, либерал Александр Зданович предостерегал своего сына — студента Петербургского университета от знакомства с Калиновскими. Сын не внял советам отца и стал одним из ближайших соратников Константина.

В 1861 году при участии Константина Калиновского и его товарищей по университету Эдмунда Вериго и Петра Эммануэля Юндзилла среди ремесленной молодежи, молодых чиновников и учителей Вильно возник нелегальный кружок. Его члены ставили задачей развертывание революционной агитации среди крестьянства, ремесленников, учащейся молодежи. На собраниях и литературных беседах с участием молодых ремесленников и старших гимназистов читали и обсуждали стихи Мицкевича и Шевченко, повести Гоголя, статьи Герцена.

Накануне восстания 1863 года приверженцы идей революционного демократизма находились во многих пунктах Литвы и Белоруссии, а «Современник» и «Колокол» получили широкое распространение в крае.

Под давлением демократической общественности, в страхе перед растущим крестьянским движением царское правительство пошло на отмену крепостного права. Отмечая обстановку, сложившуюся в стране, Калиновский писал позже, что царское правительство оказалось в вынужденном положении, не соответствовавшем его характеру, что оно стало на путь реформ под давлением: «Народ в Петербурге, Москве и по всей России возмутился и потребовал, что если правительство не даст воли, то он повсюду 19 февраля восстанет. Царь испугался, велел собрать Сенат и объявил народу, что в пост получит волю». Однако

объявленный царем манифест, по словам Калиновского, только «переменил неволю», обманул народное ожидание.

Современники указывали, что Константин покинул Петербург вскоре после известных варшавских происшествий. Его отъезд из столицы был ускорен начавшимися в Польше, Литве, Белоруссии массовыми патриотическими манифестациями. Как раз в середине февраля он успешно защитил диссертацию, получил диплом кандидата С.-Петербургского университета и мог покинуть столицу. Начавшаяся в это же время перестройка структуры и изменение всей деятельности революционной организации Сераковского — Домбровского также требовали отъезда Калиновского на родину.

В тревожные дни февраля 1861 года Калиновский, завершивший свое образование, покинул Петербург. По свидетельству современников, он уехал в Литву, чтобы сделать то, что не удалось свершить во время Краковской революции 1846 года Э. Дембовскому, а именно — соединить польское национальное движение с борьбой крестьян за землю и волю, обеспечить победу принципов аграрной революционной демократии.

В последних числах февраля (и не позже 1—2 марта) 1861 года Калиновский прибыл в Вильно. После неудавшейся попытки поступить на службу в канцелярию генерал-губернатора он уезжает в отцовский хутор Якушовка, не порывая, однако, с виленскими товарищами, часто наведываясь в столицу края и подолгу живя в ней. В эти предгрозовые месяцы он часто посещал квартиру поэта-демократа Л. Кондратовича (Сырокомли), работавшего над переводом произведений Т. Г. Шевченко на польский язык, близко сошелся с его семьей, обучал детей поэта русскому языку. Калиновский был желанным гостем и в квартире Эвстахия Врублевского — ветерана революционного движения, связанного в дни своей студенческой молодости с Кирило-Мефодьевским братством, с Шевченко и Костомаровым. Особенно близко подружился Константин с племянником хо-

зяина дома — Валерием Врублевским — воспитанником Виленского дворянского института и Петербургского лесного института, работавшего инспектором егерской школы в окрестностях Гродно.

Ход событий все более властно ставил перед Калиновским и его товарищами задачи сплочения революционных, патриотических сил, подготовки вооруженного восстания. Манифестации в городах и местечках края, начавшись с панихид по жертвам расстрелов в Варшаве, все отчетливее принимали характер массового движения. Вскоре, по словам одного царского вельможи, вся Литва «представляла вид политически-религиозной демонстрации». В храмах вместо псалмов все чаще звучали патриотические гимны. Н. Костомаров вспоминает, что, прогуливаясь по улицам Вильно вместе с Э. Врублевским, был немало поражен, услышав из костела напевы «С дымом пожаров» — революционного гимна, проникнутого ненавистью к панам и прелатам. 6(18) августа в Вильно состоялось грандиозное шествие к могиле Конарского, в котором участвовало более 5 тысяч человек. Против войск, преградивших путь манифестации, были пущены в ход камни, после жаркой схватки войска отступили. Калиновский имел основание говорить крестьянам, что горожане в те дни сражались за свою и их вольность. С другой стороны, деревни и села Литвы и Белоруссии весной и летом 1861 г. также являли далеко не мирный вид, были охвачены волнениями крестьян, боровшихся против грабительских «Положений 19 февраля». В ряде пунктов (Ивье, Рудки и др.) волнения охватывали тысячные толпы крестьян и перерастали в рукопашные схватки с войсками, вызванными для их «успокоения». Полицейские и мировые посредники отмечали, что среди крестьян все чаще стали появляться «подстрекатели» — лица, призывавшие их не ждать милостей от царя, а готовиться к восстанию. Это, как позже выяснилось, были члены возникшей в крае повстанческой организации.

Оказавшись на родине в столь бурное, тревожное время, Константин Калиновский развернул кипучую

деятельность по объединению существовавших в крае разрозненных нелегальных кружков и групп в одну революционную организацию. Время требовало отважных, быстрых решений и дел. Константин оказался в состоянии их предпринять, пройдя великолепную революционную школу среди демократов Петербурга. Он быстро возобновляет старые знакомства, заводит новые и вскоре становится во главе демократически настроенной молодежи Гродненской губернии. Его сподвижник тех лет Феликс Рожанский вспоминает, что Константину удалось создать тайное общество, в которое вошли: Эразм Заблоцкий — губернский секретарь и его брат Юлий — доктор, офицеры Валерий Врублевский — инспектор егерской школы, и Ян Ванькович, землемеры Феликс Рожанский, Ильдефонс Милёвич, а также несколько революционно настроенных ксендзов из Гродно и окрестностей. Современники называли друзей Калиновского людьми страстных революционных взглядов. Организация развивалась по Гродненской, Виленской, Минской и Ковенской губерниям, посылала на должности учителей и волостных писарей учащуюся молодежь и других патриотов.

Гродненские демократы приняли решение «обратить всю возможную силу пропаганды на крестьян» и перенесли центр своей деятельности в деревню. Это была ставка на крестьянскую революцию. Даже чиновники позже признавали, что Калиновский имел «влияние на народ». Создаваемая им демократическая организация связалась с другими близкими ей по направлению революционными группами и прежде всего с офицерским кружком, руководимым Людвиком Звеждовским — капитаном генерального штаба, адъютантом виленского генерал-губернатора, с организациями Сераковского в Петербурге и Потебни в Царстве Польском.

Л. Звеждовский и его единомышленники стремились создать в войсках революционную организацию, способную повести за собой армию на стороне восставшего народа. При этом они ссылались на революционные традиции Пестеля и Кузьмина-Караваева.

У Звеждовского были единомышленники в войсках Виленского военного округа. В гарнизонах Гродно, Вильно, Слонима, Белостока, Бреста, Минска распространялись нелегальная литература, прокламации, шла пропаганда в войсках.

В Ковенской губернии энергичную подготовку к восстанию проводил выдающийся литовский революционный демократ Антанас Мацкявичюс. В Новогрудском уезде сплачивал молодежь энергичный доктор Борзобогатый — стойкий защитник интересов крестьян. В Минске и окрестностях действовал бывший студент Московского университета, сын почтового смотрителя Антон Трусов, известный в революционных кругах под именем «Титуса». «О нем говорили, — свидетельствует один из современников, — как о человеке, принявшем на себя не только наружную форму крестьянина, но что его цель и пропаганда — стремиться к достижению равенства в классах народа». Трусов был убежденным сторонником единства с русским революционным движением и не раз говорил товарищам, что цель военного восстания — освобождение всех народов, что враг не русский народ, а царское правительство. Он был связан с революционной группой прапорщика Федора Ельчанинова, действовавшего в частях Минского гарнизона.

Особое значение в пропаганде идей революционного демократизма, в подготовке крестьянских масс к вооруженному восстанию имела созданная Калиновским при участии Врублевского, Рожанского и Сонгина «Мужицкая правда». С июля 1862 года по апрель 1863 года вышло семь таких воззваний, получивших большое распространение среди крестьян. «Мужицкая правда» срывала с царя маску доброжелателя крестьян, вскрывала крепостнический характер политики правительства, разъясняла, что единственным путем для удовлетворения требований трудящихся является восстание. Призыв к революции — основная заслуга «Мужицкой правды», этого замечательного бесцензурного издания эпохи падения крепостного права, как бы младшей сестры знаменитого «Колокола». Она призывала народ к уничтожению

самодержавия и крепостничества с наделением землей крестьянства. Калиновский указывал, что крестьянин «усвоил мысль, что вся земля есть его достояние, оспариваемое только помещиками», и всегда отстаивал это справедливое народное требование. Поднимая трудящихся на борьбу против царизма, Калиновский пропагандировал мысль, что «не народ создан для правительства, а правительство для народа». После свержения царя он предлагал создать правительство, которое будет «заботиться о счастье людей, слушать народ и делать так, как народу лучше». В своих призывах, обращенных «к народу земли литовской и белорусской», Калиновский призывал крестьян осуществлять правосудие и расправляться сурово с теми, кто противится воле народа.

Уничтожения старых порядков, по мысли Калиновского, еще недостаточно, чтобы вырвать крестьянина из нужды и построить жизнь, «какой не было у наших отцов и дедов». Одним из средств обеспечения народного счастья он считал развитие просвещения, требовал обучения на родном языке (по-литовски, по-белорусски), мечтал открыть для крестьян двери в науку. Просвещение народа, возрождение его национального языка и культуры Калиновский связывал с победоносным исходом крестьянской революции.

Идея организованного выступления — один из самых главных вопросов революционной демократии тех дней. Она нашла свое отражение на страницах «Мужицкой правды», во всей деятельности Калиновского и его соратников. Революционные деятели России, Польши, Белоруссии, Литвы разработали план вооруженного выступления, приурочивавшегося к весне 1863 года. Намечалось создать одновременно на окраинах страны — в Польше, Литве, Белоруссии, Поволжье — мощные колонны повстанцев, которые, двигаясь к центру и объявляя крестьян собственниками земли, образуют ядро будущей революционной армии. Этот план был конкретизирован в Польше Домбровским и Потебней, а в Белоруссии и Литве — Калиновским, Сераковским, Звеждовским. Восстание

на западе страны мыслилось как начало всеобщего выступления. Современники указывают, что в спорах, происходивших в те годы между революционными деятелями, Калиновский высказывал мнение, что восстание белорусских и литовских крестьян должно послужить ободрительным примером для крестьян соседних великорусских губерний.

«Мужицкая правда» пользовалась большим авторитетом среди крестьян. На нее они ссылались в спорах, а имя «Яськи-господаря из-под Вильно», которым были подписаны все номера ее, сделалось весьма популярным. И теперь еще нельзя читать без волнения сухие сообщения полицейских, отбиравших у крестьян отдельные номера газеты, завязанные в платки вместе с деньгами, вырученными от продажи на ярмарке скудного урожая. Царские власти, напуганные популярностью в народе «Мужицкой правды», сурово расправлялись с лицами, принимавшими участие в ее распространении. Но царизму не удалось приостановить издание и распространение первой белорусской революционной газеты

Ф. Рожанский — один из ее издателей — вспоминал позже, что вместе с Калиновским предпринимал своеобразные путешествия по краю. Переодевшись в крестьянские свитки, они пешком обходили село за селом, посещали ярмарки и базары и распространяли революционные издания, беседовали с крестьянами, раскрывая им правду, разъясняя, на чьей стороне она и как надо бороться, чтобы добыть землю и вольность. В Врублевский рассказывал друзьям, что ночами он ездил верхом по деревням, расклеивал газету на заборах и стенах домов. Другой современник указывает, что «Мужицкая правда» Калиновского расходилась в тысячах экземпляров, нагоняла страх на помещиков.

О революционной работе, проводимой Калиновским и его товарищами среди крестьян, в скором времени узнали царские власти. В секретной канцелярии гродненского губернатора было заведено специальное дело «О дворянине Калиновском, распространявшем возмутительные брошюры между крестьянами» Из этого дела видно, что Калиновский во время поездок

по краю распространял среди крестьян свою газету. В начале октября 1862 года, проезжая из Якушовки в Гродно, он с повозки разбрасывал прокламации. Был отдан приказ о его аресте, но Калиновский исчез. Он перешел на нелегальное положение Меняя квартиры и внешность, он скрывался под разными фамилиями. В описаниях полицейских он именовался и белокурым, и рыжим, и черноволосым. Народ надежно укрывал своего любимца.

К лету 1862 года революционные группы и кружки красных в Царстве Польском объединились и создали Центральный национальный комитет с местом пребывания в Варшаве. Он возглавил дело подготовки восстания. Образование Центрального национального комитета и опубликование его программы побудили Калиновского и его товарищей определить к ним свое отношение Для этого в конце июля в Вильно собрались руководители организаций в литовских и белорусских губерниях: К. Калиновский, Антоний Залеский, Эдмунд Вериго, Зыгмунт Чехович, Эразм Заблоцкий, Ян Козелл, Ежий Кучевский. Присутствовал также Нестор Дюлёран — служащий управления железной дороги, назначенный комиссаром Центрального национального комитета в Вильно.

На собрании Дюлёран внес предложение безоговорочно одобрить программу Центрального комитета и признать его руководящую роль. Его поддержали многие из собравшихся, но Калиновский, как вспоминает Кучевский, «возражал против всего, никому не дав говорить, поэтому мы его попросили, чтобы он разрешил нам сначала договориться между собой, а потом уже с ним вместе. Он согласился и ушел с заседания». Следовательно, Калиновский уже на первых заседаниях руководящего состава повстанческой организации убедился, что его радикальная программа многими не принимается. Однако и в большинстве, ему противостоящем, не было единства. После ухода Калиновского собравшиеся «не могли понять друг друга. Одни высказывались за немедленное восстание без всякой подготовки, другие говорили о необходимости подсчитать резервы, накопить силы».

Излагая позицию лиц, принявших участие в споре, Кучевский указывает, что Э. Вериго утверждал, что городское население, объединившись со шляхтой, в состоянии обеспечить победу восстания, и высказался за немедленное выступление. Шляхтич А. Залеский верил, что его сословие примет участие в борьбе. Ян Козелл играл роль самого крайнего революционера и полушутя заявлял, что и горшки в руках восставших — грозное оружие и медлить с выступлением нечего. Чехович не верил в возможность совместного выступления крестьян и дворян. Кучевский и Дюлёран решительно отстаивали программу «Руха» — завоевание независимости общими силами всех сословий, ведение пропаганды в национальном духе.

Калиновский согласился с тем, что весь народ надо поднять на борьбу с царизмом, и в этом его позиция внешне сближалась с программой «Руха». Но он хотел, по словам Кучевского, не дворянско-помещичьего восстания, а подлинно народного. «Калиновский, — продолжает не без раздражения Кучевский, — имея за плечами опыт общения с народом, искал в крестьянах, помнящих о страданиях крепостнического рабства, ту силу, которая сможет поднять народ на восстание, сделав его рыцарем, сражающимся во имя попранных человеческих прав.

Он ощущал биение этого пульса в крестьянах всей страны. Он намеревался действовать в этом направлении, и именно на этот исходный пункт он и указывал».

Собравшиеся руководители литовского движения в своем большинстве не согласились с Калиновским. Они были не в состоянии подняться до последовательного проведения революционно-демократических принципов и одобряли, несмотря на возражения Калиновского, программу Временного Национального правительства. Собравшиеся решили именовать революционный комитет в Вильно Литовским провинциальным комитетом и утвердили его печать с гербом Польши и Литвы и надписью по краю «Мужество и благоразумность».

В газете «Знамя свободы» (№ 1 от 1 января

1863 года) — официальном органе Литовского провинциального комитета отстаивался революционный путь борьбы за национальную независимость и гражданские свободы. Только «силою равенства своих сынов» может возродиться Польша. В качестве знамени восстания поднимался принцип равноправия всех сословий и вероисповеданий, без ущерба чьей бы то ни было собственности и свободы совести. Это означало, что Литовский провинциальный комитет придерживался компромиссной программы, принятой Центральным комитетом, то есть восстановление Польши в «исторических» границах и проведение антифеодальных, буржуазных по своему содержанию реформ, но без ликвидации помещичьего землевладения. Эта программа была рассчитана на объединение в рядах единого национального движения всех сословий. Но если и в Царстве Польском ее половинчатость и ограниченность мешали развертыванию народного сопротивления, то в Литве и Белоруссии ошибки и недостатки этой программы были особенно очевидны и губительны. Как справедливо заметил Калиновский, это были «теории, лишенные практичности», и в Литве «они должны были пройти без влияния». Основной их недостаток Калиновский видел в слабости аграрной программы, а именно это было наиболее важно для края, где, как справедливо он заметил, господствовало сельское население. К тому же и национально-религиозные отношения в Литве и Белоруссии имели много отличных от Царства Польского черт, а их-то и игнорировала программа «Руха».

Оказавшись в меньшинстве, Калиновский проводил гибкую революционную тактику. Он боролся внутри комитета за торжество своих принципов и в вопросе об отношении к русскому народу добился принятия своей точки зрения. Верой в непобедимость народных масс веет от заключительных строк органа Литовского провинциального комитета: «Народ московский содрогается при мысли о нашей вековой кривде, он свободным братом нашим, а не угнетателем жаждет быть и ответственность за нашу железную неволю возлагает решительно на царизм, обреченный на гибель. Итак,

вместе, братья, за дело, и когда придет время, поднимем знамя свободы, и проклятая сила угнетения, как туман перед солнцем, рассеется».

На июльском совещании, ставшем как бы учредительным, Литовский провинциальный комитет согласился не только с программой, но и организационными принципами Центрального комитета (система десяток). Калиновский неодобрительно относился к этой системе и упрекал руководство движения в том, что оно увлекается созданием узкой секты заговорщиков, не ведя подготовку широких масс к восстанию, не выдвигая лозунгов, способных ясно и конкретно указать народу цели и задачи движения. Приняв систему десяток в качестве основного принципа построения повстанческой организации, Литовский провинциальный комитет под влиянием Калиновского внес в нее существенные изменения, направленные на смягчение узкозаговорщической тактики. В частности, было решено создавать специальные приходские (парафиальные) революционные группы для пропаганды среди мужиков.

Калиновский и его соратники не прекращали пропаганды своих идей среди крестьян, мещан, ремесленников. Продолжала выходить «Мужицкая правда», нагонявшая страх на помещиков. Внутри Литовского провинциального комитета к Калиновскому все более внимательно прислушивались, чаще и чаще с ним соглашались Бонольди, Длуский и Вериго. Вне комитета решительную поддержку ему оказывали А. Мацкявичюс, А. Трусов, В. Врублевский. Действия революционной организации Белоруссии и Литвы приобретали все более радикальный характер.

По словам лидера литовских белых Я. Гейштора, социальные идеи появились у молодежи вследствие их отношений с русскими юношами, на которых действовали сочинения Герцена. Студенческая молодежь, продолжает Гейштор, обучаясь в Москве и Петербурге, почерпнула из сочинений русских писателей крайне демократического направления идеи социальной революции и народной войны, по его мнению, якобы совершенно чуждые полякам. Проповедуя народную войну не только против царского правительства, но и против дворянства, Калиновский и его сторонники утверждали, что все прошлые восстания за независимость Польши были неудачны потому, что ими руководили дворяне. Решительно порывая с традициями прошлого, они, по словам Гейштора, брали из истории Польши только одного Костюшку. Стремясь опереться на массы, они глубоко верили в силу организации, распространявшей свое влияние в народе, и были убеждены, что в минуту восстания «за ними пойдет весь народ...» «Немногочисленная партия действия, — продолжает Гейштор, — негодующая на дворянство, что оно хочет идти легальными дорогами и ничего не делает, кричала на помещиков. Перед восстанием несколько печатных листков, как, например, «Мужицкая правда», было издано их старанием... В пропаганду такую я не верил и считал ее не только бесполезной, но и вредной».

Особое внимание Калиновского к вовлечению крестьян в ряды организации, выход «Мужицкой правды», изменения, внесенные им в систему десяток, все более и более настораживали комиссара Центрального комитета Дюлёрана. Дюлёран — сын польского эмигранта, родился и вырос во Франции. Прибыл он в Вильно недавно, был очень тщеславен и желал разыграть роль своего рода провинциального диктатора. Он усмотрел в действиях Калиновского «опасность для национального единства», постарался заручиться поддержкой шляхты, недовольной действиями Калиновского и Литовского провинциального комитета, переходившего все более и более под его влияние. Комиссар слал в Варшаву рапорт за рапортом, заявляя, что Калиновский губит дело, готовя восстание «на таких началах, которые вовсе не устраивали сословия землевладельцев». Не удивительно, что Дюлёран находил гораздо больше сочувствия в среде белых, чем в комитете, при котором состоял.

Как указывают современники, Калиновский хотел строить свободную Литву не по традициям польских магнатов, а по принципам Герцена, не останавливаясь перед уничтожением дворянства ради полного

освобождения крестьянских масс. Для гарантии социальных и национальных прав народа он требовал от Центрального комитета точного определения статуса Литвы. Не удовлетворяясь неопределенными посулами федерации (с чем соглашались даже Звеждовский и Сераковский), Калиновский отстаивал полное равноправие Литвы, ее право самой свободно определить свою судьбу. В конечном счете за ним пошла большая часть демократической молодежи края.

С осени 1862 года Белоруссия и Литва были на военном положении. Продолжалась борьба временнообязанных крестьян против «Положений 19 февраля». Население казенных имений выступало против увеличения денежных платежей и уменьшения земельных наделов. Росло недовольство горожан политикой правительства. Царские власти все чаще прибегали к военной силе для подавления народных волнений. Рекрутский набор, объявленный в крае в конце 1862 года, еще более обострил положение. Бегство молодых крестьян, подлежащих набору, — одна из форм народного протеста — часто наблюдалось в Литве и Белоруссии и до событий революционной ситуации. Бежавшие часто оказывали вооруженное сопротивление преследовавшей их полиции и воинским командам. Набор 1862 года вызвал еще более упорный протест. Он особенно задел пограничные районы края, население которого до этого освобождалось от рекрутской повинности. Молодые крестьяне скрывались в леса, нападали на корчмы и фольварки, поджигали помещичьи усадьбы.

Накаленную предгрозовую атмосферу тех дней передает пятый номер «Мужицкой правды»: «...не давать уж больше рекрутов, а если царь захочет их взять, так, сговорившись всей громадою, дайте ему отпор». Газета призывала население к сплоченности, разоблачала маневры и произвол властей, ставила вопрос о восстании как единственном пути избавления от насилия и гнета: «Говорят, что мужики около Варшавы взбунтовались и не дали рекрута. Тогда царь поневоле должен был отступить. Так что же нам, мужики, делать, я вас спрашиваю?!»

10 (22) января 1863 года Временное Национальное правительство призвало польский народ к оружию для завоевания национальной независимости и освобождения от феодального ярма. Повстанческие группы произвели нападение на гарнизоны царских войск. Калиновский указывал, что восстание в Царстве Польском началось неожиданно для Литовского провинциального комитета. В самом конце ноября 1862 года Потебня и Падлевский, возвращаясь из Петербурга, заверили Калиновского, что восстание не начнется ранее весны, что молодежь, подлежащую набору, решено вывести из городов и укрыть от полиции, но восстание не начинать. Однако этому не суждено было осуществиться.

Восстание, по мнению Калиновского, началось преждевременно из-за провокационного набора и нераспорядительности руководства, поддавшегося на царскую провокацию. Руководство, готовя восстание, делало ставку не на крестьянскую революцию, а на заговор. Под знамя, поднятое варшавскими революционерами, отказались стать помещики Литвы и Белоруссии. Не удовлетворил манифест 10(22) января 1863 года и крестьян, мечтавших о получении земли. Программа, выработанная для объединения ради «национального дела» всех классов и сословий, на деле не удовлетворяла ни крестьян, ни дворян. «Самые преданные народному делу помещики, — говорил Калиновский, — имея значительный запас честолюбия, ввиду того, что в них только живет традиция, меру народного правительства об отдаче земли крестьянам старались выставлять своим собственным даром. Крестьянин, видя не обрезанные еще когти своих господ, не мог им довериться и стал смотреть на дело польское как на затею помещичью, органы же правительства такое понятие крестьянина старались поддерживать».

Несмотря на ограниченность январского манифеста и свою многомесячную борьбу с правицей красных в Варшаве, революционные демократы Белоруссии поддерживают восстание. «Польское дело — это наше дело. Это дело свободы», — заявил Калиновский.

1 февраля Литовский провинциальный комитет официально присоединился к программе Временного правительства и призвал революционные силы Белоруссии и Литвы к восстанию. Манифест, изданный в Вильно, провозглашал ликвидацию всех сословно-феодальных привилегий, передачу крестьян без выкупа тех земель, которыми они до этого пользовались за повинности, наделение безземельных повстанцев-крестьян небольшими участками земли. В заключительных строках говорилось: «Кто ослушается этот манифест, будь он или мужик, урядник, или кто иной, будет наказан».

В течение февраля — марта в литовских и белорусских пущах возникли партизанские отряды Нарбута, Сонгина, Длуского, Станевича, Колышки, Вислоуха, Людкевича и др., состоящие из однодворцев, ремесленников, безземельной и мелкопоместной шляхты, мелких чиновников, отставных офицеров, учащейся молодежи, крестьян.

Это были еще немногочисленные отряды, но они состояли из лучших сынов литовского, белорусского и польского народов. Те, кто первым поднял оружие, знали, что могут скоро погибнуть в неравной борьбе с врагом, но были убеждены, что дело их не пропадет, что их примеру последуют сотни и тысячи добровольцев, что в конечном счете весь народ поднимется на борьбу и завоюет себе землю и свободу.

«Знаешь ли ты, что тебя ожидает? — говорил начальник отряда лицам, прибывшим в лагерь. — Ты будешь ежедневно голодать, спать будешь на жесткой земле, ходить будешь чаще босым, чем обутым. Если будешь ранен — попадешь в руки врага, если струсишь — тебя застрелит свой же начальник. Поэтому еще раз спрашиваю тебя: готов ли ты на борьбу, зная, что в ней погибнешь?» И не было случая, чтобы прибывший отказался.

В Литве восставших возглавили Длуский и Мацкявичюс, в Западной Белоруссии — В. Врублевский. Попытки организации отрядов, предпринятые сторонниками Калиновского в центральных и восточных районах Белоруссии, не дали результатов. В предшествующие восстанию месяцы в этих районах из-за слабости революционно-демократических групп подготовка населения к восстанию почти не проводилась, и крестьяне настороженно отнеслись к призыву немедленно взяться за оружие, исходившему от неизвестных им лиц.

Общее руководство созданными и формируемыми отрядами должен был принять, как это было предварительно условлено, Сераковский. С извещением о начале восстания и приглашением в Вильно к нему выехал Ян Козелл. Однако ни Сераковский, ни Звеждовский, с которыми Козелл встретился в Петербурге и Москве, не могли выехать в Вильно раньше чем через месяц. В первые недели восстания Калиновский, по существу, был его единоличным руководителем на белорусских и литовских землях. Он пытался повернуть восстание на путь борьбы не только за национальную свободу, но и за социальную справедливость, придать ему антифеодальный, народный характер. Он разослал по всем отрядам специальную инструкцию, в которой указывалось, что начальники повстанческих отрядов имеют право конфисковать, с выдачей соответствующих квитанций, оружие, продовольствие, лошадей, транспортные средства, одежду и выносить смертные приговоры всем, кто сотрудничает с карателями или ослушивается приказов восставших. Отрядам предписывалось избегать столкновений с превосходящими силами, истреблять небольшие карательные отряды, закалять в боях солдат. В освобожденных районах повстанцы должны были немедленно приводить в исполнение декрет Временного Национального правительства о прекращении феодальных повинностей и наделении крестьян землей, уничтожать повсюду органы царской администрации и вместо них создавать революционную власть. Под страхом смерти никто не имел права уклоняться от участия в восстании.

Начальники отрядов должны были повсюду прекращать сбор налогов в царскую казну. На них возлагалась ответственность за приведение всего населения к присяге на верность революции. Они должны

были осуществлять мобилизацию всех лиц, способных носить оружие.

Инструкция рекомендовала повстанцам, где необходимо портить коммуникации, разрушать телеграфные линии, задерживать курьеров, уничтожать всюду органы царской полиции. Особое значение имел заключительный (восьмой) пункт инструкции, который гласил, что начальник отряда в освобожденных селах должен был собирать крестьян и у них на виду вешать помещиков, известных своим зверским обращением с крепостными. Калиновский боролся за демократизацию восстания, за сдвиг влево. Повстанческие отряды, возглавляемые Мацкявичюсом, Вислоухом и др., сочувственно встретили его намерения и оказали ему активную поддержку. На пепелищах панских усадеб они оставляли «Повстанческие инструкции». Но в рядах повстанцев были лица, не разделявшие стремления Калиновского, считавшие, что репрессии против помещиков раскалывают национальное единство.

Маневры царских властей также осложнили повстанцам задачу вовлечения крестьянства в восстание. Там, где в первые же недели борьбы удалось сформировать отряды и ознакомить население с программой повстанцев, сторонники Калиновского заручились поддержкой масс. Но в районах Могилевской, Витебской, Минской губерний, где контакт революционных демократов с крестьянством был слабым или отсутствовал вовсе, царским властям удалось внушить населению, что восстание — затея сугубо помещичья.

Калиновский был убежден, что с первыми выстрелами повстанцев, как только его сторонники провозгласят крестьянскую собственность на землю, свободу народа от панско-помещичьего гнета, к ним со всех сторон устремятся тысячами толпы крестьян. Но жизнь преподала ему суровый урок в первые же дни восстания.

В этих условиях группе Гейштора — Дюлёрана удалось в конце февраля — начале марта отстранить Калиновского от руководства. Активизация белых в Литве была частью более широкого плана, связанного с установлением диктатуры Лянгевича. Оценивая случившееся, Калиновский в протесте на имя Временного Национального правительства писал: «Провинциальный комитет уступает и слушает главу восстания потому, во-первых, что не желает начинать пагубных для революции раздоров и несогласий, и, во-вторых, потому, что не чувствует себя достаточно сильным, чтобы вырвать руководство дел из рук своих противников.

Однако же члены комитета считают своим долгом объявить вместе с тем, что они считают гибелью и изменой революции передачу руководства в руки контрреволюционеров — всегдашних врагов и революционного движения вообще и манифеста 22 января в особенности, что они протестуют против такого решения Центрального комитета, снимают с себя всякую ответственность перед будущностью за все ошибки и за все потери и несчастья, которые принесет противное духу и тенденциям восстания руководство литовским делом».

Как цинично заявлял Гейштор, «восстание уже было во всех губерниях, когда мы приняли должности в комитете». Чтобы избежать открытой борьбы с восставшей молодежью, белые, по их же признанию, встали у руля, с тем чтобы повернуть борьбу в национальное русло. Все распоряжения, приказы, инструкции, изданные Литовским провинциальным комитетом, отменялись, лица, им назначенные, снимались со своих постов и заменялись ставленниками белых. Дело дошло до того, что Калиновский был предан суду и начато было специальное над ним следствие. Белые не могли простить ему приказа об истреблении помещиков. Только возмущение рядовых повстанцев и протесты начальников отрядов заставили Гейштора прекратить это позорное дело и внешне помириться с Калиновским.

Вскоре после падения диктатуры Лянгевича Гейштору пришлось пойти на серьезные уступки демократическому крылу. Калиновский получил пост революционного комиссара Гродненского воеводства. Перед отъездом у него был продолжительный спор с Гейштором «насчет способа подхода к людям и делу». Вы-

слушав его замечания, Гейштор «основные тезисы повторил без изменений» и под угрозой расправы потребовал безукоризненного выполнения своих инструкций. По словам Гейштора, он «рекомендовал Калиновскому не признавать никаких различий между сословиями; дворян, помещиков не отталкивать, учитывать их как силу, необходимую в восстании, как его живительную душу». Калиновский же доказывал, что участие дворянства и помещиков в восстании является не только ненужным, но даже вредным. Народ сам одержит победу и потребует у помещиков свою собственность. Калиновский, по заявлению Гейштора, хотел, чтобы народ великодушно простил дворянству преступления прошлого, но, если бы оно даже и погибло, это было бы заслуженным наказанием, и страна от этого совсем не пострадала.

В самом конце марта 1863 года Калиновский отправился в родной ему край. О своем вступлении в должность комиссара он оповестил население специальным приказом, в котором объяснял, что повстанцы борются за справедливую свободу, призывал народ вступать в повстанческие отряды, сообщать восставшим о передвижении карателей, истреблять мелкие группы царских солдат. Приказ Калиновского получил широкое распространение среди крестьян и не на шутку встревожил карателей.

В седьмом номере «Мужицкой правды» содержался призыв к крестьянам решительно поддержать восстание: «Вышел уже польский манифест. Земля бесплатно дается всем мужикам, ибо это их земля с дедов-прадедов. За эту землю никто не должен отрабатывать панщину и никаких чиншей никогда не платить Подушного налога больше не будет, рекрута не будет, а все мужики, паны и мещане — всякий отслужит 3 года в своей земле и снова вольный... Вот теперь сами разбирайтесь, где больше правды: в польском манифесте или в царском? Царь обещал дать вольность — не дал. Обещал не брать рекрута, а на деле уже второго требует. Польский манифест дал землю, не берет рекрута, сбросил подушный, вернул унию. Ну, скажите же, братки, кто же нам добра желает?!.

...Подумайте хорошо, да, помолившись богу, дружно встанем вместе за нашу вольность. Нас царь уже не обманет... И пока есть время — надо нашим парням спешить с вилами и косами туда, где добывают волю и правду. И будет у нас вольность, какой не было у наших отцов и дедов».

Возглавив повстанцев Гродненщины, Калиновский вновь боролся против шляхетско-националистических элементов, которые, захватив руководство восстанием, заигрывали с помещиками, саботируя проведение аграрных декретов в жизнь. От всех повстанческих органов Калиновский требовал, «чтобы наблюдали за точным выполнением законов и решений, принятых народным правительством». При этом он указывал, что надо «обращать особое внимание на то, чтобы деревни, наделенные земельной собственностью, по приходе отряда не возвращались под царское управление». Повстанцы, говорил он, должны строго следить, чтобы во всякой деревне, через которую проходил отряд, был обнародован декрет Национального правительства о крестьянской собственности. Этот декрет должен быть объявлен и акт собственности написан в трех экземплярах, из коих один остается у крестьян, другой — у уездного начальника, третий отправляется к комиссару губернии.

В качестве революционного комиссара воеводства Калиновский привлекал крестьянство к непосредственному участию в деятельности руководящих органов восстания, требовал от уездных комиссаров «определять в должности крестьян и требовать исполнения этого от всех чиновников Национального правительства».

Калиновский лично следил за тем, чтобы все бойцы были хорошо вооружены и одеты, чтобы в отрядах поддерживалась дисциплина, чтобы боеприпасы и провиант помещались на вьючных лошадях и не отягощали людей на марше.

Деятельность Калиновского была образцом революционного служения народу. Он объехал губернию, посетил все повстанческие отряды, строго взыскивал за нерадивость и бездеятельность. Он произвел про-

верку личного состава отрядов, снаряжения и обеспечения бойцов всем необходимым, «расспрашивал о духе сельского населения».

Сохранилось описание внешнего вида Калиновского во время одной из инспекционных поездок. Он был одет в чемарку, расшитую черными шнурками, в сапогах и барашковой шапке, роста выше среднего, широкоплечий, сутуловатый, крупные волевые черты лица, обрамленного небольшой бородкой, пристальный, даже дерзкий взгляд. Прибывал в отряд он точно в назначенное время. С командирами держался строго, сурово взыскивал за военно-политические упущения, слабую заботу о рядовых, оставаясь в отряде, вел задушевные беседы с повстанцами.

В Гродненской губернии действовали отряды Валерия Врублевского, Ляндера (Александра Ленкевича), Млотка (Густава Стревинского), Юндзилла, Миладовского, Траугута, Стасюковича и др. Общая численность их ко времени вступления Калиновского на пост комиссара была не менее двух тысяч бойцов.

В каждом уезде было один-два отряда, насчитывавших от ста пятидесяти до трехсот человек. Отряды делились на группы по десять-пятнадцать человек под командой унтер-офицера. Группы объединялись в плутоны под командой офицера. На вооружении состояли старые охотничьи ружья, часто кремневые, новые охотничьи двустволки были редкостью, военные винтовки (штуцеры) — исключением. Большая часть повстанцев вооружалась самодельными пиками и копьями, изготовленными из кос. Порох и пули повстанцы приготовляли сами. Повстанцы могли вести прицельный действенный огонь на расстоянии пятидесяти-семидесяти шагов и были почти беззащитны перед армией, вооруженной новейшим оружием. Отряды не имели обозов и кухонь, продовольствие получали от крестьян, стараясь по возможности вознаграждать их за добровольные дары.

Все партизанские отряды Гродненщины были подчинены единому командованию. При Сокольском отряде, которым командовал капитан Эйтманович, был создан штаб во главе с Врублевским. Из штаба исхо-

дили приказы, повинуясь которым отряды маневрировали, сосредоточиваясь и рассыпаясь в тактических целях. Штаб обобщал получаемые донесения и представлял в Вильно сведения о боях и заявки на снабжение.

Повстанческие отряды устанавливали связи с населением, вербуя добровольцев и собирая информацию о передвижениях карательных колонн. Только активная поддержка населения позволила повстанческим отрядам Гродненской губернии полгода продержаться против хорошо вооруженной многотысячной карательной армии.

Против руководимых Калиновским и Врублевским повстанцев, насчитывавших около двух тысяч человек, действовали войска генерала Манюкина в составе семи эскадронов, пяти казачьих сотен, шестидесяти семи рот при тридцати восьми орудиях с прислугой. Перевес сил был колоссальный. С чисто военной точки зрения просто невероятно, что повстанцы продержались несколько месяцев и даже выигрывали отдельные боевые схватки. Перевес карательных сил исключал для повстанцев возможность наступательных операций. Однако они все же сумели ознакомить в некоторых районах крестьян со своей программой и даже ввести их во владение землей.

Из лагерей формирования и операционных баз, расположенных, как правило, вдали от населенных пунктов в глухих «медвежьих» углах, высылались небольшие подвижные группы, оглашавшие воззвания повстанцев, собиравшие сведения о противнике. Они же занимались и вербовкой добровольцев. Поэтому военные действия в подавляющем большинстве случаев носили характер схваток, стычек, как именовались они в боевых донесениях. Более крупные бои возникали при нападении карателей на обнаруженный ими лагерь повстанцев. Получив данные от лазутчиков, карательные колонны окружали и прочесывали подозрительные места. Повстанцы с боем отходили, прикрывая эвакуацию базы, и прорывались через цепь окружения.

Иногда карателям удавалось неожиданно напасть

на партизанскую базу, и повстанцы несли тяжелые потери. Такая неудача постигла отряд Врублевского 30 апреля на реке Слойка у деревни Валилы, невдалеке от Соколки. Отряд, еще не закончивший формирования, был рассеян, тридцать два повстанца убито. Только благодаря мужеству Врублевского повстанцы избежали полного разгрома.

Подводя итоги боя у Соколки, генерал Манюкин указывал, что он двинул в бой четыре роты, два эскадрона, сотню казаков при трех орудиях, разгромил «сильную позицию, избранную центром литовского восстания», и «повстанцы бежали с поля боя врассыпную». Но, по словам Калиновского, неудача в деле под Соколкой не столь поразительна, как объявляли официальные русские известия.

Решающего перелома в свою пользу регулярные войска добились не сразу. В течение апреля — мая 1863 года бои еще шли с переменным успехом Ряд столкновений заканчивался в пользу повстанцев.

Вся деятельность Калиновского на посту комиссара Гродненского воеводства была подчинена задаче демократизации восстания, вовлечения в него широких масс крестьянства. Подобно ему, действовали и другие руководители восстания. Мацкявичюс и Сераковский в Ковенской губернии, Людвик Звеждовский и Антон Трусов в Центральной и Восточной Белоруссии. Они стремились связать борьбу повстанцев с революционным движением в центральных районах России, надеялись, что из Белоруссии и Литвы оно перейдет по соседним к Москве губерниям, перебросится на берега Волги и Дона. Однако демократические силы не смогли придать восстанию социальный характер и связать его с освободительной борьбой русского крестьянства. Во главе восстания находились помещичьи элементы, срывавшие героические усилия демократов. Шляхетское руководство фактически стремилось к свертыванию борьбы, возлагая все надежды на интервенцию правящих кругов Франции и Англии.

«Смердящей кастой» называл помещиков Калиновский. Шляхта, по его мнению, всегда думала лишь

о защите своих сословных интересов, выдавая их, однако, за дело всей нации в целом. По вине шляхты, отмечал он, повстанцы терпели недостаток в оружии, боеприпасах, продовольствии. Эти откормленные бараны, по его словам, не хотят, чтобы повстанцы их стригли, так нужно сдирать с них всю шкуру! Но чтобы это осуществить, нужно было прежде всего отстранить «баранов» от руководства восстанием.

Революционным демократам России и Польши не удалось превратить восстание в аграрную революцию, перебросить его за Днепр и Двину. План организации восстания в Поволжье («казанский заговор») был сорван провокатором. «Земля и Воля» понесла тяжелые утраты и как общерусская революционная организация в конце 1863 года перестала существовать. Неудачей окончилась морская экспедиция к берегам Литвы. Отряды Сераковского были разбиты в конце апреля на границе с Курляндией. Был рассеян в Могилевской губернии и отряд Звеждовского, так и не сумевший прорваться в центр страны. На Правобережной Украине, в восточных и центральных районах Белоруссии восстание не получило развития. Отряды Минской губернии, руководимые Трусовым и Лясковским, были окружены и потеряли всякую связь с населением. Действия повстанцев летом 1863 года уже не выходили за границы польских, западнобелорусских и литовских земель. Лучшие силы восставших были разгромлены, а уцелевшие отряды блокированы превосходящими силами карателей в непроходимых лесах.

Со второй половины 1863 года, когда обозначился крах надежд на дипломатическое вмешательство западных держав, белые начали отходить от восстания. В июле виленский генерал-губернатор Муравьев подал дворянству мысль о публичном раскаянии. Предложение было принято. 27 июля адрес с заверениями в преданности, подписанный двумястами тридцатью виднейшими аристократами края, был вручен Муравьеву и немедленно со специальным посланцем направлен в Царское Село. Это знаменовало открытый пе-

реход дворянства Литвы и Белоруссии на позиции сотрудничества с царской администрацией.

В это время во главе повстанческой администрации Литвы и Белоруссии опять встал Калиновский. «В начале июня, — свидетельствует он, — я был снова вызван в Вильно Дюлёраном, в котором по приезде я увидел главного двигателя восстанием в здешнем крае в звании комиссара Литвы. Не давая мне никакой номинации, он принял меня как бы своим секретарем». 18 июня Калиновский был назначен заведовать отделением внутренних дел Виленского повстанческого центра. Начальником Вильно 22 июня стал сторонник Калиновского В. Малаховский. Революционные демократы Литвы и Белоруссии вновь стали у руководства восстанием. На их стороне было большинство командиров повстанческих отрядов (Мацкявичюс, Вислоух, Врублевский, Длуский и др.). Главой виленского отдела формально оставался еще Гейштор, но фактически он был не в состоянии сколь-либо серьезно влиять на ход дел.

Обстановка, сложившаяся в руководстве, намерения и планы революционной молодежи, вошедшей в состав Виленского исполнительного отделения, прекрасно переданы в письме Владислава Малаховского Феликсу Вислоуху. Оно датировано 28 июня и начинается возгласом: «Да здравствует свобода родины, равенство и собственность крестьян! Вечная слава вам, ее защитникам!» Первая часть письма, по словам автора, «очерк идущей борьбы», составленный по памяти. Перед нами чудом сохранившийся обзор хода восстания. Автор пишет, что муравьевский террор наводит ужас на слабых, насилию царской военщины нет границ. Переходя к характеристике положения дел в повстанческом лагере, Малаховский отмечает широкий территориальный размах восстания: «Нет ни пяди земли от Молдавии до Смоленска и Пскова, где бы не раздавались выстрелы повстанцев». Он сообщает о хорошем вооружении отрядов Литвы и «замечательном отношении крестьян к восстанию», восхищается героизмом повстанцев, которые одерживают победы над вдесятеро сильнейшим врагом, сметая це-

лые роты, уходят из окружения неприятеля и «без еды, обуви, одежды, информации и всех необходимых для жизни материальных и моральных средств уничтожают в засадах вымуштрованную дикую гвардию».

Малаховский оповестил Вислоуха о гибели З. Сераковского и других демократических лидеров, сообщил о неудаче восстания в Витебской и Могилевской губерниях («восстание не могло там долго продержаться... Народ, всеми силами подстрекаемый властями, был для него наибольшим препятствием»). По его мнению, неудачи носят временный характер, крестьянство в ряде губерний смотрит на восстание как на помещичью затею исключительно потому, что дворянство захватило руководство делом. «У нас в Литве, — пишет он, — только теперь дело доходит до гражданской администрации, так как до сих пор она почти бездействовала из-за подлости и трусости дворянства, рвущегося к должностям без желания работать, без понимания своих сил и обязанностей».

В тех редких случаях, когда повстанческая администрация возглавлялась энергичными, молодыми революционерами, ход событий принимал другое направление. В качестве примера Малаховский указывал на Гродненщину, «где один из наших («Хомут»— оставь это для себя), комиссар того воеводства превосходно организовал гражданскую администрацию, обеспечил отрядам лучшую связь и доставку продовольствия» и тем обеспечил военный успех.

Пример Гродненщины пока еще исключение, а должен стать правилом. Только правильная политика руководящих органов восстания может обеспечить его успех, что пока наблюдается только в Гродненском воеводстве. Деятельность Калиновского (Хомута) — пример для всех, его надо применить повсеместно — таков ход мыслей автора. «Теперь молодой элемент берет дворянство в тиски. Через две-три недели вы сразу же ощутите разницу, почувствуете, что за вами стоит народ, любящий вас, как своих детей, народ, материнской рукой охраняющий вас; увидите, что вас, братья, гибнущих на поле боя, народ готов, не считаясь с жертвами, обеспечить продовольствием, обмун-

дированием, снабдить информацией. Мы вступаем на путь бешеной энергии... Дворянство сторонится работы в деревне, бежит от вас, так как страшится муравьевских виселиц и дрожит за имения. Поставим же его так, чтобы ему пришлось выбирать между нашей петлей, пучком смолистой лучины — и царской карой. Когда тысячи голодных, ослабевших и раздетых льют в битвах благороднейшую кровь, ты, живой дворянин, как ты можешь оставаться безучастным зрителем этих бешеных схваток ради спасения поместий, нажитых трудом крестьян.

Мы вешаем крестьян, когда они по неразумности, не понимая своего положения и цели борьбы, шпионят, доносят, вредят сами себе же. Какие же мучения и казни должны мы обрушить на виновников стольких жертв, стольких поражений и страданий — на помещиков, которые предают вас на каждом шагу, бегут в города, прячут от вас свои запасы по амбарам.

Вам, олицетворению сил народа, искренне вам сочувствующего, нельзя, если вы понимаете важность настоящего момента и свое влияние на народное сознание, ограничиваться сетованиями на подлость и трусость дворянства. Пусть хотя один или два недоброжелательных пана заболтаются тучными телами на дереве, пусть хотя бы один угнетатель крестьян захрипит на виселице перед прежними своими неграми за донос, за невыполнение приказа и долга, за неизгладимые и невознаградимые обиды, причиненные народу или вам, а потому и общему делу, и народ вас поймет. Он не назовет вас «барчуками», а будет считать вас вдохновенными трибунами свободы, о которой он мечтал с колыбели, защитниками всеобщей вольности. Он окружит вас доверием и верой... В родной стране вы не должны получать ответа — «не дают». От вашего успеха зависит судьба отечества — как же можете вы терпеть горести или нужду, боясь оскорбить нервы дворянки грубым приказом или нарушить покой дворянина, смердящего, подобно улитке, в гнусной праздности».

Основными задачами, решение которых обеспечит успех восстания, Малаховский считал создание энергично действующей гражданской администрации, способной обеспечить всем необходимым вооруженные отряды и повести решительную борьбу с дворянством, саботаж которого был основной причиной неудач. Он предлагал, исходя из опыта гродненских повстанцев, создавать небольшие конные группы в десять-двенадцать всадников, которые, тревожа врага, истребляя его пикеты, вешая шпионов, уничтожая царские власти, смогли бы с успехом вести борьбу против превосходящих сил карателей.

Письмо Малаховского заканчивалось призывом к стойкости. Вера в святость и непобедимость правого дела восставших слышится в его заключительных строках: «Мы чувствуем в себе новые силы, видим позорный конец царского могущества. После каждой казни у нас идет еще лучше. Молодость берет верх...»

Программа действий, изложенная в этом письме, была поддержана большинством повстанцев. В конце июня — начале июля Калиновский сосредоточивает в своих руках все руководство повстанческой администрацией в Литве и Белоруссии, привлекая к сотрудничеству молодые революционные силы: университетских товарищей, уцелевших соратников Сераковского и Домбровского. В состав реорганизованного Виленского повстанческого центра Калиновский вошел как его глава и комиссар Национального правительства. Военным отделом заведовал Юзеф Калиновский, сын директора Виленского дворянского института, отставной инженер-капитан. Отделом внутренних дел ведал Титус Далевский, брат жены Сераковского. После ареста Гейштора 31 июля (12 августа) Далевский был назначен председателем отдела. Финансовыми вопросами занимался Игнаций Зданович, товарищ Калиновского по университету. После вынужденного отъезда Малаховского из Вильно в начале августа Зданович заменил его на посту начальника города.

Энергичная деятельность молодых вождей восстания снискала им любовь и уважение демократических кругов. Особенной популярностью пользовался пан Константин (фамилию Калиновского знали немно-

гие). Одно имя его, как свидетельствуют современники, наводило ужас на помещиков, но зато с какой любовью произносилось оно молодежью!

Новое руководство занялось укреплением нелегальной организации, устройством системы явочных пунктов и квартир, упорядочением службы связи, системы паролей и отзывов. В Вильно были взяты на учет все дворы и дома с двойными подъездами, устроены нелегальные склады и типографии. Калиновский, скрывавшийся в городе, был помещен в квартиру преподавателя гимназии, в здании бывшего университета. Кто мог подумать, что глава восстания проживает рядом с дворцом генерал-губернатора? Доступ на квартиру Калиновского имело всего несколько надежных членов организации. Для встреч же с прибывающими представителями служили явочные квартиры. Одна из явок находилась на квартире вдовы поэта Сырокомли. При малейшем подозрении явки менялись. Часто Калиновский назначал встречи с нужными ему лицами в Ботаническом саду, раскинувшемся у подножья Замковой горы, увенчанной руинами башни Гедимина. Прибывший на свидание произносил пароль: «Кого любишь?» Отзыв: «Люблю Беларусь!»— «Так взаимно».

Условия, в которых протекала летом и осенью 1863 года деятельность Калиновского, были исключительно трудными. Необходимо было сорвать маневры царских властей, которые изображали руководителей восстания агентами польских панов. Продолжать борьбу можно было, только подняв знамя, под которое могли стать крестьяне. Калиновский развернул это знамя. В обращении «К народу земли литовской и белорусской» он писал, что Муравьев «дурачит народ, толкуя, что это помещики поднялись, чтобы возвратить барщину, — он хочет замутить воду, чтобы в мутной воде по-прежнему рыбку ловить. Но дело наше не дело панское, а справедливой вольности, какую ваши деды и отцы издавна желали. Но миновала уже барщина, миновала кривда, и никакая сила ее не вернет... Никто не сможет обижать простого человека... Чиншей, оброков, податей в казну и панам более не платить, земля уже ваша...» Калиновский призывал народ отстаивать свои права и интересы, устраивать жизнь по-своему. Сами крестьяне должны на сходках решать, как жить, что делать, как перестроить порядки в соответствии с правдой мужицкой. «Пан будет злым, пана повесим как собаку! Мужик будет плохим, так и мужика повесим, а дворы их и села пойдут с дымом, и будет справедливая вольность. Мы люди вольные, а кто хочет неволи, тому дадим виселицу... А кто этому приказу противен будет, будь он или поп, или ксендз, мужик или пан, обо всяком доносить польскому правительству... или, собравши сход и сделав справедливый суд, без оговорок вести на виселицу! Ибо кто хочет кривды людской, тот пусть лучше сам пропадает!»

Энергичные действия обновленного повстанческого центра в Вильно, его внимание к нуждам повстанческих отрядов, стремление широко вовлекать в борьбу народ не пропали даром. Восстание несколько оживилось, в июне — июле повстанцы провели ряд успешных боевых операций против карательных войск. Наибольший успех сопутствовал Яблоновскому (Длускому) — верному соратнику Калиновского, возглавлявшему один из наиболее крупных и боеспособных отрядов. Уже в течение нескольких месяцев он успешно противостоял карателям, искусно маневрировал, наносил неожиданные удары и исчезал в лесисто-болотистой местности. В июне отряд занял хорошо укрепленную позицию в густых малопроходимых лесах у местечка Попеляны в приморской части Литвы. По окрестным селам были разосланы подвижные группы для сбора информации и претворения в жизнь аграрных декретов. На рассвете 10 (22) июня разъезды донесли о приближении гвардейских стрелков, которых проводники выводили прямо на позиции повстанцев. Первая атака гвардейцев была отбита метким прицельным огнем. После долгой перестрелки гвардейцы вновь под барабанную дробь и с криками «ура» бросились в штыки. В острейший момент сражения на завалах, проведя перегруппировку отряда, Яблоновский ударил во фланг и тыл карателям. Под ударами

с двух сторон они дрогнули, а затем обратились в бегство. Так гвардейский стрелковый имени императорской фамилии батальон перестал существовать как боевая единица.

Первые успехи не вскружили голову Калиновского. Обобщая опыт вооруженных действий, он видел, что в сложившихся условиях повстанцам нельзя действовать крупными отрядами, которые сравнительно легко выслеживались превосходящими силами карателей. Избегать окружения и полного уничтожения становилось все более затруднительно. Калиновский изменил тактику вооруженной борьбы. Вместо крупных отрядов стали создавать мелкие подвижные группы. Переход к новой тактике был необходим при подавляющем превосходстве царских войск.

Срывая попытки муравьевских чиновников и попов разжечь национальную вражду между поляками, русскими и белорусами, Калиновский отмечал, что царские чиновники толкуют теперь без устали о своем братстве с крестьянами. Как же этому не удивиться! Сколько лет жили крестьяне под властью царя и чиновников, но теперь только услышали, что они братья и друзья их. Хитростью и обманом назвал Калиновский этот маневр врагов. Выступая против мнимого братства угнетателей с угнетенными, он напоминал, что дружба не скрепляется плетью и свинцом. Военщина и царь не братья крестьян, а враги.

Высшее католическое духовенство тесно срослось с местным польским дворянством. В сентябре 1863 года оно открыто выступило против восстания и призвало народ сложить оружие. Нужно было, не оскорбляя религиозных чувств верующих, раскрыть подлинный лик духовных пастырей. Калиновский обнародовал прокламацию, в которой объяснил смысл действий ксендзов. Прелаты святую борьбу народа называют мятежом, мужественных борцов считают преступниками, жестокого палача величают законным и милостивым монархом, а трусливый отказ от борьбы объявляется обязанностью, вытекающей из заповедей религии. «Поистине, прелаты, трудно было в столь коротких фразах сказать так много лживого.

Никогда еще христианская заповедь «Не бери имени господа для обмана» не была более торжественно растоптана и поругана. И кем же! Теми, кто обязан охранять в чистоте заповеди бога».

Напоминая, что даже папа римский не решался проклясть восставших, Калиновский иронически упрекал ксендзов в том, что они поступили вопреки воле наместника Христа на земле. Он заранее отвергал возможное оправдание, что они подчинялись приказам царской администрации. «Вы скажете, что были зажаты как бы в железные клещи ужасным насилием, что у вас только два пути: или издать ложное обращение, или обречь церковь на тяжелое преследование. Вы как бы из двух зол выбрали наименьшее. Это вам посоветовала трусость, а не Христово учение, которому вы служите. Пусть люди мира сего руководствуются дипломатическими маневрами, но вы, считающие себя незапятнанными представителями Христа, должны руководствоваться только правдой и никогда не выбирать зла, даже и наименьшего...»

Предпринятый Калиновским шаг ослабил, но не мог приостановить работу отлично вышколенного церковного аппарата. Царские власти доносили, что ксендзы огласили с амвонов послание епископов, «как по команде».

Против повстанцев царское правительство бросило более чем трехсоттысячную карательную армию. Из этих войск около ста двадцати тысяч штыков и сабель действовали против партизанских отрядов Белоруссии и Литвы. В крае было введено военное положение. Вся полнота власти переходила в руки военных начальников губерний и уездов. Воинские, полицейские, жандармские посты и караулы заполнили населенные пункты и дороги. В лесах вдоль дорог делались широкие просеки. Населению запретили передвигаться. Все жители были обложены контрибуцией. Крестьянам сулили землю, снижение выкупных платежей. Чиновники и офицеры уверяли их, что, как только будет покончено с «мятежом» панов-поляков, царь обеспечит их всеми благами, создаст народу чуть ли не райскую жизнь.

С осени 1863 года восстание начинает гаснуть, несмотря на героические усилия Калиновского и его сподвижников. С наступлением осенне-зимнего сезона положение повстанцев, блокированных в лесах, окруженных стеной войск, стало особенно тяжелым. Несмотря на военное поражение повстанцев, их борьба имела огромное значение. В условиях восстания крестьяне повсеместно прекратили отбывание повинностей и уплату налогов, а органы царской администрации не решались принуждать население.

Калиновский решил вывести из-под ударов карателей основные военные силы, чтобы использовать зиму для перегруппировки сил и, опираясь на поддержку крестьян, весной вновь поднять борьбу. Он разослал по отрядам инструкцию о сохранении военных сил в зимних условиях. Запрещалось «самочинно распускать отряд». В каждом отдельном случае командир отряда должен был получить согласие высших органов. «Если бы местные условия заставили начальника распустить свой отряд, то солдатам следует выдавать отпускные билеты, чтобы временный роспуск отряда не имел вида окончательного роспуска войск. Это распоряжение не касается общего восстания и не меняет правил о нем». Калиновский поддерживал связь с начальниками отрядов. С ноября он назначил Мацкявичюса «организатором вооруженных сил Ковенского воеводства». Калиновский призывал повстанцев быть стойкими и надеяться на успех дела. В зимних условиях продолжали борьбу только немногие, хорошо снаряженные отряды, остальные распускались до весны. Рядовые повстанцы получили отпускные билеты с обязательством явиться по первому требованию. Командный состав и оружие укрывались в лесах.

Эти меры, предпринятые Калиновским, были связаны с общим планом оживления восстания весной 1864 года, разработанным Р. Траугутом, но претворить их в жизнь не удалось повстанческому руководству ни в Царстве Польском, ни в Литве.

Над руководителями восстания все ближе нависала опасность. Еще в июне 1863 года властям стало

известно, что во главе восстания стоит К. Калиновский. Муравьев предпринял энергичные меры для его ареста. Но революционная организация надежно укрыла своего вождя. Он скрывался в Вильно, проживая по подложным паспортам (Чарнецкого, Макаревича, Витоженца). Местожительство Калиновского было известно только нескольким преданным и стойким лицам. В случае малейшей опасности квартира немедленно менялась. Среди повстанцев Калиновский был известен под именами «Хомутус», «Хамович» и т. п.

В результате предпринятых в Вильно повальных обысков и облав муравьевским ищейкам удалось арестовать ряд видных деятелей революционной организации и напасть на след Калиновского и его ближайших соратников. 26 сентября был арестован Игнаций Зданович, возглавлявший революционную организацию Вильно. При нем были захвачены документы, свидетельствующие о близости Здановича к руководству восстанием. В течение трех месяцев царские палачи терзали Здановича, пытаясь вырвать у него «чистосердечное сознание», узнать, где скрывается Калиновский, но тщетно. 21 декабря Зданович был казнен. Между тем Муравьев получил новые доказательства продолжающейся деятельности Калиновского. Пленные повстанцы сообщали о его приказах быть стойкими и ждать весны с оружием у ноги. Все истинные сыны родины должны нести все свои силы на алтарь ее для продолжения борьбы. В декабре царским следователям стало известно, что «главное революционное правление Литвы находится в руках уполномоченного комиссара Константина Калиновского и его секретаря Титуса Далевского, скрывающихся в Вильно». Предатель сообщил карательным органам и некоторые явочные квартиры революционеров. На одной из них в доме недавно умершего поэта В. Сырокомли (Кондратовича) в засаду попал Титус Далевский. Калиновского в последнюю минуту удалось предупредить, и он избежал ареста. 22 декабря Титус передал товарищам на воле следующие строки: «...При мне и на моей квартире нашли сильно компрометирующие ме-

ня документы. ...В понедельник военно-полевой суд перешлет свой приговор по моему делу Муравьеву — во вторник или в следующие дни я буду мертв. В жизни моей я не испытал счастья. Делил со своей семьей ее великую недолю и все моральные муки. Любил свою родину, и теперь мне радостно отдать за нее жизнь. Оставляю мою семью на попечение моего народа, ибо из нас, братьев, никто не останется живым». 30 декабря 1863 года Титус Далевский был расстрелян. Его отказ выдать руководство восстанием рассматривался в приговоре как самая тяжелая его вина. Несмотря на все явные доказательства самого тесного знакомства с Константином Калиновским, Далевский о сношениях своих с ним и о месте его укрывательства ничего не высказал.

Современники передают, что Калиновский, пренебрегая опасностью, провожал в последний путь своих отважных товарищей, являлся к месту казни, становился в первых рядах толпы за шпалерами войск, окружавших эшафот. Товарищи не раз говорили ему о неразумности подобных действий, но Константин считал своим долгом прощание с ближайшими соратниками, шедшими на смерть, спасавшими его от ареста ценой собственной жизни. Он мог десятки раз без особого труда выехать за границу, повстанческая почта еще действовала, но считал недостойным для революционера покинуть пост, пока в лесах продолжали действовать хотя бы несколько партизанских отрядов. Соратникам за границей Константин писал, что царским ищейкам не скоро удастся напасть на его след, а пока этого не случилось, он нанесет врагам еще не один удар Несколько раз ему удавалось ускользать от полиции во время массовых облав, уходя из окруженных солдатами домов по крышам, чердакам, водосточным трубам.

Муравьеву помог предатель, арестованный в Минске, который сообщил, где скрывается Калиновский. Специальной эстафетой Муравьев был извещен об этом. Шифрованная телеграмма жандармского полковника Лосева из Минска была получена в Вильно в девять часов вечера 28 января 1864 года: «№ 28 на

Святоянской улице в святоянских мурах живет преступник Калиновский, воевода, под именем Витоженец. В доминиканском доме живет госпожа Баневич, к ней обращаются агенты из других городов для указания места жительства Калиновского и других. Она все знает. Полковник Лосев».

Святоянскими мурами жители Вильно называли обширные средневековые корпуса, где некогда помещалась иезуитская академия, а позже — Виленский университет, закрытый в годы царствования Николая I. В период восстания в этих зданиях находились гимназия, музей древностей, центральный архив, обсерватория, множество квартир служащих и частных лиц. Содержание телеграммы Лосева хранилось в глубочайшей тайне. Полицмейстеру было поручено лично справиться в книгах о точном адресе Витоженца, но, как бывает при спешке, имя его ускользнуло при просмотре книг. Тогда решили обыскать весь Святоянский квартал, для чего понадобилось две роты солдат, разделенных на десять партий при офицерах полиции и особых чиновниках. Имя лица, которое следовало арестовать, было им объявлено только ночью перед самым обыском. Калиновский нанимал уже второй месяц комнату в квартире одного учителя гимназии, уехавшего куда-то в отпуск. Его застали на площадке лестницы со свечой в руке. Когда спросили фамилию, он спокойно ответил «Витоженец», и в ту же минуту был схвачен.

С арестом Калиновского прекратилось централизованное руководство уцелевшими звеньями революционной организации и партизанскими отрядами, ожидавшими в лесах сигнала к весеннему выступлению. Разбитые, лишенные руководства, остатки партизанских отрядов еще надеялись на новый подъем движения. Весна действительно принесла некоторое оживление деятельности немногочисленных групп повстанцев. Произошло несколько нападений на помещичьи мызы и казачьи патрули, но массового выступления не было.

Калиновский был помещен в здании упраздненного Доминиканского монастыря. Следствие над ним

вела особая комиссия. Муравьев, «интересовавшийся ходом дела в высшей степени, постоянно посылал туда чиновников своих». Между иными побывал в «Доминиканах» один из чиновников муравьевской канцелярии, Мосолов, оставивший не лишенное интереса описание последних дней руководителя восстания. «Первый день, — пишет он, — Калиновский лишь кусал себе губы, неохотно даже отвечал на вопросы, но к вечеру не выдержал и объявил настоящее свое имя. Несмотря на все усилия членов комиссии, им не удалось исторгнуть от Калиновского подробного показания о личностях, составляющих революционную организацию края. Он, однако, откровенно сознался, что был распорядителем жонда во всем крае, и, как видно из показаний других лиц, он умел поддержать падающий революционный дух польского населения. Помещики его страшились, он свободно разъезжал между ними, воодушевлял нерешительных и запугивал слабых. Калиновский был лет 26, крепкого сложения и с лицом жестким и выразительным; короткие русые волосы были зачесаны назад — таким я его видел в тюрьме за несколько дней до казни»

Следственно-судебное дело «О дворянине Гродненской губернии и уезда Викентии Калиновском» содержит свидетельства о несгибаемой воле, мужестве и стойкости, проявленных Калиновским в царском застенке. Он отказался дать какие-либо показания о составе революционной организации, заявив палачам: «Выработав трудом и жизнью сознание, что если гражданская откровенность составляет добродетель, то шпионство оскорбляет человека, что общество, устроенное на иных началах, недостойно этого названия, что следственная комиссия, как один из органов общественных, не может отрицать во мне этих начал, что указания мои о лицах, которые делают чистосердечные признания или о которых следственная комиссия знает иным путем, не могут способствовать умиротворению края, я счел необходимым заявить следственной комиссии, что в допросах насчет личностей, ею указываемых, я поставлен иногда в положение, не соответственное ее желаниям, и должен быть

сдержан в своих показаниях по вышеупомянутым причинам. Заявление это делано в той надежде, что следственная комиссия свойственным порядком устранит безвыходное мое положение. Причины и последствия мною хорошо обдуманы, а сознание чести, чувства собственного достоинства и того положения, какое я занимал в обществе, не дозволяет мне следовать по иному пути».

Получив эту отповедь, следователи донесли Муравьеву: «Ввиду такого заявления со стороны Калиновского и вполне обнаруженных его преступлений, особая следственная комиссия постановила дело о нем закончить и представить вашему высокопревосходительству». В резолюции Муравьева значилось: «Комиссии военного суда вменить в обязанность окончить суд в трое суток и затем военно-судебное дело представить во временный полевой аудиториат».

Неожиданно Калиновский заявил, что желает дать письменные показания Изумлению палачей не было границ. А вдруг Калиновский испугался нависшей над ним смерти? «Ему дали перо и бумагу и позволили свободно излагать свои мысли, — вспоминает Мосолов, — он написал отличным русским языком довольно любопытное рассуждение об отношении русской власти к польскому населению Западного края, в котором, между прочим, высказывал мысль о непрочности настоящих правительственных действий и полное презрение к русским чиновникам, прибывшим в край. Калиновский сознавал, что с его арестом мятеж неминуемо угаснет, но что правительство не сумеет воспользоваться приобретенными выгодами».

28 января Калиновский пометил свою записку, дающую краткий, но очень глубокий анализ причин и хода восстания. Всего несколько листков, исписанных его твердым ровным почерком, но как много содержат они. Руководитель восстания писал, что отвергает предъявленное обвинение во враждебных действиях против России и разрыве государственной общности с ней, указывал, что вопрос о государственном устройстве он подчиняет борьбе за обеспечение народного счастья. Он открыто объявлял себя врагом порядков,

лишивших польский, белорусский и литовский народы государственности и элементарных условий для развития культуры. «Я мог прийти к такому заключению, — писал он, — что Россия хочет полного с собой слияния Литвы для доставления счастья здешнему народу Я не противник счастья народного, я не противник и России, если она добра нам желает, но противник тех бедствий и несчастий, которые посещают край наш несчастный». Высмеивая Муравьева, изображавшего себя «другом народа», Калиновский писал, что его действия могут привести только к новому восстанию.

Побежденный, но не сломленный, Калиновский верил, что придет время, когда народы России и Польши, Литвы и Белоруссии будут жить в дружбе, и закончил записку словами: «В моем сознании я преступник не по убеждению, но по стечению обстоятельств, а потому пусть и мне будет дозволительным утешать себя надеждой, что воссоздается народное благо. Дай бог только, чтобы для достижения этого потомки наши не проливали лишней братней крови».

Находясь в застенке, Калиновский сумел переслать на волю несколько воззваний к белорусскому крестьянству, вошедших в литературу под названием «Письма из-под виселицы». Это последнее обращение его к народу.

«Браты мои, мужики родные, — пишет Калиновский. — Из-под виселицы царской приходится мне к вам писать, и, видимо, в последний раз. Горько покинуть землю родную и тебя, мой народ. Грудь застонет, заноет сердце, но не жаль погибнуть за правду твою. Прими же, народ, искреннее мое слово предсмертное, ведь оно как бы с того света, только для добра твоего написано... Нет, братья, большего счастья на свете, если есть возможность человеку получить доступ к науке, овладеть мудростью. Тогда только он будет жить обеспеченно, тогда только он сам будет управлять судьбой своей... ибо, обогатив наукой разум и развив чувства, с искренней любовью отнесется ко всему народу своему. Но как день с ночью не ходят вместе, так и не идет рядом наука правдивая

с неволей царской. И пока мы будем под гнетом этим, у нас ничего не будет, не будет правды, богатства и никакой науки, как скотину, нас гонять будут не для добра, на погибель нашу.. »

Даже в самые трудные минуты борьбы, когда восстание угасало, а над головой Калиновского нависла смерть, он не отчаялся, не потерял веры в конечную победу народа, до последних дней жизни оставаясь несгибаемым революционным демократом.

13 марта Калиновский предстал перед военно-полевым судом. На вопрос, нет ли у него каких-либо претензий к суду или желания что-либо сказать в оправдание, он написал: «Показания мои, при следствии данные, вполне утверждаю. К оправданию своему или разъяснению дела ничего более представить не имею». 14 марта военный суд по полевому уголовному кодексу приговорил Калиновского к расстрелу «...за принятие звания члена Революционного комитета Литвы, а после этого главного распорядителя восстания в здешнем крае, а вместе с тем измену государству и склонение к бунту жителей». 16 марта приговор был рассмотрен временным полевым аудиториатом, который постановил: «За преступление его, составлявшее высшую степень участия в мятеже против правительства с возбуждением к тому деятельным распространением и поддержанием восстания... казнить смертью повешением». Резолюция Муравьева гласила: «Согласен. Исполнить приговор в Вильно в три дня».

22 марта в десять часов утра приговор был приведен в исполнение на базарной площади Лукишки. «Было ясное холодное утро, — пишет Мосолов, — Калиновский шел на казнь смело: придя на площадь, он встал прямо лицом к виселице и лишь по временам кидал взоры в далекую толпу. Когда ему читали конфирмацию, он стал было делать замечания. Так, например, когда назвали его имя· дворянин Викентий Калиновский, он воскликнул: «У нас нет дворян, все равны!»

Над современными площадями и средневековой готикой Вильнюса возвышается и ныне гора, увенчан-

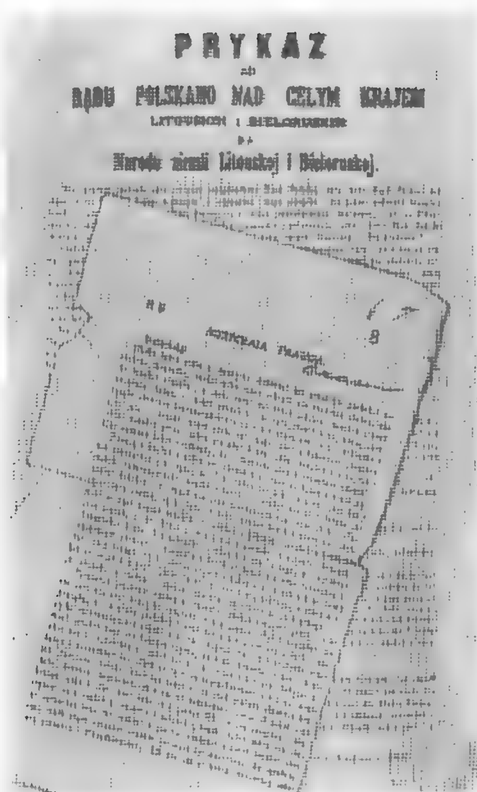
ная башней Гедимина. Тяжким был труд строителей этой некогда грозной крепости. «Как тябе у Вильню горы капаць», — чертыхаются и поныне старцы белорусы. Много преданий и легенд связано с этой твердыней. Грозные сечи литовцев и русских с тевтонами видели ее стены. Деревья Ботанического сада, раскинувшего на склонах горы, еще хранят память о бурном 1863 годе, о конспиративных встречах повстанцев под их кронами. На вершине Замковой горы под охраной столетних лип покоятся останки героев 1863 года — Зыгмунта Сераковского, Константина Калиновского и других руководителей восстания, имена которых олицетворяют кровную, неразрывную связь народов Советского Союза и демократической Польши.

Константин Калиновский.

Константин Калиновский.

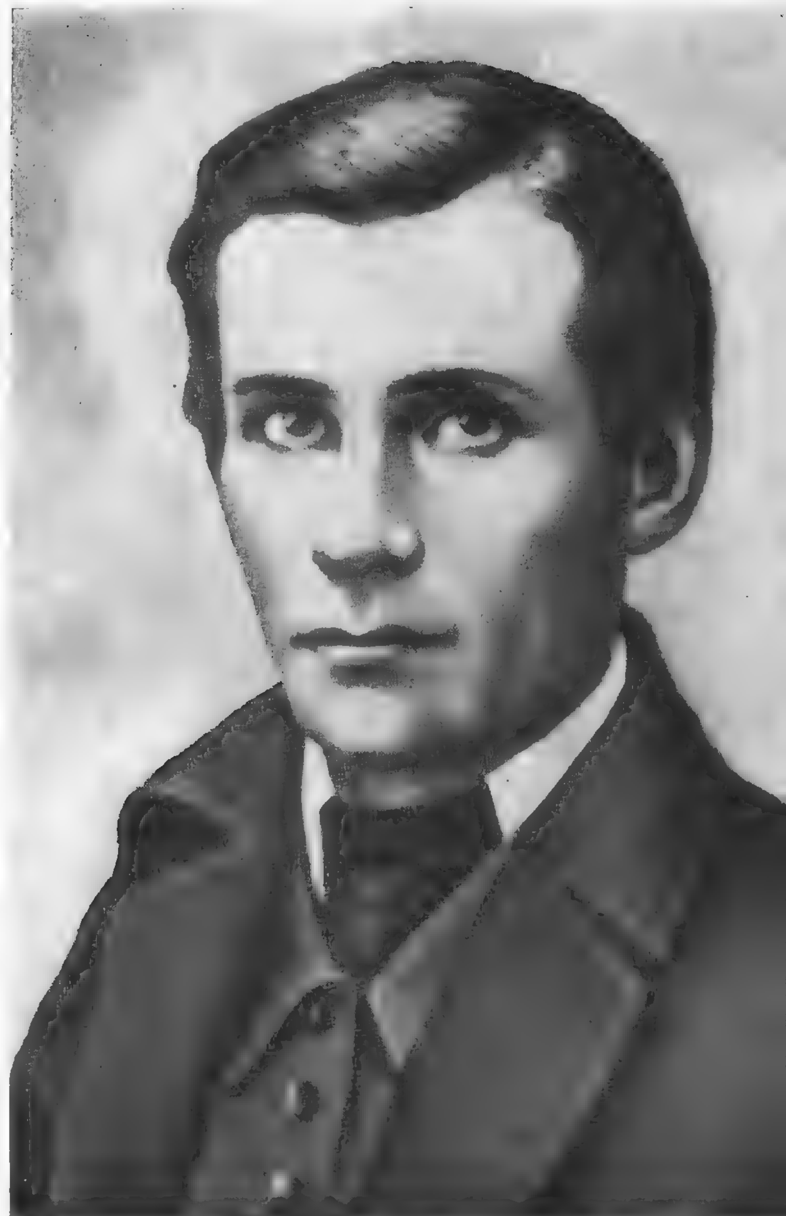

PRYKAZ

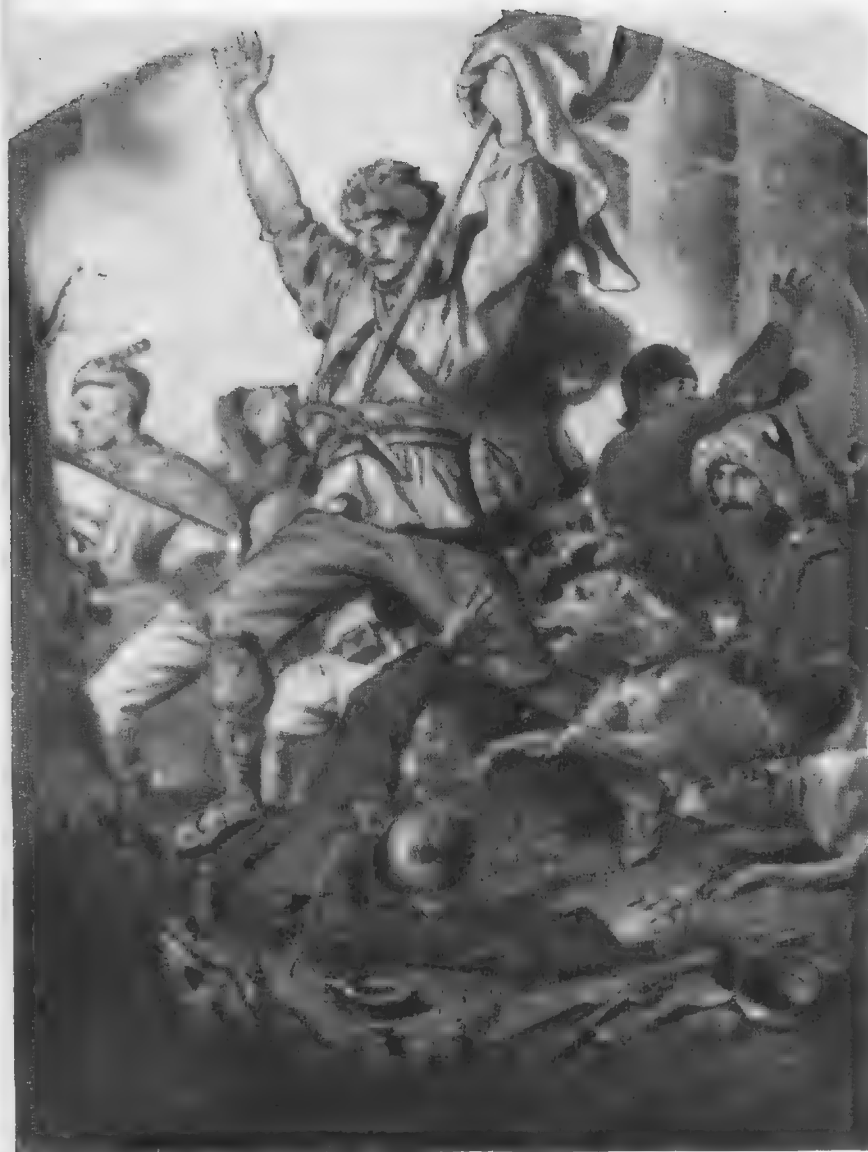
RADU POLSKAHO NAD CELYM KRAJEM

«Мужицкая правда» и «Приказ народу земли Литовской и Белорусской».

Антанас Мацкявичюс.

Людвик Звеждовский.

«Бой». Рис. А. Гротгера.

Юзеф Гауке — Босак.

Михал Гейденрейх — Крук.

Иероним Кеневич.

БОЖІЕЮ МИЛОСТІЮ

МЫ, АЛЕКСАНДРЪ ВТОРЫЙ

ИМПЕРАТОРЪ И САМОДЕРЖЕЦЪ

ВСЕРОССІЙСКІЙ

ЦАРЬ ПОЛЬСКІЙ, ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ ФИНЛЯНДСКІЙ,

и прочая, и прочая и прочая.

Объявляемъ всѣмъ НАШИМЪ вѣрноподданнымъ

Въ постоянной заботливости НАШЕЙ о благѣ всѣхъ вѣрноподданныхъ НАШИХЪ, МЫ, Указомъ въ 19 день Февраля 1861 года, признали за благо отмѣнить крѣпостное право надъ сельскимъ сословіемъ Богомъ ввѣренной НАМЪ Россіи.

Уступая просьбамъ помѣщиковъ, МЫ какъ ни тяжело было НАШЕМУ Монаршему сердцу, повелѣли однако всѣмъ временно-обязаннымъ крестьянамъ оставаться въ теченіи двухъ лѣтняго срока, т. е. до 19 Февраля настоящаго 1863 года, въ полной подчиненности у ихъ бывшихъ владѣльцевъ.

Нынѣ призвавъ Всемогущаго на помощь, настоящимъ Манифестомъ объявляемъ полную свободу всѣмъ вѣрноподданнымъ НАШИМЪ къ какому бы званію и состоянію они непринадлежали. Отнынѣ свобода вѣры и выполненіе обрядовъ ея церкви составитъ достояніе всякаго.

Всѣмъ крестьянамъ, какъ бывшимъ крепостнымъ такъ и государственнымъ, даруемъ въ опредѣленномъ размѣрѣ землю, безъ всякой за оную уплаты какъ помѣщикамъ такъ и Государству, въ полное — неотъемлемое и потомственное ихъ владѣніе.

Полагаясь на вѣрность народа НАШЕГО и признавъ за благо для облегченія края упразднить армію НАШУ, МЫ, отнынѣ впредь и навсегда, освобождаемъ НАШИХЪ любезныхъ вѣрноподданныхъ отъ всякаго рода наборовъ и повинностей рекрутскихъ. Затѣмъ, солдатамъ арміи НАШЕЙ повелѣваемъ возвратиться на мѣсто ихъ родины.

Уплата подушныхъ окладовъ, имѣвшихъ назначеніемъ содержаніе столь многочисленной арміи, съ дня изданія сего Манифеста, отмѣняется. — Всѣмъ солдатамъ возвращающимся изъ службы, также всѣмъ дворовымъ людямъ, фабричнымъ и мѣщанамъ, повелѣваемъ дать безъ всякаго возмездія надѣлъ земли изъ казенныхъ дачъ обширной Имперіи НАШЕЙ.

Въ каждой волости, равно въ городѣ, избирается четырехъ пользующихся его довѣріемъ человѣкъ, которые, собравшись въ уѣздномъ городѣ, изберутъ совокупно уѣзднаго старшину и прочія уѣздныя власти. Четыре депутата отъ каждаго уѣзда, собравшись въ губернскій городъ, изберутъ губернскаго старшину и прочія губернскія власти. Депутаты отъ каждой губерніи, призванные въ Москву, составятъ Государственный Совѣтъ, который съ НАШЕЮ помощью будетъ управлять всею Русскою землею.

Таковa Монаршая воля НАША!

Всякій объявляющій противное и неисполняющій сей Монаршей воли НАШЕЙ, есть врагъ НАШЪ. Уповаемъ, что преданность народа оградитъ престолъ НАШЪ отъ покушеній злонамѣренныхъ людей, посягающихъ НАШЕ Монаршее довѣріе.

Повелѣваемъ всѣмъ подданнымъ НАШИМЪ вѣрить одному НАШЕМУ Монаршему слову. Если войска, обманываемыя ихъ начальниками, если генералы, губернаторы, посредники, осмѣлятся силою воспротивляться сему Манифесту, да восстанетъ всякій для защиты даруемой МНОЮ свободы и, нещадя живота, выступитъ на брань со всѣми дерзнувшими противиться сей волѣ НАШЕЙ.

Да благословитъ Всемогущій Господь Богъ начинанія НАШИ!

«Съ Нами Богъ, разумѣйте языцы и покоряйтеся, яко съ Нами Богъ!»

Данъ въ Москвѣ, въ тридцать первый день Марта, въ лѣто отъ Рождества Христова тысяча восемьсотъ шестьдесятъ третье, Царствованія же НАШЕГО въ девятое.

На подлинномъ Собственною ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА рукою подписано:

«АЛЕКСАНДРЪ»

Печаталъ въ Санктпетербургѣ при Правительствующемъ Сенатѣ.

ВРЕМЕННОЕ НАРОДНОЕ ПРАВЛЕНІЕ

Указомъ нынѣ царствующаго Государя Императора, даннымъ въ 19 день Февраля 1861 года, крѣпостное право отмѣнено, причемъ однако сословіе сельское въ теченіи двухъ лѣтняго срока оставлено въ полной зависимости у ихъ бывшихъ владѣльцевъ. Съ окончаніемъ сего срока должна была наступить полная свобода.

Происки злонамѣренныхъ людей, какъ то чиновниковъ гражданскихъ и военныхъ, нѣкоторыхъ помѣщиковъ и т. п. недозволили однако осуществиться симъ благимъ начинаніямъ. Люди, интересамъ коихъ противно всякое водвореніе порядка и свободы въ землѣ русской, настолько еще влiятельны и сильны, что путемъ мирной реформы мы вѣроятно нескоро а быть можетъ и никогда недостигнемъ истинной свободы.

И такъ единственный [illegible] истинный, въ нынѣ тяжкое стеченіе обстоятельствъ, остается, открытымъ возстаніемъ сбросить гнетущее насъ иго!

Собравшіе въ Москвѣ представители всѣхъ сословій признали необходимымъ, ставъ во главѣ народа, приступить къ дѣлу немедля, причемъ управленіе всѣмъ впредь до его полнаго освобожденія вручили избранному изъ среды себя ВРЕМЕННОМУ НАРОДНОМУ ПРАВЛЕНІЮ.

Имѣя въ виду нужды и желанія русскаго народа заявленныя упомянутыми представителями ВРЕМЕННОЕ НАРОДНОЕ ПРАВЛЕНІЕ симъ объявляетъ 13 основныя начала, на которыхъ зиждится будущее гражданское устройство нашего отечества.

1) Всѣ люди на землѣ русской проживающіе пользуются полною свободою и совершенно одинакими гражданскими правами и обязанностями, къ какому бы званію и состоянію они ни принадлежали. Каждый волѣнъ безъ всякаго стѣсненія исповѣдывать вѣру свою и исполнять обряды своей церкви.

2) Всѣ бывшіе крѣпостные какъ помѣщичьи такъ и государственные крестьяне получаютъ землю въ опредѣленномъ размѣрѣ, въ полное — неотъемлемое и потомственное ихъ владѣніе, безъ всякой за оную уплаты какъ помѣщикамъ такъ и казнѣ.

3) Подушные оклады и всякіе [illegible] налоги, падающіе на лица а не на имущество отмѣняются.

4) Свободный народъ сумѣетъ охранять собственными силами, отъ всякихъ покушеній, права свои, почему постоянная армія, какъ лишнее бремя упраздняется. Вслѣдствіе того народъ разъ навсегда, увольняется отъ рекрутскихъ наборовъ и повинностей. Солдаты съ расформированіемъ арміи, возвращаются на мѣста ихъ родины.

5) Всѣ солдаты возвращающіеся изъ службы, равно всѣ дворовые, фабричные и мѣщане, получаютъ надѣлъ безъ всякаго возмездія изъ казенныхъ дачъ обширнаго отечества нашего.

6) Въ каждой волости равно въ каждомъ городѣ народъ избираетъ четырехъ, пользующихся его довѣріемъ, человѣкъ, которые, собравшись въ уѣздные города, приступаютъ къ выбору уѣзднаго старшины и прочихъ уѣздныхъ властей. — Четыре депутата отъ каждаго уѣзда собравшись въ губернскій городъ избираютъ губернскаго старшину и прочія губернскія власти. Четыре депутата отъ каждой губерніи призванные въ Москву, составятъ ЗЕМСКУЮ ДУМУ которая будетъ управлять всей Россіей. Выборы, какъ общіе такъ и частные, имѣютъ быть повторяемы чрезъ каждые три года.

Призывая народъ къ священной борьбѣ съ притѣснителями ВРЕМЕННОЕ НАРОДНОЕ ПРАВЛЕНІЕ имѣло въ виду что освобожденіе отъ тирановъ неможетъ совершиться одновременно на всемъ громадномъ пространствѣ земли русской и что отъ энергіи и единодушія возставшихъ зависитъ весь успѣхъ предпринятого дѣла, а потому считаетъ нужнымъ повелѣть:

Ополчаться по губерніямъ всѣмъ безъ изъятія гражданамъ способнымъ носить оружіе.

Ополченіямъ въ каждой губерніи предводительствовать поставленнымъ отъ насъ губернскимъ военнымъ старшинамъ, а коимъ всѣ безъ изъятія обязаны безпрекословно повиноваться подъ страхомъ смертной казни.

Сотскихъ и тысяцкихъ въ ополченіи выбирать самимъ ополченцамъ изъ кандидатовъ представляемыхъ военными старшинами — Армію расформировать, а солдатъ включить въ народныя ополченія.

Срокъ службы въ ополченіи опредѣлить окончательнымъ освобожденіемъ земли русской.

Всѣ полицейскія, административныя и судебныя власти упразднить, на мѣсто же ихъ принять бразды правленія назначеннымъ нынѣ нашимъ губернскимъ гражданскимъ старшинамъ. Симъ послѣднимъ какъ только вся губернія успѣетъ выбиться на свободу, созывать, въ порядкѣ указанномъ выше, народные выборы и передать немедленно власть свою избранному отъ народа губернскому старшинѣ.

Никому неставить въ вину преступленій противъ народа, учиненныхъ до настоящаго времени и помнить на оныя великодушіе — доблесть свойственная свободному народу.

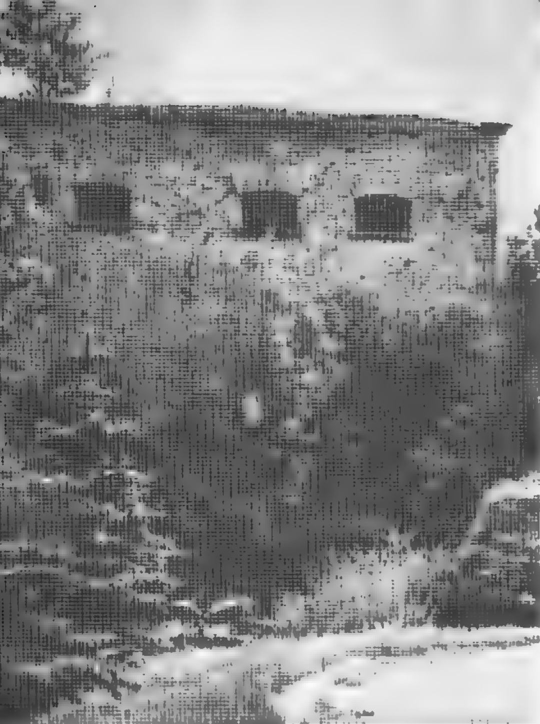
Всякаго, кто бы онъ нибылъ, дерзнувшаго, воспротивиться прямымъ либо косвеннымъ образомъ симъ повелѣніямъ нашимъ со дня объявленія оныхъ, считать измѣнникомъ отечеству и предавать таковаго полевому военному суду.

Данъ въ Москвѣ въ 31 день Марта 1863 года.

Подложный манифест.

Воззвание «Временного Народного правления».

Вид Казани.

Форт варшавской Александровской цитадели.

Место казни на откосе цитадели.

Ромуальд Траугут в мундире офицера русских инженерных войск.

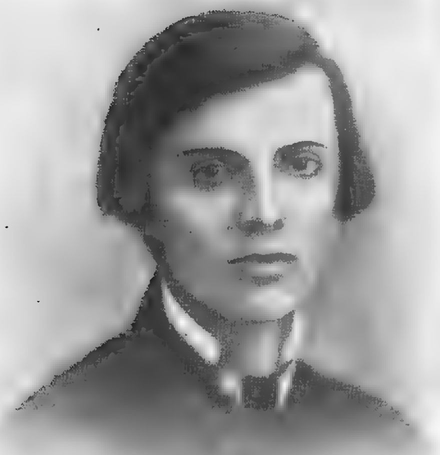
Ромуальд Траугут.

«Борьба». Рис. А. Гротгера.

«Примирение». Рис. А. Гротгера.

Мариан Дубецкий.

Александр Вашковский.

Валерий Врублевский.

Надгробие В. Врублевского на кладбище Пер-Лашез.

Антанас МАЦКЯВИЧЮС

«Слышал его речь к людям в костеле перед восстанием; здесь было много людей. Мацкевич начал говорить тихо и медленно на противоправительственную тему, о необходимости готовиться к вооруженному восстанию. Постепенно голос его крепчал, лицо загоралось, глаза метали молнии; все люди слушали с таким напряжением, что было слышно жужжание мухи в костеле, все были возбуждены, и нет ничего удивительного, что Мацкевич привлек к восстанию всех окрестных крестьян...»

Так пишет современник о славном сыне литовского народа Антанасе Мацкявичюсе (Мацкевиче). Но почему же призывы к восстанию раздаются в костеле? Потому, что революционный демократ Мацкявичюс — ксендз. Он призывал народ к борьбе даже в своих проповедях, а когда пришло время, встал во главе восставшего народа.

Антанас Мацкявичюс родился в 1828 году в бывшем Россиенском уезде Ковенской губернии (теперь — Кельмеский район Литовской ССР). Его отец, Тадеуш Мацкевич, владел небольшим участком земли. Он был шляхтичем, но обрабатывал землю своими руками. Детство Антанаса прошло вместе с детьми крепостных крестьян. Подрастая, он наблюдал произвол помещиков, подневольный труд крепостных, горемычную жизнь своих сверстников. Отец хотел сделать сына кузнецом, но Антанас рвался к иной жизни.

Окончив начальную школу, Мацкявичюс пешком ушел в Вильно, чтобы продолжать образование. Отец ничем не мог ему помочь, и Антанас, поступив в гим-

назию, зарабатывал себе пропитание, прислуживая богатым людям. Годы, проведенные в Вильно, ближе познакомили мальчика с социальным неравенством. Здесь впервые возник у него вопрос: почему у одних неисчислимые богатства, а доля других — подневольный труд, беспросветная жизнь в нищете?

В Литве в те годы не было высших учебных заведений. Медико-хирургическая академия — последний осколок Виленского университета, разгромленного Николаем I после восстания 1831 года, — была упразднена в 1841 году. Антанас отправился в Киев. То пешком, то на попутных повозках с добрыми людьми, то на плотах по Припяти и Днепру он добрался, наконец, до своей цели.

В Киевском университете Мацкявичюс пробыл два года. Он не только слушал лекции, но и знакомился здесь с передовой общественной мыслью — русской, польской, украинской, с историей освободительной борьбы народов России. Постепенно в его сознании созревает решение — посвятить свою жизнь облегчению участи угнетенных людей. Для этого нужно хорошо знать народную жизнь, заслужить народное доверие. И Антанас напряженно ищет путей к сближению с народом. Вскоре он приходит к выводу, что в условиях самодержавно-крепостнического режима приобрести доверие крестьян легче всего может духовное лицо, священник, ксендз. Позднее, на допросе, он говорил: «Скажу, что и сан священника я принял с целью иметь доступ к моему народу и более иметь права на его доверие».

Мацкявичюс выходит из университета, возвращается в Литву и поступает в духовную семинарию в местечке Варняй. Возможно, его решение ускорили революционные события 1846 года и прежде всего «галицийская резня», которая показала необходимость серьезной подготовки крестьян для привлечения их к освободительному движению.

В 1850 году, после окончания семинарии, духовное начальство направляет Мацкявичюса ксендзом небольшого филиального костела в село Паберже (ныне Паневежского района). Здесь он служит до самого

восстания 1863 года. Его активная деятельность среди населения была больше общественно-политической, чем церковной. Впоследствии он сам признавал, что более десяти лет готовил крестьян к революции, побуждаемый любовью к народу.

По собственным его словам, он «старался посещать каждое собрание народа: крестины, свадьбу, похороны, — это были для меня места пропаганды». Он разъяснял крестьянам, что причина всех бедствий, всех тягот народных «угнетение .. административным управлением, полицией и панами-помещиками», «паны и вообще шляхта — это бич». Он убеждал крестьян, что «придет то время, когда народ, поднявшись поголовно, освободится».

Когда в Литве, как и по всей России, прокатилась волна крестьянских бунтов против грабительских «Положений 19 февраля» и начались массовые религиозно-патриотические манифестации горожан, Мацкявичюс убеждал крестьян в необходимости организованного выступления против царизма и помещиков. Он призывал их восстать, когда настанет подходящий момент. Бывая в дворянских поместьях, Мацкявичюс громко высказывал помещикам горькую истину о нуждах крестьянства и жестокости господ и делал это так, чтобы и панские слуги слышали, а слышанное передавали крестьянам

Наряду с революционной пропагандой Мацкявичюс вел просветительную работу. Он понимал, что невежество и темнота народа — союзники его угнетателей, и много времени уделял обучению крестьян грамоте — чтению и письму.

Революционная пропаганда Мацкявичюса была направлена против помещиков и царской власти, против всех проявлений феодально-крепостнических порядков, за свободу народов, за лучшее будущее, путь к которому, по его собственным словам, лежал через революцию.

Революционное мировоззрение Мацкявичюса окончательно сформировалось в годы демократического подъема конца 50-х — начала 60-х годов под непосредственным влиянием идей русских революционных

демократов. Он был знаком с их произведениями, читал «Колокол», который широко распространялся в Литве. Он пристально следил и за нараставшим национально-освободительным движением польского народа, понимая, что революционные силы Литвы должны действовать совместно с демократами соседних народов.

Вслед за русскими революционными демократами, вместе со своими товарищами Константином Калиновским и Зыгмунтом Сераковским Мацкявичюс раскрывал крестьянам грабительскую сущность реформы 1861 года, срывал с царя маску доброжелателя народа. Реформа, по его словам, ограничилась тем, «что бедный народ переменил только господина — даже хуже... На подати должен отдать последнюю подушку... А что об администрации? Печется ли она? Все, чтобы содрать. А от разбойничьей власти есть ли куда обратиться и пожаловаться?»

Мацкявичюсу было ясно, что царский манифест не дал крестьянам долгожданной воли и, следовательно, задачи революционной освободительной борьбы против царизма и помещиков остаются нерешенными.

В годы революционной ситуации демократические силы России начали деятельную подготовку к вооруженному восстанию. Возникло общество «Земля и Воля». В Варшаве в 1862 году был создан Центральный комитет для руководства революционными силами польского народа. Летом в Вильно образовался Комитет движения для подготовки и руководства восстанием в Литве и Белоруссии. Во главе комитета встал Кастусь Калиновский. В июле в Кейданах (Кедайняй) произошла личная встреча З. Сераковского, К. Калиновского и А. Мацкявичюса.

События назревали быстрыми темпами. С конца 1862 года в разных местах Литвы группы молодых крестьян с оружием в руках оказывали сопротивление помещичьим прислужникам и полиции. Вооруженные крестьяне все чаще отбивали насильно взятых рекрутов. Положение становилось все более напряженным. Виленский генерал-губернатор Назимов 7 января 1863 года обратил внимание ковенского губернатора

на «неспокойное положение» в губернии и напомнил, что в его распоряжении находится большое число войск, которыми и нужно воспользоваться для подавления опасных народных выступлений.

Царские власти повсюду переходили в открытое наступление на демократические силы. Литва не была исключением. Край был объявлен на военном положении. Активизировали свою деятельность и революционеры. И Мацкявичюс в эти месяцы «еще более начал трудиться, указывая народу, что пришло время поголовного восстания».

Восстание началось в Польше. 10 (22) января 1863 года Временное Национальное правительство в Варшаве обнародовало манифест, в котором призвало народ к вооруженной борьбе с царизмом. Восставших поляков поддержали революционные силы Литвы и Белоруссии. Литовский Комитет движения, возглавляемый Калиновским, объявил себя революционным правительством. В Литве и Белоруссии началось формирование повстанческих отрядов.

Узнав о начавшемся восстании, Мацкявичюс «первый поднял знамя восстания в Литве». Он немедленно оповестил окрестных крестьян, заранее им подготовленных к выступлению, создал боевой отряд, состоявший из трехсот человек, вооруженных косами. Мацкявичюс вступил на путь открытой и решительной борьбы против царизма и крепостничества, за землю для крестьян, за свободу для народов.

В ходе начавшихся военных действий отряд Мацкявичюса постоянно пополнялся добровольцами. Крестьяне, особенно молодежь, повсюду оказывали ему поддержку и охотно вступали в его отряд. Мацкявичюс стремился объединить литовских крестьян в единых боевых рядах с белорусами, поляками, русскими. «Так как Литве, — говорил он, — недостает многих условий для самостоятельной революции, то я и хотел массой помогать Польше, требовать от нее помощи для литовской революции и тем снискать для народа утверждение прав граждан и бесплатный надел земли».

Весна, лето и осень 1863 года прошли в постоян-

ных походах, столкновениях и битвах повстанцев с царскими войсками. Первое крупное столкновение отряда Мацкявичюса с царскими войсками произошло 15 марта 1863 года. Его отряд, объединившись с отрядом Яблоновского-Длуского, у села Новобиржи сразился с четырьмя ротами пехоты и одним эскадроном кавалерии. Плохо вооруженные, не закончившие формирование, повстанцы понесли немалый урон. По данным царского командования, они потеряли около пятидесяти человек убитыми. Однако отряды продолжали боевые действия. С весны 1863 года восстанием была охвачена вся Литва. Командиры отрядов поддерживали между собой связь, а через повстанческий центр в Вильно — с революционными силами Польши и России.

За ходом восстания в Литве и Белоруссии внимательно следили К. Маркс и Ф. Энгельс. В письме К. Марксу 8 апреля 1863 года Ф. Энгельс писал. «Литовское движение сейчас самое важное, так как в нем принимают большое участие крестьяне, а ближе к Курляндии оно приобретает даже прямо аграрный характер» Н. Огарев характеризовал восстание в Литве как «антипанское».

Русские революционные демократы вели пропаганду в войсках, посланных на подавление восстания в Польше, Литве и Белоруссии. Со страниц «Колокола» раздавались призывы к войскам не обагрять рук кровью своих братьев. «Земля и Воля» обращалась к «офицерам всех войск», призывая их не поднимать оружия против повстанцев, а держаться «крепко в союзе друг с другом и с нами». Восстание 1863 года было кровным делом для прогрессивных сил всех народов.

Мацкявичюс с первых же дней принимал в нем самое активное участие, понимая, что дело, за которое он борется, является делом всеевропейской демократии. С сентября 1863 года он возглавил общее руководство действиями всех повстанческих отрядов Ковенской губернии.

Важнейшим событием было объединение в апреле 1863 года повстанческих отрядов под руководством

З. Сераковского Мацкявичюс передал свой отряд под непосредственное руководство Доленги и вместе с Колышкой стал одним из ближайших соратников выдающегося польского революционера. Повстанческая армия Доленги после ряда успешных боев с карателями остановилась в Оникштских лесах, воспетых поэтом А Баранаускасом в поэме «Аникщяйский бор». В этом революционном лагере повстанческие офицеры, возглавляемые Сераковским, Мацкявичюсом и Колышкой, закончили формирование и обучение объединенного отряда. Мацкявичюс высоко ценил деятельность Сераковского, который, по его словам, завершил создание и объединение отрядов и дал очень верное направление восстанию. По поручению Сераковского он несколько раз во главе специальной группы повстанцев разгонял органы царской администрации в окрестных селениях, осуществлял там повстанческие аграрные декреты

Успехи повстанцев и сплочение их в крупное воинское объединение под командованием Доленги и особенно массовое вступление крестьян в ряды повстанцев вызвали большую тревогу у царских властей Против объединенного отряда Сераковского были брошены крупные силы хорошо вооруженных царских войск под командованием генерала Ганецкого.

В Оникштских лесах Ганецкий уже не застал отряда Доленги. Повстанцы, покинув свой лагерь, двинулись на север. Они шли поднимать латышских крестьян. В этом марше Мацкявичюс командовал одной из колонн, двигаясь через местечки Ракишки (Рокшикис), Жабишки (Жёбишкис) к Биржам. К отряду повсюду присоединялось много добровольцев «из разного сословия: казенных и временнообязанных крестьян, мещан и дворян». Мацкявичюс, выступая перед народом, провозглашал конец царской власти, наступление свободы, внушал крестьянам, чтобы и после его ухода они не исполняли распоряжений чиновников и полицейских, не работали на помещиков, объявлял, что все мужики «получат бесплатно надел земли». По его приговору народ наказывал своих угнетателей.

25 апреля под Биржами войска Ганецкого настигли повстанцев. Два следующих дня прошли в жестоких боях, в ходе которых царские войска нанесли поражение повстанцам. Тяжело раненный Сераковский и Колышко были взяты в плен. Мацкявичюсу и Лясковскому удалось увести значительную часть отряда в Поневежские леса.

Бои с царскими войсками на всем пространстве Ковенской, Виленской и Августовской губерний продолжались летом и осенью 1863 года. Превосходящие силы карателей не позволяли повстанцам концентрироваться в одном месте, приходилось действовать партизанскими методами. Отряд Мацкявичюса, постоянно пополняемый новыми силами, вырастал порой до 1300 человек. С боями он прошел большую часть Ковенской губернии — от района Биржи — Ракишки — Поневеж до западных границ Жемайтии, до Серяджюса на Немане. Осенью 1863 года Калиновский назначил Мацкявичюса организатором и повстанческим воеводой Ковенской губернии.

Мацкявичюс никогда не шел ни на какие компромиссы с помещичьей и националистической идеологией.

Это снискало ему любовь, уважение, поддержку широких масс литовского крестьянства. В 165-м листе герценовского «Колокола» отмечались успешные действия литовских повстанцев, храбрость Мацкевича, «пламенное участие в восстании» крестьян. Даже царские чиновники признавали, что литовское население, «принимая живое участие в мятеже, везде встречало Мацкевича радушно, с хлебом-солью, видело в нем своего избавителя и верило его обещаниям о даровом наделе землею и отмене податей». Народ обеспечивал повстанцев всем необходимым. «Продовольствие, — указывал Мацкявичюс, — получал я от народа, который охотно мне давал за следуемую плату. От помещиков я брал насильно, под смертной казнью в случае отказа».

Крупные воинские силы преследовали отряд Мацкявичюса на всем протяжении края от Курляндской границы до берегов Немана. Опираясь на поддержку

местного населения, ему долго удавалось уходить от карателей. Войсковые командиры в своих рапортах описывают, как они преследовали «шайку Мацкевича» от Бирж до Таурагских лесов, как они перебрасывали свои части из одного пункта в другой и не могли ни разбить отряд повстанцев, ни схватить Мацкявичюса. На одном из таких рапортов Муравьев Вешатель в июле 1863 года написал «...я нахожу объяснение подполковника Гренгагена неуместным и неосновательным и прошу Вас поставить ему это строго на вид. Он и не умел настичь шайку Мацкевича». Рапорты других царских офицеров, в которых они рассказывают, будто им удалось «настигнуть» и «совершенно рассеять скопища Мацкевича», были не в ладу с действительностью. 19 июля начальник лейбгвардии стрелкового батальона подполковник Чертков рапортовал, что нанес «окончательное поражение партии Мацкевича». 21 сентября подполковник Давыдов доносил, что при Зеленом лесе (около Поневежа) разбил «шайку Мацкевича» и она «после нанесенного поражения совершенно рассеялась».

Но 7 октября 1863 года генерал-лейтенант Лихачев признавал, что «шайки Мацкевича и Людкевича существуют поныне, общая их численность от 800 до 1000 человек», что «на крестьян имеет огромное влияние Мацкевич», «скопища Мацкевича по-прежнему находят приют, продовольствие и получают все необходимые сведения о движении наших войск». За голову Мацкявичюса царские власти назначили крупную награду, но среди повстанцев и населения не находилось предателя. Каратели пытались заслать своих осведомителей в отряд, но и этот шаг был сорван благодаря бдительности повстанцев.

15 октября 1863 года Муравьев Вешатель приказал генералу Ганецкому уничтожить отряд, выделив для этого крупные воинские силы. Предписывая генералу «принять решительные меры к водворению порядка», Муравьев выражал уверенность, «что шайка Мацкевича и прочие шайки будут окончательно уничтожены», и указывал — «постарайтесь взять самого Мацкевича».

В подавлении восстания царским властям помогали помещики и реакционное духовенство Жемайтский епископ М. Валанчюс в августе 1863 года призывал народ не слушать повстанцев, повиноваться чиновникам и отдаться на милость царя, власть которого от бога. Мацкявичюс разоблачил епископа как пособника карателей. Он говорил, что повстанцы никогда «не доверяли ни его словам, ни обещаниям», а призывом сложить оружие Валанчюс «восстановил против себя как остающихся в отрядах, так и мирных жителей».

С наступлением зимы положение повстанцев стало крайне тяжелым. Леса и поля покрылись снегом, это облегчало карателям преследование повстанческих групп. 12 ноября у села Лебеджяй, недалеко от Немана, крупный воинский отряд в составе пехоты, гусар и казаков напал на повстанческий отряд Мацкявичюса. Повстанцы потерпели поражение. Подполковник Горелов, командовавший отрядом карателей, от пленного повстанца узнал, будто в этом бою был убит Мацкявичюс. Он «вторично рассыпал цепь с тем, чтобы найти тело Мацкевича, но между найденными убитыми телами Мацкевича не оказалось».

Царским сатрапам вновь не удалось захватить Мацкявичюса. С частью отряда он ушел от преследователей. Однако в создавшихся условиях продолжать борьбу с карателями было невозможно. Многие отряды были разгромлены, была нарушена связь не только с польским Национальным правительством, но и с повстанческим центром в Вильно. Руководители повстанческих отрядов, действовавших между Россиенами — Кейданами и Ковно (Расейняй — Кедайняй и Каунасом), решили послать Мацкявичюса в Варшаву, чтобы установить связь с руководством для обеспечения отрядов оружием и боеприпасами, для согласования конкретных планов дальнейшей борьбы.

В начале декабря Мацкявичюс с адъютантом и казначеем в сопровождении конников вышли к Неману в окрестностях местечка Вилькия. Отпустив охрану, Мацкявичюс с двумя товарищами пошел по берегу

в поисках переправы. Здесь они были захвачены внезапно появившимся воинским отрядом. Это произошло 5 (17) декабря 1863 года.

В штабе Муравьева царило ликование. Один из сотрудников Вешателя, Мосолов, вспоминает: «По возвращении моем в Вильно около 10 декабря я был встречен радостною вестью; все говорили мне при встрече: «Вы знаете, Мацкевич взят!» Штабс-капитан Озерский, возглавлявший поимку Мацкявичюса, «был упоен выпавшим на его долю счастьем» и только и говорил что о своей счастливой экспедиции.

Муравьев Вешатель 6 декабря телеграфировал в Петербург военному министру: «Поспешаю уведомить Ваше превосходительство для доклада государю императору, что... известный предводитель шайки мятежников ксендз Мацкевич, его адъютант Дартюзи и кассир Родович, схваченные вчерашнего числа между Вильками и Средниками штабс-капитаном Озерским, доставлены в Ковно».

Дальнейшая судьба Антанаса Мацкявичюса была предрешена. Муравьев отдал приказ судить его в 48 часов. Однако желание царских палачей добыть от пленника нужные им сведения несколько затянуло дело. Следствие продолжалось шесть дней. Чтобы сломить волю Мацкявичюса, ковенский губернатор Муравьев (сын Вешателя) приказал ввести в свой кабинет во время допроса Антанаса его отца — тяжело больного, уже долгие месяцы томившегося в тюрьме. Неожиданная встреча с отцом потрясла, но не сломила вождя восстания. «Прости, отец, но не обвиняй, не все кончено, не все потеряно!» — заявил Антанас.

Следователи не могли добиться от него желаемых показаний, а генерал-губернатор не хотел долго ждать. 9 декабря он послал в Ковно телеграмму, требуя «ускорить окончание военного суда над ксендзом Мацкевичем».

На следствии Мацкявичюс держался мужественно. Он с гордостью говорил царским следователям о своей двенадцатилетней революционно-пропагандистской деятельности. Он признавал, что готовил народ к выступлению и призывал его действовать, как

только борьба началась в Польше, что он был организатором и руководителем восстания «не по принуждению, а по своему убеждению». На вопросы о своих соратниках и товарищах он отвечал, что ничего не знает, или называл только погибших. Он даже «не знал», кто входил в Виленский комитет.

Попытке следователей обвинить его в том, будто он действовал против русского народа, Мацкявичюс дал резкую отповедь. Он провел резкую грань между царским правительством и русским народом, указал на всеобщую ненависть народа к правительству и ко всей царской администрации. Он заявил: «Не питал я ничего дурного против русского народа — говорю это не из боязни наказания, а по истинному моему убеждению, как человек, сознающий свои деяния».

Прямо и смело заявил Мацкявичюс царским следователям о своей вере в конечную победу революции. «А что взгляды мои справедливы, — писал он, — свидетельствуюсь настоящим положением, как человек, который знал, что делает, когда делал, и что ожидает, если не удастся».

Мацкявичюс понимал, что восстание уже разгромлено. Но задачи, решения которых добивались повстанцы, по-прежнему не решены. «Если только правительство, — писал он, — не переменит способ действия администрации, если не прекратят обирательства и мучения над жителями, найдется другой Мацкевич и, что я не сделал, сумеет окончить».

12(24) декабря 1863 года военно-полевой суд «рассмотрел» «военно-судное дело» Антанаса Мацкявичюса и констатировал, что «подсудимый Мацкевич... первый поднял знамя восстания в Литве, которое, по выражению Мацкевича, вначале опиралось на нем одном, и как до этого, так и потом рассеивал везде свои преступные стремления... и старался распространять и проповедовать восстание в Ковенской, Виленской и Гродненской губерниях. В то же время Мацкевич, собрав шайку, принял над ней начальство, вошел в тесные сношения с членами так называемого народного правления, вскоре назначен был люстратором (то есть инспектором. — *Ю. Ж.*) мятежных шаек

и, наконец, в начале минувшего ноября месяца получил от литовского революционного правительства мандат на звание организатора вооруженной силы Ковенского воеводства и вместе с тем был назначен наместником войскового начальника в Ковенском воеводстве. При таких обширных уполномочиях подсудимый был главным и действительным агитатором восстания в Литве и до последних дней пытался поддержать восстание в крае. На допросе же он сам сознался во всех своих преступлениях, скрыв, однако, всех лиц и членов революционной организации, с которыми он сначала как начальник одной шайки, а потом как люстратор и, наконец, как организатор всех шаек в Ковенской губернии должен был иметь непосредственное и близкое сношение. Единственное оправдание, которое представил Мацкевич, заключается в том, что он... если поднял первый знамя бунта, то, собственно, в защиту литовского народа без решительного намерения оторвать его от русского государства».

Временный полевой аудиториат приговорил Антанаса Мацкявичюса «казнить смертию повешением». Решение аудиториата 14 декабря утвердил генерал-губернатор Муравьев, «с тем чтобы смертная казнь над ксендзом Мацкевичем была исполнена публично в г. Ковно».

Через два дня, 16(28) декабря 1863 года, приговор был приведен в исполнение на небольшой площадке, где ныне сходятся две каунасские улицы — Ожешкенес и Саломеи Нерис.

«Люблю мою Литву, — писал Мацкявичюс накануне казни, — ей я посвятил мои слабые силы... Стремлением моим было возвратить моему литовскому народу права человечества, уничтоженные шляхтою...»

И мертвый Мацкявичюс не давал покоя своим палачам. 18 декабря генерал-губернатор послал в Ковно телеграмму: «До сведения моего дошло, что ксендз Мацкевич шел на казнь с папиросою, благословлял народ и благословил перед казнью саван. Кто допустил и кто командовал парадом? *Генерал Муравьев*».

В результате не досмотревший за осужденным поручик был отправлен под арест. В феврале 1864 года Муравьев обращал внимание губернатора на то, что в Ковенском уезде и в деревнях «до сих пор бродят беглые повстанцы, что войска иногда их захватывают, а крестьяне и не думают выдавать их [...], что вообще в означенных местах, бывших местами пребывания преступника Мацкевича, дух жителей самый ненадежный, и не принято мер к водворению там прочного порядка».

А в литовском народе долго ходили легенды, что Мацкявичюс жив. Крестьяне верили, что в один прекрасный день он появится среди них и вновь поведет на панов.

В Советской Литве свято чтят память Антанаса Мацкявичюса, как национального героя и одного из славных деятелей революционных событий начала 60-х годов прошлого века.

Иероним КЕНЕВИЧ

Граница осталась позади, и пассажиры с любопытством приникли к окнам. Ничто не изменилось — все тот же куявский пейзаж, такой спокойный в это пасмурное летнее утро. Но это было уже Царство Польское, край, объятый восстанием, и даже мирный и обыденный вид полей, покрытых созревавшей пшеницей, не ослаблял овладевшего путешественниками тревожного возбуждения.

На платформе станции Александров, новенькое здание которой так резко отличалось от уже успевших покрыться сажей и копотью прусских вокзалов, жандармский вахмистр собрал паспорта приезжих и попросил их обождать в станционном зале.

Дежурный жандармский офицер с привычной неторопливой быстротой просматривал лежащую перед ним пачку документов. «Попалась пташка, — подумал он, прочитав фамилию человека, о задержании которого он получил накануне срочное предписание. — А паспорт-то настоящий и виза подлинная. Французский подданный... Все же чудаки эти мятежники. Уж коли добыли настоящий бланк, то и вписали бы этому «французскому подданному» какую-нибудь фамилию пофранцузистее — Дюпон или Бурже, а то... Видать, во французском этот курьер не мастак. Сейчас мы это проверим». Закончив просмотр паспортов, он приступил к раздаче их владельцам. Задавая обычные вопросы о цели поездки, конечном ее пункте, предполагаемой длительности пребывания в пределах Российской империи, легко переходя при необходимости с русского на польский или немецкий,

он пристально вглядывался в своего собеседника, старался поймать его взгляд, а уловив признаки нервозности, намеренно затягивал разговор. «Мало ли что бумаги у него в порядке, да сам он, может, не в порядке, вот ты и попытай его, в душу ему загляни, глядишь, и дрогнет. Арестовать-то, пожалуй, и не за что, а ты его на заметочку», — так инструктировал его когда-то великий знаток этого дела, ведавший просмотром паспортов на Варшавском вокзале. И, зная, что те же люди спустя несколько часов предстанут перед острым взором его наставника, новичок в науке «сердцеведения» старался. Но это было дело уже прошлое, сейчас прежнее усердие заменил навык. Бесстрастие, написанное на лице жандарма, было не служебной маской. Его не нарушало предвкушение невинного удовольствия, какое сулил экзамен французского языка незадачливому повстанческому курьеру.

Перед офицером стоял элегантно одетый худощавый блондин среднего роста, лет тридцати. Его привлекательное волевое лицо было спокойно, а серые глаза были устремлены прямо на офицера.

«Так вот ты какой, — с невольным уважением подумал жандарм. — Нет, это не курьер, это лицо позначительней. Уж не член ли это неуловимого жонда?» И он продолжал бесстрастно всматриваться в лицо приезжего.

«Попался, — с безнадежной уверенностью подумал незнакомец, хотя еще ничто, казалось бы, не подтверждало этого предположения. — Попался. Что им известно? Видно, проследили в Париже встречу с князем. Ну что же! А если...» Он не позволил себе додумать, мысль была слишком тревожная, а сейчас во что бы то ни стало нужно было сохранять спокойствие, глядя в глаза стоявшему перед ним врагу.

— Милостивый государь, я имею предписание арестовать вас, — с холодной учтивостью сказал офицер. Он произнес это по-русски. Мысль проверить знание приезжим французского, нелепость и ненужность которой он ощутил при первом взгляде на него, уже просто забылась.

— Воля ваша, но это какое-то недоразумение, — спокойно и правильно выговаривая русские слова, ответил незнакомец.

Вечером того же 24 мая (5 июня) 1863 года арестант был доставлен в варшавскую Александровскую цитадель. На следующий день ему было задано несколько обычных вопросов об имени, звании, целях его путешествия, но ни одного, объясняющего причину его ареста. В своей одиночной камере он слышал перестукивания, которыми был полон X павильон цитадели — основная политическая тюрьма Варшавы. Стучали и ему, он понимал «тюремную азбуку», его спрашивали — кто, когда, за что, нужно ли что-либо передать на волю? Но он не откликался, хотя с первой минуты не переставал думать о своем лучшем друге, также находившемся в этих стенах. Как он, не сломили ли его месяцы заключения? Но узник преодолел соблазн. Здесь никто не должен был знать о его аресте, а на воле... На воле это уже и так известно. Молчание! — вот оружие ошибочно арестованного мирного французского инженера. Шли дни, но на допрос заключенного не вызывали. Он требовал объяснения причин ареста и написал письмо французскому генеральному консулу в Варшаве. Письмо было доставлено адресату, и несколько дней спустя заключенный получил ответ. Консул извещал, что он обратился к местным властям с запросом о причинах ареста соотечественника и не замедлит сообщить ему о дальнейшем ходе его дела, которое, как он, консул, твердо надеется, скоро благополучно разрешится. А между тем на следующую ночь заключенный был разбужен окриком: «Выходи!» Тюремная карета ехала улицами малознакомого ему города, но когда в предрассветной мгле он увидел сквозь маленькое окошко Вислу, он догадался, куда его везут. Путь лежал на Прагу, к вокзалу Петербургско-Варшавской железной дороги. Теперь ему стало все ясно. Он понял, что его ожидает. Ему предстояло великое, может быть (к чему обманывать себя надеждами), последнее испытание, навстречу которому мимо дорогого сердцу Вильно, через Динабург, Псков

в столицу империи несли его колеса вагона. «Ну, Бронислав! Понастроили мы здесь этих дорог на свою погибель», — невесело усмехнулся он, когда мимо окон арестантского вагона проплыло здание станции в Белостоке.

Но минуты душевного смятения остались позади, и, когда 15(27) июня арестованный предстал перед высочайше учрежденной в Санкт-Петербурге следственной комиссией, его взгляд был вновь спокоен и строг. Четким мелким почерком он писал: «Le soussigné Jerôme Ladislas Kieniewicz...» (Нижеподписавшийся Иероним Владислав Кеневич.)

Так началась его неравная борьба, в которой его противниками были следователи, судьи, слабые духом сотоварищи, борьба, которую он вел не ради собственного спасения. Он жертвовал и своей жизнью и посмертной честью ради общего дела, ради того, чтобы вывести из-под удара врага тех соратников, нить к которым мог дать он и только он. Но он не дал этой нити царским ищейкам.

«Загадочная личность», — писал о Иерониме Кеневиче «великий инквизитор» казанского процесса сенатор Жданов. Но он-то пытался по-своему разрешить эту загадку. Стараниями Жданова и его подручных при презрительной сдержанности самого Кеневича материалы следствия и суда по делу о «казанском заговоре» изобразили Иеронима Кеневича режиссером гигантской интриги. Оставаясь за кулисами и выдвигая на первый план наивных статистов, этот хитрый воспитанник иезуитов надеялся выйти сухим из воды. Горьким парадоксом является тот факт, что и сегодня некоторые историки-марксисты, руководствуясь, разумеется, прямо противоположными политическими критериями, продолжают рисовать скрытый смысл деятельности и моральный облик человека, казненного в июне 1864 года в Казани, в весьма неблагоприятном свете. Причиной тому крайняя скудость и отчасти противоречивость тех сведений, которыми располагает историк, когда речь идет о Иерониме Кеневиче.

Попробуем воссоздать этот образ. Будем при этом

строго держаться установленных фактов. Откажемся в данном случае от попыток дорисовывать весьма вероятные и правдоподобные подробности, как это было сделано нами при описании сцены ареста Кеневича на пограничной станции Александров. Откажемся ради того, чтобы не смешивать эти любопытные, но *необязательные и недоказуемые* подробности *с необходимыми и неизбежными* гипотезами, которые призваны дать объяснение фактам, показать их связь и значение. Разумеется, наш рассказ от этого станет суше, но он не должен стать неинтересен. Слишком ярки сами факты короткой жизни Иеронима Кеневича.

* * *

Необычно, хотя и весьма характерно для условий польской действительности XIX века, было само начало биографии Иеронима Кеневича. Этот поляк родился и первые двадцать три года своей жизни провел во Франции, гражданином которой он стал по праву рождения. Иероним Кеневич родился 6 сентября 1834 года в Меце, в семье эмигранта — участника восстания 1830—1831 годов. Феликс Кеневич не был активным политическим деятелем, он стоял в стороне от бурных идеологических полемик в среде польской эмиграции. Хотя богатое имение Кеневича в Мозырском уезде Минской губернии находилось под секвестром, семья не бедствовала, получая поддержку от жившей в Белоруссии и в Галиции родни. Юный Иероним окончил школу в Нанси и поступил в парижскую Ecole centrale — крупнейшее и уже в ту пору знаменитое высшее техническое учебное заведение. Здесь он встретился и сблизился со своим ровесником — также сыном повстанца-эмигранта Брониславом Шварце.

Сходен и связан был жизненный путь молодых друзей, и еще не раз имя Шварце должно появиться на страницах биографии Иеронима Кеневича. Франция была их родиной, они не чувствовали себя здесь чужаками; на четырнадцатом году жизни Шварце успел получить боевое крещение на баррикадах Парижа. Но эти французские подданные, «французы», как

называли их обоих даже соотечественники, выросли в польских семьях, были поляками, готовыми служить Польше своей борьбой и трудом. Примечательно, что, несмотря на различие семейных традиций — Кеневич, как уже сказано, происходил из помещичьей семьи, а отец Шварце был адвокатом, — оба юноши по собственному влечению или по советам близких избирают техническое образование. В те годы это было отнюдь не заурядным явлением. Юноша из богатой землевладельческой семьи, если видел вообще потребность в высшем образовании, чаще всего избирал право, это было почтенно да и небесполезно при решении сложных имущественных споров о наследовании, купле, продаже, закладе, аренде. Если образование должно было обеспечить юноше в будущем «кусок хлеба», он становился тем же юристом, чиновником, ксендзом. Но инженером? В самой Польше в это время инженеры были наперечет, и почти все они были иностранцами. Но во Франции в середине XIX века наступившая эпоха машины — могучего двигателя прогресса — рисовала перед молодежью новые пути и новые идеалы. И Кеневич и Шварце стали инженерами — строителями железных дорог.

В то время образование завершали несколько раньше, чем в наши дни. Но и сто лет назад девятнадцатилетний инженер был диковинкой. А именно девятнадцати лет от роду, в 1853 году, Иероним Кеневич окончил Центральную школу, получив диплом инженера, и окончил ее, очевидно, весьма успешно, если сразу же после этого он стал преподавателем Политехнического общества в Париже, а затем был приглашен на руководящие должности двумя, пусть даже, как он скромно определяет, второстепенными, железнодорожными компаниями во Франции.

Между тем окончилась Крымская война. Одним из первых проявлений «послесевастопольской весны», а говоря не столь поэтическим языком — вынужденного смягчения карательно-полицейской политики царизма, было объявление амнистии эмигрантам — участникам восстания 1830—1831 годов. Они могли вернуться на родину, но право это предоставлялось

не автоматически, а было обусловлено унизительной процедурой подачи эмигрантами в русские посольства и консульства индивидуальных просьб. Среди польской эмиграции забурлило. Большинство эмигрантов отвергло амнистию.

Феликс Кеневич воспользовался возможностью вернуться на родину. Каковы были руководившие им мотивы — тоска ли по родным краям после четверти века пребывания на чужбине, стремление ли обеспечить материальное положение семьи, поскольку имение его при возвращении освобождалось от секвестра, — этого мы не знаем. Мы можем лишь предполагать, что целью этого уже пожилого человека не была нелегальная политическая деятельность. Вскоре после приезда на родину Феликс Кеневич перенес удар паралича.

В Россию направился и Иероним Кеневич. Но он ехал не с отцом, не в Полесье. Подавать прошение он не был обязан, он-то не был эмигрантом, не был он и русским подданным и менять подданство не собирался. В июне 1857 года он прибыл в Петербург для работы в Главном управлении российских железных дорог. Что влекло в Россию молодого инженера? Стремление быть ближе к семье, весьма высокий по тем временам заработок (2500 рублей в год), перспективы большой самостоятельной работы при строительстве дорог в необъятной стране? Вероятно, все эти факторы в той или иной мере играли роль. Но Иероним Кеневич интересует нас не как инженер, и не этой стороной своей биографии он вошел в историю. Было бы гораздо важнее получить ответ на вопрос, имел ли приезд Иеронима Кеневича в Россию политические цели, но прямых данных на сей счет мы не имеем. Мы не знаем, каковы были в те годы его политические убеждения, принимал ли он участие в деятельности каких-либо эмигрантских организаций. Не знаем мы этого и о Брониславе Шварце. Зато нам известно, что, когда в 1856 году Шварце, окончивший несколько позднее, чем Кеневич, Центральную школу, выехал в качестве инженера на строительство железной дороги в Австрию,

он вскоре установил связи с польскими конспиративными организациями, познакомился с некоторыми своими будущими сотоварищами по подготовке восстания 1863 года. Шварце делал попытки, на первых порах окончившиеся неудачей, перебраться в Царство Польское. С весны 1860 года он, возможно не без помощи своего друга, был принят инженером на строительство Петербургско-Варшавской железной дороги и поселился в Белостоке, сразу же развернув здесь подпольную патриотическую деятельность.

Не будем преувеличивать значения этих параллелей Напротив, скажем определенно, что если, отправляясь в Россию, Иероним Кеневич и имел в виду не ограничиваться своей официальной служебной деятельностью, а стремился вести нелегальную политическую работу для дела освобождения Польши, то степень его политической зрелости, понимания задач и путей будущей деятельности могла быть лишь очень незначительной. Он ехал в незнакомую ему страну, вступившую, как это уже было очевидно, в период бурного общественного развития, он не знал не только русских, но, по существу, и своих соотечественников — поляков.

Два года, проведенные Кеневичем в Петербурге (в мае 1859 года он переехал в Москву), — важная часть его биографии. На его глазах развертывалась острая борьба вокруг центральной проблемы эпохи — ликвидации крепостного права, здесь, в Петербурге, всего отчетливее прослушивался пульс страны В Петербурге нетрудно было раздобыть номера «Колокола», молодой поляк не мог не познакомиться со статьями Герцена «Россия и Польша», не мог не задумываться об отношениях обоих народов. С кем общался Кеневич, в какой среде формировались его взгляды на происходившие события, на обязанности патриота? Давая ответ следователям о круге своих знакомств в Петербурге, Кеневич назвал католического архиепископа, виленского епископа и еще несколько столь же «добропорядочных» лиц. Очевидна и понятна тенденциозность этих показаний. К счастью, мы не должны становиться на путь догадок,

чтобы ответить на один из важнейших вопросов, определяющих складывание мировоззрения Иеронима Кеневича. Есть другие данные, говорящие о том, что в Петербурге знакомства Кеневича не ограничивались сослуживцами и высшим клиром

В ходе развернувшегося уже после гибели Кеневича следствия по делу о польских революционных организациях в Петербурге и русско-польских революционных связях накануне и во время восстания царские власти впервые получили сколько-нибудь обстоятельные сведения о кружке Сераковского — Домбровского. Особенно подробные данные изложили в своих показаниях бывшие члены кружка Витольд Миладовский и Фердинанд Варавский. Оба они в числе лиц, причастных к кружку, бывавших на так называемых литературных вечерах, упомянули Иеронима Кеневича.

Показания подследственных — ненадежный источник. Особенно сомнительны они в тех случаях, когда речь шла о погибших или находящихся за пределами досягаемости для карательных властей, то есть о тех, кому не могло повредить сообщение о действительных или мнимых их «прегрешениях». Нередко стремление подследственного облегчить собственную участь или отвести внимание следствия от арестованных либо находящихся на свободе в России сотоварищей, диктовавшее ему тактику «валить на покойника», совпадало с заинтересованностью властей пусть задним числом подкрепить доказательствами то шаткое обвинение, на основании которого был вынесен смертный приговор. Именно так получилось с показаниями ближайшего помощника Кеневича по «казанскому заговору» Максимилиана Черняка, в которых он все нити дела вел к покойному Кеневичу. Мы могли бы поставить под сомнение и свидетельства Миладовского и Варавского, если бы они не подкреплялись совершенно иным и предельно выразительным источником

Летом 1862 года Бронислав Шварце, предупрежденный о грозящем ему аресте, покинул район Белостока и перебрался в Варшаву, где жил на нелегаль-

ном положении. Вскоре он был включен в состав Центрального национального комитета, где стал ближайшим сподвижником Ярослава Домбровского, а после его ареста в августе 1862 года стал основным выразителем позиции революционных демократов в руководящем повстанческом органе. И вот в своих написанных много лет спустя мемуарах Шварце, говоря о своей кооптации в Центральный национальный комитет, так объясняет причины, делавшие его кандидатуру приемлемой для Ярослава Домбровского: «Для Домбровского я был коллегой Кеневича и знакомым его петербургских генштабистов (Гейденрейха, Звеждовского и др.), которые часто ночевали у меня, будучи проездом в Белостоке». Эта короткая фраза не только подтверждает факт знакомства Домбровского и Кеневича, которое могло завязаться только в Петербурге, но свидетельствует о том, что они были близки идейно-политически, ведь то, что Шварце — друг Кеневича, служило Домбровскому порукой при решении такого вопроса как включение Шварце полноправным членом в состав конспиративного повстанческого центра. И Домбровский не обманулся, делая такой выбор.

Источники не позволяют нам раскрыть подробнее характер контактов Кеневича как с Домбровским, так, несомненно, и с другими активными деятелями петербургской офицерской организации. О степени их идейной близости говорит не только приведенный эпизод и посещения Кеневичем собраний революционных офицеров. Есть все основания полагать, что Кеневич стал не только единомышленником Сераковского, Домбровского и их сотоварищей, но и доверенным активным деятелем складывающейся революционной организации. И если в Россию в 1857 году Кеневич ехал с патриотическими чувствами, но, вероятнее всего, без ясных целей и связей, то его переезд в мае 1859 года из Петербурга в Москву уже, несомненно, был продиктован конкретными и важными конспиративными задачами.

В Москве Иероним Кеневич жил безвыездно до лета 1861 года. Сюда он возвращался, живя здесь

подолгу, и в 1862 году и 1863 году. Сначала он был помощником главного инженера строительства Московско-Нижегородской железной дороги, а с марта 1860 года перешел на более высокооплачиваемую должность главного инженера Саратовской железной дороги. В Москве он сменил несколько квартир: из гостиницы Шевалье, находившейся напротив вокзала Николаевской железной дороги, он переехал в дом Солодовникова на Дмитровке, а затем в дом Дурново на Петровке. Последняя его московская квартира находилась «у Старого Пимена», недалеко от современной Пушкинской площади Молодой инженер, сын богатого помещика, да и сам хорошо зарабатывавший иностранец не привлекал внимания властей. Образ жизни его также был вполне «благонадежный»: он завязал роман с молодой вдовой Александрой Воейковой, родственницей московского жандармского штаб-офицера, взял у нее в аренду два принадлежавших ей имения в Тульской и Калужской губерниях. Никакого повода подозревать в нем революционера, ниспровергателя общественного порядка, при котором ему самому так недурно жилось, он не давал. И позднее перед лицом следственной комиссии Кеневич настойчиво подчеркивал: «Материальный интерес моего отца (а следовательно, и мой), получившего обратно права на значительное имение, давал мне непосредственный материальный интерес в поддержании настоящего порядка вещей, доставившего мне такие большие выгоды». Это было логично и не раз звучало убедительно, например, при контактах с «собратьями» — помещиками в Литве и Белоруссии, готовых видеть в наследнике богатого имения естественного единомышленника. Но на страницах истории русского и польского революционного движения и до и после Иеронима Кеневича можно найти много имен людей, чья жизнь и борьба были опровержением этой простой, но отнюдь не надежной в своей простоте логики. Следователей Иероним Кеневич не убедил, но для некоторых историков его «сомнительное» для революционера социальное происхождение и положение

стало исходным пунктом построений, бросавших тень не только на самого Кеневича, но и на то дело, за которое отдали жизнь он и его сотоварищи.

Служебное положение и позиция в «обществе» были для Кеневича в Москве превосходным прикрытием его конспиративной деятельности. Он стал представителем, доверенным лицом польской революционной организации. К нему шли конспиративные связи, он, как сообщал Варавский, представлял Москву в формировавшейся сети подпольных организаций.

В самой Москве Кеневич, очевидно, действовал весьма осторожно. В это время здесь в среде полулегального землячества польских студентов — «Огула» складывалась тайная патриотическая организация. Как вспоминал впоследствии один из ее членов, Густав Реутт, вскоре выехавший в Италию, где он учился в военной школе, готовившей командные кадры для будущего восстания, он давал присягу в тайном обществе, для чего его возили «к одному поляку-инженеру, жившему в Москве». Имени этого инженера Реутт, судя по всему, не знал, по-видимому, больше сталкиваться с ним ему не пришлось. Кроме этого, отнюдь не бесспорного по своему содержанию сообщения, у нас нет данных о связях Кеневича с польскими студентами, как нет их и о связях с находившимися в Москве офицерами поляками, хотя вряд ли можно предположить, чтобы установление таких связей не входило в задачи главного представителя польской революционной организации в старой русской столице.

Благодаря Брониславу Шварце мы знаем, что Кеневич завязал связи, казалось бы, с более далеко отстоявшими кругами — с русскими революционерами. В своих воспоминаниях Шварце упоминает, что из Белостока он ездил в Москву, где при посредничестве Кеневича установил контакт с московской организацией «Земли и Воли». В другом месте, характеризуя позицию Центрального национального комитета в то время, когда он входил в его состав, Шварце пишет: «Комитет свято придерживался

совместного действия с петербургским комитетом «Земли и Воли», на который решающее влияние имел Зыгмунт Сераковский и с которым единодушно действовал в Москве мой коллега по Центральной школе Иероним Кеневич».

И ссылка на Сераковского со специальным указанием на единомыслие с ним Кеневича и сведения о непосредственных контактах Кеневича с землевольцами дают нам основание отнести Иеронима Кеневича к числу тех польских революционеров, которые видели в русской революции естественную и ближайшую союзницу борющейся Польши. Из этой среды вышли наиболее последовательные польские революционные демократы 60-х годов.

На страницах этой книги читатель уже встречал имена активных деятелей «Земли и Воли» в Москве, среди них и имя одного из руководителей московского подполья, Николая Михайловича Шатилова, документы которого были использованы при организации побега Ярослава Домбровского. Попытка определить круг связей Иеронима Кеневича среди русских революционеров в Москве неминуемо требует выдвижения гипотез, так как ни одного прямого указания ни сам Кеневич, ни землевольцы не дали. Для одной гипотезы у нас есть, как представляется, не малые основания.

30 июля 1864 года в сараях управления Нижегородской железной дороги в Москве жандармерией были вскрыты хранившиеся уже долгое время сундуки. В них был обнаружен архив польского студенческого «Огула» Московского университета и часть библиотеки «Огула». Найденные бумаги не раскрывали каких-либо революционных тайн: по ним можно было лишь заключить, что внутри «Огула» сложилась и действовала тайная патриотическая организация, готовившая студентов к активному участию в восстании. Но о том, что большинство поляков студентов Московского университета участвовало в восстании, власти уже давно знали, им хорошо были известны часто встречавшиеся в протоколах «Огула» имена казненных Болеслава Колышки и Титуса

Далевского, многих сосланных за участие в восстании.

Значительно более заинтересовал жандармов тот факт, что сундуки, в которых хранился архив «Огула», значились принадлежащими Юрию Михайловичу Мосолову.

И Мосолов и Шатилов были арестованы в 1863 году по так называемому «делу Андрущенко». В ходе следствия явственно определилось, что именно они были руководителями московской организации «Земли и Воли». Оба они были воспитанниками Саратовской гимназии, учениками Н. Г. Чернышевского. Мосолов учился в Казанском, а затем Московском университете. Шатилов, будучи моложе своего друга на три года, поступил в 1858 году сразу в Московский университет. И, наконец, еще одно примечательное обстоятельство: оба они в момент ареста были служащими управления Нижегородской железной дороги, куда Мосолов поступил в 1861 году.

Сопоставим факты. Еще в 1860 или начале 1861 года Кеневич помогает Шварце установить контакты с русскими революционерами — будущими землевольцами в Москве. Один из руководителей московских землевольцев становится хранителем бумаг польской студенческой организации. И он и его ближайший сподвижник по подполью — служащие управления железной дороги, одним из руководящих лиц которого до недавнего времени был Иероним Кеневич. Не слишком ли это много для случайных совпадений?

Мы полагаем, что изложенные факты дают нам основание для двух предположений. Во-первых, мы вправе считать, что одним из знакомых Кеневичу русских революционеров был Юрий Михайлович Мосолов, уже в это время активнейший деятель московского подполья, а в недалеком будущем руководитель московской организации «Земли и Воли» Вероятнее всего, именно контакты Кеневича и Мосолова были важнейшим звеном русско-польских революционных связей в Москве. Во-вторых, складывается впечатление, что свои большие связи в управлении Нижегородской железной дороги Кеневич использовал для того, чтобы создать там надежную легальную базу для русских сотоварищей по революционной деятельности.

Летом 1861 года Иероним Кеневич совершил большое путешествие. Маршрут, названный Кеневичем в его показаниях, был таков: из Мозыря «в Париж, Тур, Нанси, на берега Рейна, в Париж, Берлин, Краков, в Галицию к дяде, затем в Вену, Прагу, Дрезден, Берлин, С.-Петербург, Москву и Мозырь». Все ли этапы этого путешествия отражены в показании? Не лежал ли путь из Мозыря за границу через Варшаву? С кем встречался Кеневич, кроме своего галицийского дяди? Какие знакомства обновил, какие завязал вновь? Каковы были причины и цели этого сложного вояжа, затеянного в тот момент, когда революционный подъем в Царстве Польском и во всей России нарастал с каждым днем? Читатель согласится, что все эти вопросы немаловажны. Но все они остаются без ответа.

С осени 1861 года и до конца 1862 года Кеневич находился более всего в Белоруссии и Литве, выезжая в Петербург и Москву. Живя в Мозыре, Минске, особенно в Вильно, он общался с людьми различного социального положения и политического толка. И здесь — причиной тому как осторожность Кеневича, так и особенности источников, которыми мы располагаем, — более всего известны его контакты с людьми из «лучшего общества» — помещиками, оппозиционность которых царскому правительству выражалось в адресах, принимаемых или проектируемых на дворянских съездах. Эти белые, со страхом наблюдавшие приближение революции, считали Иеронима Кеневича своим, его кандидатура намечалась даже в состав руководящего комитета белых в Литве и Белоруссии. И в то же время невидимые для белых нити связывали Кеневича с партией движения, создавшей летом 1862 г. в Вильно свой комитет, руководивший подготовкой восстания. Еще по Петербургу знал Кеневич одного из деятельнейших членов Комитета движения капитана гене-

рального штаба Людвика Звеждовского, близкого друга Сераковского и Домбровского. В сентябре 1862 года Звеждовский был переведен в Москву, здесь в начале 1863 года его пути вновь пересекутся с путями Иеронима Кеневича. Весьма вероятно, учитывая близость братьев Виктора и Константина Калиновских к кружку Сераковского — Домбровского в Петербурге, что Кеневич был знаком и с Константином Калиновским — душой партии красных в Литве и Белоруссии. Характерно, что в 1863 году в Москве Кеневич поддерживает контакт с Титусом Далевским — представителем виленских красных, в дальнейшем ставшим ближайшим помощником Калиновского.

Близился к концу 1862 год. Объявление о рекрутском наборе вплотную поставило перед Центральным национальным комитетом вопрос о восстании. На берегах Темзы, а затем на берегах Невы был обсужден и заключен союз между польскими и русскими революционерами. Мы не будем вновь пересказывать уже знакомые читателю подробности петербургских переговоров. Напомним лишь, что Центральный комитет «Земли и Воли» решительно высказал свое мнение о нецелесообразности восстания в Польше ранее весны — лета 1863 г., когда ожидался новый подъем крестьянского движения в России. Несмотря на это, один из пунктов согласованного мемориала, подытожившего петербургские переговоры, гласил: «Центральный национальный комитет признает, что Россия еще не так подготовлена, чтобы сопровождать восстанием польскую революцию, если только она вспыхнет в скором времени. Но он рассчитывает на действенную диверсию со стороны своих русских союзников, чтобы воспрепятствовать царскому правительству послать свежие войска в Польшу».

Что мог иметь в виду Центральный комитет «Земли и Воли», принимая на себя такое обязательство? Как представлял он себе и польским союзникам революционные перспективы в России?

Землевольцы исходили из совершенно правильной оценки крестьянской реформы 1861 года как реформы, не удовлетворившей надежд и чаяний крестьянства. Возмущение крестьян манифестом и «Положениями 19 февраля 1861 года» проявилось в десятках стихийных бунтов, потопленных царизмом в крови. Среди масс темного, забитого крестьянства распространилось убеждение, что реформа 1861 года лишь предварительная, что по истечении двух лет переходного состояния, определенных манифестом 19 февраля 1861 года, последует новый манифест, который и принесет народу настоящую полную волю и даст ему всю землю. Русские революционеры были убеждены в том, что новое разочарование, которое неминуемо ожидало крестьян в 1863 году, подорвет их наивную веру в царскую милость и подымет их на повсеместное восстание. Задачу свою «Земля и Воля» видела в том, чтобы, мобилизуя и организуя революционную интеллигенцию, ведя пропаганду в армии, создать условия для превращения этого восстания во всероссийскую демократическую революцию.

Дальнейший ход событий показал, что распространенное среди русских революционеров убеждение в том, что «народ собран», «народ готов» к повсеместному восстанию, было ошибочно. Царизм использовал созданную реформой передышку для консолидации сил контрреволюции, а волна народного возмущения пошла на убыль. Произошел спад революционной ситуации, но в полной мере это выявил лишь 1863 год.

Теперь же, в канун этого года, с которым землевольцы связывали столько надежд, они должны были решить: как быть, если восстание в Польше в силу обстоятельств вспыхнет раньше ожидаемого подъема народного движения в России? Логика революции, логика верности союзу народов в общей борьбе подсказывала: сделать все возможное, чтобы поддержать начавшего борьбу, ускорив революционный взрыв в самой России.

Надеясь на повсеместное крестьянское восстание, землевольцы оценивали по-разному степень его подготовленности в отдельных районах страны. Это зависело от многих факторов: от остроты антифео-

дальной борьбы в предшествующие годы, наличия больших национальных или религиозных групп населения, испытывавших дополнительный гнет самодержавия, развития самих землевольческих организаций.

Одним из районов, привлекавших особенное внимание «Земли и Воли», было Поволжье и Приуралье. Здесь старые, хранимые в народе предания о восстании Пугачева подкреплялись недавним опытом крестьянских волнений: село Бездна Казанской губернии стало символом народного протеста против обманной реформы 1861 года. Здесь рядом с народами, испытывавшими национальный гнет царизма,— татарами, башкирами, чувашами, мордвой, жили гонимые и преследуемые официальной церковью русские люди — староверы, в которых революционеры того времени видели бунтарский элемент. Здесь, наконец, было много разночинной интеллигенции, в среде которой действовала одна из наиболее сильных и активных землевольческих организаций — казанская.

Казанский университет и духовная академия уже не один раз проявили в эти бурные годы свои оппозиционные настроения. Студенты почтили память жертв расстрела в Бездне панихидой, на которой произнес яркую речь А. П. Щапов. Списки этой речи, начинавшейся словами: «Друзья, за народ убитые!», и завершенной возгласом: «Да здравствует демократическая конституция!», распространялись далеко за пределами Поволжья. В самом Поволжье и Приуралье распространялись листовки, не только изданные в Петербурге, — «Великорус», «Земская дума», «К образованным классам», но и своего изготовления. Рукописная прокламация «Пора!», появившаяся в Пермской губернии в конце 1861 года, призывала к вооруженной борьбе с самодержавием в союзе с польским и украинским народами. В это же время в Казани была сделана попытка обратиться к самому крестьянству. «Бью челом народу православному середь горя-злосчастья своего» — начиналось это воззвание, которое, напомнив народу о кровавом

уроке Бездны, утверждало: «Нечего ожидать радости от царской милости», и призывало: «Пусть узнают силу русского топора мужицкого».

Осенью 1862 года хорошо законспирированный комитет казанской землевольческой организации создал свою типографию, в которой была отпечатана листовка «Долго давили вас, братцы». Простым, доступным пониманию народа языком в ней объяснялось, что «плоха надежда на нашего царя-батюшку», и говорилось: «Надейтесь, братцы, на самих себя, да и добывайте себе волю сами». Для пропаганды среди крестьян казанские студенты-землевольцы с зимы 1862/63 года приступили к «апостольским», как они их называли, поездкам по деревням Казанской, Вятской, Пермской губерний.

Поволжье и Приуралье занимали значительное место в планах «Земли и Воли». Об этом был информирован Герцен, с большой похвалой отзывавшийся о конспиративных приемах казанского комитета. Несомненно, что об этих планах, хотя бы в основных чертах, был информирован и представитель Центрального национального комитета Зыгмунт Падлевский. Зафиксированное в совместном мемориале обязательство — действенно поддержать польское восстание, если оно начнется раньше, чем движение в России, практически означало принять меры к ускорению революционного взрыва на Волге. Непосредственно организацией движения в Поволжье занимались казанская и тесно связанная с ней московская организации «Земли и Воли». Помимо контакта между руководством русской и польской революционных организаций был установлен, а точнее сказать — восстановлен контакт польских конспираторов с московскими землевольцами. В Москву вновь отправился Иероним Кеневич.

Мемориал, подытоживший переговоры Падлевского с уполномоченными ЦК «Земли и Воли», имеет дату 23 ноября 1862 года. Уже два дня спустя Кеневич прибыл из Вильно в Петербург. Выехал из Петербурга в Москву он 3 декабря. Встречался ли в этот раз Кеневич с членами ЦК «Земли и Воли», неизвестно.

Существующие сведения о его встрече с Утиным могут относиться к его последующим приездам в Петербург — в конце декабря 1862 года и в середине февраля 1863 года. Но не подлежит сомнению, что с Падлевским и Потебней Кеневич виделся и согласовал с ними планы своих будущих действий.

Вопрос о том, начнется ли восстание в Польше одновременно с рекрутским набором в январе 1863 года или оно будет отсрочено до мая, сторонниками чего были не только русские революционеры, но и сам Падлевский, оставался открытым. Окончательное решение было принято лишь в конце декабря. Поэтому меры, которые намечались землевольцами для выполнения обещания о поддержке более раннего восстания в Польше, имели предварительный и условный характер. Такой мерой стала подготовка подложного царского манифеста.

Возникновение этого манифеста, сыгравшего немалую роль в истории «казанского заговора» и громадную роль в судьбе Иеронима Кеневича, составляет одну из очередных загадок в нашем и без того богатом «белыми пятнами» повествовании.

«Польская интрига», «польская диверсия», — восклицали по поводу подложного манифеста черносотенные журналисты; «диверсия белых», — еще и сейчас повторяют некоторые историки, считая создателем этого манифеста «агента белых» Иеронима Кеневича. Но так ли обстояло дело в действительности?

Мысль об использовании подложного манифеста имела в те годы немалое распространение. Вскоре после издания манифеста от 19 февраля 1861 года — в апреле — в Петербурге рассылался манифест с датой 20 февраля, в котором Александр II отрекался якобы от самодержавной власти. Летом 1861 года при переходе границы был задержан офицер-революционер Михаил Бейдеман, у которого были найдены клочки черновика манифеста от имени мифического царевича Константина. Бейдеман тяжело поплатился за свой наивный замысел — после двадцатилетнего одиночного заключения он умер в сумасшедшем доме. Идея поднять крестьян на восстание, используя подложный царский манифест, изданный в момент, когда народ ожидает манифеста о «большой воле», привлекала и некоторых землевольцев.

Ложность, недопустимость подобных попыток эксплуатации наивного монархизма крестьян была очевидна и в то время более зрелым революционерам. Распространение подложного манифеста осудил на страницах «Колокола» Герцен. Он писал в частности: «Мы уверены, что общество *Земли и Воли*... не имеет никакого участия в составлении этого манифеста». Осуждение этой ложной тактики руководящим деятелем «Земли и Воли» имело большое принципиальное значение. Как мы увидим, правильную позицию в этом вопросе заняли казанские землевольцы. Однако вопреки высказанному Герценом убеждению манифест возник в землевольческих кругах.

Как свидетельствует причастный к возникновению подложного манифеста землеволец Г. П. Гофштетер, вопрос о составлении манифеста поднял Николай Семенович Скрыдлов, родственник Зыгмунта Падлевского. Написан манифест был Юлием Бензенгером — землевольцем, давним другом Константина Калиновского. Врученный ему текст Скрыдлов, по словам Гофштетера, передал «в полное распоряжение Падлевского».

При всей краткости этого сообщения оно дает очень много для выяснения обстоятельств дела. Юлий Бензенгер незадолго до этого — 15 ноября 1862 года — добровольно вступил в Петербурге в армию с целью ведения пропаганды в солдатской среде. Бензенгер был направлен для службы в Нижегородский батальон внутренней стражи. На пути следования 28 ноября Бензенгер совершил побег, а уже 2 декабря сам явился на гауптвахту в Москве, после чего содержался под арестом в Нижнем Новгороде. Таким образом, со всей очевидностью определяется время и место составления подложного манифеста. Мы не ошибемся, если скажем, что и сам побег Бензенгера был вызван данным ему серьезным поручением.

По чьей же инициативе составлен этот манифест? Рассказ Гофштетера можно истолковать так, будто

инициатива исходила, хотя бы косвенно, от Падлевского. К такому именно выводу пришел на основании сообщения Гофштетера известный историк русского революционного движения М. К. Лемке, прямо заключивший: «Все это было делом рук польского Временного Народного правительства, даже и не вступившего ни с кем из русских революционеров в какие бы то ни было сношения по этому поводу». Заметим, что Временным Национальным правительством польский ЦНК стал именовать себя только с начала восстания, то есть с 10(22) января 1863 года. Казалось бы, это мелочь, но она показывает, что возникновение манифеста Лемке представлял себе явлением более поздним, чем это было на самом деле.

Итак, Зыгмунт Падлевский немедленно после окончания переговоров с ЦК «Земли и Воли», дух и буква которых обязывали обе стороны к взаимным консультациям и контактам, тайно, без ведома ЦК «Земли и Воли» организовал выпуск подложного манифеста к русскому народу. В то же время Бензенгер, в идейной верности которого «Земле и Воле» нет никаких оснований сомневаться, без указания и ведома руководства организации составил этот манифест при молчаливом попустительстве и одобрении нескольких других землевольцев. Правдоподобно ли это? Конечно, нет. Ни Падлевский не совершил бы такого действия за спиной русских союзников, ни Бензенгер не мог самолично взять на себя решение вопроса первостепенной политической важности.

Объяснить возникновение манифеста можно только одним путем. В чьей бы голове ни родилась эта ложная идея, она могла быть реализована только потому, что была *санкционирована* руководством русской революционной организации — ЦК «Земли и Воли» или его полномочным представителем. Заметим, забегая несколько вперед, что когда позднее ЦК «Земли и Воли» отнесся отрицательно к планам *распространения* подложного манифеста, он не занял решительно негативной позиции, на что имел и право и возможности, а в переговорах с польскими конспираторами потребовал *одновременного* издания и распространения

аналогичной по содержанию листовки-манифеста от имени Временного Народного правления (что, заметим кстати, и было исполнено).

Следует иметь в виду, что написанный на рубеже ноября и декабря 1862 года подложный манифест не был предназначен к немедленному изданию и распространению. Это была как бы заготовка впрок, на случай, если понадобится, и, может быть, именно этим объясняется непродуманность и легкомыслие, которыми отмечено принятие этого плана. Однако уже тогда были предприняты практические шаги для будущего издания манифеста: работавший в типографии Сената наборщик поляк Людвик Киявский скрылся, захватив с собой необходимое количество шрифта.

За всем этим мы потеряли из виду Иеронима Кеневича. Какое же участие он принимал в составлении подложного манифеста? В самом деле — какое? Он не был, как мы уже знаем, его непосредственным составителем, он вообще не находился в Москве в момент его составления, так как в Москву Кеневич приехал 4 декабря, а Бензенгер явился «из бегов» на гауптвахту еще 2 декабря. Имел ли он какое-либо касательство к возникновению идеи использования манифеста? Нет никаких свидетельств в пользу этого, с другой же стороны, если мы сопоставим дату прибытия Кеневича в Петербург — 25 ноября — с датой побега Бензенгера, совершенного, очевидно, в связи с поручением составить манифест, — 28 ноября, — сомнительность такого предположения бросается в глаза.

Иероним Кеневич не был ни инициатором, ни автором подложного манифеста, задуманного и изданного по согласованному решению русской и польской революционных организаций. На плечи Кеневича легло обеспечение издания манифеста и его распространение. На него, без достаточного к тому основания, легла и вся ответственность за этот ложный политический шаг.

22 декабря 1862 года Кеневич выехал из Москвы в Петербург. Вероятно, тут он узнал о принятом

в Варшаве решении начинать восстание в январе. 6 января 1863 года он уехал в Вильно, и здесь спустя несколько дней его застало сообщение о том, что восстание началось.

Тот план, который полтора месяца назад вырабатывался «на всякий случай» и который был доверен ему, Иерониму Кеневичу, стал актуальным. Но где добыть средства на издание манифеста, на подготовку его распространения? Комитет движения, в это время принявший название Литовского провинциального комитета, никогда не располагал значительными суммами. Тем сложнее было изыскать их в этот момент, когда неожиданное, противоречившее всем предшествующим заверениям начало восстания застало красных в Литве и Белоруссии врасплох. Нужно было создавать, вооружать, экипировать, снабжать повстанческие отряды, а на это требовались деньги и деньги, которых у комитета не было.

Кеневич решил обратиться к организовавшемуся в этот момент комитету белых и даже дал согласие на то, чтобы войти в его состав. Весь этот эпизод известен нам по мемуарам главы этого комитета Якуба Гейштора, и он-то служит важнейшим аргументом для изображения Кеневича агентом белых.

По рассказу Гейштора, сразу же после организации комитета — 27 января — Кеневич представил комитету *свой* план организации восстания в глубине России. Из сообщения Гейштора явствует, что ни он, ни другие члены комитета и не подозревали, что «план Кеневича» когда-либо и кем-либо рассматривался ранее, что к нему причастны польские красные и русские революционеры. После некоторых споров комитет согласился финансировать предложенный план. Литовских белых страшила социальная революция, но на берегах Немана, а не Волги. Кеневичу было дано пятнадцать тысяч рублей, что не составляло всей требуемой суммы, и он восполнил ее из собственных средств. Уже в последних днях января, как сообщает Гейштор, Кеневич покинул Вильно.

Итак, причастность Кеневича к белому комитету ограничивалась тем, что он получил от него средства,

необходимые для реализации плана, составленного *красными*. Неоткровенность его с членами комитета, его явное, непонятное лишь самовлюбленному автору подтрунивание над Гейштором («он очень меня ценил и имел даже преувеличенное представление о моем политическом разуме, так как всегда находил у меня большое сходство с Кромвелем», — пишет Гейштор) — как мало это согласуется с отводимой ему ролью агента, орудия белых!

Кеневич организовал печатание подложного манифеста. Существуют разные версии о месте, где был отпечатан манифест. Называется городок Фридрихсгам в Норвегии (?), хотя город с таким названием находился в Финляндии не особенно далеко от Петербурга; называется и Вильно, что как будто более вероятно. Следует учесть, что, когда ЦК «Земли и Воли» выдвинул требование издать прокламацию от имени Временного Народного правления, она была без промедления отпечатана тем же шрифтом, а значит, типография была под рукой. Если добавить к этому, что манифест печатался дважды (как мы сказали бы сейчас — в два завода) и что по показанию одного из распространителей полученные им экземпляры оставляли впечатление свежеотпечатанных, то не исключено, что подпольная типография находилась в Москве.

Нам много раз уже приходилось говорить о подложном манифесте. Приведем же его текст.

«Божиею Милостию Мы, Александр Вторый, Император и Самодержец Всероссийский, Царь Польский, Великий Князь Финляндский и прочая, и прочая, и прочая.

Объявляем всем Нашим верноподданным.

В постоянной заботливости Нашей о благе всех верноподданных Наших, Мы, Указом в 19 день Февраля 1861 года, признали за благо отменить крепостное право над сельским сословием Богом вверенной Нам России.

Уступая просьбам помещиков, Мы, как ни тяжело было нашему Монаршему сердцу, повелели, однако, всем временнообязанным крестьянам оставаться в те-

чение двухлетнего срока, т. е. до 19 февраля настоящего 1863 года, в полной подчиненности у их бывших владельцев.

Ныне, призвав Всемогущего на помощь, настоящим Манифестом объявляем полную свободу всем верноподданным Нашим, к какому бы званию и состоянию они ни принадлежали. Отныне свобода веры и выполнение обрядов ее церкви составят достояние всякого.

Всем крестьянам, как бывшим крепостным, так и государственным, даруем в определенном размере землю, без всякой за оную уплаты как помещикам, так и Государству, в полное — неотъемлемое и потомственное — их владение.

Полагаясь на верность народа Нашего и признав за благо для облегчения края упразднить армию Нашу, Мы отныне впредь и навсегда освобождаем Наших любезных верноподданных от всякого рода наборов и повинностей рекрутских. Затем, солдатам армии Нашей повелеваем возвратиться на место их родины.

Уплата подушных окладов, имевших назначением содержание столь многочисленной армии, со дня издания сего Манифеста отменяется. Всем солдатам, возвращающимся из службы, также всем дворовым людям, фабричным и мещанам повелеваем дать без всякого возмездия надел земли из казенных дач обширной Империи Нашей.

В каждой волости, равно в городе, избирает четырех пользующихся его доверием человек, которые, собравшись в уездном городе, изберут совокупно уездного старшину и прочие уездные власти. Четыре депутата от каждого уезда, собравшись в губернский город, изберут губернского старшину и прочие губернские власти. Депутаты от каждой губернии, призванные в Москву, составят Государственный Совет, который с Нашею помощью будет управлять всею Русскою землею.

Такова Монаршая воля Наша!

Всякий, объявляющий противное и неисполняющий сей Монаршей воли Нашей, есть враг Наш. Уповаем,

что преданность народа оградит престол Наш от покушений злонамеренных людей, неоправдавших Наше Монаршее доверие.

Повелеваем всем подданным Нашим верить одному Нашему Монаршему слову. Если войска, обманываемые их начальниками, если генералы, губернаторы, посредники осмелятся силою воспротивляться сему Манифесту, да восстанет всякий для защиты даруемой Мною свободы, и, не щадя живота, выступит на брань со всеми дерзающими противиться сей воле Нашей.

Да благословит Всемогущий Господь Бог начинания Наши! «С Нами Бог, разумейте языцы и покоряйтеся, яко с Нами Бог!»

Дан в Москве, в тридцать первый день Марта, в лето от Рождества Христова тысяча восемьсот шестьдесят третее, Царствования же Нашего в девятое.

На подлинном Собственною Его Императорского Величества рукою подписано:

АЛЕКСАНДР.

Печатан в Санктпетербурге при Правительствующем Сенате».

Слог, стиль, шрифт, все оформление этого документа в полной мере соответствовали привычному облику царских манифестов. Нет нужды пояснять, что манифестов *такого содержания* Россия за всю свою тысячелетнюю историю еще не видывала.

Дата, проставленная на манифесте, была в 1863 году днем пасхи, то есть днем, который по традиции избирался для публикации манифестов, объявления амнистий и т. п.

Той же датой, 31 марта 1863 года, было помечено аналогичное по содержанию воззвание к народу от имени Временного Народного правления. Вероятно, печатание как манифеста, так и воззвания происходило в марте.

Февральский приезд Кеневича в Петербург был временем, когда определились все планы. И русские и польские революционеры не теряли надежды на то,

что стихийный взрыв крестьянского движения произойдет сразу же после 19 февраля — дня, когда заканчивался двухлетний срок временнообязанного состояния. Проявлением таких надежд было, в частности, распоряжение, данное Кеневичем двоюродному брату Людвику Климашевскому, управлявшему одним из взятых в аренду у Воейковой имений, — собрав все деньги, находящиеся в кассах обоих имений, прибыть в Москву к 19 февраля. Мы уже говорили, что денег, данных виленскими белыми, было недостаточно, и поэтому Кеневич торопился собрать все принадлежавшие лично ему средства. В том случае, если бы надежды на день 19 февраля не оправдались, был бы пущен в ход документ, датированный следующим «светлым днем» — 31 марта.

В Петербурге Кеневич мог познакомиться со сложившимся за недели, прошедшие после начала восстания, общим стратегическим планом. Развертывание массовой повстанческой войны в Литве, где до сих пор действовали лишь отдельные отряды, было намечено на конец марта — начало апреля. Руководство восстанием в Литве брал на себя Зыгмунт Сераковский. Усиленные оружием и добровольцами, направлявшимися в Литву морским путем, литовские повстанцы должны были подготовить условия для переноса восстания на восток. Вторая половина апреля была намечена как время повсеместного восстания в Белоруссии. Задачей Людвика Звеждовского, назначенного руководителем восстания в Восточной Белоруссии, было также движение в глубь России навстречу той волне крестьянского восстания, которое должно было подняться на Волге. Так определялась задача, стоявшая перед Иеронимом Кеневичем. Необходимо было срочно установить связи с казанскими землевольцами.

Кеневича хорошо знали руководители московского подполья, но в Казани он никогда не бывал, выдавать себя за русского он не хотел и не мог, а направить в Казань надо было человека, который не произвел бы впечатление чужака. Такой человек быстро нашелся. Это был член петербургской офицерской

организации поручик Максимилиан Андреевич Черняк, наполовину поляк, наполовину украинец. Черняк также не был знаком с Казанью, но близ Казани в Спасском уезде служил двоюродный брат Черняка штабс-капитан Иваницкий, на которого можно было в полной мере положиться.

Расчеты Кеневича и Черняка основывались на уже известных нам предположениях о новом подъеме крестьянского движения, в особенности в Поволжье, на ожидаемом содействии казанских землевольцев, на впечатлении, которое произведет на народ манифест, наконец, на наличии в гарнизоне Казани и других поволжских городов революционно настроенных офицеров и значительного числа солдат поляков.

В средине марта Черняк приехал в Казань. Уже предупрежденный заранее Иваницкий организовал встречу Черняка с группой студентов-землевольцев. Изложенные Черняком планы ошеломили казанских землевольцев. Они также готовились к восстанию, вели пропаганду среди крестьян, создали свою боевую дружину и учились обращению с оружием, но поднять восстание через какой-то месяц? Лучше чувствуя обстановку на месте, они не верили в успех неподготовленного движения. Но, с другой стороны, каждая вспышка в глубине России могла стать существенной помощью повстанцам в Польше, Литве, Белоруссии, а тем самым содействовать победе общего дела. Не чуждо было им и высказанное Иваницким убеждение, что достаточно выставить посреди деревни стяг с надписью «Земля и Воля», чтобы вокруг него собрались все крестьяне. Черняк обещал прислать ко времени, намеченному для начала восстания, из Москвы группу офицеров — руководителей и оружие. Согласие было достигнуто.

Решительный протест со стороны казанских землевольцев вызвало сообщение Черняка о предполагаемом использовании подложного манифеста. Они заявили, что считают такие методы неблагородными и безумными. Народу надо говорить правду. Как образец они привели листовку «Долго давили вас, братцы».

После отъезда Черняка из Казани активную подготовку к будущему выступлению развернул Наполеон Иваницкий. «Это был очень интеллигентный, симпатичный молодой человек лет тридцати, привлекавший всех нас к себе недюжинным умом и безграничной преданностью революционному делу», — писал в своих воспоминаниях землеволец Иван Краснопе00ров. Эта характеристика бесспорно правильна, но не полна. Искренний и горячий революционер, Иваницкий, как и многие участники революционного движения того времени, был очень неопытен. Грядущая революция представлялась ему, как мы видели, делом простым и довольно легким, необходимыми правилами конспирации он пренебрегал. Не удивительно, что среди людей, которым стали известны планы восстания, оказался предатель — студент Иван Глассон.

2 апреля прибывший в Петербург Глассон сделал донос властям о подготовке восстания в Казани. В это же время начали поступать сведения об «апостольской» деятельности землевольцев в Поволжье и Приуралье. Некоторые студенты-«апостолы» были арестованы. Власти всполошились. По приказу из Петербурга в Казани были приняты чрезвычайные меры предосторожности, город был поставлен в военное положение. План неожиданного овладения губернским центром стал невозможен.

Студенты выслали на дороги, ведущие к Казани, дежурных, чтобы предупредить об опасности Черняка, который должен был приехать в Казань. Но вместо Черняка 14 апреля приехал его уполномоченный — петербургский студент Юзеф Сильванд. Он привез большое число прокламаций трех видов (это были подложный манифест, воззвание от имени Временного Народного правления и воззвание с заголовком «Земля и Воля. Свобода вероисповедания»), четырнадцать револьверов, четыреста рублей и уже утратившую значение инструкцию об овладении Казанью.

При встрече с землевольцами на квартире члена польского военно-революционного кружка Ромуальда Станкевича Сильванд выдвинул новый план — отказаться от попытки восстания в Казани, а развернуть

движение на периферии губернии. Участник совещания офицер-революционер Александр Мрочек поддержал эту мысль, предложив атаковать Ижевский оружейный завод, что сразу решило бы вопрос о вооружении восставших.

Но планы эти не получили реализации. При содействии Глассона, вернувшегося в Казань уже в качестве провокатора, власти получили улики, необходимые для ареста Иваницкого. Вслед за тем развернулись аресты среди казанских студентов. В Москве был задержан Мрочек. Следствие по делу о «казанском заговоре» было начато в Петербурге.

Иероним Кеневич с конца февраля находился в Москве. Теперь пребывание его здесь было отнюдь не спокойным. 2 марта полиция получила анонимный донос на него и Воейкову. В доносе говорилось, что на квартире Воейковой собираются поляки и что Кеневич в конце 1862 года отправлял из Москвы оружие и порох. У Воейковой был произведен обыск. Он не дал результатов: хозяйка успела выпустить гостя через черный ход. Угроза на этот раз миновала, но было ясно, что подозрительный иностранец уже привлек к себе внимание. Воейкова уехала за границу и остановилась в родном городе Кеневича Нанси, где в мае ее в последний раз навестил Кеневич.

Результаты поездки Черняка в Казань воодушевили Кеневича, намеченный Иваницким план ночного захвата города представлялся ему реальным. Но когда из Казани вернулся Сильванд, стало очевидно, что надежд на организованное восстание питать не приходится. Оставалось лишь возбуждение крестьянских волнений посредством подложного манифеста, что, во всяком случае, встревожило бы правительство, а тем самым облегчило бы в какой-то мере борьбу повстанцам. Ведь со дня на день должно было вспыхнуть восстание в Белоруссии, куда уже уехал Звеждовский. И Кеневич, твердый в исполнении намеченного плана, решил пустить в ход манифест.

Распространителями манифеста стали студенты поляки Александр Маевский, Фердинанд Новицкий, Евстафий Госцевич и Август Олехнович. Никто из них

ранее с Кеневичем не был знаком, связал их с ним член офицерской организации Эдмунд Хамец. Фамилии Кеневича они не знали, но назвался он своим подлинным именем. Первоначально имелось в виду направить их в Казань для участия в восстании, но после возвращения из Казани Сильванда Кеневич решил поручить им подбрасывание подложного манифеста. Студенты были снабжены паспортами на чужое имя, револьверами, деньгами и вырезанными из печатного экземпляра или нарисованными от руки маршрутными картами. Каждый из них получил несколько сот экземпляров манифеста.

22 апреля они выехали из Москвы через Нижний Новгород в Арзамас, а оттуда Маевский и Олехнович поехали по дороге на Темников, имея целью распространить манифест в Тамбовской, Рязанской и Тульской губерниях. Уже 26 апреля они были арестованы в Спасске Тамбовской губернии. Новицкий и Госцевич двинулись на юго-восток через Лукоянов и расстались в Городище, откуда Госцевич направился в Симбирскую, а Новицкий в Саратовскую губернию. И они оба вскоре были арестованы: Госцевич — 29 апреля в Симбирске, а Новицкий на следующий день в Самаре.

Эффект распространения в течение нескольких дней на ограниченной территории нескольких сот экземпляров манифеста, большинство которых и не попало в руки крестьян, был, разумеется, ничтожен.

23 апреля, на следующий день после отъезда студентов, Кеневич, у которого в Москве, что называется, горела земля под ногами, выехал в Вильно. Вместе с ним уехал снабженный чужим паспортом Черняк, которого уже разыскивали по сведениям из Казани. В Вильно они расстались. Черняк направился в повстанческий отряд. Под псевдонимом «Ладо» он участвовал в восстании в Литве до последних его дней и был арестован в июле 1864 года.

Кеневич выехал в Варшаву. Он присутствовал на одном из заседаний Жонда Народового и получил даже предложение войти в состав жонда в качестве представителя Литвы. Но Кеневич заявил, что прежде всего он должен на короткое время съездить за границу. Причиной, названной им членам жонда, была необходимость обменять или продлить паспорт. Кеневич имел еще поручение, данное ему в Вильно: передать заграничному представителю литовского повстанческого руководства Ахилло Бонольди деньги на закупку оружия для литовских отрядов.

Жонд воспользовался поездкой Кеневича для того, чтобы направить с ним инструкции недавно назначенному дипломатическим представителем повстанческого правительства князю Владиславу Чарторыскому. Встреча эта носила сухой, официальный характер. В Париже Кеневичу были намного ближе иные эмигрантские круги. Но и здесь орудовали лазутчики III отделения. В результате 17 (29) мая из Парижа в Петербург последовало агентурное донесение, в котором говорилось об отъезде уже ранее взятого на заметку Кеневича через Берлин в Варшаву и о том, что Кеневич говорил о своей причастности к печатанию подложного манифеста. Спустя неделю он был арестован на пограничной станции.

* * *

Так мы вернулись к исходному пункту нашего рассказа. Что же мы узнали о Иерониме Кеневиче? Перед нами активный, деятельный участник революционного движения, несомненный сторонник совместных действий польских и русских революционеров, хладнокровный и решительный человек, умелый конспиратор. Но в то же время облик его не совсем ясен: он хорош и с красными и с белыми, его считают своим и готовы включить в свой состав и литовский комитет белых и изрядно «побелевший» Жонд Народовый, он причастен к планам, которым не хватает политической трезвости и которые используют такие недопустимые в революционной борьбе средства, как мистификация. Какой же сделать вывод из этого?

Но не будем торопиться, ведь рассказ наш еще не окончен.

К тому моменту, когда Кеневич был арестован, в распоряжении следователей, помимо агентурного

донесения, было уже еще одно доказательство его причастности к распространению подложного манифеста — сознание студентов-распространителей, что лицо, инструктировавшее их и снабдившее экземплярами манифеста, носило имя «Героним». Неопытные, запутанные перекрестным допросом, они быстро оказались вынужденными рассказать все, что им было известно. Они, правда, надеялись на то, что названные ими люди находятся за пределами досягаемости властей. Но и сказанного ими было достаточно, чтобы представить значение таинственного Иеронима. «С открытием Иеронима, составляющего как бы соединительное звено между орудиями и зачинщиками заговора, — писал в Петербург из Казани направленный туда для руководства следствием сенатор Жданов, — нетрудно было бы открыть весь план, объем и происхождение этого заговора, отыскать *начало* той нити, *конец* которой правительство уже имеет у себя в руках». Было решено сосредоточить все следствие в Казани, направив туда Кеневича и возвратив туда арестованных ранее участников «казанского заговора».

Уже первые допросы в Петербурге показали Кеневичу, что следствию известно многое. Ему был задан вопрос о его причастности к составлению подложного манифеста, а затем и к его распространению, причем были названы фамилии распространителей. Кеневич решительно заявил, что ничего об этом не знает. Но он не мог не понимать, что вопросы эти предвещают очные ставки с некоторыми, а может быть, и со всеми распространителями манифеста, попавшими в руки властей. Следовало еще и еще раз продумать тактику поведения на следствии.

Казанские следователи не торопились с допросом Кеневича. Жданову было ясно, что задача, стоящая перед ним, не проста: «Я в нем нашел одного из тех таинственных рыцарей, которые живо напомнили мне героев в его роде 14 декабря 1825 года». Понимая, что перед ним идейный, твердый и умный человек, Жданов стремился мелкими, но столь ощутимыми для узника облегчениями тюремного режима создать у Кеневича впечатление отсутствия у следователей

предвзятости и неприязни к нему, а в то же время показать ему безнадежность запирательства. С этой целью он устроил в тюрьме «случайную» встречу Кеневича с одним из студентов—распространителей «манифеста», Олехновичем. С садистским наслаждением описывал Жданов эту сцену, потрясшую и Кеневича и менее всего подготовленного к такой встрече Олехновича.

Чего хотели следователи от Кеневича? Они стремились, разумеется, прежде всего к тому, чтобы он признал свое личное участие в подготовке восстания в Казани (а студенты рассказали не только о распространении «манифеста», но и о первоначальном проекте посылки их в Казань) и деле о подложном манифесте. Но гораздо важнее была перспектива получить нить, по которой можно было дойти до *начала*, то есть до центра революционной организации. За это, за такую нить можно было пойти и на то, чтобы облегчить участь самого Кеневича, сохранить ему жизнь. Намеками, прямыми посулами, разрешением писать письма к французскому консулу (впрочем, все эти письма никогда не пошли дальше канцелярий III отделения) ему подсказывали эту лазейку.

Кеневич мог купить спасение, сказав о том, что́ он знает. А знал он в отличие от юнцов-студентов многое. Он знал многих членов московской организации «Земли и Воли», включая еще находившихся на свободе ее руководителей, он знал членов ее Центрального комитета, он знал историю возникновения подложного манифеста, не говоря уже об осведомленности его в повстанческих делах Вильно, Варшавы, эмиграции, в десятках важнейших вопросов, бывших для царских властей тайной за семью печатями. Не будем оскорблять памяти Иеронима Кеневича похвалою за то, что он не избрал путь предательства.

Но был и иной путь — путь полуправды: сказать не все, что знаешь, а кое-что такое, что не может уже причинить ущерба революционному делу, назвать и выставить на первый план таких людей, которым это не может повредить. В положении Кеневича это, казалось, было бы особенно просто, поскольку, дей-

ствительно, кто были важнейшие инициаторы совместных русско-польских действий, составлявших существо «казанского дела»? Это были расстрелянный в мае в Плоцке Падлевский (пойди допроси его!), находящиеся за границей Слепцов, Утин, наконец, Герцен, Огарев, Бакунин (попробуй поймай их!). Это был трудный и извилистый путь, балансирование на краю пропасти, но некоторым подследственным удавалось пройти им, не подведя товарищей, не запятнав своей чести и все же облегчив свою участь.

Иероним Кеневич отверг эту тактику, хотя не мог не понимать, что для него лично это может оказаться гибельным. Оценить, сидя в одиночной камере, все возможные последствия даже на первый взгляд совершенно пустячной мелочи, угадать, какое толкование и применение могут дать враги любому сообщенному им факту, невозможно, и Кеневич избрал наиболее достойный путь — не сообщать царским следователям ни малейших данных. Он не отказался от ответов на вопросы следователей, но его обстоятельные, часто многословные, учтивые ответы на французском языке сводились к одному: никакого участия в конспиративной деятельности не принимал, никого не знаю, ни о чем не ведаю.

Не изменили его позиции и очные ставки со студентами, которые признали в нем таинственного «Геронима» (лишь Олехнович уклонился от прямого утверждения, сказав, что он *похож* на человека, инструктировавшего их в Москве). Кеневич решительно отверг факт знакомства со студентами. Но когда во время мучительной очной ставки с Новицким и Олехновичем подавленные, угнетаемые угрызениями совести студенты разрыдались, Кеневич на глазах у следователей подошел к ним и пожал им руку. Комиссия пыталась ухватиться хотя бы за это и заставить Кеневича признать, что, простив их предательство, он тем самым признал их показания, но получила ответ: «Если виновный вправе прощать своих предателей, то прощение их при сознании своей невинности есть черта, еще более достойная христианина».

Поняв, что никакой нити Кеневич им не даст, царские следователи озлобились и поставили своей целью во что бы то ни стало собрать материал, достаточный для смертного приговора. Трудность заключалась в том, что показания подсудимых — «оговор» — не признавались законом полноценным доказательством вины при отсутствии признания обвиняемого и вещественных улик. Тогда комиссия пошла на подлый трюк. От рукописной карты, взятой у Маевского, которая была, по-видимому, начерчена Кеневичем, был отрезан клочок с несколькими цифрами (вероятно, подсчетом числа верст между населенными пунктами) и вложен среди бумаг, изъятых у Кеневича. На допросе Кеневич не заметил ловушки и написал на этом клочке, что не помнит, когда писал эти цифры и что они означают. Таким образом, комиссия получила «вещественную улику». Жданов с триумфом сообщал: «Мы прибегли к уловке, не довольно чистой, как все уловки, но цель была достигнута... Это уже составляет на суде довод юридический, а этого довольно...» Но затем его начали одолевать сомнения: «Иероним Кеневич нас очень озабочивает. Нравственное убеждение полное, что он двигатель предполагавшегося в Казани восстания, но первая категория говорит: давай юридические доказательства, основанные на фактах и улике. Улики против Иеронима его жертв [то есть студентов — распространителей «манифеста»] не сильны по закону; признание цифр на карте лишь знаменательно, однако же повесить нельзя». К первой категории, которую упоминает Жданов, были отнесены те «главные зачинщики и двигатели», которых комиссия предлагала предать суду на основе военно-полевых законов, обрекавших подсудимых на смерть.

Помимо «нравственного убеждения», которое «озабочивало» Жданова, как бы Кеневич не избег казни, царские сатрапы руководствовались и политическими соображениями. Попытка поднять восстание в глубине России, участие в ней большой группы русских людей — это был факт весьма неприятный, и общественный резонанс его был крайне нежелателен. Куда удобнее было бы изобразить все «казанское дело»

как польскую интригу, польский заговор, в который были втянуты наивные юноши-студенты.

Следственная комиссия не рискнула отнести Кеневича к «преступникам» первой категории. О нем в ее заключении говорилось, что он «навлекает на себя подозрение только в сообщничестве с распространителями манифеста и знании об их преступном замысле, но не изобличается ничем в том, что был главным зачинщиком и двигателем этого преступления, кроме одного оговора соучастников, составляющего по закону доказательство несовершенное». Этим выводом комиссия признала свое поражение в длительной борьбе с одиноким узником.

Но царский суд оказался менее щепетильным. Его не смущали юридические тонкости и то обстоятельство, что по основному пункту обвинения Кеневича пришлось «оставить в сильном подозрении». Генерал-губернатор Тимашев утвердил смертный приговор Иваницкому, Мрочеку, Станкевичу и Кеневичу.

Казнь была совершена на берегу реки Казанки в семь часов утра 6 июня 1864 года. На том же месте, где был расстрелян Иероним Кеневич и ранее незнакомые ему сотоварищи, 11 октября 1865 года был казнен Максимилиан Черняк.

Казанские землевольцы были потрясены казнью Кеневича, «неизвестно почему и за что присоединенного к «вооруженному восстанию» нашего кружка», писал о нем Иван Красноперов. Вокруг казни по ошибке схваченного «француза» создавались легенды. Но, вероятно, то сожаление и уважение, с которым отзывались о Иерониме Кеневиче землевольцы, возросло бы еще более, если бы они знали, что он ценой своей жизни оборвал нить, которая могла привести царских палачей к самому сердцу «Земли и Воли».

Ромуальд ТРАУГУТ

Восстание 1863 года продолжалось шестнадцать месяцев. В наиболее тяжелые для повстанцев последние шесть месяцев, с октября 1863 года и до апреля 1864 года, руководство восстанием осуществлял Ромуальд Траугут. Этот «таинственный диктатор», как нередко называли его и современники и историки, стал легендарной фигурой.

Слово «легендарный» имеет два оттенка, как бы два различных смысла. Мы употребляем его тогда, когда речь идет о прославленном деятеле, имя которого живет в памяти народа, озаренное немеркнущей легендой. Но легендарным мы называем и человека, образ которого словно окружен туманной дымкой, человека, о котором историческая наука еще не сумела составить ясного представления.

К Ромуальду Траугуту можно отнести оба эти понятия. В памяти польского народа, в национальной традиции Траугут занимает место рядом с Тадеушем Костюшкой, среди прославленных героев национально-освободительной борьбы. И между тем облик Траугута, так прочно вписавшего свое имя в историю польского народа, еще сегодня составляет предмет научных дискуссий. Современный польский историк имел основание сказать, что «Траугута почитаем мы все без исключения, но каждое поколение истолковывает его по-своему».

Так сложилось, что первыми биографами Траугута стали люди, которые видели его заслугу прежде всего в том, что он выступил против «красного анархизма»,

а высокую оценку его морального облика обосновывали в первую очередь его глубокой набожностью. Авторитет этих свидетелей был очень высок, это были ближайшие сотрудники Траугута. Их писанные на склоне лет воспоминания воссоздавали впечатление далекой юности, окрашивая их (наверное, без сознательной воли самих авторов) созвучно их уже весьма консервативным взглядам. Так создавалась реакционно-националистическая «легенда о Траугуте».

И, словно подчиняясь этой легенде, не обращая внимания на противоречащие ей факты и документы, прогрессивные историки относились к Траугуту сдержанно и настороженно. Его субъективная честность, преданность делу освобождения польского народа не ставились под сомнение. Но в нем склонны были видеть невольного реализатора закулисных планов консервативных, враждебных революционным массам политических сил. Впрочем, такая оценка звучала не в полный голос, популярность имени Траугута побуждала делать ударение скорее на его высоких личных качествах, а высказываемые сдержанно сомнения относительно политического значения его диктатуры формулировались чаще безлично, с оговорками, что Траугут, разумеется, не был, по существу, политиком и т. п.

Изменение взглядов историков-марксистов в оценке Траугута произошло в течение последнего десятилетия. Значительно глубже, без прежнего схематизма освещены важнейшие проблемы истории восстания в период диктатуры Траугута: отношение к народным массам, к революционным силам других народов, военные планы. Новые выводы о развитии восстания в то время, когда во главе его стоял Траугут, не могли не отразиться на характеристике самого Траугута. Но именно теперь, когда его деятельность предстала перед нами в новом свете, задача нарисовать облик этого руководителя восстания оказывается особенно сложной. Теперь нам ясно, до какой степени поверхностно воспринимали Траугута люди, которые его окружали. Убежденные в том, что они прекрасно знали своего руководителя и понимали его помыслы, они

сумели внушить это убеждение и читателям. Но сегодня мы видим, что эти источники ненадежны, и особенно остро ощущаем, насколько бедны, недостаточны вообще все источники для биографии Ромуальда Траугута. Они дают нам возможность восстановить в основном канву его жизни, внешние проявления его деятельности, но почти не раскрывают ее направляющих внутренних сил.

Среди современной литературы о Траугуте можно назвать несколько более или менее удачных биографических очерков. Однако ни один из этих очерков не дает исчерпывающего, документально обоснованного ответа на основные вопросы: как далекий от политической деятельности отставной офицер стал руководителем восстания 1863 года, как человек, которого считали своим белые, оказался осуществителем политики красных?

Заранее скажем, что и настоящий очерк отнюдь не может претендовать на большее. Это не изложение итогового исследования о Траугуте — такого исследования еще нет, — это лишь биография Траугута, объясненная так, как ее представляет автор этого очерка.

* * *

Должно быть, первое, что требует пояснения в биографии Ромуальда Траугута, — это его звучащая совсем не по-польски фамилия Считается, что первый из рода Траугутов (Traugutt) — это был, вероятно, прадед Ромуальда — был выходцем из Саксонии и появился в Польше в первой половине XVIII века. Он передал своим польским потомкам немецкую фамилию. Но поляком чувствовал себя уже дед Ромуальда. Якуб Траугут был участником восстания 1794 года; как пехотный капитан, он участвовал в отражении прусских войск под Варшавой, заслужив похвалу Тадеуша Костюшки.

Отец Ромуальда Людвик Траугут был малоимущим дворянином, из обедневшего рода Блоцких происходила и мать — Алоиза. Людвик Траугут арендовал небольшое имение Шостаков в Западной Бело-

руссии близ южной опушки знаменитой Беловежской пущи. Здесь 16(28) января 1826 года родился Ромуальд Траугут.

Ребенку было всего два года, когда умерла его мать. Его воспитательницей стала бабушка Юстина Блоцкая, энергичная, властная женщина. Ей принадлежало первое слово в доме. Бесконечно любящая внука, она не баловала его; еще дома Ромуальд получил первые знания и навыки к ученью, которые очень помогли ему, когда десятилетним мальчиком он поступил в гимназию в Свислочи. Гимназист Траугут проявлял особый интерес к математике, хорошо и охотно рисовал. Эти его наклонности определили выбор профессии, когда в 1842 году он окончил с серебряной медалью гимназию. Было решено, что он станет военным инженером. Однако попытка поступить в Инженерную академию в Петербурге окончилась неудачей, и восемнадцати лет Ромуальд Траугут вступает юнкером в 3-й саперный батальон, находившийся на постоянных квартирах в местечке Желехове, верстах в восьмидесяти от Варшавы. Прошло более трех лет, прежде чем Траугут получил первое офицерское звание прапорщика. Это было весной 1848 года.

Как бы ни был молодой офицер далек от политики, она сама напоминала о себе. Сверстник детских лет Траугута Аполин Гофмейстер, сын владельца Шостакова, будучи студентом Берлинского университета, стал членом польской патриотической организации, готовившей национально-освободительное восстание, и по ее поручению вернулся для нелегальной пропаганды в Литву. Здесь он вскоре был арестован. Это был 1846 год, год Краковского восстания. Напуганные подъемом польского освободительного движения, царские власти усилили репрессии. После двух лет предварительного заключения Гофмейстер и его сотоварищи были приговорены к ссылке на каторгу, а публичное объявление приговора в Вильно было обставлено средневековой устрашающей процедурой: осужденных провезли на открытых повозках через весь город и приковали к позорному столбу. Но Аполин Гофмейстер превратил повозку палача в трибуну агитатора.

Вместо подавленного суровым наказанием осужденного собравшиеся в этот мартовский день 1848 года толпы жителей литовской столицы увидели непокорившегося молодого бунтаря, восклицавшего: «Да здравствует Польша! Да здравствует свобода!» Весть об этой дерзкой демонстрации разнеслась широко, и Траугут не мог не знать о судьбе Гофмейстера.

Рассказано очень немного, но уже сами собой возникают один за другим вопросы. Чем определялся жизненный выбор юноши поляка, поступившего на службу в оккупирующую Польшу армию Николая I? С кем из соотечественников общался он в месяцы, проведенные в Петербурге? Какие впечатления он вынес оттуда? Какие мысли и чувства пробудили в молодом офицере известия о революционных событиях, которые весной 1848 года прокатились через всю Европу от Франции до границ Царства Польского? Как отозвалась в его душе история Аполина Гофмейстера?

Нам нечего ответить на эти вопросы. Трудно сказать, мог ли ответить на них и кто-либо из людей, окружавших Ромуальда Траугута. Этого исполнительного офицера, бывшего на хорошем счету у начальства, уже в те годы отличали замкнутость и необщительность. Благодаря очкам, которые он вынужден был носить с юных лет из-за сильной близорукости, он казался много старше офицеров-ровесников. Неизменно спокойный, молчаливый, ровный в обращении с сослуживцами, но не завязывавший дружеских отношений, — таков был Ромуальд Траугут.

Сдержанность была чертой, может быть, более всего характерной для Траугута на протяжении всей его жизни. Его внутренний мир оставался почти неизвестен окружающим, и поэтому так много безответных вопросов мы встречаем на страницах его биографии.

Пройдут годы, и судьба вновь сведет Гофмейстера и Траугута — двух руководящих деятелей восстания 1863 года.

Между тем весной 1849 года 3-й саперный батальон в составе действующей армии был двинут на по-

давление венгерской революции — последнего оплота революции в Европе. В послужном списке прапорщика Траугута появляются записи об участии в боевых действиях — в исправлении горных дорог, строительстве мостов, редутов. «Под сильными пушечными выстрелами находился при исправлении моста через большой овраг, разрушенного неприятелем», — так начиналась боевая биография Траугута.

Этот боевой опыт, это воспитание спокойствия и выдержки в гуще боя пригодятся впоследствии командиру повстанцев. Но достается этот опыт дорогой моральной ценой, он приобретен на службе под командованием душителя Польши фельдмаршала Паскевича. В августе 1849 года Паскевич торжественно рапортует Николаю I: «Венгрия у ног вашего императорского величества».

Венгерская кампания была завершена, и вновь потянулись месяцы гарнизонной службы в Желехове, которую разнообразило лишь преподавание для нижних чинов в школе 1-й саперной бригады. Подпоручик Траугут пользуется доверием начальства и сослуживцев, его избирают батальонным казначеем. В 1852 году в жизни Траугута происходит большое событие: он женится на дочери варшавского ювелира Анне Пикель. Спустя год появляется на свет первая дочь, получившая имя в честь матери. Молодой семье помогает в домашних заботах бабушка Юстина, перебравшаяся в Желехов.

Нам уже приходилось упоминать о том, что Ромуальд Траугут был верующим католиком. Воспитанную в нем еще в детстве религиозность он сохранял до конца своих дней. Но Траугут не был фанатиком, веские доказательства тому он даст на посту главы восстания, но уже теперь он засвидетельствовал отсутствие узкой католической нетерпимости: жена Ромуальда Анна происходила из протестантской семьи.

Тихое семейное счастье недолго было уделом Траугута. Началась Восточная война. В конце 1853 года батальон выступил на театр военных действий в Дунайские княжества, а уже в марте 1854 года поручик Траугут возводит под огнем турок позиции

батарей и переправы на Дунае, затем участвует в неудачной осаде Силистрии и отступлении армии из Дунайских княжеств.

Восточная война вскоре стала Крымской войной. Высадка англо-французских войск переместила основной театр войны в Крым. Началась прославленная оборона Севастополя. В апреле 1855 года 3-й саперный батальон прибывает в Севастополь.

Нет необходимости описывать подробно «севастопольскую страду» Ромуальда Траугута. Процитируем строки его послужного списка: «С 22 апреля по 19 июля находился в гарнизоне Севастополя, в промежутке сего времени участвовал 30-го апреля и в ночь с 30-го апреля на 1 мая при производстве работ на оборонительной линии Севастополя под огнем неприятеля, 1 мая находился под штуцерным огнем против всей оборонительной линии Севастополя, 6 мая в сильном артиллерийском и штуцерном огне неприятеля, 9 мая в усиленном бомбардировании 4-го бастиона, 10 мая и в ночь с 10 на 11 мая в сильном артиллерийском и штуцерном огне неприятеля, при отбитии неприятеля в силе 12 тысяч человек генерал-лейтенантом Хрулевым от траншей между 5-м и 6-м бастионами, с 11 на 12 мая при атаке неприятелем в значительном числе траншей между 5-м и 6-м бастионами, с 5 на 6 июня в усиленной канонаде неприятеля по всей оборонительной линии Севастополя и 6 июня в отбитии штурма г. Севастополя».

В осажденном городе боевой труд саперов не уступал по опасности и изнурительности службе пехотинцев, артиллеристов, моряков. Об этом говорит короткая цитата из той хроники обороны Севастополя, которую создал участник Крымской войны, артиллерийский офицер, находившийся весной 1855 года на 4-м бастионе. В этой художественной хронике, героем которой была правда, мы находим такие строки:

«— Что ты был когда-нибудь в схватке?..

— Нет, ни разу... у нас две тысячи человек из полка выбыло, все на работах; и я ранен тоже на работе» (Л. Н. Толстой, Севастополь в августе 1855 года).

К Ромуальду Траугуту судьба была благосклонна: находясь на опаснейших участках севастопольских укреплений, он остался невредим.

Историк Н. В. Берг, беседовавший со многими тогдашними сослуживцами Траугута, описывал не только его неизменное спокойствие и замкнутость. Под его пером эти черты характера Траугута приобретали неожиданное политическое звучание. В то время, по его словам, когда «другие поляки (которыми был переполнен штаб Южной армии и войск в Крыму) при каждом успехе нашего оружия не выдерживали характера: бесцеремонно забивались в свои палатки и сидели там насупясь, вследствие чего их называли «термометрами наших и французских побед», Траугут был тогда неизменно один и тот же: невозмутимый, замкнутый в себе, неулыбавшийся, нехмурившийся, не выражавший ни одним жестом никакой мысли. Он спокойно ходил по лагерю штаба вместе с офицерами русского происхождения...»

Поражения царизма желали не только поляки, но и передовые русские люди. Не чужда эта мысль была, несмотря на кажущееся безразличие, и Ромуальду Траугуту. В одном из немногих сохранившихся от того времени его писем другу еще в самом начале войны он писал в весьма прозрачной аллегорической форме: «Правда, над нашим ясным горизонтом собирается зловещая туча, но когда погода бывает приятнее и радостнее как не после грозы?»

В июле 1855 года Траугут был переведен в главное дежурство (штаб) Южной армии (именно это время и описывает в приведенной выше цитате Берг). Здесь ему была поручена должность армейского казначея, а через некоторое время должность старшего адъютанта. Эта должность была сохранена за ним и тогда, когда после окончания войны произошло объединение Южной и Крымской армий.

В Харьков, новое место службы Траугута, приезжает его семья. Здесь родилась вторая дочь, Алоиза. В 1857 году 2-я армия упраздняется, и Траугут, произведенный тем временем за отличие в сражениях в чин штабс-капитана, назначается казначеем временной комиссии, учрежденной для окончания дел и счетов главного штаба и интендантства бывшей 2-й армии. Это была и весьма ответственная и малоприятная должность: через руки Траугута проходили сотни документов, говоривших о том возмущавшем всю Россию неслыханном казнокрадстве, которое царило в интендантстве армии, истекавшей кровью в Севастополе. С удовлетворением принял Траугут известие о ликвидации комиссии и своем откомандировании в распоряжение корпуса военных инженеров.

В Петербург он прибыл 10 января 1859 года и вскоре получил назначение в «техническое гальваническое заведение». Тяжелое поражение, понесенное в Крымской войне, побудило командование царской армии принять меры к улучшению оснащения войск, поставило в порядок дня вопрос о техническом прогрессе. Новые обязанности были по душе Траугуту, он работал с предельным напряжением и с большой охотой, слушал лекции по физике и химии профессоров Ходнева и Ленца, просиживал долгие часы в библиотеках.

Но с переездом в Петербург на семью Траугута начали сыпаться тяжелые удары. Один за другим умерли двое младенцев-близнецов, за ними сошла в могилу бабушка Юстина, а в декабре 1859 года последовало новое страшное горе — смерть Анны Траугут. От большой дружной семьи, приехавшей в начале года в столицу империи, остался лишь подавленный несчастьями вдовец с двумя крохотными дочерьми, так нуждающимися в материнской опеке.

В феврале 1860 года Траугут получил известие еще об одной смерти — в своем имении Острове в Кобринском уезде умер брат бабушки Юстины Виталис Шуйский. Траугут был наследником, правда не единственным, да и имение не было богатым, но оно все же открывало возможность по-иному устроить свою судьбу, а главное — судьбу детей. Траугут не сразу принял решение: в 1860 году он съездил на родину в отпуск, в 1861 году взял уже более длительный отпуск, а затем подал прошение об отставке и поселился в Острове. Приказ об отставке последовал

14 июня 1862 года. Траугут был уволен «за болезнью» в чине подполковника.

Так начался новый период в жизни Траугута. Его новый брак был, по-видимому, продиктован не страстной любовью, а прежде всего заботой о своих сиротах: в дом вошла женщина, душевно привязавшаяся к падчерицам. Второй женой Траугута стала Антонина Костюшко, внучатая племянница знаменитого повстанческого вождя.

Жизнь в маленькой полесской деревушке потекла спокойно и размеренно, сюда, казалось, не доходил отзвук событий, происходивших в большом мире, тем более что и необщительный характер нового островского помещика не способствовал завязыванию соседских контактов Но как бы ни была замкнута жизнь в островской усадьбе, и сюда в январе 1863 года донеслась весть: за Бугом восстание! Вскоре последовали известия о боях под самым Брестом, о переправе повстанцев через Буг, о большом сражении в местечке Семятычи. В феврале отряд Романа Рогинского овладел Пружанами, уездным городком Гродненской губернии, а затем двинулся на восток через Беловежскую пущу в Пинские леса. Это было совсем уж рядом.

На большей части Белоруссии повстанческая организация готовилась к вооруженному выступлению в апреле. Обширная Гродненская губерния была разделена повстанческой организацией на две части; во главе организации южных уездов, получивших название Брестского воеводства, стоял Аполин Гофмейстер.

Повстанческий отряд Кобринского уезда возглавил Ромуальд Траугут.

Мы описали уже все значительные события в жизни Траугута до этого дня, но ничто еще не объясняет этого решения. Может быть, что-то важное, существенное осталось неизвестным, скрытым от наблюдателей этим непроницаемым человеком? Может быть, он уже давно принадлежал к повстанческой организации? Ведь он жил в Петербурге как раз в то время, когда там активно действовала руководимая Сераковским и Домбровским революционная организация, в состав которой входило немало коллег Траугута — военных инженеров. Может быть, и отставка Траугута объяснялась не теми известными нам внешними обстоятельствами, а иными, побуждавшими в 1861—1862 годах выходить в отставку многих офицеров поляков: нежеланием участвовать в подавлении освободительного движения родного народа, решением принять участие в готовящемся восстании?

Такие вопросы задавались многими биографами Траугута. Но источники не дают никаких сведений, подтверждающих эти предположения. Об участии Траугута в конспиративной деятельности до начала восстания не упоминает ни один мемуарист, хотя главный повод сознательных умолчаний — опасность навлечь на человека, о котором идет речь, гонения царских властей, — уже не имел значения.

Посмотрим, что говорил об этом сам Траугут в своих показаниях на следствии. Заметим при этом, что крайне сдержанный в показаниях Траугут более откровенно и относительно подробно говорил о своей деятельности как командира повстанческого отряда.

Он заявил: «Будучи убежден, что независимость является необходимым условием истинного счастья каждого народа, я всегда мечтал о ней для своей родины, тем более что освобождение России от тяжести господства над Польшей считал также необходимым условием обращения всей деятельности русского правительства и народа на истинное благо этой обширной страны.

Это были мои мечты, осуществления которых я ждал от справедливости и милосердия всевышнего.

Я никому не давал совета восставать, напротив, как бывший военный, я видел всю трудность борьбы без армии и вооружения с государством, известным своей военной мощью

Когда вооруженное восстание должно было вспыхнуть в Кобринском уезде Гродненской губернии, где я жил, за несколько дней до срока ко мне обратились, умоляя, чтобы я принял командование. Совершенно застигнутый этим врасплох, я описал все препятствия,

как общего, так и личного порядка, и рекомендовал отменить решение о начале восстания. Оказалось, что сделать это уже невозможно. Тогда я согласился с их просьбой, так как счел, что как поляк обязан не щадить себя, когда другие жертвуют всем».

Еще на первом допросе Траугут говорил по этому же поводу: «В апреле прошлого года Рудольф Павловский, частно практикующий врач, и Элерт, молодой человек, род занятий которого мне неизвестен, оба из Кобрина, при встрече со мной в этом городе предложили мне принять командование над отрядом Кобринского, Пружанского и Брестского уездов и заверяли меня, что этот отряд будет состоять из нескольких сот человек.

На это предложение я заметил им, что это ничего не даст, что я мог бы командовать разве только частью регулярной армии, но когда мне сказали, что собранные люди погибнут, тогда я на третий день отправился в отряд в Дядковичский лес».

В рассказе этом, разумеется, внушает сомнение утверждение, будто обращение к Траугуту было для него полной неожиданностью. Есть и прямые свидетельства, противоречащие этому и говорящие о том, что переговоры о присоединении Траугута к восстанию вел с ним Гофмейстер, что возникал, в частности, вопрос об обеспечении дочерей Траугута после его ухода к повстанцам. Однако самое существенное в показаниях Траугута оставляет впечатление заявления правдивого и искреннего. Это утверждение, что перспективы восстания Траугут оценивал весьма пессимистически и что вступил в ряды повстанцев он, повинуясь чувству патриотического долга. Траугут не кривил душой, стоя перед царским судом, не питал никаких иллюзий относительно того, что его ждет, и не пытался облегчить свою участь какими-либо запоздалыми извинениями. Убеждений своих он не скрывал и не ретушировал.

Все то, что нам известно об обстоятельствах вступления Ромуальда Траугута в ряды повстанцев, дает основания заключить, что он стоял в стороне от подготовки восстания, что, разделяя стремления к на-

циональному освобождению, он считал восстание рискованным и неподготовленным, но, несмотря на это, когда восстание началось, он видел свой долг в том, чтобы отдать ему свои силы и столь необходимые повстанцам профессиональные военные знания. Раз став на этот путь, он был готов идти им до конца.

Если эти выводы правильны, то пример Траугута говорит о многом. Он показывает, что, начиная борьбу, повстанческая организация могла рассчитывать и на тех патриотов, кто не состоял в ее рядах, и что из этих, казалось бы, индифферентных людей могут вырастать не только стойкие борцы, но и руководящие деятели движения.

* * *

План создания крупного объединенного повстанческого отряда трех уездов не осуществился. Отряд, руководство которым принял на себя Ромуальд Траугут, насчитывал, по его словам, всего 160 человек «из шляхты, чиновников, небольшого числа помещичьих служащих и крестьян». Основным оружием повстанцев были охотничьи ружья. Первой задачей было обучить отряд военному делу, сплотить этих людей, внушить им веру в свои силы и свое оружие, доверие друг к другу и к командиру.

В глухих лесах близ Антополя Траугут, принявший повстанческий псевдоним «Краковский», заложил лагерь. Началась усиленная подготовка отряда. На длительный срок рассчитывать не приходилось, в любой момент отряд мог подвергнуться нападению царских войск. Повстанцы, говорил Траугут, «охотно выполняли мои приказы и охотно несли всю тяжесть военных повинностей, связанных с постоянным трудным учением, так как понимали, что им нужно стать солдатами в каких-нибудь полмесяца, а то и несколько дней».

Траугут был суровым командиром, он требовал железной дисциплины. Добиваясь быстроты выполнения сбора по тревоге, Траугут несколько раз предупреждал своих подчиненных, что будет строго нака-

зывать за разболтанность. Вновь столкнувшись с нечетким и небрежным выполнением приказа, Траугут сам расстрелял виновника — шляхтича Феликса Квятковского — перед строем отряда. Даже если выстрел, как говорил об этом Траугут, был несчастной случайностью, так как Траугут собирался лишь припугнуть Квятковского, этот эпизод произвел большое впечатление на отряд. Напуганный гибелью Квятковского, другой шляхтич, Маковский, бежал из отряда, но был пойман и предан военному суду. Маковский был приговорен к расстрелу, и Траугут согласился помиловать его лишь по просьбе всего отряда, заявившего, что берет Маковского на поруки. Так в несколько дней в отряде была установлена строжайшая дисциплина.

Это было весьма своевременно, так как уже через две недели после организации отряда он подвергся нападению царских войск. Трижды — 5(17), 9(21) и 13(25) мая — отряд принимал бой близ деревни Горки.

На поиски повстанческого отряда была отправлена из Кобрина колонна стрелков и казаков под командой капитана Керсновского. Численно она превосходила отряд Траугута ненамного, но это были обученные, хорошо вооруженные солдаты. Траугут расположил свой отряд в засаде вдоль проложенной через болото гребли. Повстанцы превосходно замаскировались. Они дали втянуться противнику на греблю и затем по команде открыли огонь. Поражение карателей было полное. Число раненых и убитых составило семьдесят человек. На поле боя повстанцы подобрали сотню штуцеров, что существенно восполнило вооружение отряда. Капитан Керсновский, раненный в бою, не вернулся в Кобрин с остатками своей колонны: уяснив себе размер понесенного им поражения, он застрелился. Повстанцы в этом первом бою потеряли лишь одного человека.

Успех воодушевил отряд и еще больше укрепил авторитет командира. Траугут понимал, что царское командование не оставит его в покое. Ему было ясно также, что пытаться повторять удачный бой на том

же самом месте не приходится, так как противник будет уже начеку. Он перевел отряд в другой лес, также близ Горок.

На этот раз царское командование двинуло против Траугута более трех рот стрелков, сотню казаков и два орудия. Этой колонной командовал полковник Эрнберг (по другим данным — полковник Игельштром). Обе цепи разделяла большая лесная поляна. Царский полковник, составив, вероятно, на основании результатов первого боя преувеличенное представление о силах повстанцев, не рискнул дать приказ атаковать и ограничился перестрелкой. Когда же на фланг царской цепи пробралась группа добровольцев-повстанцев (их было всего четырнадцать человек) и открыла огонь, полковник поспешно отступил, «чтобы быть более уверенным в разбитии шайки»(!), как он сообщал в своей реляции, поясняя при этом, что «люди дрались молодцами и единственно огромному превосходству сил, имевших за собой еще все выгоды позиции, должны были уступить».

Удачный выбор позиции и на этот раз был заслугой Траугута, но соотношение сил в действительности было решительно не в пользу повстанцев. Потери обеих сторон в перестрелке были невелики, но успех в бою — в особенности столь важный для молодого отряда моральный успех — был целиком на стороне повстанцев.

Царское командование обеспокоилось не на шутку. Против Траугута были двинуты все наличные в этом районе силы — четыре роты пехоты, две сотни казаков при двух орудиях. Командование принял генерал Эггер. Тем временем Траугут совершил для дезориентации противника двадцатикилометровый марш и занял позиции в шести верстах от места предыдущего боя. Это был перелесок, окруженный болотами, через которые шла небольшая гребля. Здесь 13(25) мая развернулся третий, самый тяжелый для отряда бой. Вот как описал его в своем донесении генерал Эггер:

«Колонна двигалась по узкому возвышенному перешейку, ведущему через болотистые и лесистые мес-

та. Вдруг следы по перешейку этому исчезли и свернули на узкую греблю, положенную через широкое болото и ведущую в густой лес. Только что авангардная цепь вступила в лес, она наткнулась на пикеты.

Известив своих сигнальными выстрелами, мятежники, видимо, не ожидавшие нас, тотчас заняли указанную им, верно, заранее позицию и встретили нас убийственным огнем, от которого с самого начала значительное число было ранено. Цепи наши, бегом раздаваясь направо и налево и двигаясь все вперед, дрались в самом близком от неприятеля расстоянии, бой закипел самый отчаянный; цепи наши, предводимые храбрыми своими офицерами, шаг за шагом вытесняли храбро сражавшихся мятежников. Большое пространство, занятое неприятелем, и довольно значительные потери наши при без того так малочисленном отряде заставили ввести в дело всех, так что цепь дралась почти все время без резерва. И так храбрые стрелки, все наступая и вытесняя мятежников, дошли до самого их лагеря, расположенного среди густого леса на довольно обширной поляне. Продолжительное время длился и тут еще бой, но, наконец, мятежники, пораженные на всех пунктах, должны были искать спасения в бегстве, оставя в руках наших все свое имущество».

Генерал утверждал, будто Траугут убит, а отряд его, «состоявший из 300—400 человек, отлично вооруженных и обученных, совершенно разбит, разбрелся поодиночке во все стороны», и делал вывод: «невероятно, чтобы он в состоянии был сформироваться».

В этом бою отряд Траугута, численность которого бравый генерал преувеличил вдвое, имел дело с многократно превосходящими силами. На окончательный успех рассчитывать не приходилось, поэтому, предвидя необходимость отступления мелкими группами, Траугут назначил место сбора отряда. На этот пункт собрались сорок три человека. Отряд понес тяжелые потери, но вопреки предположениям Эггера продолжал существовать. Среди погибших в бою повстанцев был доктор Павловский (Траугут без опасения мог назвать впоследствии его имя царским следователям), была и служившая в отряде рядовым бойцом русская женщина Волкова.

Но очень большие потери понесли и каратели, что, как мы видели, признавал и сам Эггер. Ему приписывают фразу: «За мной поле боя, а за Траугутом победа». Было ли это сказано или нет, но остается фактом, что Траугуту удалось в считанные дни превратить свой отряд в силу, способную противостоять значительно превосходящему противнику.

Дней через десять после третьего боя под Горками отряд Траугута был усилен сотней повстанцев из Брестского уезда, приведенных к нему Яном Ваньковичем («Леливой»). Из Пинских лесов Траугут по тайной повстанческой почте восстанавливал связи с повстанческой организацией Кобринского уезда, готовясь к возвращению в свой основной район действия. Среди курьеров, обслуживавших его отряд (ими были в восстании чаще всего женщины), была молоденькая женщина, которой вскоре суждено было стать гордостью польской литературы.

Почти полвека спустя, незадолго до смерти, Элиза Ожешкова обратилась к теме своей повстанческой юности и создала серию новелл, получившую название «Gloria victis!» («Слава побежденным!»). «Родные места, люди, их жилища, их слова и дела стали у меня перед глазами, зазвучали в ушах, словно я видела и слышала их вчера», — пишет она в частном письме. И в центре всех этих воспоминаний — Ромуальд Траугут.

Эти новеллы так полны неповторимой атмосферой 1863 года, так проникнуты его духом, что их можно было бы цитировать страницами. Но мы ограничимся лишь теми строками, которые говорят о том, каким увидела юная Ожешкова Траугута в тот вечер, когда он впервые прибыл на собрание конспиративной организации, чтобы сообщить о своем согласии стать во главе повстанческого отряда.

«Ему было 36 лет, и так он и выглядел. Среднего роста, худощавый, скорее гибкий, чем сильный, он

двигался легко, собранно, в его осанке была военная выправка. С первого взгляда обращали на себя внимание его волосы, иссиня-черные и такие густые, что они двумя волнами поднимались над высоким смуглым лбом, разделенным глубокой вертикальной морщиной. Глаза нелегко было рассмотреть, их скрывали стекла очков. На смуглом лице выделялись неулыбающиеся, спокойные губы. Наверное, эта привычная серьезность линии рта и рано появившаяся морщина на лбу были причиной, что на лице его прежде всего читался отблеск суровой, сосредоточенной, молчаливой мысли. Ничего мягкого, деликатного, предупредительного, ничего легко раскрывающегося собеседнику. Лишь какая-то всепоглощающая, огромная мысль, неустанно работающая в молчаливой сосредоточенности, и под ее покровом таинственный жар чувств, раньше срока выжегший морщину на его челе и окрасивший смуглым румянцем молчаливое лицо».

Это был человек, не страшащийся сурового воинского труда, не падающий духом при неудаче.

Неожиданно Траугут получил приказ не возвращаться в Кобринский уезд, а двинуться на юго-восток, в северную Волынь. Предполагалось, что начавшееся на Волыни восстание, распространяясь к северу, сомкнется на Полесье с восстанием в Белоруссии.

Отдаляясь от своих баз, через леса и болота двигался отряд в глубь Полесья. Особенно тяжелы были переправы через бесчисленные реки, в том числе такие крупные, как Припять, Стырь и Горынь. Оборванные, голодные, истощенные повстанцы надеялись после изнурительного похода встретить сотоварищей, но повстанцы, и без того немногочисленные на Волыни, были давно оттеснены на юг и перешли галицийскую границу. Тем временем навстречу отряду Траугута стягивались царские войска.

Первая, удачная для повстанцев стычка произошла в лесу близ Столина 11(23) июня. Против трех рот пехоты Траугут вновь с успехом применил засаду. Повстанцы удержали поле боя, противник потерял более 30 человек убитыми и ранеными.

Траугут принял решение возвращаться. Но берега Горыни патрулировались, единственные в этих местах паромы — в Столине и Дубровице — охранялись. Через несколько дней повстанцам удалось все же переправиться через Горынь. Отряд отходил, преследуемый противником, по болотным тропам. Силы таяли, голод и лихорадка выводили из строя повстанцев. Сам Траугут уже с трудом двигался, его вели под руки двое молодых повстанцев. Два нападения царских войск под Колодном 30 июня (12 июля) и 1(13) июля показали Траугуту, что переправиться с отрядом через Стырь ему не удастся. Он распустил отряд и дал приказ небольшими группами пробираться в Брестский и Кобринский уезды и присоединяться к существующим там отрядам. Так завершился полесский поход повстанческого полковника Ромуальда Траугута.

Две недели провел Траугут в тихой усадьбе Элизы Ожешковой. Лихорадка прекратилась, силы восстанавливались, он был уже вновь способен вернуться к лесной походной жизни. Но опыт двух месяцев партизанской войны и особенно похода на Волынь подсказывал Траугуту, что, как он сказал позднее Мариану Дубецкому, «по лесам Полесья может бродить и кто-либо другой», что, как вполне основательно заключил Дубецкий, означало: «а от меня может быть бóльшая польза где-нибудь в другом месте».

Но это вовсе не значило, что Траугут искал более легких дел. Связав свою судьбу с восстанием, Траугут не мог мириться с тем, что оно идет не так, как дóлжно. А что оно идет не так, что военные действия ведутся без продуманного руководства, а то и совсем без руководства, опытному офицеру было ясно. И Траугут решает искать объяснения в повстанческом центре. Он направляется в Варшаву.

* * *

В один из последних дней июля (н. ст.) Ромуальд Траугут приехал в Варшаву. Его сопровождал повстанец из его отряда Костецкий, в недавнем прошлом студент Варшавской медико-хирургической академии. Через своих варшавских знакомых он должен был по-

мочь Траугуту, совершенно не имевшему никаких контактов в Варшаве, установить связь с Военным отделом Национального правительства. Оба путешественника были снабжены документами на чужое имя, у Траугута был паспорт на фамилию Толкач. И в дилижансе Брест — Варшава и в Дрезденской гостинице, где поселились приезжие, они держались как случайные попутчики. В тот же день Костецкий через своего знакомого доктора Цезария Моравского установил контакт с Марианом Дубецким, исполнявшим при Национальном правительстве обязанности секретаря Руси (Украины).

Эта поспешность оказалась весьма уместной, так как чуть ли не на следующий день Костецкий отправился навещать своих многочисленных знакомых и был задержан полицией. В номер гостиницы, где находился в этот момент Траугут, явились незваные гости. Спокойствие, с которым встретил полицию «Толкач», убедило ее, что он не имеет никакого отношения к арестованному, а лишь в целях экономии, как это нередко делалось, снял с попутчиком номер на двоих. Забрав вещи Костецкого, полицейские ушли. Между тем опасность была очень велика. Дело не только в том, что в тот момент, когда полицейский шарил на печи, Траугуту удалось достать из кармана своего сюртука, висевшего в шкафу вместе с одеждой Костецкого, бумаги, которые не должны были попасть в руки полиции. Если бы полиция потребовала, чтобы «господин Толкач», бывший в неглиже, оделся и вышел из номера, она неминуемо обратила бы на него внимание: костюм, в котором приехал Траугут в Варшаву, был с чужого плеча и настолько велик ему, что в дилижансе он был вынужден сидеть без движения и в Варшаве оставался в гостинице на положении пленника, пока портной не сошьет ему одежду по мерке. А что значило попасть в руки полиции, можно было заключить по дальнейшей судьбе Костецкого, который из полицейского участка проследовал не в Дрезденскую гостиницу, а в цитадель, а затем в Сибирь.

Однако эпизод с Костецким имел свои последствия.

Здесь в первый раз на пути Ромуальда Траугута оказался доктор Моравский, сыгравший впоследствии мрачную роль в процессе Траугута.

Прошло несколько дней, и Траугут был принят Военным отделом, а вскоре приглашен и на заседание Жонда Народового.

Прибывший из белорусских лесов повстанческий командир не только не имел личных контактов в Варшаве, но и не ориентировался в том, что происходило в руководстве повстанческой организации. Для него, как и для массы рядовых повстанцев, Жонд Народовый был не только безымянной властью, но и властью общенациональной, которая, как представлялось, выражает интересы всего польского народа. Для того чтобы понять дальнейший ход событий, нам необходимо остановиться вкратце на общем положении восстания в это время.

В предшествующих очерках уже рассказывалось о том, как изменялся политический облик руководства восстанием. Борьба не закончилась после гибели Стефана Бобровского. В конце мая (н. ст.) красные из варшавской городской организации осуществили переворот, добившись смены состава Жонда Народового. Из повстанческого правительства ушли наиболее одиозные представители умеренных — Гиллер, Рупрехт. Но созданное в результате переворота правительство «красных юристов» оказалось недолговечно. Оно не сумело решительно изменить курс руководства восстанием, оно не смогло даже обезопасить себя от очередного, последовавшего всего три недели спустя переворота. В новом Жонде Народовом безраздельно господствовали белые. Фактическим руководителем жонда на протяжении трех месяцев был искусный политикан Кароль Маевский. Это он годом раньше был главным организатором интриги, имевшей целью сорвать разработанный Ярославом Домбровским план восстания и подчинить повстанческую организацию Дирекции белых. И вот теперь, когда его прежние противники — революционные демократы — сошли с арены борьбы, погибнув, очутившись за решетками царских тюрем или вынужденные эмигрировать, Маев-

ский вновь вынырнул на поверхность, удивительно «своевременно» освобожденный из цитадели.

Две главные цели ставили перед собою белые — помещики и крупная буржуазия, присоединяясь к восстанию и захватывая его руководство: не допустить превращения его в социальную революцию и овладеть политической властью в Польше, когда царские войска будут вынуждены уйти перед лицом вооруженного выступления западных держав (а в спасительную англо-французскую интервенцию белые в эти весенние и летние месяцы 1863 года твердо верили). Этим определялась политика белых как в Жонде Народовом, так и на различных ступенях захваченной ими повстанческой военной и гражданской администрации. Они саботировали осуществление провозглашенных при начале восстания аграрных декретов, сквозь пальцы смотрели на незаконное взимание помещиками податей с крестьян, жестоко подавляли и карали малейшие проявления крестьянского антифеодального движения. Они отправляли восвояси под предлогом недостатка оружия крестьян, приходивших в повстанческие отряды, сужая и подрывая массовую базу восстания, несмотря на то, что на тайных складах оружия за границей и в самой Польше уже имелись десятки тысяч превосходных бельгийских штуцеров. Белые не имели никакого военно-стратегического плана, не осуществляли никакой координации повстанческой борьбы, так как на самое эту борьбу смотрели лишь как на вооруженную демонстрацию, которая должна дать предлог для иностранной интервенции. Их позицию выражало широко известное изречение, приписываемое Рупрехту: «Достаточно, если в каждом уезде раздастся раз в неделю один выстрел, чтобы Европа освободила Польшу». И руководствуясь собственными классовыми интересами и для того, чтобы заслужить доверие иностранных монархических правительств, они всячески демонстрировали свое безразличие, более того, свою враждебность революционным силам Европы, стремившимся помочь борющемуся польскому народу. Они порвали с идеей русско-польского революционного союза в совместной борьбе против самодержавия и сеяли шовинистическую ненависть ко всему русскому.

Таков был облик того правительства, к которому обратился Ромуальд Траугут. Он не знал и не мог знать всех сторон политики белых, к тому же щедро маскируемой патриотической фразеологией. Он в этот момент и не был готов сделать правильные выводы в отношении необходимой для успеха восстания политики. Он прежде всего ощущал серьезнейшие недостатки военного руководства восстанием, которые вели к тому, что после полугода напряженной борьбы, тяжелых жертв масс рядовых повстанцев и всего народа военная обстановка для повстанцев была крайне неблагоприятна. Несколько посещений Военного отдела показали Траугуту, что восстание вообще не имеет руководящего военного штаба, что Военный отдел — это лишь канцелярия Жонда Народового по военным делам, а в составе жонда нет ни одного военного. В военном отношении восстание было, по существу, обезглавлено, лишено и ведущей идеи и повседневного руководства.

Появление в Варшаве опытного кадрового офицера, уже зарекомендовавшего себя повстанческого командира было, как заключает простодушный Дубецкий, радостной находкой для Жонда Народового, который наконец-то мог пополнить свой состав необходимым ему специалистом. Однако дело обстояло совсем не так просто. Результат бесед Маевского с Траугутом был иной. Чтобы оценить его, попробуем представить себе, какие выводы из бесед с Траугутом мог сделать Маевский.

Беспринципный и двуличный Маевский был человеком наблюдательным и проницательным. Беседы с Траугутом показали ему, что это опытный военный. человек с широким кругозором, способный руководить большими повстанческими силами, а может быть, и всей боевой стороной восстания. Такой человек действительно был кладом. Но у него были не только достоинства — опыт и способности, но и «недостатки» — самостоятельность суждений, твердость характера и убеждений, среди которых первым была «наивная»

уверенность в том, что главнейшей задачей является сосредоточить все силы нации на освободительной борьбе. Не приходилось рассчитывать на то, что из Траугута получится послушный исполнитель политической линии белых, не могло быть и речи о том, чтобы вводить его в курс этой политики. Траугут был нужен, но он был и опасен.

Первоначальной идеей Маевского было поручить Траугуту совместно с Лянгевичем, которого надеялись освободить из австрийской тюрьмы, командование значительными силами, направленными в Литву и Белоруссию. Переход руководства в Литве и Белоруссии в руки Константина Калиновского и его сотоварищей не на шутку тревожил варшавских белых. Два авторитетнейших военных руководителя (а имя Лянгевича, несмотря на скандальный провал его диктатуры, все еще было окружено ореолом первых повстанческих побед), при этом не очень политически ориентирующихся, должны были, сами того не ведая, послужить восстановлению власти Жонда Народового за Бугом и Неманом, вновь оттеснить от руля восстания литовских красных. План был заманчив, но подготовка намеченной экспедиции в Литву требовала времени, а перспектива дальнейшего пребывания Траугута в Варшаве отнюдь не привлекала Маевского. И тогда он предложил Траугуту выехать в качестве представителя Жонда Народового за границу для того, чтобы проинспектировать и усовершенствовать всю организацию закупки и доставки вооружения, подготовку повстанческих отрядов в Галиции, а также ближе ознакомиться с международной ситуацией и перспективами вооруженного вмешательства западных держав в защиту Польши.

Траугут принял предложение. В конечном счете он прежде всего хотел именно этого — уяснить общую обстановку и перспективы восстания. Ему казалось, что он сможет узнать это в Варшаве. Но и сам руководитель повстанческого правительства не мог ответить на вопросы, волновавшие Траугута. Почему жонд не призывает вести народ к оружию? «Но ведь оружия не хватает, что-то не ладится с доставкой». Чем

объясняется неразбериха в тактике повстанческих отрядов и поразительная, просто преступная бездеятельность многих командиров? «Нам самим неясно, на что ориентировать командиров, вынуждены ли мы бороться только своими силами или Запад придет нам на помощь». Для выяснения основных проблем восстания надо было ехать за рубеж. Изложенный выше диалог — это лишь домысел — беседа, разумеется, не протоколировалась, — но, как нам представляется, домысел обоснованный.

2(14) августа Жонд Народовый присвоил Ромуальду Траугуту звание генерала и вручил ему полномочия для заграничной миссии. Путь вел через Галицию и Вену в Париж. Открывалась новая страница биографии Траугута.

* * *

За два месяца, отделяющие отъезд Траугута из Варшавы от его возвращения и принятия на себя руководства восстанием, многое изменилось в развитии самого восстания, многое уяснилось и для Ромуальда Траугута.

В начале августа повстанческое движение в Королевстве Польском находилось, казалось бы, в зените. На Люблинщине за успешным для повстанцев боем под Хруслиной 23 июля (4 августа) последовало сражение под Жижином 27 июля (8 августа), где объединенные силы нескольких отрядов под командованием генерала «Крука» (Михала Гейденрейха) разгромили полутысячный отряд царских войск и захватили двести тысяч рублей.

Но уже несколько дней спустя боевое счастье отвернулось от повстанцев. 12(24) августа объединенные отряды Люблинского воеводства потерпели страшное поражение под Файславицами — только пленными царские войска захватили свыше восьмисот человек. Пять дней спустя под Незнаницами был разбит и уничтожен как боевая единица крупнейший повстанческий отряд Калишского воеводства — «дивизия» генерала Эдмунда Тачановского. 28 августа (9 сентября) в бою под Батожем погиб один из попу-

лярнейших повстанческих командиров, полковник «Лелевель» — выдвинутый народной войной на руководящий пост ремесленник Марцин Борелёвский.

Царизм взял курс на подавление восстания «муравьевскими» методами. Из Варшавы был отозван наместник брат царя Константин Николаевич. Его место занял вскоре утвержденный в должности наместника и главнокомандующего войсками в Царстве Польском генерал Ф. Ф. Берг. Распространение на Царство Польское уже широко практиковавшихся в Литве методов жесточайших репрессий и террора означало в частности, что царизм перестал опасаться вооруженного вмешательства извне. Бесперспективность надежд на англо-французскую интервенцию уяснили себе и белые. Они начали покидать захваченные ими ранее руководящие посты в повстанческой организации, отстраняться от восстания.

Левые силы — противники белого жонда — давно готовили переворот в руководстве восстанием. Однажды Маевскому удалось ликвидировать эту угрозу. Но в сентябре он не стал противодействовать новой попытке красных и сдал власть в их руки. 5 (17) сентября был сформирован новый состав Жонда Народового, так называемое «сентябрьское» правительство. Оно столкнулось с саботажем белых как в центральных, так и в местных органах повстанческой власти. Более существенным, однако, оказалось то, что в новом руководстве не было ни единства, ни ясной программы действий.

Для борьбы против белого жонда объединились и остатки старых революционно-демократических кадров еще предповстанческой организации во главе с Игнацием Хмеленским, Станиславом Франковским, Юзефом Нажимским, Войцехом Бехонским, Юзефом Пётровским, и «мерославчики», которым программу заменяло имя их кумира — неудачливого властолюбивого диктатора генерала Людвика Мерославского, и деятели умеренного майского «правительства красных юристов» — Францишек Добровольский, Петр Кобылянский.

Первым актом, ознаменовавшим деятельность

«сентябрьского» правительства, стало покушение на Берга. Оно готовилось еще ранее группой красных из варшавской городской организации, новое правительство санкционировало его. Сам замысел ответить революционным террором на террор царизма не был недопустимым, но, разумеется, перед новым правительством стояли задачи, несравнимо более важные. Между тем покушение 7(19) сентября, из которого Берг вышел невредим, стало поводом для нового жестокого разгула полицейского террора. Удар за ударом сыпался на варшавскую организацию. Прошло несколько дней, и Игнаций Хмеленский был вынужден вновь покинуть пределы Царства Польского. За ним последовал Станислав Франковский. В Жонде Народовом тон стал задавать Францишек Добровольский, которого в дни передачи власти сам Маевский считал наиболее подходящим своим преемником.

«Сентябрьское» правительство не сумело выдвинуть целостной и целеустремленной концепции дальнейшего развития восстания. Некоторые оправданные и полезные действия — замена отдельных представителей повстанческой администрации, привлечение новых деятелей, прежде всего генерала Гауке-Босака, разумеется, — не компенсировали отсутствия ясной социальной программы, серьезных военно-организационных мер и т. д.

Всего один месяц просуществовало «сентябрьское» правительство. 5 (17) октября на заседание Жонда Народового прибыл Ромуальд Траугут и заявил, что берет руководство в свои руки. Ни один из членов жонда не возразил Траугуту; ему была вручена печать Жонда Народового — символ повстанческой власти.

В течение долгого времени в литературе была принята следующая схема: Ромуальд Траугут не был связан с красными, более того, его направил в заграничную миссию — в Париж — белый жонд, по возвращении Траугут свергнул жонд красных, следовательно, Траугут — представитель белых. Сам приход к власти Траугута нередко изображался как переворот, инспирированный Чарторыским.

Мы уже говорили о том, что направление Траугута за границу было не столько актом доверия со стороны жонда Маевского, сколько стремлением удалить человека, на которого Маевский не считал возможным полагаться. Ничто не свидетельствует о том, что Траугуту были даны какие-либо полномочия, выходящие за пределы военно-организационной сферы. Он не был *политическим* представителем белого жонда.

Не был, как нам известно, Траугут и красным. Столкнувшись за границей с фактами дезорганизаторской деятельности Мерославского, Траугут занял решительно враждебную ему позицию, а вскоре после взятия власти лишил Мерославского предоставленного ему правительством Маевского мандата генерального организатора за границей. Свою неприязнь, недоверие к Мерославскому Траугут распространил на его сторонников, нередко относя к их числу в силу недостаточной собственной ориентации или вследствие нечеткости их политической позиции и некоторых иных красных. Отношения Траугута и красных, в особенности из варшавской городской организации, складывались далеко не просто, однако прав был Бронислав Шварце, когда на склоне лет в полемике с теми, кто прославлял Траугута за борьбу с красными, писал: «Траугут фанатически ненавидел «недоверков», каким был, например, архиболтун Мерославский, и никогда не мог с ними примириться. Но он сотрудничал с Пётровским, с Вашковским и, когда осмотрелся, вступил смело, хотя и слишком поздно, на путь, намеченный Центральным комитетом».

Оценивая факт отстранения Траугутом от власти красного правительства, мы не можем отвлекаться от того, что правительство это лишь по названию связано со славной традицией конспиративного Центрального национального комитета красных. В действительности главные его деятели в момент переворота Траугута — Добровольский, Кобылянский — отнюдь не могут считаться преемниками Домбровского, Падлевского, Бобровского. Не потому Траугут выступил против «сентябрьского» правительства, что оно было «красным», а потому, что оно было слабым, бездеятельным и неспособным спасти восстание перед лицом надвигающейся катастрофы.

Не следует упрощать ситуации. То обстоятельство, что Траугут, о взглядах и намерениях которого никто толком ничего не знал, выступил против «сентябрьского» жонда, привлекло на его сторону многих недовольных «красными террористами и анархистами», что помогло Траугуту воссоздать расшатанную в предшествующий месяц повстанческую организацию. Но Траугут не попал в плен этих белых союзников, об этом определенно свидетельствует проводившаяся им политика.

Два месяца заграничной поездки дали возможность Траугуту составить ясное представление о деятельности центров повстанческих формирований в Галиции, комиссии по закупке оружия в Бельгии, дипломатической службы восстания, осуществлявшейся Чарторыским, позволили ему оценить внешнеполитическую обстановку и перспективы.

В Париже он имел неофициальные встречи с министром иностранных дел Дрюэном де Луи и с двоюродным братом Наполеона III принцем Наполеоном, известным под прозвищем «Плон-Плон». Особенностью двуличной бонапартистской политики было то, что, помимо официального внешнеполитического ведомства, сносившегося с правительствами, существовал Пале-Рояль, резиденция Плон-Плона, поддерживавшего контакты с итальянской, венгерской, польской республиканской оппозицией и тем помогавшего Наполеону III в проведении его авантюристической внешней политики. Маркс и Энгельс не один раз разоблачали двуличие бонапартистской политики. Плон-Плону удавалось, однако, в разное время оказывать влияние и на Мадзини, и на Кошута, и на Мерославского. И в официальном и в «неофициальном» министерствах иностранных дел Франции Траугут выслушал обнадеживающие речи и заверения, но ничего конкретного и реального эти беседы не дали. Результатом их было лишь то, что Траугут утвердился в убеждении, что судьба вос-

стания находится в руках самого польского народа. Продолжать борьбу за завоевание на свою сторону общественного мнения и правительств Западной Европы было необходимо, но наиболее веским аргументом в этой борьбе могли быть успехи восстания. Реалистически мыслящий Траугут не питал чрезмерных надежд на вооруженную поддержку, он ставил первоочередной целью признание Польши воюющей стороной, что существенно облегчило бы задачи снабжения повстанцев оружием, финансовые проблемы восстания и т. п. Во всяком случае, Траугут считал необходимым покончить с унизительной для национального достоинства польского народа практикой выклянчивания милостей при французском и английском дворах. Разрыв контактов с революционными кругами Траугут считал ошибкой.

Все это мало походило на линию Чарторыского. И если сдержанный Траугут не делился своими мыслями с Чарторыским при встрече в Париже, так что возможно, что первые известия о перевороте Траугута были восприняты в «Отеле Лямбер» — парижской резиденции Чарторыского — с удовлетворением, то дальнейшие действия Траугута, его инструкции вряд ли могли прийтись по вкусу Чарторыскому.

Мобилизовать все силы польского народа на борьбу, вдохнуть новую жизнь в восстание — в этом видел Траугут основную задачу, единственный путь к победе. Главной силой нации было крестьянство. Его нужно было поднять на борьбу. Мы можем предполагать, что для Траугута, стоявшего в стороне от революционно-демократических организаторов восстания, несомненно остававшегося идеологически шляхетским революционером, выбор пути был нелегким делом. Но его искренний и последовательный патриотизм, его убеждение в том, что ради интересов всей нации можно и до́лжно жертвовать интересами шляхты, повел его, как справедливо указал Шварце, на путь, намеченный Центральным национальным комитетом.

Траугут возвращался в Польшу с программой развертывания всенародной демократической освобо-

дительной войны. Его идеи в полной мере разделял и поддерживал Юзеф Гауке, один из немногих людей, с кем Траугут близко сошелся и был откровенен.

Патриот и демократ, несмотря на свою принадлежность к аристократической семье, граф Гауке оборвал великолепно складывавшуюся карьеру в царской армии (двадцати восьми лет от роду он был уже полковником) и поспешил в ряды повстанцев. Но правительство Маевского не торопилось давать назначение еще одному подозрительному своими красными тенденциями «петербургскому поляку» Лишь в конце сентября Гауке получил назначение на пост начальника повстанческих сил в Сандомирском и Краковском воеводствах. С этого времени он, приняв в качестве повстанческого псевдонима имя Босак (то есть топор, секира — герб рода Гауке), стал ближайшим сотрудником Траугута.

В начале октября в Кракове состоялось совещание военачальников, вероятно наиболее представительное за весь период восстания. На нем присутствовали пять повстанческих генералов: Траугут, Гауке-Босак, Гейденрейх-Крук, Эдмунд Ружицкий — главнокомандующий повстанцами на Украине и старик Александр Валигурский — начальник повстанческих сил Люблинского воеводства; полковники: Дионизий Чаховский — прославленный командир партизанского отряда из Сандомирского воеводства, Ян Савицкий-Струсь — начальник штаба у Ружицкого, друг Сераковского и Чернышевского, и др.

Совещание единодушно поддержало мнение Траугута о необходимости активизировать военные действия, решительно покончить с тактикой «вооруженной демонстрации». Хотя было очевидно, что о развертывании массового движения в канун наступающей зимы говорить не приходится, активные партизанские действия и реорганизация повстанческих сил должны были помешать царским властям подавить восстание зимой и подготовить его новый, уже массовый подъем весной 1864 года.

Были намечены конкретные меры по усилению

партизанской борьбы в южной части Королевства Польского.

У нас нет оснований утверждать, что на этом совещании обсуждался план взятия Траугутом руководства восстанием в свои руки, но сам авторитетный характер совещания, поддержка им предложений Траугута имели большое значение, это было как бы полномочие осуществлять руководство и впредь.

28 сентября (10 октября) Траугут, снабженный паспортом на имя львовского купца Михала Чарнецкого, выехал из Кракова в Варшаву. Неделей позже он стал руководителем восстания.

* * *

Традиция, сложившаяся еще в период конспирации, определяла, что орган, руководящий движением, является органом коллегиальным, чаще всего из пяти человек. И хотя в те или иные периоды в таком коллегиальном руководстве на первый план выдвигалась крупная индивидуальность — Домбровский в Городском комитете, Бобровский в Исполнительной комиссии, Маевский в белом жонде, орган этот не переставал быть коллегиальным, и формально в нем не было поста председателя.

Трудно сказать, каковы были в этом отношении намерения Траугута в момент принятия власти из рук «сентябрьского» жонда. По свидетельству Дубецкого, Траугут заявил начальникам отделов жонда, что сноситься они будут только с ним лично, независимо от того, сформирует он новый состав жонда или сочтет это нецелесообразным. Уже это указание, данное в день переворота, говорило о том, что Траугут принимает на себя, по существу, диктаторскую власть. Значение правительственной коллегии в этих условиях резко ограничивалось. Но она так и не была создана. Траугут на протяжении полугода руководил восстанием как диктатор, и его диктатура, официально никогда не объявленная, была реальной и прочной в отличие от шумно прокламированных, но эфемерных диктатур Мерославского и Лянгевича.

В этих условиях роль отделов жонда и секретаря жонда свелась к роли технических исполнителей указаний Траугута. Ни одно сколько-нибудь существенное распоряжение или инструкция не были изданы без его ведома и санкции; подавляющее их большинство было составлено им лично.

Траугут поселился в тихом, стоящем на отлете домике на малолюдной улочке. Владелицей «пансиона», где, кроме купца Чарнецкого, жил только учитель Мариан Дубецкий, была бывшая актриса Елена Киркор. Посетители в домике появлялись редко, необходимые встречи происходили в различных пунктах города, обычно в послеобеденные часы.

Среди ближайших сотрудников Траугута оказались люди разного склада. Некоторые, как начальник города Юзеф Пётровский, были связаны с «сентябрьским» жондом. Большинство составляли люди, входившие ранее в повстанческую администрацию и вновь вернувшиеся на свои посты после отставки «сентябрьского» правительства. Это был бессменный с декабря 1862 года секретарь жонда архитектор Юзеф Каетан Яновский, человек политически бесцветный и малоинициативный, но добросовестный, методичный, «ходячий архив» организации; юный секретарь Руси Мариан Дубецкий, выполнявший по большей части функции личного секретаря Траугута. И они и многие другие члены повстанческого руководства не обманули доверия Траугута.

Совсем иной фигурой был Вацлав Пшибыльский. В молодости, в бытность студентом Петербургского университета, Пшибыльский был приятелем Зыгмунта Сераковского, но теперь его политические симпатии были целиком на стороне белых. Заняв весной 1863 года по уполномочию белого литовского отдела пост секретаря Литвы при Жонде Народовом, Пшибыльский летом 1863 года совмещал эту не слишком обременительную обязанность с постом начальника Варшавы и оказывал ценные услуги Маевскому в подавлении красной оппозиции в варшавской организации. Еще в летний приезд Траугута в Варшаву Пшибыльский быстро установил контакт с «земля-

ком». Пшибыльский вновь на короткое время занял пост начальника города в октябре после ареста Пётровского.

Белые симпатии определяли круг знакомств Пшибыльского, а его тщеславие и развязность побуждали его, с одной стороны, рекомендовать Траугуту для выполнения отдельных поручений таких, как показали дальнейшие события, случайных и ненадежных людей, как брат Вацлава доктор Кароль Пшибыльский и его коллега Цезарий Моравский, а с другой стороны, демонстрировать перед людьми такого сорта свою осведомленность. Болтливость Вацлава Пшибыльского дала в дальнейшем царским властям путь к обнаружению Ромуальда Траугута.

Сам Пшибыльский, который в декабре 1863 года благополучно убрался за границу с выданным ему Траугутом мандатом чрезвычайного комиссара, не только избежал репрессий, но и не услышал слова осуждения, каких не жалели другим виновникам ареста и гибели Траугута. Его позорная роль стала известна сто лет спустя, когда были опубликованы документы процесса Траугута.

Ромуальд Траугут был не единственным, кому пришлось пострадать по вине предателей и нестойких, недостойных доверия людей. Трагедия Траугута заключалась прежде всего в том, что он пришел к руководству восстанием, не имея уже возможности опереться на его лучших деятелей, которые разделяли его стремления и могли бы облегчить непомерный труд, принятый им на свои плечи.

Последовательно и неуклонно проводил Траугут намеченную им программу нового подъема восстания. Программа эта была единой, но целесообразнее будет рассмотреть последовательно три ее основных, взаимосвязанных аспекта: социальный, военный и международный.

Траугут повел решительную борьбу с укоренившейся среди повстанческих командиров «партизанщиной» — самовольными и нескоординированными действиями, а чаще бездействием, самовольными отлучками от отрядов на «отдых» и «лечение» в Галицию и т. п. Вместо существовавшей до того времени пестрой бессистемности больших и маленьких отрядов, командиры которых практически никому не подчинялись, изданный Траугутом в декабре 1863 года декрет вводил новую организацию повстанческих сил. Все они объединялись теперь в корпуса, корпуса делились на дивизии, дивизии — на полки, полки — на батальоны и т. д. Предусматривалось создание пяти корпусов: I — на территории Люблинского и Подляского воеводств, II — Сандомирского, Краковского и Калишского воеводств, III — Августовского и частично Гродненского воеводства, IV — Мазовецкого и Плоцкого воеводств, V — в Литве. Отряды, формировавшиеся в Галиции, составляли резервный корпус.

Может показаться, что правы те, кто считал этот декрет, изданный в момент, когда восстание уже клонилось к упадку, актом неуместного педантизма и прожектерства. Может показаться также, что это было проявлением тяги к созданию регулярной армии и отказом от методов народной, партизанской войны. Однако такие суждения были бы поверхностны.

Траугут выступал не против партизанской тактики, а против организационной анархии и бесконтрольности, против «партизанщины», нанесшей уже неисчислимый вред восстанию. Четкая, подлинно военная организация должна была положить предел недисциплинированности и подчиненных и начальников.

Но новая организационная структура имела еще одну, может быть, более важную цель. Недаром она строилась по территориальному признаку, и недаром декрет учреждал повстанческие дивизии и полки и на той территории, где движение к зиме 1863/64 года было уже подавлено (реально организованы были только I корпус, которым командовал Крук, а затем Валерий Врублевский, и II корпус, которым командовал Босак). Нужно было создать четкую организацию, готовую вобрать в себя многие тысячи новых бойцов, которые станут под знамя восстания весной 1864 года. В этот новый подъем Траугут твердо ве-

рил, с ним связывал он все планы и все мероприятия. И если перед действовавшими на юге Королевства Польского повстанческими отрядами, теперь превращенными в I и II корпуса, он ставил задачу продержаться зиму, «укорениться» в своих районах, то перед командирами еще несуществующих корпусов — III — полковником Скалой (Яном Козелл-Поклевским) и V — полковником Яблоновским (Болеславом Длуским) — стояла задача накопить тайно в Восточной Пруссии повстанческие силы и оружие, чтобы весной 1864 года вновь развернуть боевые действия в Литве и смежных районах. Следует сказать, что в этом смысле было сделано немало.

Наряду с названными уже выше давними членами повстанческой красной организации Траугут поручил ответственный пост Людвику Звеждовскому (он командовал дивизией в корпусе Босака) и утвердил на посту руководителя восстания в Литве Константина Калиновского. Уже сам этот круг имен много говорит о политической линии Ромуальда Траугута.

На новый, высший этап восстание должно было подняться благодаря опоре на «единственную силу каждой страны — народ». В своем циркуляре главным военным начальникам и воеводским комиссарам от 15(27) января 1864 года, откуда процитированы приведенные выше слова, Траугут писал:

«Жонд Народовый в течение последних трех месяцев действует главным образом в этом направлении, это цель всех распоряжений жонда...

Мы решительно предписываем вам прекратить всякую деятельность среди шляхты, которую следует принимать лишь постольку, поскольку она сама к этому стремится, а вместо того продолжать и развивать всяческую организационную и военную деятельность *прежде всего* среди простого народа и посредством народа, как деревенского, так и городского.

Шляхта взамен за это пусть несет материальные тяготы. Тот, кто сам отстраняется и бережет себя на лучшие времена, пусть жертвует для родины своим

богатством. С уклоняющихся от всяких жертв нужно взыскивать вдвойне, взыскивать все, что на них наложено, без послаблений, а в случае сопротивления либо проявления злой воли привлекать к самой суровой ответственности ..»

Траугут не ограничивался декларациями. Еще ранее, 15(27) декабря 1863 года Жонд Народовый издал декрет, которым предписывал безусловное и строгое осуществление январских аграрных декретов и устанавливал, что попытки взимания у крестьян оброка или других повинностей караются смертной казнью. Наблюдение за исполнением декрета поручалось делегатам крестьянских общин и судам, в которых крестьяне должны были составлять не менее чем половину членов.

Повстанческое войско должно было быть не только армией национального освобождения, но и защитником народных интересов. «Жонд Народовый требует, — гласил циркуляр Траугута, — чтобы вы с особым вниманием и рвением стремились к полному и сердечному согласию, братанию нашего войска с народом. Жонд Народовый видит в войске не только защитников родины, но вместе с тем и первых, вернейших стражей и осуществителей законов и постановлений Жонда Народового и прежде всего прав, данных польскому простому народу манифестом Жонда Народового от 22 января с. г.; тот, кто осмелился бы нарушить в чем-либо эти права, должен рассматриваться как враг Польши...»

Новая решительная политика давала свои плоды. Там, где повстанцы представляли еще собою серьезную силу, там, где повстанческие начальники проводили последовательно демократическую политику и не останавливались перед суровым наказанием помещиков, восстание получало все более широкую поддержку крестьян. Так было в районе действий Гауке-Босака и его ближайшего сподвижника Зыгмунта Хмеленского. В частях II корпуса основную массу повстанцев уже с осени 1863 года составляли крестьяне. Повстанцы успешно действовали в этом районе потому, что за них был народ, помогавший

им, снабжавший, информировавший о действиях царских войск. Введенные и строго поддерживаемые демократические порядки, обращение «гражданин» к каждому от генерала Босака до рядового повстанца-крестьянина и до батрака связывались в умах освобожденного от феодального гнета крестьянства с образом новой Польши, ради которой стоило идти на смертный бой.

И социальная политика Траугута, столь отличная от деятельности предшествующих белых и половинчатых красных руководителей, и его военно-организационные мероприятия готовили почву для объявления «посполитого рушения» (всенародного ополчения).

Идея созыва посполитого рушения была не новой. Ее муссировал в свое время, отнюдь не собираясь реализовывать, Маевский. Ее без всякой подготовки и в момент, менее всего подходящий, пыталось выдвинуть «сентябрьское» правительство.

Во что превращалось посполитое рушение, когда за него брались чуждые народу и безразличные к его интересам шляхетские политиканы, говорит эпизод, описанный Брониславом Дескуром. В июне 1863 года призыв к посполитому рушению был брошен в одном из районов Плоцкого воеводства. «Я был свидетелем того, как во всех деревенских кузницах спешно перековывали косы, а массы крестьян, еще не созываемые, уже начали собираться; так под Остроленкой собралось полторы тысячи косинеров, которые намеревались ударить на Остроленку, когда войска выйдут преследовать повстанцев, а в городе останется слабый гарнизон». Но вскоре приехал повстанческий комиссар и потребовал собрать крестьян, желая «предупредить их, чтобы они обратили косы на свою работу в поле, так как жонд надеется на иностранную интервенцию и поэтому не может обрекать народ на убийственную для него борьбу. После этой речи к комиссару обратился один из крестьян: «Вы всегда так поступали. Вы скомпрометировали нас, потому что москали знают о наших приготовлениях. Настанет время, мы сами сделаем восстание, но вас там не будет». Общины разошлись с ропотом».

Для Траугута обращение к силам народа было не резервным, последним, нежелательным средством, а первейшей, принципиальной чертой восстания. Он писал: «Помните, что восстание без народа есть лишь военная демонстрация большего или меньшего масштаба; лишь вместе с народом мы можем победить врага, не заботясь ни о каких интервенциях, обойтись без которых да поможет нам милостивый бог».

Агитационно-пропагандистская, организационная и военная подготовка посполитого рушения была объявлена важнейшей задачей всех повстанческих органов. День созыва его в различных районах страны определялся главными военными начальниками в зависимости от местных условий. Эта дата, до времени абсолютно секретная, не должна была быть позднее марта 1864 года.

Столь же решительный и крутой поворот претерпела внешняя политика повстанческого правительства. Была перестроена дипломатическая служба. Если раньше все повстанческие политические агенты подчинялись Чарторыскому, то теперь в его ведении остались лишь осуществляемые им самим сношения во Франции и Англии, а агенты в Турине, Риме, Вене, на Балканах и в Турции были поставлены в непосредственное подчинение Жонда Народового. Это дало Траугуту возможность получать значительно более полную и объективную информацию, а затем и восстановить прерванные связи с революционными кругами. Не случайно в «Отеле Лямбер» раздавались нарекания на недостаток доверия со стороны Жонда Народового.

Среди многообразных вопросов, которые приходилось рассматривать Траугуту как руководителю внешнеполитического ведомства Жонда Народового, заслуживает внимания один, по существу второстепенный, но весьма характерный эпизод.

Еще летом 1863 года представители «Отеля Лямбер» начали в Риме хлопотать о канонизации Юзе-

фата Кунцевича. Полоцкий архиепископ Кунцевич, ревностный насадитель церковной унии и жестокий гонитель православных, погиб в 1623 году во время вспыхнувшего в Витебске народного восстания. За смерть Кунцевича поплатились жизнью сотни горожан, а сам Кунцевич был объявлен «блаженным». Теперь клерикально-аристократические круги затеяли превращение этого блаженного в святого, что могло послужить поводом для развертывания кампании клерикально-националистического характера. Римская курия благосклонно отнеслась к кандидатуре нового святого, ведь по существовавшим в Риме таксам «процесс» канонизации должен был привести к перемещению из кассы Жонда Народового в сокровищницу святейшего отца Пия IX непустячной суммы — около ста пятидесяти тысяч рублей!

Ромуальд Траугут был, как уже упоминалось, глубоко религиозным человеком, и само предложение о канонизации «блаженного» Юзефата не вызывало у него какого-либо чувства протеста. Но ответ, данный им повстанческому представителю в Риме Луневскому, стоит процитировать: «Памятуя, что каждая пядь нашей земли — святая реликвия, не будет преувеличением сказать, что и сам блаженный Юзефат согласился бы с нашим мнением, что сейчас каждый грош мы должны прежде всего использовать для спасения родины...»

Личная религиозность Траугута, его столь, впрочем, широко распространенная в то время манера ссылаться на провидение и божью волю давали повод для того, чтобы — с похвалой или порицанием — изображать его фанатиком и т. п. Примечательно, что это вызывало протесты самого Траугута, который, как сообщает Маевский, «искренне разъяснял мне, что упреки в клерикализме, адресуемые его Жонду, несправедливы». Но националистическим историкам не важны были ни возражения Траугута, ни подкреплявшие их его конкретные действия, их вполне устраивала возможность прикрывать именем героя восстания 1863 года свою националистическую пропаганду. Они не только ретушировали факты, но

и скрывали их. Известно, что еще накануне второй мировой войны в одном из монастырей Варшавы хранились собственноручные заметки Траугута, что-то вроде дневника, который он вел в годы, предшествовавшие восстанию. Но этот ценнейший документ не только не был опубликован, но и оставался тайной для историков, поскольку, как можно догадываться, не вполне соответствовал тому облику Траугута — верного сына церкви, который хотели закрепить владельцы его записок.

Возвратимся к международной политике. Траугут все более убеждался в том, что помощи извне польское восстание может ожидать не от буржуазных монархических правительств Запада, а от революционных сил. Вновь завязанные контакты с венгерскими и итальянскими революционерами занимали все большее место во внешнеполитической деятельности повстанческого правительства, на их основе начала вырисовываться принципиально новая концепция всей освободительной борьбы. Выступать не только против царизма, но против всех угнетателей польского народа, нанести объединенными силами революции удар по самому слабому звену международной реакции — Австрии — так рисовалась Траугуту перспектива борьбы. И он не остановился перед такой перспективой в нерешительности, как это случилось ранее с некоторыми его «красными» предшественниками, переговоры которых с Гарибальди и Кошутом оставались бесплодны. По полномочию, данному Траугутом, повстанческий политический агент в Италии Юзеф Орденга подписал совместно с представителем Венгерского комитета ветераном революции 1848—1849 годов генералом Дьёрдем Клапкой 8 марта (н. ст.) 1864 года в Париже трактат о союзе между повстанческой Польшей и революционными силами Венгрии в борьбе против Австрии и царской России. Эту борьбу союзники обязались вести рука об руку до тех пор, пока оба народа не будут свободны. Примечательно, что в трактате были специально зафиксированы национальные права славянских народов, входивших в состав Венгрии. Один из

последних документов, подписанных Траугутом как главой Жонда Народового 7 апреля (н. ст.), была ратификация этого договора. Траугут писал: «Целью настоящего трактата является завоевание полной независимости Польши и Венгрии, а вместе с тем максимальная поддержка дела свободы народов и справедливости».

Уже после ареста Траугута, но в соответствии с намеченной им политической линией Юзеф Орденга подписал на острове Капрера союзный договор с Джузеппе Гарибальди, вождем итальянских революционеров.

Чрезвычайно интересно, хотя и не поддается пока дальнейшей конкретизации, сообщение Маевского: «Когда речь шла о европейских революциях, Траугут упомянул в общей форме, что на основании каких-то своих связей и информаций из России может предполагать, что где-то в тылу империи, то ли в Казани, то ли в каком-то подобном месте, готовится вспышка какого-то вооруженно-бунтарского движения». Вероятнее всего, Маевский ошибочно связывает этот разговор с раскрытым значительно ранее «казанским заговором» (Маевский прямо говорит, что заговор был раскрыт «вскоре»). Но сам факт беседы, свидетельствующий об интересе Траугута к перспективам революционного движения в России и о каких-то неизвестных нам его контактах в России, представляет ценный штрих, в полной мере согласующийся с общими тенденциями его политики начала 1864 года.

Во всех основных областях политики Ромуальд Траугут, находясь на посту руководителя восстания, показал себя истинным восстановителем и продолжателем тех идей, которые вдохновляли лучших польских революционеров, стоявших у колыбели восстания 1863 года. Он шел той же дорогой, учитывая уже накопленный в борьбе опыт, его действия целиком отвечали задачам этой борьбы. С железной последовательностью он стремился к новому подъему восстания, и не его вина была, что он не достиг успеха. Было уже *слишком поздно.*

Соотношение борющихся сил было крайне неблагоприятно. Несмотря на значительное уменьшение начиная с сентября 1863 года повстанческих сил, царизм стягивал в Польшу все новые дивизии, чтобы еще до весны затоптать восстание до последней искры.

В тяжелых условиях гораздо более острой, чем предыдущая, зимы 1863/64 года повстанцы вели неравный бой. В январе 1864 года после разгрома отряда Валерия Врублевского гаснет повстанческое движение на Люблинщине, но за Вислой в Свентокшижских горах и лесах еще одерживают успехи отряды Босака. В феврале неудачная попытка овладеть уездным городком Опатовом подрывает силы восстания и в этом районе. Босак и его уже немногочисленные отряды не покидают поля борьбы, но восстание явственно догорает.

Конец февраля приносит два новых тяжелых удара. 17(29) февраля австрийское правительство объявляет Галицию на военном положении. Начинается преследование повстанцев, уничтожение запасов оружия, в чем активно участвует галицийская шляхта. «Я на коленях благодарил бога за эту весть, которая должна была положить конец несчастному восстанию» — так встречает сообщение о введении военного положения помещик, в недавнем прошлом командир повстанческого отряда. Не лучше ведут себя белые и в Королевстве Польском, где начинается кампания сбора подписей под верноподданническим адресом Александру II. 19 февраля (2 марта) царь подписывает указы о крестьянской реформе в Польше. Страх перед еще продолжающимся восстанием диктует условия реформы, идущие много дальше, чем реформа 1861 года в России. Царь лишен возможности дать крестьянам меньше, чем дал им повстанческий жонд. И поэтому польский крестьянин получает свой надел без «отрезков», поэтому он не должен платить помещику прямой выкуп, хотя, разумеется, средства на возмещение, которое платит помещикам «казна», она черпает прежде всего из крестьянского кармана. Даже безземельные

получают небольшие клочки земли. Все это вырвало у царизма восстание, это было завоеванием тех сил польского народа, которые выступили в 1863 году на бой не только с царизмом, но с феодальным строем.

Но непосредственно в этот момент ослабление повстанческих сил, ликвидация опорных баз в Галиции и царские указы о реформе делают бесперспективными планы посполитого рушения. Борьба проиграна. Но Траугут не покидает своего поста.

А между тем вокруг него смыкается кольцо полицейского сыска. Царские власти напрягают все силы, чтобы найти и ликвидировать подпольный жонд. Массовые аресты разрушают повстанческую организацию Варшавы. Один за другим попадают в руки полиции руководители отделов жонда, их секретари, некоторые перед угрозой ареста спасаются за границу. Траугут не покидает Варшавы.

Царские власти все еще не знают, кого они ищут. Имя Траугута еще не произнесено. К тому же полиция поверила опубликованному в октябре в повстанческой прессе для отвода глаз сообщению о гибели Траугута. Но сеть все более сужается. Утром 29 марта (10 апреля) полиция появляется в домике на Смольной; на этот раз она направляется во флигель — арестован Мариан Дубецкий. В ту же ночь она приходит вновь. Увидев вошедших в комнату полицейских, Траугут сказал: «Уже», — и поднялся с постели. Арестант был доставлен в тюрьму для подследственных на Павьей улице, в печально знаменитый в истории польского революционного движения «Павиак».

* * *

А в те же дни на южной окраине Царства Польского происходят последние бои. 6(18) апреля переправляется через Вислу в Галицию Гауке-Босак. Он еще надеется на то, что ему удастся вновь собрать отряды и возобновить борьбу. Но этим планам стойкого повстанческого генерала не суждено было осуществиться.

На юге Радомской губернии еще действуют небольшие, главным образом конные, отряды повстанцев. Среди этих последних на поле боя особенно много русских, да и командуют этими отрядами зачастую русские офицеры. Им не приходится рассчитывать на снисхождение царских властей, у них мало шансов укрыться от преследователей, и они с отчаянной стойкостью бьются до конца.

Кто эти русские люди? Десятки из них останутся для нас навсегда безымянными. Погибшие в бою, они схоронены товарищами в могилах, на которых не делалось надписей и не всегда даже ставился крест. О других попавших в руки карателей мы обычно мало что знаем, кроме имен, кратких сведений о прошлой службе и трагической участи, постигавшей их по приговору военного полевого суда. Жертвой очищения, принесенной Россией на пылающем алтаре польского освобождения, назвал Герцен Андрея Потебню. Число таких жертв, принесенных русским народом в борьбе за нашу и вашу свободу, было велико. Это не только погибшие в боях. Почти половина тех, кто попал в руки царских карателей (89 из 183), была казнена, большинство других осуждено на длительную каторгу.

Среди этого длинного ряда имен есть несколько человек, о которых нам известно относительно больше. Какие замечательные люди связали свою жизнь с судьбой борющейся Польши! Как созвучна их идейность и стойкость до последнего, смертного часа с обликом руководителя восстания, которому посвящены эти страницы! Пусть найдется и для них здесь несколько строк.

Вот бывший капитан пограничной стражи Матвей Дмитриевич Безкишкин. Веря в то, что царя должно заботить «прекращение враждебного чувства, существующего ныне между поляками и русскими», Безкишкин в 1860 году представил на «высочайшее имя» свои предложения, смысл которых заключался в прекращении национального угнетения поляков. К 1863 году Безкишкин освободился от наивных иллюзий и путь к установлению дружбы между рус-

скими и поляками увидел в их совместной борьбе против самодержавия. Он принял участие в восстании, был инструктором, затем командовал отрядом, был ранен и вновь вернулся в строй. 15(27) апреля 1864 года он был взят в плен, оказав при этом упорное сопротивление. Безкишкин был казнен в Радоме. Уже после объявления приговора воинская казнь — расстрел — была заменена на считавшееся позорным повешение. Причиной этого была пощечина, которую Безкишкин дал председателю царского суда.

Великий польский писатель Стефан Жеромский рассказывал о том, что его первым написанным на школьной скамье произведением была большая поэма «Безкишкин». Она была основана «на семейном предании, на рассказах простых людей, на тайной традиции наших келецких лесов».

Не один Безкишкин стал человеком-легендой. Беспримерной храбростью и боевым искусством прославился Яков Максимович Лёвкин. Он был, вероятно, членом революционной ячейки в своем Полоцком пехотном полку, так как к повстанцам примкнул с первых же дней, еще в январе 1863 года. Унтер-офицер царской армии, Лёвкин стал повстанческим офицером. В отряде Зыгмунта Хмеленского, который высоко ценил Лёвкина, он командовал казачьим взводом, сформированным из русских пленных. Лёвкин успешно выходил из самых трудных боевых ситуаций. Ему удалось даже (факт беспримерный в истории восстания) бежать из плена. Вновь Лёвкин был захвачен карателями только в мае 1864 года и вскоре расстрелян в Кельцах.

Сослуживцем Лёвкина по царской армии был Иван Павлов, писарь штаба Полоцкого полка, также унтер-офицер. За год своей службы в восстании Павлов дошел до звания капитана, он командовал небольшим повстанческим отрядом.

Последней жертвой восстания 1863 года стал расстрелянный в ноябре 1866 года в Варшаве Митрофан Подхалюзин, бывший юнкер 4-го донского казачьего полка, повстанческий ротмистр «Ураган». Под командой Чаховского, а затем Босака он служил до последних дней и вместе с сотоварищами пытался укрыться в Галиции, но австрийские власти выдали Подхалюзина царским палачам.

Ближайшим соратником генерала Босака стал бывший пехотный капитан царской армии Павел Богдан. Нам неизвестно его настоящее имя, Богдан — это псевдоним, принятый им для того, чтобы защитить от преследований свою семью. Вступив в ряды повстанцев еще в начале февраля 1863 года, Богдан участвовал в боях, был тяжело ранен, а поправившись, вновь вернулся в строй. Сначала он служил в отряде Зыгмунта Хмеленского, а затем стал начальником штаба у Босака. Боевая дружба полковника Богдана и генерала Босака пережила восстание. В 1870—1871 годах Богдан стал начальником штаба бригады волонтеров, защищавшей Францию от прусского вторжения Бригадой командовал Гауке-Босак. 21 января 1871 года Богдан навсегда простился со своим командиром и другом, жизнь которого оборвала под Дижоном прусская пуля.

Как герои вели себя и многие простые русские солдаты — участники восстания 1863 года. Источники сохранили, например, слова Льва Мокеевича Шамкова, который перед казнью заявил, что не сожалеет о том, что сражался за свободу Польши.

Это короткое отступление не является лишним в биографии Ромуальда Траугута. Пусть он никогда не встречался лично с этими своими соратниками, но их судьба — свидетельство того, что его мужество и стойкость не были подвигом одиночки, а его вера в революционное братство народов находила подтверждение даже в тяжелые дни поражения восстания.

* * *

Человеком, из уст которого накануне ареста Траугута следственная комиссия в первый раз услышала его имя, был секретарь Финансового отдела жонда Артур Гольдман. Ему никогда не приходилось встречаться с Траугутом по делам восстания. Своими сведениями о Траугуте Гольдман был обязан Вацлаву

Пшибыльскому, который не только сообщил этому второстепенному в организации лицу секретные сведения о том, что Траугут возглавляет Жонд Народовый, но еще, словно заботясь об успехе предательства, назвал ему псевдоним, под которым жил Траугут в Варшаве, и издали показал его Гольдману в кафе. В результате следственная комиссия получила все необходимые сведения для разыскания «Михала Чарнецкого». Дальнейшее было уже делом одного дня.

Если Гольдман выдал Траугута, то Кароль Пшибыльский и Цезарий Моравский были людьми, чьи показания более всего дали сведений о его деятельности.

Впрочем, Траугут не пытался скрывать своего имени. Это было бесполезно, так как в составе следственной комиссии были полковник Зданович и еще один сослуживец Траугута по царской армии. Свое первое показание, данное в день ареста, он начал словами: «Меня зовут не Михал Чарнецкий, а Ромуальд Траугут...» Но в этом показании после довольно подробного рассказа о своем участии в восстании в Белоруссии Траугут заявил, что затем он оказался в Галиции. Этим он обошел свой приезд в июле 1863 года в Варшаву (следственной комиссии так и осталась неизвестной эта страница биографии Траугута) и заграничную миссию. О приезде в Варшаву в октябре 1863 года Траугут заявил: «Целью моего прибытия из Кракова в Варшаву было под охраной чужого имени устраниться от всех революционных дел и ждать конца всех этих событий, потому что в военные дела, как не дающие никаких шансов на успех, я вмешиваться не хотел, а к выполнению других дел в организации способностей не имел». Не имея возможности отрицать свое знакомство с Вацлавом Пшибыльским, Траугут, оберегая находящегося в полной безопасности Пшибыльского, заявил, что ему ничего не известно о принадлежности Пшибыльского к повстанческой организации, хотя, разумеется, тот знал о том, что он, Траугут, командовал повстанческим отрядом.

Линией поведения, избранной Траугутом перед следователями, было, таким образом, стремление отвести все вопросы, касающиеся периода, когда он руководил Жондом Народовым. Но выдержать эту линию ему помешали предатели. Правда, при очной ставке 8(20) апреля с Каролем Пшибыльским и Цезарием Моравским Траугут решительно отверг их показания, но затем сделал следующую декларацию:

«О цели и действиях моих по прибытии в Варшаву я намерен дать особые показания с той, однако, оговоркой, что никаких лиц называть не буду, а лишь опишу, что делал я сам. Итак, по прибытии в Краков при уже объясненных мною обстоятельствах я держался там в стороне и вовсе не сносился с тамошней организацией, а после моего приезда в Варшаву я принял руководство так называемым Жондом Народовым. Чтó я делал на этом посту, это я подробно опишу собственноручно».

Не следует удивляться тому, что в актах процесса нет ни подробного, ни собственноручного показания Траугута о его деятельности в качестве главы Жонда Народового. Следователей не интересовала история восстания. Приведенное выше краткое заявление Траугута выполняло необходимую при предании его суду процессуальную формальность — это было признание обвиняемым деяния, в котором он обвиняется. Оговорка же, сделанная Траугутом, что никого называть он не намерен, лишала его дальнейшие показания самого занимающего следственную комиссию элемента.

Из перехваченного властями письма Елены Киркор к старушке матери мы знаем, что Траугута, так же как и Киркор, держали в подвальном карцере до 8(20) апреля, то есть до тех пор, пока он не сделал процитированного признания. Позднее Траугута вызывали на допрос только два раза — 22 апреля (4 мая), когда он дал сравнительно краткое показание (фрагменты его мы цитировали ранее) о своих убеждениях, обстоятельствах вступления в ряды повстанцев и основных вопросах, которыми он занимался на посту главы Национального правительства, а затем 24 апреля (6 мая) для выяснения обстоятельств его действий как командира повстанческого

отряда в связи с получением сведений из Кобринского уезда.

Несколькими днями позже следственная комиссия представила наместнику доклад о предании Траугута и группы деятелей повстанческой организации военному полевому суду. Предложение было утверждено, и подсудимые переведены в цитадель. Шестеро предателей, более всего содействовавших комиссии своими показаниями, были милостиво высланы «на свободное жительство в Империю».

7(19) июля заседавший в Варшавской цитадели полевой военный суд вынес приговор по делу Ромуальда Траугута и двадцати двух его сотоварищей Констатирующая часть приговора в отношении Траугута была построена в основном на показаниях предателей.

Суд зафиксировал тот факт, что с октября 1863 года «власть, принадлежавшая, собственно, Народовому Жонду, перешла в руки одного лица, принявшего название начальника жонда». Между тем широко распространенное мнение видело в Жонде Народовом коллегиальный орган, состоящий из 5 человек. Царские власти стремились к тому, чтобы процесс и приговор знаменовали для общественного мнения окончательную победу над восстанием и ликвидацию Жонда Народового. И поэтому еще задолго до судебного процесса, бывшего, по существу, кровавым фарсом, было определено, что казни будут подвергнуты пять человек Но кто же именно должен был войти на эшафот вместе с Ромуальдом Траугутом? К смертной казни через повешение были приговорены также директора отделов жонда Рафал Краевский (Отдел внутренних дел), Юзеф Точиский (Финансовый отдел), а также искусственно приравненные к директорам отделов заведующий экспедитурой Роман Жулинский и заведующий коммуникациями Ян Езёранский. Функциями обоих последних была повстанческая связь (внутри страны и за границей), их отнесение к числу «преступников 1-й категории» было грубой натяжкой, особенно по отношению к сравнительно недолго действовавшему в повстанческой организации

Езёранскому. Но он вызвал особую ненависть царских палачей своим отказом назвать кого-либо из членов организации и заявлением на военном суде, что на следствии он подвергался моральному и физическому истязанию За свою «строптивость» Езёранский заплатил жизнью.

Двенадцать деятелей организации (в их числе Мариана Дубецкого) суд приговорил к каторге на разные сроки и шестерых (среди них четыре женщины) к ссылке на поселение или краткосрочному аресту.

Приговор был направлен на рассмотрение в полевой аудиториат. Здесь он был радикально пересмотрен. К смертной казни аудиториат приговорил пятнадцать человек, пять к каторге и трех к ссылке. Такой пересмотр имел, по-видимому, двоякую цель: с одной стороны, наместник Берг получал возможность продемонстрировать снисхождение и уменьшить число смертных приговоров, а с другой — нескольким подсудимым, в отношении которых приговор суда был признан слишком мягким, ссылка на поселение была заменена каторжными работами. К числу последних принадлежали Елена Киркор и сестры Эмилия и Барбара Гузовские.

18(30) июля последовала конфирмация Берга. Число смертных приговоров было ограничено пятью в соответствии с приговором военного суда, десяти остальным смертникам казнь была заменена долгосрочной каторгой. Смертные приговоры было приказано привести в исполнение 24 июля (5 августа) 1864 года на гласисе (откосе) цитадели.

Никто из осужденных не просил о помиловании. Единственная просьба, с которой обратился Траугут к суду уже после вынесения приговора, — разрешить семье приехать в Варшаву для прощания с ним — была оставлена без удовлетворения.

Публичная казнь руководителя восстания собрала тысячи жителей Варшавы. Народ прощался с таинственным повстанческим диктатором, которого впервые увидел на месте казни. В памяти очевидцев навсегда запечатлелись мужество и достоинство осужденных перед лицом смерти.

На следующий день в городе появилась листовка, подписанная начальником города, призывавшая: «Отдадим честь мученикам и освятим их память не слезами скорби и отчаяния, а присягой следовать по их пути».

Царские власти были вне себя. Эта листовка говорила о том, что конспирация живет и действует. Моральный эффект листовки, изданной последним повстанческим начальником Варшавы Александром Вашковским, был велик. Но восстановить разгромленную организацию, возобновить угасшее восстание было уже невозможно.

Вашковский, подобно Траугуту, остался до конца на своем посту. В феврале 1865 года он был казнен на том же месте, где погибли Траугут и его сотоварищи.

* * *

В суровые дни Великой Отечественной войны на советской земле польские патриоты воссоздавали польское войско, чтобы плечом к плечу с Советской Армией бороться за освобождение родной земли от гитлеровских поработителей. Первая из созданных ими дивизий получила имя Тадеуша Костюшки, третья — имя Ромуальда Траугута.

Валерий ВРУБЛЕВСКИЙ

Революции — это локомотивы истории, писал К. Маркс. В самом деле: и революции рабов и буржуазные революции знаменовали собой огромный сдвиг в жизни тех народов, которые их совершали. Несравненно более значительным качественным скачком являются ныне революции социалистические. Но было бы ошибочно думать, что история человечества в классовом обществе развивается так же легко и плавно, как двигаются локомотивы на современных железных дорогах. Прежде чем одержать победу, революционное движение каждой страны проходит целые полосы поражений и неудач, несет тяжелые потери, переживает периоды спада. Однако время всегда работает на него: накапливается опыт борьбы, растет сознание масс, зреют социально-экономические предпосылки победы революций. И настает момент, когда локомотив истории снова набирает скорость, чтобы вопреки ожесточенному сопротивлению реакционных сил доставить человечество в следующую историческую эпоху.

Восстание 1863 года по своему объективному содержанию являлось буржуазной революцией, в ходе которой борьба за ликвидацию феодальных порядков была тесно связана с борьбой против национального и религиозного гнета. Повстанцы потерпели поражение сначала на Украине, в Белоруссии и Литве, а затем и на польских землях. Царизм обрушил волну репрессий на польский народ и население охваченных восстанием территорий. Сотни участников борьбы бы-

ли казнены, тысячи погибли в бою, получили тяжелые увечья или вынуждены были бежать за границу, десятки тысяч оказались на каторге, в ссылке, на поселении в далекой Сибири.

Эти огромные жертвы не были напрасными Уроки январского восстания внимательно изучали следующие поколения польских революционеров, которые сберегли и приумножили лучшие традиции повстанцев 1863 года. Основная линия преемственности шла от левицы красных, занимавшей наиболее радикальную позицию в ходе восстания, через связанное с I Интернационалом левое крыло польской эмиграции 60—70-х годов и первую польскую рабочую партию «Пролетариат», существовавшую в 80-е годы, к социал-демократическим организациям конца 90-х годов, твердо ставших на путь марксизма Лишь немногие из активных деятелей 1863 года, оставшихся в живых и не отошедших от общественной деятельности, неуклонно двигались по этому пути, являясь живыми хранителями революционного опыта. Одному из них — Я Домбровскому — посвящен отдельный очерк. Еще более интересен в этом отношении В. Врублевский, имя которого также не раз упоминалось выше

Валерий Врублевский родился 15 декабря 1836 года в семье мелкого шляхтича в Лидском уезде Виленской губернии. Не владея недвижимым имуществом, его отец служил у графа Р. Тизенгауза в местечке Жолудек. За матерью Врублевского — урожденной Юравик — числилось небольшое имение под Слонимом и дом в Вильно Рано потеряв отца, Валерий провел несколько лет в семье своего дяди Эвстахия Врублевского. Это был хорошо образованный человек, придерживавшийся передовых политических взглядов. Воспитанник Киевского и Харьковского университетов, он в 1849 году был приговорен к восьми годам каторги за связь с Кирилло-Мефодиевским обществом. Другая важная группа детских впечатлений Врублевского связана с семьей Далевских, к которой принадлежали организаторы Союза литовской молодежи Францишек и Александр, будущие участники восстания Константый и Титус и жена З. Сераковского — Аполлония Далевская. В 1848 году двенадцатилетний Валерий был очевидцем расправы царизма над революционными эмиссарами А. Ренигером и Я. Рером, а также над сотрудничавшим с ними Аполином Гофмейстером — будущим повстанческим руководителем на Гродненщине.

После окончания Виленского благородного института Врублевский в 1854 году уехал в Петербург и поступил в Лесной институт. В то время это было военизированное учебное заведение, готовившее офицеров для лесной службы, межевых топографов, инженеров в ведомство государственных имуществ. Три года было потрачено на изучение математики и естественных наук, истории и иностранных языков, лесохозяйственных дисциплин и топографии. Один год заняла практика в учебном лесничестве под Петербургом. На пятом году обучения студенты переводились в офицерский класс. Врублевский не проявлял больших успехов в ученье, но пользовался любовью товарищей и был одним из наиболее активных участников студенческих кружков и разного рода землячеських организаций.

Чтение «Современника», «Колокола» и польских эмигрантских изданий, знакомство с оппозиционно настроенной петербургской молодежью оказали определяющее влияние на формирование мировоззрения Врублевского. В последние годы учения он познакомился с З. Сераковским и его единомышленниками из офицерских кружков, с Константином Калиновским, его старшим братом Виктором, с многими активными участниками студенческого движения. В 1859 году, когда Врублевский, ставши подпоручиком, получил назначение на должность инспектора в училище лесоводства близ Гродно, он был убежденным революционером, готовым посвятить жизнь борьбе с социальным и национальным гнетом на своей родине.

С первых же дней пребывания в Сокулке, где находилось училище, Врублевский развернул революционную пропаганду. Вскоре среди учащихся возник кружок, ставший постепенно центром конспиративной

организации всей округи. Не теряя связи с друзьями в Петербурге и в Вильно, Врублевский старался завязать знакомства в целом ряде уездов Гродненской и Виленской губерний. В начале 1861 года возвратился на родину К. Калиновский. Вместе с Врублевским они энергично взялись за расширение конспиративной сети и революционную пропаганду. Они поддерживали контакт с Л. Звеждовским, служившим в Вильно. Вместе с Калиновским Врублевский издавал и распространял «Мужицкую правду».

Начавшееся в Польше восстание постепенно охватывало территорию Литвы и Белоруссии. В апреле 1863 года Врублевский исчез из Сокулки. Донося об этом, начальство далеко не сразу решилось сделать предположение, что он примкнул к «мятежникам». Между тем Врублевский в соответствии с решением повстанческой организации в условленном месте собрал отряд, насчитывавший более двухсот человек и состоявший из воспитанников Сокульского училища и окрестных крестьян. Повстанческим военным начальником на Гродненщине был назначен ветеран восстания 1830—1831 годов О. Духинский, возвратившийся из эмиграции. Врублевский стал его начальником штаба. Одряхлевший и неспособный руководить партизанскими действиями, Духинский с самого начала обладал лишь номинальной властью, фактически командование осуществлял Врублевский. Ротами повстанцев, сосредоточившихся в Беловежской пуще, в большинстве случаев командовали бежавшие из частей царские офицеры из числа единомышленников Сераковского, Домбровского, Потебни.

Оглашая повстанческий манифест по крестьянскому вопросу в близлежащих населенных пунктах и занимаясь военной подготовкой, повстанцы старались до поры до времени избежать столкновения с карательными войсками. 29 апреля, однако, им пришлось принять бой с превосходящими силами противника. Повстанцы проявили отвагу, Врублевский был особо отмечен в числе наиболее отличившихся смелостью и боевым мастерством. Однако каратели одержали победу: они оттеснили повстанцев, захватили их обоз

с запасами продовольствия и казной. Лишь через две-три недели удалось вновь сформировать отряд; к началу июня в нем было примерно сто шестьдесят косинеров и около двухсот конных бойцов, которыми командовал лично Врублевский В Рожанском лесу в эти дни отряд принял участие в параде повстанческих сил Гродненского воеводства. Общая их численность достигала тысячи человек. Парад принимали повстанческие предводители на Гродненщине Константин Калиновский и Аполин Гофмейстер, памятный Врублевскому по 1848 году.

В июне повстанцы имели несколько удачных столкновений с карателями. Численность отрядов выросла почти вдвое. В отряды пришло много батраков, рабочих, бедноты из городов и местечек. Шли также неимущие шляхтичи, вольные хлебопашцы, государственные крестьяне. Приток свежих сил обусловливался прежде всего тем, что по требованию Калиновского повстанческие власти строго следили за осуществлением повстанческой аграрной программы Однако численность карательных войск росла еще быстрее. Теснимые со всех сторон повстанцы в конце июня вынуждены были отойти в глубь Беловежской пущи.

В июле и августе повстанческие отряды вели тяжелые оборонительные бои, с трудом отбиваясь от преследовавшего их противника. Врублевский хорошо знал все лесные тропки и располагал подробными картами лесных массивов на Гродненщине; это не раз спасало повстанцев. В августе Духинский официально ушел в отставку. Калиновский, сосредоточивший в своих руках руководство восстанием в Литве и Белоруссии, назначил Врублевского командующим повстанческими силами на Гродненщине. Новый командующий был неутомим, проявлял чудеса распорядительности и храбрости. Он первым вступал в бой и отступал последним, он заботился о нуждах крестьян, что обеспечивало их поддержку повстанцам. Но соотношение сил все ухудшалось, бороться становилось все труднее.

Останавливаться нельзя. Переходя из одного лесного массива в другой, прячась в самую глухомань,

повстанцы постепенно подвигались к Августовскому воеводству. Много опасностей подстерегало их на пути. Адъютант Врублевского И. Арамович, например, вспоминает: «Под вечер сидели мы [...] на лугу среди болот и просек и делились куском хлеба и крошками зеленого табака [...]. Среди чащ, среди трясин немыслимо было узнать ни дорогу, ни направление. Командир сказал, что надо обождать зари, ибо наступила ночь. Прилегли мы на болоте. Каждый из нас искал места поудобнее у кустов, чтобы хоть голову можно положить чуть повыше. На заре нас разбудили чьи-то покрикивания. Это были казаки, которые ловили своих коней с ночного». Непрерывные утомительные переходы, почти ежедневные столкновения, отсутствие продовольствия и снаряжения заставляли многих повстанцев уходить домой, а командиров оставлять своих подчиненных и скрываться за границу. Врублевский один, кажется, оставался непоколебимым, не утрачивал ни на минуту бодрости и веры в успех.

Силы повстанцев таяли, была уже осень — нужно было обеспечить сохранение хотя бы минимума сил в зимний период. В сентябре Врублевский передал на время командование и поехал в Варшаву с предложением вывести свои отряды на зимовку в Подлясье. Предложение было принято, и намеченный план проведен в жизнь. В ряде боев, происходивших в ноябре и декабре 1863 года на территории Польши, Врублевский снова проявил себя умелым и хладнокровным военачальником, причем особенно удачно он командовал конниками. В конце декабря Врублевский был назначен повстанческим военным начальником в Подлясском и Люблинском воеводствах. В январе 1864 года около Устимова на конных повстанцев под командованием Врублевского неожиданно напал казачий карательный отряд. Он пытался остановить противника, но, тяжело раненный в голову и плечо, упал с лошади. Спасло Врублевского только то, что каратели сочли его убитым.

Местные крестьяне вскоре подобрали его, оказали ему первую помощь и переправили в имение

арендатора Ксаверия Склодовского *, где он мог получить лечение. Когда раны немного затянулись, Врублевский попросил поскорее переправить его через австрийскую границу, чтобы не подвергать опасности своих спасителей. Его переодели в женское платье и усадили в карету вместе с племянницей Склодовского, решив в случае необходимости сказать, что это ее экономка. Необходимость такая возникла, так как карету в пути остановил конный патруль. Фигура экономки показалась солдатам подозрительной, и они намеревались сделать обыск в карете, более внимательно осмотреть находящихся в ней пассажиров. К счастью, подъехал офицер и приказал патрульным оставить их в покое. Когда они отъехали на некоторое расстояние, офицер приблизился к карете и тихо сказал «экономке»: «Приведите в порядок свое лицо»; потом он пришпорил коня, чтобы догнать своих подчиненных. Только взглянув на «экономку», путники поняли смысл действий незнакомого офицера: на лице Врублевского были отчетливо заметны струйки крови, которые просачивались из открывшейся раны. Врублевский не знал ничего о спасшем его офицере, но был склонен думать, что это русский.

Через короткий промежуток времени Врублевский добрался до Парижа и лицом к лицу встретился с теми трудностями, которые испытывали многие его соотечественники и соратники по повстанческой борьбе, оказавшиеся в эмиграции. Почти не двигающаяся после ранения рука очень ограничивала возможности Врублевского в отношении приискания заработка: он смог устроиться только фонарщиком. Его обязанности не сложны: следить за исправностью газовых фонарей в нескольких кварталах, вечером зажигать их, а рано утром — гасить. Плохо то, что он должен делать все это в любую погоду — в жару и мороз, в дождь и в снег; трудно носить на израненных плечах тяжелую лестницу, неудобно карабкаться на нее и возиться с фонарем, когда действует только одна рука.

* Родственник будущей знаменитой ученой и общественной деятельницы Марии Склодовской Кюри

Но самое худшее в том, что заработная плата не может обеспечить его очень скромных потребностей: ему нечем платить за комнатушку, в которой он поселился, приходилось нередко сидеть без куска хлеба. Однако он никогда не жаловался и ни от кого не принимал помощи.

Первое время все помыслы Врублевского были связаны с тем, что происходило в Царстве Польском и во всей Российской империи. Как и многие другие, он еще верил в возможность нового вооруженного выступления в ближайшее время, старался установить контакты с теми, кто остался на родине, искал способов самому возвратиться туда. Постепенно он понял, что царизму удалось задушить революционное движение в Польше, а без этого нечего было думать о новых боях. Летом 1865 года до Врублевского дошли сведения о русских и польских подпольных организациях, привезенные З. Минейко и Я. Домбровским. Однако речь шла о русских городах, о местах, где сосредоточивались репрессированные участники польского национально-освободительного движения, но не о польских землях. В 1866 году до Парижа дошли слухи о жестоком подавлении восстания ссыльных в Забайкалье. Задуманное как широкая совместная акция польских и русских революционеров, оно в результате провалов и неудач вылилось в акт отчаяния, который в лучшем случае мог закончиться лишь побегом нескольких сот политических заключенных.

Своими надеждами и разочарованиями Врублевский всегда делился с Домбровским. К моменту их встречи в Париже прошло немногим более шести лет с тех пор, как они познакомились в Петербурге. Время и тяжелые раны, полученные во время восстания, сильно изменили облик Врублевского. В худом, немного сутулящемся, немолодом на вид мужчине с высоким лбом и длинными вьющимися волосами Домбровский ни за что не узнал бы Врублевского, если бы встретил его на улице. Домбровский изменился гораздо меньше, и Врублевский узнал его сразу. После собрания, на котором произошла встреча, Домбровский пригласил Врублевского к себе, познакомил его с женой, показал родившегося недавно ребенка. Несколько часов они посвятили воспоминаниям.

Что касается эмигрантских дел, то главным здесь Врублевский считал сплочение сил вокруг последовательно демократических целей борьбы. Те попытки объединения эмигрантов, с которыми Врублевский и Домбровский столкнулись сразу же по приезде во Францию, не удовлетворили их прежде всего из-за ошибочности предполагаемой политической платформы. Домбровский выразил свое отрицательное отношение к предлагавшейся программе в открытом письме, которое датируется ноябрем 1865 года.

Письмо начинается с заявления о том, что сразу же после побега из тюрьмы Домбровский установил связи с теми революционерами, которые, оставаясь в Польше и на территории Российской империи, имели мужество продолжать борьбу. «Контакт с ними, — пишет Домбровский, — позволил мне определить для себя постоянное направление деятельности в эмиграции». Ссылаясь на общественное мнение страны, он высказывает убеждение, что именно так и должен поступать каждый политический эмигрант, поскольку эмиграция является лишь представительницей нации, но никогда не может и не должна диктовать ей свои решения. «Поэтому, — заявляет Домбровский, — я решительно осуждаю попытки создать в эмиграции политический орган, претендующий на то, чтобы руководить страной в ее революционных действиях». Протест Домбровского вызвали не только эти необоснованные претензии эмиграции на решающее слово, но основные программные положения для предполагаемого объединения: прежде всего он указывал на непонимание значения социальных задач и, в частности, крестьянского вопроса, на нежелание отказаться от национализма, который назван в письме «эгоистическим, а в силу этого дурно понимаемым патриотизмом». Письмо Домбровского заканчивается отказом от участия в любой организации, которая подобным образом понимает роль эмиграции и следует такого рода политической программе.

Однако все это вовсе не значило, что Домбровский был противником создания организации из революционеров, оказавшихся за границей. «Эмиграция, — говорил он, — нуждается в органическом единстве и в деятельности». Но, заявляя так, Домбровский делал очень существенную оговорку: «Под единством я понимаю не объединение всей эмиграции, а организацию всех ее демократических элементов». Над созданием такого рода организации Врублевский и Домбровский неустанно трудились вместе с группой наиболее радикальных по своим политическим позициям эмигрантских деятелей.

В 1866 году возникло «Объединение польской эмиграции», в которое вошли демократические силы той «молодой эмиграции», которая образовалась после разгрома восстания 1863—1864 годов. Руководящий орган «Объединения» — комитет — избирался всеобщим голосованием (свою волю члены организации выражали в письмах, присылаемых из разных городов и разных стран). Домбровский и Врублевский были в числе тех, кто прошел в комитет, имея значительное число поданных за них голосов. Членами комитета стали также Станислав Ярмунд, Юзеф Токажевич, Александр Верницкий. Начался период активной работы Врублевского и Домбровского в «Объединении» и газете «Неподлеглость» («Независимость»), являвшейся печатным органом организации.

Это было время, когда реакционным силам удалось почти полностью подавить освободительное движение в Польше. Многие его участники, отказавшись от надежды на завоевание демократических свобод и независимости, включились в так называемую «органическую работу»: объявили «патриотическим» делом погоню за богатством и чинами, ратовали за сотрудничество с царизмом в экономической и культурной сферах. В «молодой эмиграции», а тем более в «Объединении» сторонники «органической работы» не могли рассчитывать на понимание и поддержку. Но идейных разногласий здесь было предостаточно. Поэтому Врублевский и Домбровский сосредоточили усилия прежде всего на том, чтобы направить мысли

и действия своих товарищей на тот путь, который они считали правильным.

Исходным пунктом едва ли не всех возникавших споров являлась оценка недавнего восстания — было ли оно неизбежно и необходимо, в чем причины его поражения, следует ли повторять попытку вооруженной борьбы. Эти и многие другие более частные вопросы постоянно дискутировались в эмигрантской среде. Врублевский и Домбровский не менее других ощущали горечь поражения, но они никогда не соглашались с теми, кто говорил, что не нужно было выступать, что понесенные жертвы были напрасными. Домбровский в 1865 году писал: «Последнее восстание открыло нам путь, по которому мы должны впредь идти», оно «возложило на нас всех обязанность использовать время нашего изгнания на самовоспитание, чтобы мы успешнее могли выполнить свою миссию, когда страна вновь призовет нас к действию». В обращении ко всей объединенной польской демократии Врублевский в 1869 году выражал уверенность, что «обломки поколения, которое самопожертвованием одной ночи 22 января поднялось до уровня героизма, не рассеялись по земле только для того, чтобы стать среди чужих народов как бы памятниками польских несчастий», что «страдания, перенесенные эмиграцией, не высосали из наших душ чувств, не заглушили энергии в нашей груди».

Выступая за объединение сил польской эмиграции, Врублевский всегда подчеркивал, что оно невозможно без единства взглядов на стоящие перед ней цели и пути к их осуществлению. «Что касается убеждений, — заявлял он в только что цитировавшемся обращении, — я демократ в логическом смысле этого слова. В иную Польшу, чем та, которую воскресит из гроба наш народ своими трудовыми руками, я не верю; иной Польши, чем та, которая, сохраняя в целости свои исторические границы, наделит гражданскими правами всех своих сынов, не желаю; для иной Польши, чем та, где господство человека над человеком уступит место царству свободы, разума и права, где невежество исчезнет в лучах всеобщего про-

свещения, а нужда в добросовестном распределении общих выгод, для иной Польши я не могу ни жить, ни умирать». В свою очередь, Домбровский в политическом кредо, оглашенном в четвертую годовщину начала восстания 22 января 1867 года, заявил: «Верую в воскресенье Польши демократической, а значит, свободной, счастливой, могучей».

Предстоящая борьба, по мнению Врублевского, Домбровского и их единомышленников, должна была вестись не узким кругом заговорщиков, а широкими массами. «Все для народа и через народ», — заявлял Врублевский и добавлял: «В этом лозунге я нахожу не только политический идеал нашего отечества, но и средства к его осуществлению». «Все через народ, — развивал свою мысль Врублевский, — это значит: восстание собственными силами, направленное против всякого чужеземного и внутреннего угнетения, против чужеземного и отечественного рабства, это значит не более и не менее как революция масс, ставящая себе целью и моральное и материальное благосостояние, преодолевающее все преграды, воздвигаемые дипломатическими, правительственными. шляхетскими, иезуитскими и всякими другими комбинациями на пути ее развития».

С такой же определенностью высказывался Домбровский. «Я считаю, — писал он в «Кредо», — что никакие политические комбинации не в силах создать то, что не имеет собственных сил для существования... Единственным средством освобождения, соответствующим национальному достоинству и дающим гарантию свободы и независимости, признаю вооруженное народное восстание». Отсюда и вытекало у него определение будущих задач: «Единственной нашей целью должно быть восстание, единственной деятельностью — подготовка восстания».

Сторонники мирной просветительской деятельности, поднимавшие голову и в стране и в эмиграции, встречали резкий отпор деятелей левого крыла польской эмиграции. Примером здесь могут служить выступления Врублевского. «Я, — заявлял он, — демократ по понятиям, по принципам, по духу, революционный радикал по крови, по своему прошлому, по деятельности еще до восстания. В стране, изнывающей под тяжестью позорного ярма чужеземного насилия, я не признаю так называемой органической работы, то есть легальной, то есть компромиссной, то есть тарговицкой *. Я вижу один только путь избавления Польши, путь тяжелый, мученический, от подножия до вершины залитый кровью, путь апостольской проповеди словом, письмом и делом среди простого народа при посредстве преданной делу молодежи...»

Возможность успеха и причины поражения восстания Врублевский и Домбровский определяли, исходя из своего понимания исторического прогресса. «Прогрессом, — заявлял Домбровский, — я называю все большее развитие справедливости как в области политической свободы и равенства, так и в отношении участия в использовании материальных благ. Чтобы наше дело не погибло, оно должно всегда соответствовать развитию прогресса, а наше национальное восстание лишь в том случае будет иметь успех, если своей программой оно охватит наряду с независимостью введение в жизнь уже признанных политических истин. Пробуждение в людях сознания прав человека и гражданина, признание равенства этих прав для каждого без исключения человека, распространение прав, признанных за отдельным человеком, на народы, независимо от расы, наконец, воспитание сознания братства и солидарности наций — вот моральные основы нашей деятельности». Из тех же положений исходили Домбровский и Врублевский в оценке общих и частных уроков закончившейся недавно вооруженной борьбы.

Важнейшая причина поражения повстанцев 1863 года заключалась в относительной узости социальной базы восстания, в неспособности повстанче-

* В мае 1792 года в местечке Тарговице группа польских магнатов создала конфедерацию, рассчитывая сохранить свои привилегии с помощью иноземных захватчиков. С тех пор Тарговице стало символом предательства интересов польского народа во имя каких-либо корыстных расчетов.

ского руководства последовательно решить крестьянский вопрос, привлечь на свою сторону трудящихся деревни и города. Врублевский, Домбровский и его товарищи из левого революционно-демократического крыла польской эмиграции, отчасти осознавшие это еще в ходе событий, гораздо отчетливее оценили ситуацию после разгрома восстания. Домбровский, например, в своих устных и печатных выступлениях не раз касался этой стороны дела. Польша, писал он в ноябре 1865 года, реальными действиями «декларировала [...], что теперь она стремится не только к независимости, но ее программа включает в себя полное разрешение крестьянского вопроса на основе абсолютной справедливости равенства прав всех сословий и вероисповеданий и, наконец, призыв всех к участию в гминовладном управлении* страной». «Мой девиз: через свободу к независимости», — заявлял Домбровский в 1867 году. Значит, единственным путем воссоздания независимого Польского государства он считал тот, который ведет через социальные преобразования, через ликвидацию феодально-крепостнических порядков и прежде всего через последовательно-демократическое решение крестьянского вопроса.

Далеко не все руководящие деятели красных признавали и отстаивали идею полного самоопределения украинского, белорусского, литовского народов в ходе восстания. После его разгрома некоторые из оставшихся в живых продвинулись в этом отношении значительно вперед, стали гораздо более принципиальными и последовательными. Наиболее характерны в этом отношении взгляды Домбровского. Многие его выступления по данному кругу вопросов выделяются непримиримостью к националистическим ухищрениям в любой их форме, четкостью формулировок и большой впечатляющей силой. Эти выступления послужили укреплению идейных позиций демократической эмиграции и вызвали злобный вой со стороны зараженных национализмом умеренных элементов, не говоря уж о сугубо реакционной части эмиграции.

* То есть общинном, народном управлении (гмина в Польше в какой-то мере аналогична сельской общине в России).

«Польская нация, борющаяся за независимость, — писал Домбровский депутату галицийского сейма в 1866 году, — превосходно поняла, что не может отказать в независимости ни одной народности, не вооружая против себя всех тех, кому бы она отказывала в этом праве, не отрекаясь от идеи, написанной на поднятом ею знамени, не совершая самоубийства». Еще более резко и четко сформулировал Домбровский свою позицию в нашумевшем «Открытом письме гражданину Беднарчику и его политическим друзьям» (1867). «По моему мнению, — говорилось в письме, — право решать о себе имеет только сама нация, и при этом каждая нация». Отношения между Польшей и Украиной Домбровский предполагал определять «соглашением между обеими нациями»; он был уверен, что «будущий союз, возникший на основе свободы», связал бы их «не только политическими узами, но и чувством благодарности и братства».

В изучении и оценке опыта восстания была еще одна область, которая очень интересовала бывших руководителей повстанцев 1863 года. Вооружение, организация и тактика повстанческих сил, анализ всего хода военных действий, изучение отдельных кампаний и боев, особенности партизанской войны и соотношение ее с действиями регулярных войск — вот перечень далеко не всех вопросов, очень интересовавших их как революционеров, а в ряде случаев и как военных специалистов. Врублевский не только сам был в числе вольнослушателей высшей военной школы в Париже, но и много сил затрачивал на организацию материальной помощи эмигрантам, желающим получить военное образование или пополнить свои знания в военном деле. Крупным военным специалистом стал в эмиграции Ю. Гауке-Босак.

Самым большим знатоком и признанным авторитетом в этой области был, однако, Домбровский. Он много думал над этими вопросами, перебирая в уме памятные ему события 1863—1864 годов, сопоставляя свои мысли с новинками военно-исторической и военно-теоретической литературы. В чисто специальном отношении его выводы и наблюдения не только были на

уровне современного ему состояния военного дела, но и во многом превосходили его. Для Домбровского как военного мыслителя очень характерно признание большого значения морального фактора вообще и прежде всего в революционных войнах. Моральное превосходство, по мнению Домбровского, оказывается в такого рода войнах всегда на стороне тех, кто представляет прогрессивные силы. Он заявлял: «...Винтовки или косы, старое вышколенное войско или повстанческие отряды — орудия одинаково страшные, если они призваны представлять прогресс, а только он может воодушевлять той духовной мощью, перед которой меркнут материальные преграды». По существу, эти мысли совпадали с тем, что писали в то время Маркс и Энгельс.

Своим боевым прошлым, радикальностью политических убеждений, активным участием в общественной жизни Врублевский приобрел большую известность среди соотечественников, находящихся вдали от родины. Во время выборов комитета «Объединения польской эмиграции» он неизменно был в числе тех, кто получал наибольшее число голосов. Польские эмигрантские организации в разных местностях Западной Европы (их также называли гминами, то есть общинами) давали очень высокую оценку Врублевскому. Цюрихская гмина, например, писала: «Любимый вождь литовцев завоевал среди эмигрантов заслуженную популярность и доверие».

В отзыве одной из других гмин говорилось, что у Врублевского «среди повстанцев много друзей, знающих его патриотизм и способности».

Будучи интернационалистом, Врублевский, как и большинство других деятелей демократической эмиграции, активно участвовал в политической жизни Франции, поддерживал связи с организациями парижских рабочих, примыкавшими к I Интернационалу. Особенно прочными стали эти связи после того, как, изучив работу печатника, он с 1869 года стал работать в типографии «Руж». Когда на следующий год Врублевский заболел оспой, то его товарищи по работе, как французы, так и эмигранты, не оставляли больного ни

на одну минуту, ухаживали за ним, готовили ему пищу. Один из них при этом заразился и через некоторое время умер.

Когда началась франко-прусская война, «Объединение польской эмиграции» решило принять участие в защите Франции. Врублевский был активным участником комиссии, которая от имени «Объединения» вела переговоры с правительством национальной обороны. Боясь демаршей со стороны царской России, не желая собирать воедино известных своей революционностью польских эмигрантов, генерал Трошю не согласился на создание польских военных формирований, а только разрешил желающим вступать в созданные по территориальному признаку батальоны Национальной гвардии Врублевский был в числе первых поляков, вступивших в Национальную гвардию, он добросовестно нес службу на протяжении четырехмесячной осады Парижа. Не будучи даже французскими подданными, он и его товарищи делали для обороны республики гораздо больше, чем многие французские буржуа, громко кричавшие о своем патриотизме.

Постоянно нараставшая борьба трудящихся Франции против своекорыстной, изменнической политики правительства Тьера к весне 1871 года достигла огромного напряжения. 18 марта пролетариат Парижа восстал, сверг власть буржуазии и создал революционное рабочее правительство — Парижскую коммуну. Она явилась хотя и неполным, непрочным, но первым в истории человечества реальным воплощением в жизнь диктатуры пролетариата, неизбежность которой была теоретически обоснована в гениальных трудах Маркса и Энгельса. Руководство Парижской коммуной, торжественно провозглашенной 28 марта и просуществовавшей до 28 мая 1871 года, делилось на состоявшее главным образом из бланкистов «большинство» и «меньшинство», состоявшее преимущественно из последователей Прудона. Отсюда те крупные политические ошибки в действиях Коммуны, которые в значительной мере обусловили ее поражение, те внутренние противоречия, которые были характерны как для административных, так и для военных

органов парижского пролетариата. Среди руководящих деятелей Коммуны и среди рядовых коммунаров было немало участников Международного товарищества рабочих — I Интернационала. Это оказало определенное положительное влияние на ход событий.

Врублевский, Домбровский и многие из их соотечественников горячо сочувствовали освободительным стремлениям французских трудящихся, имели друзей и политических единомышленников среди активных революционных деятелей Парижа. Кроме этого, они отлично понимали, что победа демократической и социальной революции во Франции улучшит условия для освобождения Польши, тогда как поражение восставших парижан непременно их ухудшит. Поэтому не приходится удивляться тому, что многие из них без колебаний оказались в рядах коммунаров. Кроме Врублевского и Домбровского, на стороне Коммуны сражалось около шестисот бывших участников восстания 1863 года. Среди них были бывший член Литовского провинциального комитета, соратник Калиновского Ахилл Бонольди, виленский подпольщик, сподвижник З Сераковского и брат его жены Константый Далевский, литовский крестьянин Адомас Битис, командовавший когда-то повстанческим отрядом, повстанческие офицеры Ю. Розвадовский, К. Свидинский, В. Рожаловский и многие, многие другие.

Деятели правого крыла польской эмиграции, делавшие ставку на союз с Версальским правительством, всячески старались оклеветать тех поляков, которые поддержали Коммуну. Князь Чарторыский направил в Версаль специальное письмо, в котором вопреки истине заявлял, что «за исключением, может быть, одного Домбровского, который был более русским, чем поляком, и с давних пор связан с русскими социалистами, прочие поляки, служившие Коммуне, были чужды идеям Коммуны [...], это были просто кондотьеры — военные наемники, продавшие свои услуги Коммуне за титулы и плату». В действительности число поляков, сражавшихся на стороне Коммуны из идейных соображений, достигало нескольких сот человек. От их имени несколько позже Теофиль Домбровский писал: «Нашей целью было не только утверждение управления Коммуны для Парижа, но и победа социальной революции, что, как я полагаю, для нас небезразлично». «Первой нашей мыслью и вопросом, — заявлял он в то же время, — всегда было, какую пользу это может принести Польше? И вот, присоединяясь к парижской революции, мы видели в ней социальную революцию, которая в случае успеха может перевернуть порядок вещей, существующий в Европе. Могла ли при этом Польша что-либо потерять? Нет! А выиграть? Все! Эта мысль была стимулом для всех поляков, боровшихся под революционным знаменем».

Начало деятельности Врублевского в вооруженных силах Коммуны связано с любопытным курьезом, о котором рассказывается в воспоминаниях участника событий Э. Лиссагарэ. Один из членов Коммуны, знакомый с ним до этого, разыскал Врублевского, привел в военную комиссию и представил как человека преданного и обладающего большими стратегическими способностями. Когда в ходе разговора Врублевский изложил свой план действий, слушатели с удивлением обнаружили, что он слово в слово совпадает с тем, что недавно предложил в комиссии Ф. Пиа. В ответ на просьбу объяснить, в чем дело, Врублевский сказал: «Я несколько дней тому назад послал Феликсу Пиа свой доклад». Сначала Врублевскому не поверили. Но после того как в кабинете Пиа было действительно обнаружено письмо Врублевского, его авторитет среди тех, кто не знал его ранее, поднялся очень высоко.

Еще в ходе восстания 1863 года Врублевский проявил себя незаурядным военачальником. Но лишь во время Парижской коммуны во всю ширь развернулись его военные дарования. Врублевский действовал все время в южном секторе обороны Парижа, левее Домбровского, сражавшегося в западном секторе (с севера и востока находились прусские войска, которые заявили о своем нейтралитете, но фактически помогали версальцам). В конце апреля, когда вооруженные силы Коммуны были разделены на две армии, коман-

дующим первой из них, занимающей западный фронт обороны, оказался Домбровский, а командующим второй, действующей на юге, — Врублевский. Один из активных деятелей радикальной польской эмиграции Ю. Токажевич писал в это время из Парижа своему знакомому: «Врублевский очень энергичный. Домбровский — главнокомандующий. Руководство в руках поляков. Домбровский очень популярен у коммунаров: где бы он ни показался, раздаются крики: «Да здравствует Польша!»

Первое время наиболее тяжелые бои происходили на участке Домбровского. В мае версальцы перенесли направление основных ударов на южный фас обороны Парижа, в район форта Исси. Положение в этом районе с каждым днем ухудшалось, Врублевский действовал умело и хладнокровно. Активный участник событий и историк Коммуны Л. Дюбрейль оставил очень высокий отзыв о Врублевском. Он писал: «Врублевский получил командование южными фортами... Врублевский, принадлежавший к той же национальности, как и Домбровские [братья Ярослав и Теофиль], так же как и они, принимал участие в польском восстании и был знающим и храбрым офицером [...]. С этими новыми офицерами Национальная гвардия не подвергалась по крайней мере различным неожиданностям и авантюрам [...]. Эти начальники умели предвидеть опасности, комбинировать силы, маневрировать». Очень разные внешне, действовавшие на разных боевых участках, Я. Домбровский и В. Врублевский сохранились в памяти коммунаров рядом, так как были одинаково преданными делу революции талантливыми военачальниками, командирами нового типа, возможного только в народных армиях.

4 мая обеспокоенный сильными атаками на Исси член Комитета общественного спасения Ф. Пиа распорядился, чтобы туда немедленно отправились Домбровский и Врублевский. Пиа видел в этом единственную спасительную меру и не ошибся: положение в Исси было восстановлено. Однако во время отсутствия Врублевского в штабе армии версальцы, воспользовавшись предательством одного из командиров батальонов Коммуны, заняли редут Мулэн-Сакэ и вырезали весь его гарнизон. Вина за это в первый момент пала на Врублевского, так как Ф. Пиа пытался отрицать, что тот отправился в Исси по его приказу. В конце концов невиновность Врублевского полностью подтвердилась, а Ф. Пиа, лишившись доверия коммунаров, вынужден был подать в отставку.

10 мая версальцы атаковали и заняли форт Ванв, расположенный рядом с фортом Исси. Врублевский поднял два батальона и повел их в штыковую атаку; противник был опрокинут и отброшен на исходные позиции. К 15 мая, однако, положение в целом стало столь критическим, что новый военный делегат Коммуны Делеклюз (Россель, испугавшись трудностей, подал в отставку) собрал военный совет, на котором присутствовали Домбровский и Врублевский. Было решено сделать некоторую перегруппировку сил, пополнить части, назначить к командующим участкам обороны специальных комиссаров Коммуны: к Домбровскому был назначен Дерер, к Врублевскому — Лео Мелье. Но положение было уже безнадежным. Прекрасно понимая это, Домбровский и Врублевский тем не менее оставались на своих постах.

Южная часть Парижа, обороной которой руководил Врублевский, была одним из последних оплотов Коммуны. Когда версальцы заняли Монмартр, он организовал борьбу в районе Итальянского бульвара, площади Жанны д'Арк и на Бютт-о-Кейль. Здесь действовал 101-й батальон, воевавший раньше под командованием Домбровского в районе Аньера и Нейи; с 3 апреля этот батальон не выходил из боя и не отдыхал. 24 мая коммунары на Бютт-о-Кейль под командованием Врублевского отбили четыре яростные атаки версальцев, причем сами неоднократно наносили контрудары. 25 мая, вынужденные отойти, коммунары организовали сопротивление у Аустерлицкого моста и площади Жанны д'Арк. Несколько сот коммунаров во главе с Врублевским отбивали здесь в течение 36 часов атаки целого армейского корпуса. Лишь под угрозой окружения Врублевский согласился

на отступление и в полном порядке вывел свои части на северный берег Сены. Делеклюз предложил Врублевскому принять командование оставшимися вооруженными силами коммунаров. Но Врублевский, зная их малочисленность, не мог взять на себя ответственность за продолжение столь неравной борьбы. Отказавшись от командования, он до последней минуты оставался в строю в качестве простого солдата.

Чудом избежав плена при разгроме версальцами одной из последних баррикад, Врублевский не хотел покидать Парижа. Озверевшие каратели знали прославленного генерала Коммуны и повсюду его искали. А он в костюме парижского пролетария спокойно расхаживал по городу и появлялся в кафе «Режанс», где можно было встретиться с друзьями и знакомыми. Сын Адама Мицкевича Владислав, по его словам, встретив однажды Врублевского, стал уговаривать его немедленно уехать в Лондон. «Кажется, там скверный климат, — отшучивался Врублевский. — А здесь, в Париже, мне очень хорошо. Меня окружают честные рабочие, оберегают меня, приглашают меня на обеды, где так сердечно пьют за мое здоровье».

Однако кровавый террор версальцев все усиливался. После долгих уговоров Врублевский согласился покинуть Францию, воспользовавшись паспортом какого-то пруссака. Только счастливое стечение обстоятельств и замечательное хладнокровие Врублевского предотвратили смертельную опасность. Впоследствии, когда его спрашивали об этом, он в своей обычной полушутливой манере отвечал: «Спросите у тех дураков, которые наводнили Париж. Я там совершенно не прятался, даже не менял одежды, разгуливал по улице, и все. Однако, когда я получил от своих прусский паспорт, то пошел на вокзал, чтобы уехать из Парижа. На вокзале, смотрю, всех пассажиров сгоняют в один зал, где полицейский комиссар проверяет каждого из них, сравнивая с альбомом коммунаров, где мой снимок на первом месте. Показываю жандарму свой паспорт и сержусь, что раздражает меня пустыми формальностями. Тот отдал честь и доложил комиссару: дескать, немец. Отвели меня прямо в вагон переждать, пока закончится проверка пассажиров. Большое уважение тогда оказывали пруссакам!»

История прусского паспорта на имя В. Вальдемара, о котором упомянул Врублевский, заслуживает того, чтобы сказать о нем несколько слов. Дело в том, что паспорт был послан из Лондона по поручению Карла Маркса. Вручил же его Врублевскому русский революционер П. Л. Лавров, связанный с деятелями Интернационала и имевший друзей среди поляков. Эти обстоятельсва как нельзя лучше говорят о том, что подразумевал Врублевский под словом «свои», когда рассказывал о прусском паспорте.

Маркс и Энгельс внимательно следили за героической борьбой французских трудящихся и хорошо знали всех видных деятелей Парижской коммуны. После ее разгрома они делали все возможное для оказания помощи коммунарам, оказавшимся в эмиграции. Это были закаленные борцы, военный и политический опыт которых являлся ценнейшим приобретением мирового революционного движения. Занимаясь изучением и теоретическим осмыслением этого опыта, Маркс и Энгельс живо интересовались каждым участником событий. Вполне естественно, что генерал Коммуны Врублевский очень скоро стал у них постоянным гостем; с лета 1871 года он активно включился в работу Генерального совета I Интернационала как его секретарь по польским делам.

Между вождями I Интернационала и Врублевским установились отношения полного понимания и доверия Сохранилось немало трогательных свидетельств их дружбы. С того момента, как Врублевский принял дела польской секции Интернационала, Маркс установил правило не рассматривать помимо него ни одного вопроса, связанного с Польшей. Это сразу же принесло пользу. Еще с начала 60-х годов в эмигрантской среде подвизался хорошо замаскировавшийся агент царской политической полиции А. Балашевич-Потоцкий. Не довольствуясь доносами и провокациями против польских и русских революционеров, он решил проникнуть в I Интернационал и заранее гаран-

тировал успех своему начальству. В ответ на свое письмо к Марксу провокатор получил предложение обратиться к Врублевскому. Это парализовало тщательно обдуманный замысел, так как Балашевич-Потоцкий знал, что Врублевского ему обмануть не удастся, и не стал к нему обращаться.

Вполне доверяя Врублевскому и учитывая, что польское революционное движение развивается в глубоком подполье, Маркс и впоследствии неуклонно требовал, чтобы все связи с Польшей осуществлялись только через секретаря польской секции.

Старые раны, нервное напряжение и тяжелые условия жизни привели здоровье Врублевского к концу 1871 года в полное расстройство. Нужно было лечение, обеспечить которое для неимущего чужестранца было очень нелегко. Маркс всячески старался помочь генералу Коммуны, ходатайствовал о помещении его в больницу Лондонского университета. Горячо поблагодарив за хлопоты, Врублевский в одном из своих писем Марксу писал: «После нашего прибытия в Лондон мы, поляки, испытали с Вашей стороны столько внимания и всяческой доброты, что это вызвало у меня глубокую дружбу к Вам...». «Я полон надежды,— заявлял Врублевский в том же письме, — со временем расплатиться со всеми долгами Интернационала [...], общественной и политической деятельности которого [...] я так горячо предан». Болезнь неоднократно приковывала к постели генерала Коммуны; Маркс и Энгельс каждый раз заботились о нем и помогали всем, чем могли

31 декабря 1871 года Врублевский получил приглашение встретить наступающий Новый год в семье Маркса. Болезнь помешала ему воспользоваться приглашением, и он ответил на него следующей запиской: «Постоянные недуги не позволили мне провести последние часы этого страшного года в Вашей уважаемой семье, которая мне дает столько воспоминаний о лучших днях моей жизни и своим обаянием напоминает мне родной дом. Один в своей комнате, я сердито пью микстуру, провозглашая тост за гибель старого мира и за то, чтобы мы, полные надежд на будущее, вступили в новый. Посылаю Вам братский привет».

Ведая польскими делами в Генеральном совете, Врублевский одновременно являлся председателем судебной комиссии, существовавшей для того, чтобы разрешать конфликты между членами Интернационала. Это говорит о том, что политический авторитет его в международном рабочем движении был очень велик. Высоко ценились и его познания в военном деле. Даже Энгельс — крупный специалист в этой области — внимательно прислушивался к советам генерала Коммуны. В своей практической деятельности Врублевский активно поддерживал Маркса и Энгельса. Так было, например, на Гаагском конгрессе, исключившем из рядов I Интернационала основателя анархистского Альянса М. А. Бакунина и его ближайших приспешников.

После разгрома Коммуны Францию захлестнула волна реакции. Не только участники Коммуны, но и многие другие польские эмигранты вынуждены были выехать в другие страны, в том числе в Англию. По инициативе Врублевского польские эмигранты, оказавшиеся на английской территории, воссоздали существовавшую когда-то демократическую организацию «Люд польский». Своей главной целью организация провозгласила возрождение родины путем совместной борьбы польского народа, славянской политической федерации и рабочего класса, стремящегося свергнуть гнет капитала во всем мире. Членами «Люда польского» были, кроме поляков, чехи, сербы, русские, украинцы, белорусы, он имел собственный периодический орган и поддерживал тесную связь с I Интернационалом

Все сношения с находившимися в подполье революционерами в России и других странах были тщательно законспирированы, поэтому о них сохранилось очень мало сведений. То немногое, что сохранилось, достаточно свидетельствует о наличии у Врублевского широких связей с подпольщиками у себя на родине и в славянских землях. В марте 1874 года Врублевский просил Энгельса прислать ему несколько экземпляров

«Коммунистического манифеста» и резолюции конгрессов Интернационала для пересылки в «некоторые славянские кружки». Не один раз соратники Врублевского предпринимали рискованные путешествия к границам царской России и даже пересекали ее, чтобы установить контакты с подпольщиками, чтобы на месте познакомиться с обстановкой.

«Люд польский» и Врублевский, как один из его руководителей, многое делали для того, чтобы привлечь к польскому вопросу внимание международной общественности и участников рабочего движения. При этом они, как правило, не проявляли национальной ограниченности, оставались в подавляющем большинстве случаев на почве интернационализма. Пропаганда велась на страницах периодических изданий, в специально выпускавшихся листовках и прокламациях. Наиболее действенным пропагандистским средством являлись, однако, митинги и собрания, созывавшиеся обычно в связи с юбилейными датами, в частности годовщинами ноябрьского и январского восстаний в Польше. Их посещали не только политические эмигранты из разных стран, но и английские пролетарии: на них бывали всегда руководящие деятели I Интернационала.

Врублевский был организатором и активным участником такого рода собраний и митингов. В феврале 1873 года он выступал с докладом на вечере в честь четырехсотлетия со дня рождения Николая Коперника. На вечере присутствовал Энгельс. Летом 1874 года Врублевский участвовал в направленной против царизма агитационно-пропагандистской кампании, приуроченной к приезду в Лондон Александра II. В ноябре того же года он сделал доклад на юбилейном заседании в годовщину восстания 1830—1831 годов. На состоявшемся вскоре общем собрании «Люда польского» по случаю двенадцатой годовщины январского восстания Врублевский председательствовал и произнес яркое вступительное слово.

Судя по сохранившемуся газетному отчету, основная мысль Врублевского была связана с ролью сословий и классов в истории Польши и в польском ос-

вободительном движении. Когда-то, говорил Врублевский, шляхта проявляла самопожертвование и гражданские добродетели; однако, поставив свой собственный интерес выше общественного блага, она бросила нацию под пяту захватчиков. В последнее время во главе движения могут стоять только те выходцы из шляхты, которые очистились от вековой плесени и являются гражданами всей нации, а не орудием касты, вырывшей пропасть для будущих поколений. Польская революция, заявил Врублевский, будет совершена для народа и силами народа.

Русский революционный эмигрант В. Н. Смирнов — член редколлегии эмигрантской газеты «Вперед» — в своем выступлении сказал: «Каждый из нас, когда пробьет час польской национальной революции, пойдет в рядах поляков добывать социальную свободу для польской нации».

Выступившего после этого Судзиловского газетный отчет называет русским, хотя из текста явствует, что он уроженец Могилевской губернии, в которой преобладало белорусское население. Судзиловский выразил сожаление, что, будучи слишком юным, не смог принять участие в восстании 1863 года. По его словам, борьба повстанцев 1863 года возбудила в нем горячее сочувствие. Однако он считает ошибкой то, что они повсюду выдвигали на первый план требование независимости Польши и недооценивали социальные факторы. Если для польской шляхты и мещанства был нетерпим гнет России, говорил он, то еще более нетерпимым для польского народа был гнет шляхты. Ошибкой повстанцев воспользовался царизм, изображавший восстание как бунт панов против раскрепощения крестьян; это, заявил Судзиловский, должно послужить уроком на будущее.

Из поляков, кроме Врублевского, на собрании выступили Я. Крынский, Якубовский, Краевский, Витковский, Свенцицкий. Брат генерала Коммуны Я. Домбровского — Теофиль Домбровский прочел свое стихотворение «К погибшим товарищам по оружию». В нем говорилось, что жертвы польского народа в его освободительной борьбе не напрасны, что силы наро-

да растут и победа дела свободы Польши и всех славян неминуема.

Карл Маркс начал свою речь с заявления о том, что рабочая партия Европы решительнейшим образом заинтересована в освобождении Польши, что о восстановлении Польши говорится в первой программе Международного товарищества рабочих. Это вызвано сочувствием к многолетней героической борьбе польского народа против своих поработителей, особенностями географического, военно-стратегического и исторического положения Польши, раздел которой является величайшим препятствием на пути к социальному освобождению европейских народов, но прежде всего тем, что поляки не только единственный славянский, но и единственный европейский народ, который сражался и сражается как всемирный солдат революции. Говоря подробнее о последней и главной из названных им причин симпатии рабочей партии к Польше, Маркс перечислил все революционные битвы, в которых сражались ее сыны, и особо подчеркнул, что Польша дала Парижской коммуне лучших генералов и самых героических солдат.

Выступление Энгельса касалось, во-первых, причин и характера многочисленных революционных выступлений польского народа. Он говорил: «Страна, которую искромсали на куски и вычеркнули из списка народов за то, что она была революционной, не может уже нигде искать спасения, кроме как в революции. И поэтому во всех революционных боях мы встречаем поляков. Польша поняла это в 1863 году и провозгласила во время того восстания, годовщину которого мы сегодня чествуем, самую радикальную из всех революционных программ, когда-либо выдвигавшихся на востоке Европы». Развивая и уточняя мысли Врублевского в его вступительном слове, Энгельс заявил, что смешно считать польских революционеров аристократами, ратующими за аристократическую Польшу в границах 1772 года. «Польша 1772 года, — сказал он, — погибла навеки [...]. Новая Польша, которую поставит на ноги революция, в общественном и политическом отношении будет столь же коренным

образом отличаться от Польши 1772 г., как новое общество, навстречу которому мы стремимся, от современного общества».

Другая тема в выступлении Энгельса связана с отрицательным влиянием порабощения Польши на революционное движение в трех странах — участницах раздела. И в Австрии, и в Пруссии, и в России владычество над польскими землями не раз позволяло реакционным правительствам одерживать победу над оппозиционными силами. Так, в начале 60-х годов вследствие пагубной борьбы с Польшей в России погибло первое значительное движение. «Восстановление Польши, — закончил свою речь Энгельс, — поистине в интересах революционной России, и я с радостью услышал сегодня вечером, что это мнение совпадает с убеждениями русских революционеров».

Как бы продолжением описанного собрания было юбилейное заседание в честь сорокапятилетия ноябрьского восстания в конце 1875 года. В нем также приняли участие наряду с поляками представители русского, французского, немецкого, чешского, сербского и других народов. Маркс и Энгельс из-за болезни присутствовать не могли. Сообщая об этом П. Л. Лаврову, Маркс писал: «Я мог бы там только повторить то мнение, которое я защищаю уже в течение тридцати лет, а именно, что освобождение Польши есть одно из условий освобождения рабочего класса в Европе». Энгельс прислал к началу заседания письмо, адресованное Врублевскому, с выражением самых теплых чувств к польскому народу и к его революционным силам. Врублевский зачитал письмо Энгельса собравшимся и, возвращая его автору, сделал коротенькую приписку по-русски. Эта деталь, во-первых, лишний раз подтверждает то, что Энгельс владел русским языком, а во-вторых, указывает на одного из его знакомых, в беседах с которыми могла звучать русская речь.

Но самым замечательным на сорокапятилетнем юбилее ноябрьского восстания была речь самого Врублевского, воочию показавшего итоги идейного роста польской революционной эмиграции. «Приветствую

вас, — говорил Врублевский, — не только как друзей Польши, но и как представителей рабочего класса. В настоящее время всякий польский эмигрант, который не проникся сочувствием к рабочему классу и не осознал, что дело этого класса — его дело, есть или иезуит, или невежда. В обоих случаях он заслуживает презрения, в обоих случаях он преступен перед своим народом». Указывая, что союзниками польского народа являются трудящиеся Германии, Австрии, Франции и других стран, Врублевский подчеркнул необходимость особенно тесного союза между польским и русским освободительным движением. «Мы должны, — заявил он, — готовиться к восстанию вместе с русскими социалистами, для этого поляки должны помогать русским в России, как и русские — полякам в Польше. Польский народ и русский народ должны восстать вместе, как наши отцы говорили: «За нашу и вашу свободу!»

Слова о неразрывной связи между рабочим движением и борьбой за освобождение Польши не были для Врублевского пустой декларацией, а выражали его подлинные убеждения. В деятельности генерала Коммуны можно найти сколько угодно тому подтверждений. Приведем лишь одно из них. В 1877 году, когда началась русско-турецкая война, английская дипломатия, добиваясь ослабления царской России, мечтала о восстании в Польше и Литве. Английский министр иностранных дел лорд Дизраэли предложил Врублевскому огромную сумму денег на организацию восстания. В прежние времена немногие из польских эмигрантов отвергли бы такое предложение. Врублевский, посоветовавшись предварительно с Марксом и Энгельсом, ответил Дизраэли следующим образом: «Я не кондотьер и не собираюсь драться ради денег. Если бы я видел, что наступило время для восстания, то подготовил бы его в своем крае, не ожидая денег английских капиталистов». Показательна не только эта отповедь Врублевского любителю политических провокаций, но и то, что подавляющее большинство польской эмиграции одобрило его позицию.

Надеясь избавиться от материальных затруднений,

которые неотступно сопутствовали ему в Лондоне, Врублевский в 1877 году переехал в Женеву. Там была большая колония польских и русских революционных эмигрантов. В числе тех, с кем особенно сблизился Врублевский, могут быть указаны П. Л. Лавров, П. Н. Ткачев и некоторые другие русские народники, а для более позднего периода — Г. В. Плеханов и его соратники из группы «Освобождение труда». Отъезд из Англии не прервал старых дружеских отношений. Маркс и Энгельс писали Врублевскому, интересовались его деятельностью и состоянием здоровья, оказывали материальную помощь. Последнее сохранившееся письмо Врублевского Марксу датировано декабрем 1881 года — это соболезнование по поводу смерти его жены от имени всех польских социалистов в Женеве. Что касается писем Энгельсу, то среди них наряду с более ранними есть письма, датированные 1890—1894 годами.

Плохое состояние здоровья ограничивало силы Врублевского, но он продолжал политическую деятельность как в эмигрантских кругах, так и в подпольных организациях, существовавших на польских землях и на русской территории. В конце 1877 года он, по его собственным словам, должен был доехать до Галиции, а затем вернуться. Некоторые другие данные позволяют высказать предположение о том, что Врублевский не только доехал до границы, но даже пересек ее, побывал в Петербурге, Одессе и лишь после этого возвратился в Швейцарию. В одном из писем Энгельсу, датированных 1890 годом, Врублевский упоминает о том, что он по меньшей мере три раза под открытым небом ночевал у границы Польши, что собирается приехать в Лондон, чтобы дать подробный отчет о виденном.

В 1885 году французское правительство объявило амнистию участникам Парижской коммуны. Воспользовавшись этим, Врублевский вернулся во Францию и поселился в Ницце. Средства для существования он добывал, работая поденщиком-молотобойцем. Один из его друзей рассказывал: «Врублевский в Ницце, чтобы как-нибудь прожить, работал у кузнеца. Однако пов-

режденная левая рука часто сильно болела, и бывали дни, когда он ничего не зарабатывал, ибо не был в состоянии поднять молот. Сегодня пошел сообщить кузнецу, что не может работать Сильная, должно быть, у него боль, если он расстается с молотом, потому что когда не кует, то и не ест».

Политические противники несколько раз пытались организовать покушение на Врублевского, но безрезультатно. Однажды его все-таки подкараулили ночью на улице и избили так, что он пролежал в бессознательном состоянии до утра. Подобрали его друзья из русских эмигрантов; они собрали нужную сумму денег и положили его в госпиталь В письме от сентября 1894 года Врублевский писал Энгельсу: «..Я пробыл восемь месяцев в ниццской больнице, где мне сделали три тяжелые операции: одна из них продолжалась три часа — надо было разрезать бок и извлечь ребра; наконец я вышел из больницы с настолько поврежденными руками, что немыслимо ни работать, ни писать».

Вскоре Энгельсу и другим его друзьям удалось добиться, чтобы Врублевский переехал в Париж. Один из бывших коммунаров помог ему устроиться на службу в газету «Энтрансижан»: он должен был контролировать розничную продажу в киосках. Жил Врублевский в самой дешевой гостинице, питался плохо, часто болел. Во время болезни друзья из парижских рабочих приходили навестить генерала Коммуны Один из посетителей описал свои впечатления: комнатушка под самой крышей многоэтажного дома такая тесная, что кровать занимает две трети ее площади; с постели из старых газет поднялся навстречу пришедшим седой, всклокоченный, до предела исхудавший старик. «В нас, стоявших в дверях, впились черные угольки горящих глаз. Во взгляде его было нечто похожее на хищную птицу; с рукой, обвисшей от сабельного удара, он выглядел будто орел со сломанным крылом, лишившийся в бурю перьев и сил»

Еще в 1895 году Энгельс пытался через социалистов из французского парламента выхлопотать пенсию Врублевскому — единственному оставшемуся в живых генералу Коммуны. Пенсия была назначена больному в 1901 году, когда Энгельса давно уже не было в живых. Врублевский жил в это время у своего земляка (уроженца Литвы) и бывшего коммунара врача Генриха Гершинского, который имел домик в Урвиле, неподалеку от Парижа. Последние годы жизни он был очень слаб, редко выходил из своей комнаты, но никогда не переставал интересоваться революционным движением Молодой сын Гершинского — Станислав, наблюдавший в эти дни за Врублевским, писал: «Самые суровые бури не смогли склонить его гордого лба, разочарование никогда не вторгалось в его героическую грудь. Весь в ранах, которые вынес из сражений, он и теперь всегда готов — ожидает новой борьбы, новых подвигов во имя будущего трудящихся»

Смерть настигла Врублевского 5 августа 1908 года. Останки его из Урвиля были перевезены в Париж и похоронены на кладбище Пер-Лашез рядом с другими коммунарами. В похоронах участвовали тысячи парижан, а также друзья покойного — поляки, русские, литовцы, немцы, сербы, чехи, словаки. Похоронная процессия прошла по тем улицам и площадям, на которых в 1871 году сражался генерал Коммуны. Среди тех, кто произнес речи над могилой Врублевского, были представители пролетарских партий многих стран; от имени Российской социал-демократической рабочей партии выступил М Н. Лядов, от имени социал-демократии Королевства Польского и Литвы — Яницкий. Они явились преемниками тех лучших традиций польского освободительного движения, которые Врублевский с честью пронес через долгие десятилетия. Эстафета повстанцев 1863 года была передана им в надежные руки.

БИОГРАФИЧЕСКИЙ СЛОВАРИК *

АВЕЙДЕ, Оскар (1837—1897) — происходил из полонизированной немецкой семьи Августовской губернии; отец его был адвокатом, сам он окончил юридический факультет Петербургского университета (1859) и после двухлетнего пребывания за границей с октября 1861 года начал работать в качестве практиканта в варшавских судах; участник польских конспиративных организаций, с октября 1862 года входил в состав Центрального национального комитета (ЦНК) партии красных; арестован в августе 1863 года в Вильно, через год дал откровенные показания, за что вместо смертной казни был приговорен лишь к ссылке в Вятскую губернию.

АРНГОЛЬДТ, Иван Николаевич (1841—1862) — уроженец Петербурга православный; отец — жандармский офицер из беспоместных дворян Курляндской губернии, латыш по национальности, мать — русская; воспитывался в Павловском кадетском корпусе, откуда выпущен в 4-й стрелковый батальон (1859); активный участник революционной организации русских офицеров в Польше; 16 июня 1862 года расстрелян по приговору военного суда за «распространение между нижними чинами крайне зловредных идей, имевших целью поколебать в них дух верности и повиновения законным властям» и другие «преступления».

БЕНЗЕНГЕР, Юлий Васильевич—родился в 1842 году; в конце 50-х — начале 60-х годов, будучи студентом Московского университета, активно участвовал в революционных кружках, был близок к К. Калиновскому и другим деятелям подполья; в 1862 году в качестве рекрута по найму вступил в Нижегородский батальон внутренней стражи, где вел революционную агитацию, а также подготовил статью «Голос из народа», оставшуюся неопубликованной; в конце 1862 году по поручению Московского отделения «Земли и Воли» подготовил текст подложного царского манифеста, который впоследствии распространялся некоторыми участниками «казанского заговора»; осужден на каторжные работы.

ВАРАВСКИЙ, Фердинанд — родился в 1835 году в польской семье на Волыни; отец его был дворянином, но имением не владел; находясь на военной службе с 1852 года, участвовал в Крымской войне; в 1856—1858 годах, выйдя в отставку, был вольнослушателем Киевского университета, участвовал в студенческих кружках; вернувшись на военную службу, в 1860—1861 годах учился в Академии генерального штаба, а в 1862 году получил назначение в Царство Польское; активный деятель петербургских офицерских кружков и революционной организации русских офицеров в Польше; в августе 1862 года привлекался к следствию по делу Я. Домбровского, в марте 1863 года арестован, в 1866 году приговорен к пятнадцати годам каторжных работ.

ГАУКЕ, Юзеф (1834—1871) — происходил из богатой дворянской семьи, родился в Петербурге, воспитывался в Пажеском корпусе; став офицером, служил на Кавказе; в 1862 году подал в отставку и возвратился в Петербург; был связан со столичными офицерскими кружками; в 1863 году встал на сторону повстанцев, приняв псевдоним «Босак»; повстанческий генерал, был начальником повстанческих сил в Сандомирском, Краковском и Калишском воеводствах; после поражения восстания уехал за границу, активно участвовал в деятельности польской демократической эмиграции вместе с Я. Домбровским и В. Врублевским; погиб во время франко-прусской войны, командуя бригадой волонтеров в составе французской армии.

ГЕЙДЕНРЕЙХ, Михал (1831—1886) — уроженец Киевской губернии, выходец из семьи беспоместного польского дворянина; будучи слушателем Академии генерального штаба (1859—1861), активно участвовал в офицерском революционном кружке; в связи с этим с ноября 1862 года по февраль 1863 года привлекался к следствию, но был освобожден за недостаточностью улик; выйдя в отставку в чине штабс-капитана, стал крупным повстанческим командиром (полковник, затем генерал) под псевдонимом «Крук»; впоследствии эмигрировал, жил во Франции.

ГЕЙШТОР, Якуб (1827—1897) — происходил из польской помещичьей семьи, жившей на Ковенщине; в 40-х годах, будучи студентом Петербургского университета, возглавлял наиболее умеренных участников тех студенческих кружков, в которых вокруг З. Сераковского группировались левые элементы; накануне и в период восстания 1863 года являлся одним из крупнейших повстанческих деятелей умеренного, пропомещичьего направления, противостоящего З. Сераковскому, К. Калиновскому, В. Врублевскому и их единомышленникам; арестован в июле 1863 года, приговорен к каторжным работам.

---

* Словарик включает краткие биографические справки о некоторых видных повстанческих руководителях и активных участниках революционного движения конца 50-х — начала 60-х годов прошлого века, упомянутых в книге.

В словарик не вошли, естественно, те исторические деятели, о которых легко можно справиться в общедоступных энциклопедиях и справочниках.

Составлен словарик В. А. Дьяковым.

ГИЛЛЕР, Агатон (1831—1887) — был уроженцем Калишского уезда и происходил из сословия мещан; в 1849 году бежал за границу с намерением присоединиться к повстанцам, затем скрывался под чужим именем; в 1853 году был арестован, передан царским властям и отдан на военную службу «в дальние гарнизоны»; в 1860 году после амнистии возвратился в Варшаву, участвовал в конспиративных организациях. Будучи членом ЦНК во второй половине 1862 года и повстанческого правительства в марте — мае 1863 года, проводил политику соглашения с белыми, вызвавшую недовольство им со стороны радикальных кругов и устранение его из правительства; с 1863 года в эмиграции продолжал политическую и публицистическую деятельность, занимался историей восстания.

ДАЛЕВСКИЕ — беспоместная дворянская семья из Вильно, давшая ряд активных деятелей польского освободительного движения в 40—60-х годах прошлого века: старший брат Францишек (1825—1904) и Александр (1827—1862) были организаторами и руководителями Союза литовской молодежи в 40-х годах, а вернувшись из ссылки, участниками конспирации начала 60-х годов; в 1863 году Францишек — член повстанческого руководства в Литве; после ареста вновь сослан на каторгу; третий брат — Константый (1837—1871) возглавил в 1863 году повстанческий отряд в Ковенской губернии; был в эмиграции, участник Парижской коммуны, расстрелян версальцами; Титус (1841—1863) участвовал в студенческом движении 1861—1862 годов и был одним из ближайших соратников К. Калиновского в 1863 году, казнен в Вильно; Аполлония Далевская стала женой и ближайшей помощницей З. Сераковского.

ДАНИЛОВСКИЙ, Владислав (1841—1878) — происходил из беспоместной дворянской семьи (его отец был судебным чиновником в Люблине); будучи студентом Медико-хирургической академии в Варшаве, с 1861 года активно участвовал в конспиративной деятельности; в 1862 году являлся членом ЦНК, в 1863 году бежал за границу; арестованный в 1865 году, откровенными показаниями заслужил снижение меры наказания и отделался ссылкой.

ДОБРОГОВСКИЙ (Доброгойский), Станислав — уроженец города Кельце; будучи капитаном Галицкого пехотного полка, возглавлял в нем революционный кружок; в первые дни восстания пытался присоединиться вместе со своими подчиненными к повстанцам, которых не оказалось в условленном месте; был арестован, но бежал в повстанческий отряд Д. Чаховского; погиб в бою в апреле 1863 года.

ЗВЕЖДОВСКИЙ, Людвик (1829—1864) — происходил из дворянской беспоместной семьи, проживавшей в Вильно; учился в Инженерном училище (1845—1850), Инженерной академии (1851—1852) и Академии генерального штаба (1856—1858); в 1859—1862 годах, имея чин капитана, служил в штабе 1-го армейского корпуса в Вильно; во время пребывания в Петербурге участвовал в революционных кружках, являясь одним из ближайших друзей и соратников З. Сераковского и Я. Домбровского; заподозренный в «неблагонадежности» и переведенный в 1862 году в Москву, активно участвовал в местных подпольных организациях; в апреле 1863 года перешел на сторону восстания и под псевдонимом «Топор» командовал повстанцами в Могилевской губернии и на территории Царства Польского; казнен в Опатове в феврале 1864 года.

ЗЕЙН, Евгений Иванович — родился в семье беспоместного дворянина Волынской губернии; воспитывался в 1-м Московском кадетском корпусе, который окончил в 1856 году; в 1858 году выдержал вступительные экзамены в Академию генерального штаба, но не оказался в числе слушателей в связи с изменившимися семейными обстоятельствами; в 1861 году вторично сдал экзамены и снова не был зачислен; причина этого ясна из характеристики, данной ему академическим начальством, которое заявляло, что «либерализм его, пропитанный духом «Военного сборника» 1858 года, обнаруживался весьма резко»; в 1861—1862 годах, будучи поручиком Олонецкого пехотного полка, входил в революционную организацию русских офицеров в Польше и являлся вместе с П. И. Огородниковым одним из организаторов панихиды по И. Н. Арнгольдту и его товарищам.

ИВАНИЦКИЙ, Наполеон (1835—1864) — происходил из польской дворянской семьи, жившей на Волыни; на военной службе с 1852 года, участник Крымской войны; в 1859—1860 годах, проходя переподготовку в Царскосельской офицерской стрелковой школе, был связан с петербургскими революционными кружками; впоследствии служил в Казанской губернии в чине штабс-капитана Охотского пехотного полка; член Казанской землевольческой организации и один из руководителей готовившегося в Поволжье восстания; расстрелян в июне 1864 года.

КАПЛИНСКИЙ, Василий Телесфорович — родился в 1841 году в семье мелкого чиновника из беспоместных дворян Минской губернии; в 1860 году, будучи слушателем Артиллерийской академии, являлся активным участником офицерского революционного кружка; оставив учение в связи с болезнью и возвратившись в 4-й стрелковый батальон, создал там революционный кружок, стал одним из инициаторов создания единой революционной организации русских офицеров в Польше; арестован в феврале 1862 года в связи с обнаружением у него тетради с выписками из нелегальных изданий и другими «возмутительными» текстами; не выдав никого из своих товарищей, был приговорен к каторжным работам.

КОЛЫШКО, Болеслав (1832—1863) — в начале 60-х годов учился в Московском университете, являясь одним из наиболее радикально настроенных членов польского «Огула» (так назывались постепенно превращавшиеся в политические организации студенческие землячества в Московском и Петербургском университетах); в 1861 году бежал за границу и поступил в польскую военную школу в Генуе (затем Кунео); с началом восстания возглавил повстанческий отряд в Литве, был одним из ближайших сподвижников З. Сераковского; взят в плен вместе с ним и казнен в Вильно 28 мая 1863 года.

КОССОВСКИЙ, Владислав — родился в 1836 году, происходил из польской дворянской семьи (отец его управлял имением графа В. Браницкого в Киевской губернии); учился в Винницкой и Белоцерковской гимназиях, а затем в Артиллерийском училище; в 1856—1858 годах был слушателем, а затем преподавателем химии в Артиллерийской академии, активно участвовал в кружке Сераковского — Домбровского, в 1861—1862 годах, взяв длительный отпуск, выехал за границу, где был преподавателем в польской военной школе; по возвращении в Петербург вошел в комитет, возглавлявший офицерские кружки военных академий, в апреле 1863 года переведен по службе в Киев, в августе 1864 года арестован; во время следствия дал подробные показания, приговорен к ссылке в Восточную Сибирь.

КРАСНОПЕВЦЕВ, Петр Иванович (1836—1865) — сын военного врача, происходившего из беспоместных дворян Киевской губернии, воспитывался в Дворянском полку, переименованном позже в Константиновское военное училище, участник Крымской войны и обороны Севастополя; имея чин поручика, в 1861—1863 годах был одним из руководителей революционного кружка в 5-й артиллерийской бригаде, в 1862 году за участие в панихиде по И Н Аргнгольдту и его товарищам переведен в пехоту, но до отправки к новому месту службы в Тульскую губернию арестован за «несоблюдение правил воинского чинопочитания»; бежал из-под ареста, перешел на сторону повстанцев, а после разгрома восстания эмигрировал; не выдержав тягот эмигрантской жизни, в феврале 1865 года покончил с собой в Тульче

КРУПСКИЙ, Константин Игнатьевич (1838—1883) — отец Н. К Крупской, происходил из беспоместных дворян Волынской губернии, воспитывался в Новгородском кадетском корпусе и Константиновском военном училище; с 1857 года служил в Смоленском пехотном полку, находившемся в Царстве Польском; в 1861—1862 годах являлся одним из руководителей полкового революционного кружка; в конце 1862 года просил о переводе в Казанскую губернию; в 1863 году, оставаясь командиром роты в том же полку, помогал повстанцам, насколько это возможно было в его положении («Отец [..] помогал побегам поляков, отводил свою роту в сторону, за что его чуть не пристрелил унтер», — слова Н К Крупской); в 1867—1869 годах учился в Военно-юридической академии, в 1870 году назначен частным военным начальником Плоцкого уезда, но вскоре уволен со службы за сочувствие местному населению.

ЛЯНГЕВИЧ, Мариан (1827—1887) — был уроженцем Познани, служил в прусской армии в офицерских чинах, затем эмигрировал и участвовал в освободительной борьбе итальянского народа, находясь в отрядах Джузеппе Гарибальди; в 1861—1862 годах преподавал в польской военной школе в Генуе и Кунео, с началом восстания назначен повстанческим командиром вооруженных сил Сандомирского воеводства; в марте 1863 года объявил себя диктатором, но через неделю был разбит, сидел в австрийской тюрьме, впоследствии жил в эмиграции.

МАЕВСКИЙ, Кароль (1833—1897) — сын не сумевшего подтвердить свое происхождение шляхтича из окрестностей города Опатова; учился в Медико-хирургической академии в Варшаве, с конца 50-х годов активно участвовал в подпольных студенческих кружках; накануне восстания один из руководителей умеренного Студенческого комитета и член Дирекции белых; в июне 1862 года организовал антидемократический переворот в ЦНК партии красных и ненадолго вошел в его состав; в июне — сентябре 1863 года — член и фактический руководитель подпольного Национального правительства; арестован в марте 1864 года; ценой подробных показаний избежал смертной казни, отделавшись ссылкой в Вятскую губернию; в 1871 году возвратился на родину.

МЕРОСЛАВСКИЙ, Людвик (1814—1878) — родился во Франции в семье польского офицера, служившего в наполеоновской армии, воспитывался в кадетском корпусе в Калише, юношей участвовал в восстании 1830—1831 годов, затем оказался в эмиграции; в 1846 году намечался на пост главнокомандующего вооруженных сил повстанцев, был арестован и осужден прусским судом, в 1848 году возглавлял повстанцев в Познанском княжестве, участвовал в революционных боях в Германии и Италии; накануне восстания 1863 года один из наиболее авторитетных деятелей польской эмиграции; типичный шляхетский революционер, боровшийся за независимость Польши в границах 1772 года, а не за социальные преобразования; националист и враг идеи межнационального, в частности русско-польского, революционного сотрудничества; в начале восстания 1863 года по предложению ЦНК принял пост диктатора; после неудачных действий во главе повстанческого отряда его диктатура была отменена; в августе — ноябре 1863 года выполнял функции генерального организатора за пределами Королевства Польского.

МИЛАДОВСКИЙ, Витольд — родился в 1834 году, происходил из беспоместных дворян Минской губернии; учился в Киевском университете, но, не окончив его, поступил экстерном в Инженерное училище, откуда выпущен инженер-прапорщиком в 1860 году с зачислением в Инженерную академию; участник протеста против произвола начальства, известного под названием «истории» в Инженерной академии, активный деятель петербургских офицерских кружков; в 1863 году командовал повстанческим отрядом в Минской губернии; арестованный, дал откровенные показания, сильно повредившие Я. Домбровскому и другим; сослан на поселение в Сибирь.

МИЛЕВИЧ, Влодзимеж (1838—1884) — сын польского шляхтича, уроженец Украины; учился в Киевском университете и в 1861—1862 годах активно участвовал в подпольных студенческих организациях, был связным между киевским подпольем, конспиративными кругами Варшавы и революционной эмиграцией, в 1862 году, спасаясь от ареста, бежал за границу, был активным деятелем Общества польской молодежи, участвовал в лондонских переговорах между русскими и польскими ре-

волюционерами, в 1863 году выполнял конспиративные поручения в Польше и на Украине, впоследствии жил в Турции и в Галиции

МОСОЛОВ, Юрий Михайлович (1838 — после 1915) — происходил из беспоместных дворян Саратовской губернии (отец его служил в царской армии и вышел в отставку в чине капитана), воспитывался в Саратовской гимназии в то время, когда там преподавал Н Г Чернышевский, во время учения в Казанском и Московском университетах активно участвовал в студенческом движении, за что дважды исключался из числа студентов, с 1861 года служил в управлении Московско-Нижегородской железной дороги, был одним из организаторов и наиболее видных деятелей Московского отделения «Земли и Воли», поддерживал связи с петербургским революционным подпольем и с польскими революционерами, арестован в 1863 году и приговорен к ссылке в Сибирь на поселение

ОБРУЧЕВ, Николай Николаевич (1830—1904) — происходил из тверского дворянского рода, в котором большинству средства к существованию давала военная служба, получив высшее военное образование, в конце 50 х — начале 60 х годов был преподавателем в Академии генерального штаба, в 1858 году вместе с Н Г Чернышевским и В М Аничковым редактировал «Военный сборник», был близок к Н А Добролюбову, руководящий деятель кружка «генштабистов», участник первой пятерки и член ЦК «Земли и Воли», в 1863 году отказался участвовать в подавлении восстания, но вскоре отошел от революционного движения, впоследствии — крупный военный специалист с передовыми для своего времени взглядами

ОГОРОДНИКОВ, Павел Иванович (1837—1884) — происходил из беспоместных дворян Полтавской губернии, военное образование получил в Новгородском кадетском корпусе и Константиновском военном училище, получив офицерский чин в 1858 году, некоторое время оставался в столичном гарнизоне, а затем служил в 6-м стрелковом батальоне, расположенном в Царстве Польском, участник петербургских военных кружков и революционной организации русских офицеров в Польше, организатор панихиды по И Н Арнгольдту и его товарищам в лагере на Повонзках, приговорен за это к увольнению со службы и годичному тюремному заключению, впоследствии путешественник, написавший книги о своих поездках в Персию и США

ОГРЫЗКО, Юзефат (1827—1890) — происходил из беспоместных польских шляхтичей Лепельского уезда Витебской губернии, учился в Петербургском университете одновременно с З Сераковским во второй половине 40-х годов, был участником студенческих кружков того времени, вместе с З Сераковским, Э Желиговским и другими в 1859 году входил в редакцию польской газеты «Слово» и был ее издателем, в начале 60 х годов, являясь вице-директором департамента в министерстве финансов, был близок к окружению Н Г Чернышевского, активно участвовал в деятельности петербургского подполья, в 1863 году являлся уполномоченным повстанческого Национального правительства в Петербурге; арестован в 1864 году; во время следствия и суда вел себя достойно, приговорен к каторге, умер в Иркутске

ОЗЕРОВ, Владимир Михайлович (1838—1915) — был выходцем из зажиточной дворянской семьи, избрав себе военную карьеру и став офицером, служил в Волынском уланском полку, входил в революционную организацию русских офицеров в Польше и, подобно К И Крупскому, помогал повстанцам, оставаясь на службе, в августе 1863 года вышел в отставку и, поселившись в Петербурге, поддерживал связь с сохранившимися революционными кружками, в 1864—1865 годах укрывал бежавшего из тюрьмы Домбровского и вывез из Ардатова его жену, из-за опасности ареста по делу о покушении на Александра II в апреле 1866 года бежал за границу, в эмиграции был связан с польскими революционерами, с А И Герценом, Н П Огаревым, М А Бакуниным, участвовал в деятельности Русской секции I Интернационала

САВИЦКИЙ, Ян (1831—1911) — происходил из мелкопоместной шляхетской семьи Ковенской губернии, воспитывался в Дворянском полку, с 1852 по 1854 год учился в Академии генерального штаба, впоследствии служил в Петербурге, Ковно, Курске, будучи знаком с З Сераковским еще в студенческие годы, был одним из его соратников по созданию петербургских офицерских кружков, был дружен с Н Г Чернышевским и часто бывал у него дома, в апреле 1863 года, имея чин полковника, подал прошение об отставке и уехал за границу в Галицию, был начальником штаба повстанческих формирований в Галиции под псевдонимом «Струсь», оставаясь за границей, после восстания поддерживал связь с польской и русской революционной эмиграцией, в частности с издателями «Колокола», впоследствии жил в Галиции

СЛЕПЦОВ, Александр Александрович (1835—1906) — уроженец Симбирской губернии, выходец из служилого дворянства, окончил училище правоведения, находившееся в Петербурге и готовившее чиновников для высших правительственных учреждений царской России, в начале 60 х годов был связан с Н Г Чернышевским, входил в первую пятерку «Земли и Воли», являлся членом ее Центрального комитета, участник петербургских переговоров польских и русских революционеров в конце 1862 года, в начале восстания находился в Варшаве, где пытался наладить взаимодействие с повстанческим правительством, затем выехал в Лондон для переговоров с издателями «Колокола», автор прокламации «Льется польская кровь, льется русская кровь», написанной, по видимому, в Варшаве и отпечатанной землевольческой подпольной типографией в феврале 1863 года, вскоре отошел от революционной деятельности, пробыл некоторое время в эмиграции, а возвратившись, снова поступил на службу

СЛИВИЦКИЙ, Петр Михайлович (1840—1862) — украинец, происходил из дворян Харьковской губернии, учился в Павловском кадетском корпусе, откуда выпущен в июне 1859 года под-

поручиком в 4-й стрелковый батальон; активный участник революционной организации русских офицеров в Польше; казнен вместе с И. Н. Арнгольдтом 16 июня 1862 года.

СТАНЕВИЧ, Ян — родился в 1832 году в беспоместной шляхетской семье в Виленской губернии; воспитывался в Дворянском полку, откуда в 1850 году был отчислен по неизвестной причине и направлен в Оренбургский корпус; там вместе с З. Сераковским стал одним из друзей Т. Г. Шевченко; возвратившись из ссылки подпоручиком в 1856 году, сотрудничал в «Современнике», был близок к Н. А. Добролюбову, входил в редакцию польской газеты «Слово»; активный участник петербургских офицерских кружков на рубеже 50-х и 60-х годов, один из ближайших друзей и соратников Сераковского; в 1863 году в знак протеста против карательной политики царизма подал в отставку с должности библиотекаря Академии генерального штаба, которую занимал после окончания этого учебного заведения

ТРУСОВ, Антон Данилович (1835—1886) — сын выходца из белорусских мещан, дослужившегося до чина четырнадцатого класса и занимавшего должность станционного смотрителя в городе Юхнове; с 1845 года учился в Минской гимназии, в 1854 году поступил на медицинский факультет Московского университета, но, проучившись два года, оставил ученье и возобновил его в 1860 году; участвовал в студенческих организациях, являясь активным деятелем революционно-демократического направления; во время восстания 1863 года возглавлял повстанческий отряд в Минской губернии, после подавления восстания эмигрировал; продолжая политическую деятельность, участвовал в Парижской коммуне, был одним из создателей и активных участников Русской секции I Интернационала, участвовал в журнале «Народное дело» и других изданиях русской революционной эмиграции; в середине восьмидесятых годов возвратился на родину тяжело больным и вскоре умер.

УТИН, Николай Исаакович (1841—1883) — сын богатого откупщика из евреев, принявших православие; будучи студентом Петербургского университета в конце 50-х — начале 60-х годов, стал активным участником революционных кружков, сблизился с Н. Г. Чернышевским и Н. А. Добролюбовым; вошел в первую пятерку «Земли и Воли» и был членом ее Центрального комитета; весной 1863 года, опасаясь ареста, бежал за границу, сотрудничал с издателями «Колокола», активно участвовал в жизни политической эмиграции, поддерживал связи с революционным подпольем в стране; впоследствии один из основателей Русской секции I Интернационала.

ХМЕЛЕНСКИЙ, Зыгмунт (1833—1863) — происходил из беспоместных шляхтичей Варшавской губернии, поступив на военную службу в 1854 году, был участником Крымской войны; в сентябре 1861 года, будучи поручиком 4-й артиллерийской бригады, бежал из Варшавы за границу, чтобы стать преподавателем в польской военной школе в Генуе, за это заочно приговорен к десяти годам каторги; с начала восстания 1863 года активный его участник, один из наиболее деятельных и умелых повстанческих командиров, действовавших в южной части Польши; раненым попал в руки карателей и расстрелян в Радоме в декабре 1863 года.

ХМЕЛЕНСКИЙ, Игнаций — брат Зыгмунта — родился в 1837 году; учился в Киевском университете, но не окончил его; один из создателей варшавской городской организации партии красных, активный деятель ее левого крыла; до июня 1862 года входил в Центральный национальный комитет этой партии, тесно сотрудничал с Я. Домбровским, выведенный из ЦНК в результате происков белых, продолжал играть видную роль в варшавском подполье, организовал покушения на великого князя Константина и маркиза Велепольского; за границей поддерживал связь с издателями «Колокола»; руководил революционной оппозицией против белых повстанческих правительств, в сентябре 1863 года возглавил правительство красных, но вскоре был вынужден эмигрировать; умер в эмиграции.

ЦВЕРЦЯКЕВИЧ, Юзеф (1822—1869) — происходил из чиновничьей семьи; будучи активным участником деятельности левицы красных в период складывания партии, он в 1861 году был вынужден эмигрировать; с возникновением ЦНК стал его представителем за границей; сотрудничал с издателями «Колокола»; накануне восстания деятельно участвовал в закупке оружия для повстанцев, подготовке морской экспедиции для соединения с повстанцами в районе Паланги; после восстания принадлежал к левому крылу польской эмиграции.

ЧЕРНЯК, Максимилиан Андреевич (1834—1865) — происходил из дворян Волынской губернии, где отец его владел имением неустановленного размера (оно должно было перейти к другим детям); учился в Киевском университете, но, не окончив его, в 1857 году поступил на военную службу и через год получил первый офицерский чин; в 1860 году поступил в Академию генерального штаба, а после ее окончания в 1862 году остался служить в Петербурге; активный участник столичных офицерских кружков, в 1863 году один из организаторов «казанского заговора», после его провала—повстанческий командир в Литве и Белоруссии; оказавшись в руках карателей, приговорен к смертной казни, расстрелян в Казани в октябре 1865 года.

ШАТИЛОВ, Николай Михайлович — родился в 1841 году в семье титулярного советника; учился в Саратовской гимназии в то время, когда там преподавал Н. Г. Чернышевский; будучи студентом Московского университета, активно участвовал в революционных кружках; участник существовавшей в Москве конспиративной организации «Библиотека казанских студентов» и один из руководителей возникшего на ее базе Московского отделения «Земли и Воли»; имел связь с польскими революционерами; арестован во второй половине 1863 года и после длительного предварительного заключения отправлен на поселение в Сибирь.

ШВАРЦЕ, Бронислав (1834—1904) — родился и вырос во Франции в семье польского эмигранта — участника восстания

1830—1831 годов; подростком в 1848 году сражался на баррикадах Парижа; получив диплом инженера, в 1860 году приехал в Россию и поступил работать на строительство Петербургско-Варшавской железной дороги; поселившись в Белостоке, создал там накануне восстания крупную повстанческую организацию; в июне 1862 года вынужден был перейти на нелегальное положение и, переехав в Варшаву, вошел в состав ЦНК, где сотрудничал с Я. Домбровским, а затем З. Падлевским, с честью представляя левицу красных; арестован в декабре 1862 года; приговорен к смертной казни, которая ему, как французскому подданному, была заменена пожизненной каторгой; однако из опасения побега он до 1870 года содержался в Шлиссельбургской крепости, а затем отправлен на поселение в Сибирь, где сотрудничал с народовольцами, в 1891 году выехал в Галицию.

ЯКОБИ (Якобий), Павел Иванович (1843—1913) — в начале шестидесятых годов служил офицером в одной из артиллерийских частей русской армии и был причастен к деятельности революционных кружков петербургского гарнизона; в марте 1863 года выехал за границу с целью присоединиться к повстанцам, а в апреле, то есть вскоре после гибели А. А. Потебни, предложил издателям «Колокола» свой план создания русской республиканской дружины; с лета 1863 года — офицер в повстанческом отряде Э. Тачановского; оправившись от полученного вскоре тяжелого ранения, командирован повстанческими властями за границу для приобретения оружия; после восстания поселился в Швейцарии, приобрел специальность врача и был активным деятелем русской революционной эмиграции.

ХРОНОЛОГИЯ СОБЫТИЙ *

1856, март — Парижский мирный договор. Окончание Крымской войны.
Август — Возвращение З. Сераковского из ссылки в Петербург.
1857, июль — Выход первого номера «Колокола» А. И. Герцена и Н. П. Огарева.
1857—1858 — Возникновение военно-революционного кружка в Петербурге под руководством З. Сераковского.
1858 — Возникновение подпольных патриотических кружков в Варшаве (кружок Н. Янковского и др.).
1859, январь — 1860, апрель — Публикация в «Колоколе» серии статей А. И. Герцена «Россия и Польша».
1860, 30 мая (11 июня) — Первая патриотическая манифестация в Варшаве.
Октябрь — «История» в Инженерной академии в Петербурге.
1860, июнь — 1861, июнь — Первая заграничная командировка З. Сераковского. Посещение им Лондона, знакомство с Герценом и Огаревым.
1861, 13(25) и 15 (27) февраля — Патриотические манифестации в Варшаве. Расстрел манифестантов.
18 февраля (2 марта) — Похороны пяти погибших в Варшаве.
19 февраля (3 марта) — Манифест о крестьянской реформе в России.
3 (15) марта — Статья Герцена «Vivat Polonia!» в «Колоколе».
Март — Панихиды по жертвам варшавского расстрела в Петербурге и Москве при участии русских студентов.
27 марта (8 апреля) — Расстрел манифестации на Замковой площади в Варшаве.
12 апреля — Расстрел крестьян в селе Бездна Казанской губернии.
16 апреля — Панихида в Казани по жертвам бездненского расстрела. Речь А. П. Щапова.
8 мая — Первая антиправительственная манифестация в Вильно.
19 июня (1 июля) — Публикация в «Колоколе» статьи Огарева «Что нужно народу?».
30 июня — Появление листовки «Великорус» — первой нелегальной прокламации, изданной в России.

---

* Составлена И. С. Миллером.

Июнь — Публикация в «Современнике» статьи Н. Г. Чернышевского «Национальная бестактность».
Лето — Возникновение революционно-демократической организации, принявшей в 1862 году название «Земля и Воля».
22 августа — Объявление военного положения на части территории Литвы и Белоруссии.
3 сентября — Начало распространения прокламации «К молодому поколению».
22 сентября (4 октября) — Открытие польской военной школы в Генуе.
Сентябрь — октябрь — Студенческие волнения в Петербурге и Москве.
2 (14) октября — Объявление Царства Польского на военном положении.
5 (17) октября — Основание в Варшаве Городского комитета — руководящего органа партии красных (впоследствии — Центральный национальный комитет).
27 октября (8 ноября) — Публикация в «Колоколе» статьи Огарева «Что нужно делать войску?».
Осень — Оформление революционных кружков в частях русской армии в Царстве Польском в организацию под руководством Комитета русских офицеров в Польше.
1862, 15 января — Выпуск С. Бобровским в Киеве № 1 газеты «Возрождение».
25 января (6 февраля) — Приезд в Варшаву Я. Домбровского.
24 апреля (6 мая) — Арест И. Н. Арнгольдта, П. М. Сливицкого и их сотоварищей.
14 мая — Начало распространения прокламации «Молодая Россия».
16 мая — Начало пожаров в Петербурге.
26 мая (7 июня) — Начало распространения прокламации «Чего хочет русский народ и что должен делать тот, кто его любит».
Май — июнь — Публикация в газете «Демократа польский» серии статей М Акелайтиса (Акелевича) «О необходимости союза между Польшей и революционной Россией».
Июнь — Обсуждение в Центральном национальном комитете плана вооруженного восстания, предложенного Домбровским. «Переворот» в комитете и отказ от плана Домбровского
10 июня — Начало распространения № 1 «Мужицкой правды».
15 (27) июня — Покушение А. А. Потебни на наместника Лидерса. Переход Потебни на нелегальное положение.
16 (28) июня — Казнь Арнгольдта, Сливицкого и Ростковского в Модлине.
21 июня (3 июля) — Покушение Л. Ярошинского на наместника великого князя Константина Николаевича.
24 июня (6 июля) — Панихида по Арнгольдту и Сливицкому, отслуженная революционными офицерами в лагере на Повонзках (под Варшавой).
Лето — Основание Комитета движения в Вильно.

7 июля — Арест Н. Г. Чернышевского и Н. А. Серно-Соловьевича.
7 (19) июля — Встреча З. Падлевского с Герценом в Лондоне.
26 июля (7 августа) — Покушение Л. Рылля на начальника гражданского управления в Царстве Польском маркиза Велёпольского.
2 (14) августа — Арест Я. Домбровского.
3 (15) августа — Покушение Я. Жоньцы на Велёпольского.
8 (20) сентября — Письмо Центрального национального комитета издателям «Колокола».
13—16 (25—28) сентября — Переговоры в Лондоне между представителями Центрального национального комитета и издателями «Колокола».
19 сентября (1 октября) — Публикация в «Колоколе» письма Центрального национального комитета.
24 сентября (6 октября) — Объявление о рекрутском наборе в Царстве Польском.
28 сентября (10 октября) — Публикация в «Колоколе» ответа Центральному комитету и обращения к русским офицерам в Польше.
10 (22) октября — Публикация в «Колоколе» адреса русских офицеров в Польше наместнику великому князю Константину Николаевичу.
23 ноября (5 декабря) — Завершение переговоров в Петербурге уполномоченного Центрального национального комитета Падлевского с представителями ЦК «Земли и Воли».
11 (23) декабря — Арест Бронислава Шварце.
20 декабря (1863, 1 января) — Выход в свет № 1 «Знамени свободы» — органа Литовского провинциального комитета (Комитета движения).
22 декабря (1863, 3 января) — Решение Центрального национального комитета о начале восстания в январе 1863 года.
1863, 2—3 (14—15) января — Рекрутский набор в Варшаве
5 (17) января — Решение Центрального национального комитета о предоставлении Л. Мерославскому полномочий диктатора.
10 (22) января — Издание ЦНК манифеста и аграрных декретов.
В ночь на 11 (23) января — Начало восстания в Царстве Польском
27 января (8 февраля) — Заключение русско-прусской конвенции о совместной борьбе против восстания (конвенция Альвенслебена).
Февраль — Начало восстания в Литве.
16—19 февраля — Начало распространения листовок «Земли и Воли», «Свобода» № 1 и «Льется польская кровь, льется русская кровь».
21 февраля (5 марта) — Гибель А. А. Потебни в бою под Скалой.

27 февраля (11 марта) — Провозглашение М. Лянгевича диктатором.
27 февраля (11 марта) — Захват повстанческого руководства в Литве и Белоруссии белыми. Образование Отдела, управляющего провинциями Литвы.
Март — Присоединение белых к восстанию.
9 (21) марта — Воззвание С. Бобровского о переходе повстанческой власти вновь в руки Центрального национального комитета.
11 (23) марта — Выход в море от берегов Англии повстанческой экспедиции в Литву.
14 марта — Приезд М. Черняка в Казань. Встреча с казанскими землевольцами.
Март — Напечатаны подложный манифест и воззвание от имени Временного народного правления.
31 марта (12 апреля) — Гибель С. Бобровского. Руководство Центральным национальным комитетом захватывают белые.
2 апреля — Донос Глассона о «казанском заговоре».
3 апреля — Переход З. Сераковского на нелегальное положение и принятие им командования повстанцами в Ковенской губернии.
10 (22) апреля — Взят в плен З. Падлевский.
Апрель — Начало восстания на большей части территории Белоруссии.
25—27 апреля (7—9 мая) — Бой под Биржами. Раненый Сераковский взят в плен.
26 апреля (8 мая) — Начало восстания на Правобережной Украине.
28 апреля (10 мая) — Принятие Центральным национальным комитетом наименования «Национальное правительство».
1 мая — Назначение М. Н. Муравьева генерал-губернатором Северо-Западного края.
3 (15) мая — Казнь З. Падлевского в Плоцке.
3 (15) мая — Назначение В. Чарторыского главным дипломатическим представителем повстанческого правительства.
12 (24) мая — «Переворот» в Национальном правительстве; приход к руководству группы умеренных красных (правительство «красных юристов»)
24 мая (5 июня) — Арест И. Кеневича.
Около 31 мая (12 июня) — Изменение состава Национального правительства; К. Маевский во главе правительства.
Июнь — Возвращение красных к руководству восстанием в Литве и Белоруссии.
15 (27) июня — Казнь З. Сераковского в Вильно.
27 июля (8 августа) — Успех повстанцев в бою под Жижином.
12 (24) августа — Поражение повстанцев под Файславицами.
17 (29) августа — Поражение повстанцев под Незнаницами.
5 (17) сентября — Сформирование нового состава Национального правительства из красных («сентябрьское» правительство).
7 (19) сентября — Покушение на наместника Берга.

5 (17) октября — Р. Траугут во главе Национального правительства.
5 декабря — Взят в плен А. Мацкявичюс.
15 (27) декабря — Декрет Траугута о наказании за нарушение прав, предоставленных восстанием крестьянам.
16 декабря — Казнь А. Мацкявичюса в Ковно.
1864, 29 января — Арест К. Калиновского.
11 (23) февраля — Поражение повстанцев под Опатовом.
17 (29) февраля — Введение военного положения в Галиции.
19 февраля (2 марта) — Указы о крестьянской реформе в Царстве Польском.
25 февраля (8 марта) — Подписание договора о союзе повстанческой Польши и революционной Венгрии.
10 марта — Казнь К. Калиновского в Вильно.
В ночь на 30 марта (11 апреля) — Арест Р. Траугута.
Апрель — май — Окончание вооруженной борьбы повстанцев.
25 мая (6 июня) — Подписание договора о союзе повстанческой Польши и революционной Италии.
6 июня — Казнь И. Кеневича и сотоварищей в Казани.
24 июля (5 августа) — Казнь Р. Траугута и сотоварищей в Варшаве.
2 декабря — Побег Я. Домбровского из пересыльной тюрьмы в Москве.
1865, 5 (17) февраля — Казнь А. Вашковского в Варшаве.

БИБЛИОГРАФИЯ *

МАРКС, ЭНГЕЛЬС, ЛЕНИН О ВОССТАНИИ 1863 ГОДА

К. Маркс, Воззвание Лондонского Просветительного общества немецких рабочих о Польше. Соч., т. 15.
К. Маркс, Речь на польском митинге в Лондоне 22 января 1867 г. Соч., т. 16
К. Маркс и Ф. Энгельс, [Переписка 1863—1864 гг.] Соч., т 30.
Ф. Энгельс, Какое дело рабочему классу до Польши? Соч, т. 16.
Ф. Энгельс, Речь на митинге, посвященном годовщине польского восстания 1863 г. [в Лондоне в 1876 г.]. Соч., т. 19.
В. И Ленин, Гонители земства и аннибалы либерализма. Полн. собр. соч., т. 5.
В. И. Ленин, Памяти Герцена. Полн. собр. соч., т. 18
В. И Ленин, О праве наций на самоопределение. Полн. собр. соч., т. 20.

РУССКИЕ РЕВОЛЮЦИОННЫЕ ДЕМОКРАТЫ О ПОЛЬСКОМ ОСВОБОДИТЕЛЬНОМ ДВИЖЕНИИ И РУССКО-ПОЛЬСКОМ РЕВОЛЮЦИОННОМ СОЮЗЕ В 60-Х ГГ.

А. И. Герцен, Былое и думы. Соч., т. XI.
А. И. Герцен, [Статьи 1859—1864 гг.] Соч., т. XIII—XVIII.
А. И. Герцен, [Переписка 1860—1864 гг.] Соч, т. XXVII.
Н. П. Огарев, [Статьи и переписка]. Избранные социально-политические и философские произведения, т. I—II. М., 1952—1956.
«Колокол». Газета А. И. Герцена и Н П. Огарева. Факсимильное издание, т. I—XI. М., Изд-во АН СССР, 1960—1964.
Н. Г. Чернышевский, Национальная бестактность. Полн. собр. соч., т. VII.
Н. Г. Чернышевский, Народная бестолковость. Полн. собр. соч., т. VII.
Н. Г. Чернышевский, Пролог. Полн. собр. соч., т. XIII.

* Составлена И. С. Миллером.

Н. А. Серно-Соловьевич. Публицистика. Письма. М., Изд-во АН СССР, 1963.
«Литературное наследство», т. 25—26, 39—40, 41—42, 61, 62, 63, 64, 67. М., Изд-во АН СССР, 1936—1957.

ОСНОВНАЯ ОБЩАЯ ЛИТЕРАТУРА О ВОССТАНИИ 1863 ГОДА

История Польши, т. II. М., Изд-во АН СССР, 1955.
Historia Polski, t. II, cz. 3. Warszawa, 1959.
И. М. Белявская, А. И. Герцен и польское национально-освободительное движение 60-х годов XIX в. М., 1954.
В. А. Дьяков, Петербургские офицерские организации конца 50-х — начала 60-х годов XIX века и их роль в истории русско-польских революционных связей. В кн.: «Ученые записки Института славяноведения», т. XXVIII. М., «Наука», 1964.
В. А. Дьяков и И. С. Миллер, Революционное движение в русской армии и восстание 1863 г. М., «Наука», 1964.
Ю. Ковальский, Русская революционная демократия и январское восстание 1863 г. в Польше. М., «ИЛ», 1953.
С. А. Лазутка, Революционная ситуация в Литве 1859—1862 гг. М., «Высшая школа», 1961.
М. В. Миско, Польское восстание 1863 года. М., Изд во АН СССР, 1962.
М. В Нечкина, Новые материалы о революционной ситуации в России (1859—1861 гг.). В кн.: «Литературное наследство», т. 61. М., Изд-во АН СССР, 1953.
А. Ф. Смирнов, Революционные связи народов России и Польши. 30—60-е годы XIX века. М, Соцэкгиз, 1962.
А. Ф. Смирнов, Восстание 1863 года в Литве и Белоруссии. М., Изд-во АН СССР, 1963.
Восстание 1863 г. и русско-польские революционные связи 60-х годов. Сб. статей и материалов. М., Изд-во АН СССР, 1960.
Русско-польские революционные связи 60-х годов и восстание 1863 г. Сб. статей и материалов. М., Изд-во АН СССР, 1962.
К столетию героической борьбы «За нашу и вашу свободу!». Сб. статей и материалов М., «Наука», 1964.
Революционная ситуация в России в 1859—1861 гг. Сб. статей (вышло 3 сборника). М., Изд-во АН СССР, 1960, 1962, 1963.
C. Bobińska, Ideologia rewolucyjnych demokratów polskich w latach 60-ch XIX wieku. Warszawa, 1956.
Z. Cwiek, Przywódcy powstania styczniowego. Sześć sylwetek. Wyd 2-e. Warszawa, 1963.
[Биографии З. Сераковского, Я. Домбровского, З. Падлевского, В. Врублевского, Ю. Гауке-Босака, Р. Траугута].
S. Kieniewicz, Sprawa włościańska w powstaniu styczniowym. Wrocław, 1953.
S. Kieniewicz, Warszawa w powstaniu styczniowym. Warszawa, 1956.

I. Koberdowa, Polityka czartoryszczyzny w powstaniu styczniowym. Warszawa, 1957.
P. Lossowski, Z. Młynarski, Rosjanie, Białorusini i Ukraińcy w powstaniu styczniowym. Wrocław, 1959.
E. Przybyszewski, Pisma Warszawa, 1961.
St. Zieliński, Bitwy i potyczki. 1863—64, Rapperswil, 1913

ВАЖНЕЙШИЕ ДОКУМЕНТАЛЬНЫЕ ИЗДАНИЯ О ВОССТАНИИ 1863 ГОДА

Восстание 1863 г. Материалы и документы
[Многотомное советско-польское издание До настоящего времени вышли в свет:
Русско-польские революционные связи, т. I—II. М., Изд-во АН СССР, 1963.
Показания и записки о польском восстании 1863 г. Оскара Авейде. М., Изд-во АН СССР, 1961.
Общественно-политическое движение на Украине в 1856—1862 гг. Киев, Изд-во АН УССР, 1963.
Революционный подъем в Литве и Белоруссии в 1861—1862 гг. М., «Наука», 1964.
Переписка наместников Королевства Польского в 1861 г. Вроцлав, «Оссолинеум», 1964.
Революционный подъем 1861 г. в Королевстве Польском. Движение вне Варшавы. Вроцлав, «Оссолинеум», 1963.
Крестьяне и крестьянский вопрос в восстании 1863 г. Вроцлав, «Оссолинеум», 1962.]
Избранные произведения прогрессивных польских мыслителей, т. III. М., Соцэкгиз, 1958.
Wydawnictwo materiałów do historii powstania 1863—64 г., t. I—V. Lwów, 1888—1894.
W 40 rocznicę powstania styczniowego. Lwów, 1903.
Polska działalność dyplomatyczna w 1863—1864, t. I—II. Warszawa, 1937—1963.
Zeznania śledcze o powstaniu styczniowym. Wrocław, 1956.
Proces Romualda Traugutta i członków Rządu Narodowego. t. I—IV. Warszawa, 1960—1961.
Warszawa w pamiętnikach powstania styczniowego. Warszawa, 1963.
Demokracja polska w powstaniu styczniowym. Wrocław, 1962.
Radykalni demokraci polscy. Wybór pism i dokumentów 1863—1875. Warszawa, 1960.

БИБЛИОГРАФИЯ

Восстание 1863 г. и русско-польские революционные связи 60-х годов. Библиография литературы на русском языке. М, 1962.
J. Gąsiorowski. Bibliografia druków dotyczących powstania styczniowego. Warszawa. 1923.

ЗЫГМУНТ СЕРАКОВСКИЙ

А. Ф. Смирнов, Сигизмунд Сераковский. М., Изд-во АН СССР, 1959.
В. А. Дьяков, Сигизмунд Сераковский. М., Соцэкгиз, 1959.
В. А. Дьяков, Материалы к биографии Сигизмунда Сераковского. В кн.: «Восстание 1863 г. и русско-польские революционные связи 60-х годов». М., Изд-во АН СССР, 1960.
Новые материалы для биографии Зыгмунта Сераковского. В кн: «К столетию героической борьбы «За нашу и вашу свободу!». М, «Наука», 1964.
Z. Marciniak. Zygmunt Sierakowski. Warszawa, 1956.

ЯРОСЛАВ ДОМБРОВСКИЙ

Произведения Домбровского

Krytyczny rys wojny 1866 r. w Niemczech i we Włoszech. Warszawa, 1952.
Trochu jako organizator i wódz naczelny. Warszawa, 1955.
Listy. Warszawa. 1960.

Воспоминания о Домбровском

P. Dąbrowska, Pamiętnik. «Twórczość» 1946, № 11.
W. Rożałowski, Żywot jenerała Jarosława Dąbrowskiego. Lwów, 1878. (Сокращ. переиздание — Warszawa, 1951.)

Литература

А. Я. Лурье, Ярослав Домбровский, генерал Парижской коммуны. В. кн.: А. Я. Лурье, Портреты деятелей Парижской коммуны. М., 1956.
Wł. Bortnowski, Jarosław Dąbrowski. Warszawa, 1951.
St. Wojtkiewicz, Generał Komuny. Kraków, 1950.

АНДРЕЙ ПОТЕБНЯ

В. Р. Лейкина-Свирская, Андрей Потебня. В кн.: «Революционная ситуация в России в 1859—1861 гг» М., Изд-во АН СССР, 1963.
Z. Młynarski i A. Ślisz, Andrzej Potiebnia — bohater wspólnej sprawy. Warszawa, 1955.

ЗЫГМУНТ ПАДЛЕВСКИЙ

K. Dunin-Wąsowicz, Zygmunt Padlewski. В кн.: Z dziejów współpracy rewolucyjnej Polaków i Rosjan w drugiej połowie XIX wieku. Wrocław, 1956.

СТЕФАН БОБРОВСКИЙ

K. Dunin-Wąsowicz, Mózg i serce «czerwonych». Warszawa, 1963.
P. Jasienica, Dwie drogi. Warszawa, 1960.
G. Marachow, Stefan Bobrowski i tajna drukarnia w Kijowie (1861—1862). «Przegląd historyczny», 1958, № 4.
T. Szarota, Dyktatura Langiewicza a przystąpienie białych do powstania. «Przegląd historyczny», 1963, № 2.

КОНСТАНТИН КАЛИНОВСКИЙ

А. Смирнов, Кастусь Калиновский. Минск, 1963.
А Смирнов, Кастусь Калиновский. М, Соцэкгиз, 1959.
А. Смірноу, Кастусь Каліноускі у паустанні 1863 года. Мінск, 1959
Г. Кісялёу, Вялікі сын беларускага народа Кастусь Каліноускі. В кн.: «Сейбіты вечнага». Мінск, 1963
W. Kordowicz, Konstanty Kalinowski. Warszawa, 1955.
K. Kąkolewski, Konstanty Kalinowski i jego pisma w latach 1862—1864. — В кн.: Z dziejów współpracy rewolucyjnej Polaków i Rosjan w drugiej połowie XIX wieku. Wrocław, 1956.
А. Ф. Смирнов, «Мужицкая правда». В кн.: «Восстание 1863 г. и русско-польские революционные связи 60-х годов». М., Изд-во АН СССР, 1960.

АНТАНАС МАЦКЯВИЧЮС

Ю. Жюгжда, Антанас Мацкявичюс — руководитель борьбы крестьянства Литвы против царизма и помещиков. «Коммунист» (Вильнюс), 1951, № 1, 2.
Ю. Жюгжда, Развитие демократического движения в Литве в 60-х годах XIX в. и влияние на него русского революционно-демократического движения. В кн: «Исторические записки», вып. 45. М., Изд-во АН СССР, 1954.
Ю. Жюгжда, Славный путь революционера. К столетию со дня смерти А. Мацкявичюса. «Коммунист Литвы», 1963, № 12.

ИЕРОНИМ КЕНЕВИЧ

Б. П. Козьмин, «Казанский заговор» 1863 года. М., 1929.
В. Р. Лейкина-Свирская, «Казанский заговор» 1863 г. В кн.: «Революционная ситуация в России в 1859—1861 гг.» М., Изд-во АН СССР, 1960.
F. Borkowska i H. Jazwińska, Spisek kazanski 1863 roku.— В кн.: Z dziejów współpracy rewolucyjnej Polaków i Rosjan w drugiej połowie XIX wieku. Wrocław. 1956.

РОМУАЛЬД ТРАУГУТ

M. Dubiecki, Romuald Traugutt i jego dyktatura podczas powstania styczniowego 1863—1864. Wyd. 2-e Kraków, 1907.
E. Halicz, Romuald Traugutt. Stan badań — próba oceny. В кн.: «Zeszyty naukowe Wojskowej Akademii Politycznej im. F. Dzerżyńskiego» № 5 Warszawa, 1961.
L. Ratajczyk. Działalność Traugutta i jego wpływ na powstańcze plany wojskowe przed objęciem władzy (VIII—X 1863).— В кн: «Zeszyty naukowe Wojskowej Akademii Politycznej im. F. Dzerżyńskiego» № 8 (23). Warszawa, 1963.

ВАЛЕРИЙ ВРУБЛЕВСКИЙ

В. Е. Абрамавичус, Валерий Врублевский. В кн.: «К столетию героической борьбы «За нашу и вашу свободу!». М., «Наука», 1964
А. Я. Лурье, Валерий Врублевский, генерал Парижской коммуны. В кн.: А. Я. Лурье, Портреты деятелей Парижской коммуны. М., 1956.
B. Limanowski, Walery Wróblewski. — В кн: Szermierze wolności. Kraków, 1911.
M. Złotorzycka, Walery Wróblewski Warszawa, 1948.
J. W. Borejsza, W kręgu wielkich wygnańców (1848—1895). Warszawa, 1963.

СОДЕРЖАНИЕ

«ЗА НАШУ И ВАШУ СВОБОДУ!» Герои 1863 года. Сборник. Составитель В. А. Дьяков. Научные редакторы И. С. Миллер и А. Ф. Смирнов. Научный консультант В. Р. Лейкина-Свирская. М., «Молодая гвардия», 1964.

448 с.+24 л. илл. («Жизнь замечательных людей», серия биографий. Вып. 22(396).)

9(И)31

Редактор *Ю. Коротков*
Серийная обложка художника *Ю. Арндта*,
рис. на обл. *И. Пчелко*.
Худож. редактор *А. Степанова*
Техн. редактор *Г. Лещинская*

А08093. Подписано к печати 12/XII 1964 г.
Бум. 84×108[1]/32. Печ. л. 14(22,96) + 24 вкл.
Уч.-изд. л. 22,5. Тираж 50 000 экз. Заказ 1673.
Цена 89 коп. Т. П. 1964 г., № 286.

Типография «Красное знамя» изд-ва «Молодая гвардия». Москва, А-30, Сущевская, 21.

89 коп.

ГЕРОИ 1863

Сборник

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ